

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

АНТИФЕОДАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ
УРАЛО-СИБИРСКИХ
КРЕСТЬЯН-СТАРООБРЯДЦЕВ
В XVIII в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

АНТИФЕОДАЛЬНЫЙ
ПРОТЕСТ
УРАЛО-СИБИРСКИХ
КРЕСТЬЯН-СТАРООБРЯДЦЕВ
В XVIII В.

Ответственный редактор
доктор исторических наук С. О. Ш м и д т

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1974

Монография посвящена незаслуженно забытым страницам истории той упорной и яростной борьбы, которую вели в XVIII в. крестьяне востока страны с феодальным государством и церковью под лозунгами старообрядческого протеста. Героями книги являются сибиряки и уральцы позапрошлого века, осмеливавшиеся противостоять аппарату насилия российского абсолютизма, церковно-полицейским акциям Синода и Tobольской консистории, специалистам заплочных увещаний из Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Некоторые из этих схваток кончались победой крестьян и жителей заводских поселков. В работе исследуется борьба умеренного и радикального крыла урало-сибирского старообрядчества, история поселений алтайских «поляков» и бухтарминских «каменщиков», прослеживается нарастание противоречий между государством и церковью по вопросу о методах подавления идеологического противника.

Книга рассчитана на научных работников в области истории позднего русского феодализма и всех, интересующихся проблемами классовой борьбы, идеологии, сознания русского крестьянства XVIII в.

Среди проблем истории классовой борьбы и общественного сознания крестьян, населявших в XVIII в. огромные пространства восточной окраины России, особое место принадлежит вопросу о формах протеста, имеющих старообрядческую окраску. Социальный и политический протест в религиозной оболочке — явление отнюдь не специфическое как для Сибири, так и для России в целом. Оно хорошо известно многим народам Европы на разных стадиях развития феодализма. Неизбежность его обуславливается в первую очередь идеологической монополией церкви в средневековом обществе, союзом церкви с феодальным государством, уровнем и характером сознания народных масс.

Господство церковной идеологии в феодальном обществе базируется, в частности, на весомой поддержке государства, заинтересованного в освящении церковью основ существующего правопорядка. Сопротивление народных масс средневековья этому последнему не могло не принимать поэтому форму борьбы с господствующей церковной идеологией — ереси, раскола. «... Верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя. Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси... Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она вы-

ступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹.

Конкретные условия места и времени чрезвычайно разнообразят картину проявления антифеодальной оппозиции в религиозной форме. Весьма различными могли быть не только догматические основы идеологических систем таких течений, но и сила и методы выражения в них антифеодальных настроений масс, социальный состав, быстрота окостеневания идеологии и организации, время появления и формы борьбы радикального и умеренного направлений. Но при всем разнообразии наличие элементов протеста против феодальной церкви и государства помогает выявить типологическую общность подобных движений.

История России отнюдь не являлась в этом отношении исключением, общефеодальные закономерности действовали и здесь. Напомним хотя бы о движении волхвов-язычников в Киевской Руси, о московских и новгородских еретиках XIV—XVI вв.² В. И. Ленин неоднократно подчеркивал типологическую близость антифеодальных религиозных движений в России и других странах: «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»³.

Советская историческая наука рассматривает появление и распространение в XVII в. старообрядчества как специфическую форму выражения антифеодального протеста. Этот протест не раз принимал в XVII веке формы вооруженной борьбы (Соловецкое восстание, захват Палеостровского монастыря, восстания стрельцов 1682 и 1698 гг.). И позднее, в XVIII в., наблюдается, хотя и в разной мере, старообрядческая окраска таких активных выступлений народных масс против феодализма, как Астраханское восстание, крестьянские войны под руководством Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 7, с. 360—361.

² Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные и еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.—Л., 1955.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 4, с. 228; см. также т. 48, с. 231—232.

При всей условности членения форм классовой борьбы на активные и пассивные, прослеживается растущее преобладание пассивного сопротивления феодализму в старообрядчестве XVIII в. На севере и востоке страны учащаются старообрядческие самосожжения, начавшиеся еще в 70-х годах XVII в. Лишь изредка эти акты отчаяния сопровождаются активной вооруженной борьбой с военными командами, посланными на усмирение крестьян. Традиционная христианская идеология пустынножительства, служившая в XIV—XVI вв. для оправдания роста земельных богатств монастырей-феодалов, приспособляется крестьянами для нужд антифеодального побега. В 80-х годах XVIII в. происходит окончательное оформление наиболее радикального из старообрядческих направлений XVIII в. — согласия бегунов (странников), возводящего побег в ранг главной религиозной догмы.

Но еще задолго до этого на окраинах страны, в лесах и труднодоступных горных ущельях сотнями возникают тайные избушки беглецов, на тысячекилометровых маршрутах крестьянских побегов создаются старообрядческие убежища, среди народа распространяются описания таких маршрутов с указанием «верных людей». Подчас старообрядческая идеология окрашивается крестьянскими уравнительными социально-утопическими настроениями. В. И. Ленин подчеркивал, что в антифеодальной борьбе крестьянская идея равенства была «самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков»⁴. Следует определить роль подобных настроений в колонизационном процессе на востоке страны.

Связь старообрядчества с идеологией крестьянского антифеодального побега, с борьбой народных масс против абсолютистской монархии, за свободу была ясна революционной и демократической историографии прошлого века. Об этом страстно и убежденно писал А. П. Шапов⁵. Отражая позицию А. И. Герцена, В. Кельсиев

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 15, с. 226—227.

⁵ Шапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII; Он же. Земство

подчеркивал политический, хоть и неосознанный, характер старообрядческого движения: «Вера, более всего остального доступная народу, служит ему предлогом вести чисто политическую борьбу. Сам он этого не сознает и твердо убежден, что действует только за веру, а между тем он так прелагает ей догматы, что под их знаменем становится чисто борцом за свободу, насколько он ее понимает... Народ до того теснила полиция, до того прижимали их паспортами, что больше ничего не оставалось, как бросить все на свете и пойти в леса. Нельзя не удивляться, как еще не вся Россия ушла в странство от этих порядков»⁶.

В старообрядчестве с самого его возникновения были чрезвычайно сильны эсхатологические настроения. Учение о близости конца света, о безраздельном господстве на земле слуг антихриста не раз оборачивалось яростными обличительными филиппиками против всех светских и духовных властей абсолютистской монархии. Уже со времен страстной проповеди Аввакума этот протест часто направлялся если не против института самодержавия в целом, то против конкретных носителей высшей самодержавной власти — царей-«никониан». Обличения «неистовых царских родов» начиная с Алексея Михайловича — излюбленная старообрядческая тема, а вскоре Петр I оказался наиболее подходящим кандидатом на центральную в эсхатологических построениях должность антихриста. Необходимо исследовать, как сочетались подобные настроения с традиционным наивным монархизмом крестьян, который в той же старообрядческой среде порождал легенды о «царях-избавителях», слухи о «милостивых» царских указах.

Не приходится удивляться тому, что насущные политические и социальные интересы крестьян русского феодального государства выражались в виде религиозно-догматических построений: «Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одеж-

---

и раскол; Он же. Умственные направления русского раскола.— Сочинения, т. 1. СПб., 1906, с. 173—647.

⁶ Кельсиев В. Сборник правительственных сведений о раскольниках, вып. II. Лондон, 1861, с. VI—VIII.

де»⁷. Однако, изучая подобные движения протеста, важно помнить, что непосредственные социальные и политические интересы народных масс проявляются в них с разной степенью отчетливости, будучи более или менее сильно затушеваны консервативной религиозной оболочкой. В старообрядчестве наблюдается настолько пестрая картина, что изучение всего движения в целом в качестве единого нерасчлененного понятия представляется малоэффективным. Борьба умеренных и радикальных направлений пронизывает всю историю старообрядчества. Борьбу эту невозможно свести лишь к разногласиям между различными толками, согласиями (например, поповщиной и беспоповщиной). Подобные взгляды, распространенные одно время в советской исторической науке (Н. М. Никольский)⁸, явились лишь первым приближением к объяснению пресловутой многоликости раскола⁹. На деле все обстояло куда сложнее, и острая борьба между радикальными и умеренными группами наполняет историю почти каждого старообрядческого согласия. П. Г. Рындзюнский убедительно показал это на примере московской федосеевской общины 40-х годов XIX в.¹⁰

Подобная пестрота зависела в первую очередь от различий в социальном составе, от степени догматического и организационного окостеневания старообрядческих согласий, общин и групп внутри них; меняющийся правительственный курс по отношению к расколу также вызывал немало разногласий среди старообрядцев.

Применительно к Сибири встает вопрос о взаимоотношении между богатыми торгово-промышленными центрами старообрядчества, такими как Выгореция, Шарташ, Иргиз, с одной стороны, и массой крестьянских старообрядческих общин, разбросанных на огромных просторах востока страны — с другой. Это также проблема влияния видных демидовских, осокинских, воронцовских заводских при-

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 21, с. 314.

⁸ Никольский Н. М. История русской церкви. М.—Л., 1931, с. 214—238.

⁹ Сложившаяся в нашей научной литературе традиция заимствования оценочных терминов прошлого «раскол», «раскольник» иногда принимается нами лишь из стилистических соображений.

¹⁰ Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма. — «Вопросы истории религии и атеизма», 1950, вып. 1, с. 188—248; Он же. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, с. 455—488.

казчиков на урало-сибирское старообрядчество. От управляющего крупными уральскими или алтайскими заводами до бухтарминского «каменщика» из беглых крепостных — немалый социальный диапазон, лишь частично маскируемый идеей религиозного единства. В острых кризисных ситуациях борьбы с официальной церковью и абсолютистским государством эта идея могла на время сплотить разнородные силы в едином антифеодальном и антицерковном протесте. Но она же в другое время служила попыткам подчинения крестьянских интересов умеренной, соглашательской линии торгово-промышленной верхушки старообрядчества.

Со всей этой проблематикой тесно связан вопрос о политике абсолютистского государства и господствующей церкви по отношению к расколу. Определяющее влияние на эту политику по-прежнему оказывала необходимость тесного союза между церковью и государством, хотя формы этого союза претерпели в XVIII в. существенные изменения.

Антифеодальный социально-политический протест народных масс в традиционной средневековой форме религиозного движения был возможен в XVIII в., в частности, именно потому, что основной принцип союза церкви и государства феодалов не был поколеблен просвещенным абсолютизмом. Это — все тот же принцип общности интересов и взаимной поддержки, с классической четкостью выраженный А. Н. Радищевым: «Власть царска веру охраняет, власть царску вера утверждает; союзно общество гнетут». Противораскольническая практика просвещенных государей XVIII в. наполнена примерами грубейшего полицейского вмешательства в дела веры с целью защиты господствующей церкви. В начале 20-х годов XVIII в. были окончательно сформулированы инквизиционные законы, частично опиравшиеся еще на Соборное уложение 1649 г., согласно которым вся карательная мощь государства могла быть использована для охраны религиозно-идеологической монополии господствующей церкви. В штате церкви появились официальные должности инквизиторов и протоинквизиторов, несколько религиозных и политических процессов закончились сожжением вероотступников (в том числе и в Тобольске).

Весьма существенные, хотя и частные по отношению к этому общему принципу союза, конфликты между цер-

ковью и государством в XVIII в. отнюдь не заставили церковь отказаться от полицейской помощи государства. Наоборот, наиболее оппозиционные к «просвещенному абсолютизму» церковные иерархи украинского направления настойчивее всего требовали усиления репрессий светской власти по отношению к старообрядцам. Порою они выступали более рьяными поборниками полицейских методов, чем сами органы полицейского и политического сыска империи: светские власти, не отказываясь в принципе от дыбы и костра как высших аргументов в богословских спорах, все больше считали их экстраординарной мерой. Они указывали церкви, что она должна в интересах укрепления собственного авторитета, как и в интересах абсолютной монархии, реже прибегать к подобным мерам и усерднее, квалифицированнее заниматься повседневной идеологической обработкой населения.

Эти споры связаны с общим изменением в XVIII в. положения духовенства в абсолютистском государстве. Поддерживая церковь в борьбе с ее врагами, самодержавная власть все грубее превращала ее в составную часть своего огромного бюрократического механизма. Важными вехами на этом пути явились организация высшего церковного управления по образцу других бюрократических ведомств в 20-х годах XVIII в. и секуляризация церковных земельных имуществ в 60-х годах. Даже определение форм и методов борьбы с врагами церкви государство все больше брало на себя. Хотя тобольские иерархи отчаянно сопротивлялись повому порядку вещей, в конце XVIII в. это дело зависело не столько от архиереев, сколько от капитан-исправников. Добавления к «Духовному регламенту» вменили в обязанность священникам доносительство по политическим делам в нарушение древнейшего церковного правила тайны исповеди. В церковь внедрялись принципы «полицейского самодержавия», которое, по словам В. И. Ленина, «даже религию... пропитало духом кутузки», просвещенный абсолютизм активно укреплял порядки, при которых «церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви»¹¹.

Церковь и государство единодушно считали старообрядчество злом, подлежащим искоренению. Однако по

---

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 6, с. 265; т. 12, с. 144.

вопросу о методах этого последнего постепенно выявились расхождения между самодержавием и некоторыми влиятельными церковными иерархами, особенно сибирскими. Светские власти полагали, что новые времена требуют более гибких и изощренных методов, провизированной индивидуальной работы духовенства с «невежественными суеверцами». Сибирские иерархи, такие как Сильвестр Гловацкий и Павел Колюсевич, убежденно доказывали, что без военных команд и пыток никакая риторика не поможет казенной вере победить мужицкую. Они возмущались, что узковедомственные непосредственные интересы светской администрации подчас заслоняли эту высокую истину, проверенную многолетней практикой. Между тем самодержавию уже в конце 40-х годов XVIII в. все более приходилось считаться с дружным крестьянским отпором в ответ на широкие церковно-полицейские экзекуции. А это способствовало запустению обширных районов на окраинах страны и было связано с прискорбным уменьшением доходов казны. Стремясь найти более широкую опору в торгово-промышленной верхушке, абсолютизм вынужден был в какой-то мере считаться с ее интересами и в религиозной сфере. Однако поиски светскими властями более гибкого решения проблемы старообрядчества, идущие навстречу пожеланиям купечества, но не слишком задевающие господствующее положение официальной церкви, затруднялись боязнью развязать руки крестьянскому, антифеодальному расколу.

Изучение возникающих отсюда кризисных ситуаций представляет важную исследовательскую проблему и восполняет наши представления о русском крестьянстве, а также о взаимоотношениях церкви и абсолютизма. Особое значение эти вопросы имеют для востока страны. Старообрядчество было широко распространено здесь, играло определенную роль и в классовой борьбе крестьянства, и в процессе крестьянской колонизации новых земель. Специфично внутреннее состояние восточного старообрядчества — разбросанные на огромных просторах Сибири крестьянские старообрядческие общины нелегко было объединить вокруг сколько-нибудь формализованной системы религиозных авторитетов. Церковь в Сибири издавна пользовалась немалой властью и даже определенной самостоятельностью, поэтому новшества XVIII в. вызвали здесь особенно крющую ломку.

Хронологические рамки темы определены в соответствии с периодизацией пятитомной академической «Истории Сибири» (20—80-е годы XVIII в.). К тому же в истории взаимоотношений церкви, государства и старообрядчества эти годы являются четко обособляемым периодом действия законодательства о расколе, основанного на двойном подушном окладе.

Территориальные границы темы — Западная Сибирь и горно-заводский Урал. Старообрядческие миры этих регионов неразрывно связаны друг с другом. Оба входили в сферу действия тобольских владык. Известия источников о старообрядчестве в Восточной Сибири до появления там забайкальских «семейских» настолько отрывочны, что не позволяют воссоздать полную картину.

* * *

Переломный XVIII в. — важный этап в истории общерусского старообрядчества. Время широких массовых выступлений, в которых социальные и политические лозунги причудливо переплетались с религиозными. Время яростных до фанатизма внутренних споров в старообрядчестве о таинствах священства или крещения, но и время единых согласованных действий против общего неприятеля — феодальной церкви и государства. Время бурного роста все новых центров раскола и оживленной полемики между симп. Синодальные историки XVIII — начала XX в., изучавшие эту полемику с прикладной миссионерской целью, должны были не раз с удивлением констатировать, что «споры и разделения» внутри раскола XVIII в. отнюдь не уменьшали силы его сопротивления официальной церкви. Объяснения этому парадоксу синодальные историографы раскола дать не могли, тем более что борьба с демократическими концепциями истории старообрядчества заставляла их настойчиво подчеркивать историко-церковный характер всей проблемы старообрядчества. Подобная абсолютизация обрядово-богословской стороны раскола вела к недооценке синодальными историками тех элементов социального протеста в старообрядчестве XVIII в., которые объясняют не только единые действия враждующих между собой согласий против общего неприятеля, но и реальную нечеткость границ различных согласий в крестьянской среде. Простым отрицанием этого единства и этой нечет-

кости в научной литературе наших дней иногда пытаются обосновать утверждение о том, что разделенный богословскими спорами на враждующие течения раскол XVIII в. не мог внести заметный вклад в классовую борьбу крестьян.

В конце XVII—XVIII в. окончательно оформляется разделение старообрядческих согласий на поповские и беспоповские. Уход из жизни священников, рукоположенных еще по старым дониконовским книгам, отсутствие в старообрядчестве епископата ставили отколовшиеся от официальной церкви религиозные общины перед необходимостью трудного выбора: провозгласить радикальный лозунг исчезновения «истинного» священства в наступившие «последние времена» или принимать священников, бежавших из «антихристовой» «никоновской» церкви. При всей догматической смелости первого решения оно отнюдь не обязательно влекло за собой автоматически более значительную радикальность политической оппозиции. В 20-е годы XVIII в. политический протест, связанный с легендой о Петре I—«антихристе», выражался в поповщине не менее активно, чем в беспоповщине. В то же время беспоповские центры XVIII в. подчас обгоняли поповщину в организационном и догматическом окостенении, а децентрализация крестьянских старообрядческих общин на востоке страны одинаково наблюдается в обоих направлениях раскола.

Наиболее крупным центром беспоповщины стала возникшая в октябре 1694 г. Выговская пустынь (позднее — Повенецкий уезд Олонецкой губернии). Сформировавшееся вокруг нее направление беспоповщины получило название поморского или даниловского. Характерным для него является учение о том, что антихрист уже царствует духовно (не во плоти) на земле и истребил все церковные таинства, включая священство и брак. Отсюда в поморской теории крайне враждебное отношение к церкви и государству. На практике, однако, умеренное крыло руководителей Выговской пустыни склонялось постепенно к достижению компромиссов с властями вплоть до принятия под сильнейшим нажимом государства формулы моления за императора. Со временем смягчилось и безбрачие, первоначально очень строгое. Однако Выговская пустынь, всемерно укрепляющая в беспоповщине свое влияние, свою школу, традицию, бессвященническую иерархию, несмотря на свой авторитет, не могла, безусловно, конт-

ролировать не только всю беспоповщину, но даже поморское согласие. В 1738 г. на Выге по вопросу моления за императора произошел раскол, и выделилось не признавшее сделанной уступки радикальное филипповское согласие (оно стало расходиться с поморским согласием также по некоторым вопросам, связанным с поклонением иконам, с надписью на кресте). Еще раньше, в 1706 г., моление за императора резко осудил основатель другого беспоповского согласия Феодосий Васильев. Феодосеевцы, центр которых находился тогда на территории Польши, проповедовали строгое безбрачие, в отличие от поморцев считали оскверненной любую пищу, купленную на торгу, спорили с поморцами и филипповцами о надписи на кресте («титле»). Моления за императора не припяли в XVIII в. многие поморские общины, да и в самой Выгореции даже после ухода филипповцев было немало влиятельных противников этой уступки¹².

Главным поповским центром на территории страны был расположенный в нижегородских пределах Керженец. В начале 20-х годов XVIII в. в Нижегородской епархии было зафиксировано более 122 тыс. старообрядцев¹³. Влиятельные поповские скиты Керженца вскоре разделились на три согласия: онуфриевщину, софонтиевщину и дяконовщину¹⁴. Онуфриевщину отличало признание догматических сочинений протопопа Аввакума, которые были осуждены остальным старообрядчеством как противоречащие традиционной православной догме. Между дяконовщиной и софонтиевщиной существовали разногласия по вопросу о форме креста, способе каждения и т. д. Среди керженских беспоповцев выделяется наиболее радикальное крыло под руководством Козьмы Андреева, ставшего, возможно, родоначальником известного согласия «спасовцев» («нетовцев»), которое в тогдашней беспоповщине решительнее всего отвергало традиционные православные догмы и обряды. Здесь широко рас-

---

¹² Филиппов Иван. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862; Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. Рязань, 1893; Он же. Споры и разделения в русском расколе...; Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.

¹³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. VI, с. 125, XVII—XXII.

¹⁴ Древняя российская вивлиофика, т. XV, с. 433—435.

пространяется старообрядческий вариант легенды о Петре-антихристе.

В отличие от Выговской пустыни Керженец в первые два десятилетия XVIII в. находится в острейшем конфликте с государственной властью и церковью, которым в первой половине 20-х годов XVIII в. удается разгромить этот крупнейший старообрядческий центр. Вместе с тем характерно, что во время принудительной полемики 1716 г. между керженскими старцами и официальной церковью руководители Выгореции окажут существенную помощь керженским поповцам, составив для них известные «дьяконовские ответы»¹⁵. После смерти в 1717 г. Опуфрия и казни в 1720 г. дьякона Александра софонтиевщина становится главным направлением поповского Керженца (согласие названо по имени Софонтия, в прошлом соловецкого черного попа; позднее на востоке страны софонтиевцы называли себя часовенными). Десятки тысяч старообрядцев, бежавших после разгрома Керженца в 20-х годах XVIII в. на восток, были в большинстве софонтиевцами.

Другой крупный центр поповщины сложился за пределами тогдашних государственных границ России, на Ветке (Польша), рядом со стародубскими торговыми слободами Черниговской епархии, в большинстве своем также поповскими. На Ветке возник большой Покровский монастырь и церковь. Хотя во главе Ветковской иерархии несколько раз оказывались отъявленные авантюристы, укреплению авторитета Ветки среди русских поповцев способствовал тот факт, что долгие годы ветковская церковь (перевезенная позднее в Стародуб) была единственной в поповщине. Русские войска дважды уничтожали ветковский старообрядческий центр. Во время «выгонки» Ветки в 1735 г. оттуда было выведено в Россию около 40 тыс. старообрядцев. В 1767 г. выселенные с Ветки старообрядцы образовали компактные старооб-

¹⁵ Александр Б[ровкович]. Сочинения исторические, ч. II. СПб., 1861, с. 131—160. Собрание ГИИТБ СО АН СССР, № 411-8/69.

¹⁶ Мельников-Печерский П. И. Исторические очерки поповщины. М., 1864; Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье, вып. I—II. Киев, 1895; Он же. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1893.

рядческие поселения в среднем Заволжье (на Иргизе), на Алтае, в Забайкалье¹⁶.

Возникший после этого переселения иргизский старообрядческий центр вскоре займет главенствующее положение в поповщине. Накануне Крестьянской войны 1773—1775 гг. тесные связи соединят этот центр с Яицким казачьим войском. В иргизских скитах скрывался Емельян Пугачев.

Постепенно главную роль в поповщине начинает играть Москва, где в 1771 г. создается Рогожское кладбище (московские беспоповцы-федосеевцы в это же время объединяются вокруг Преображенского кладбища). Рост влияния умеренной торгово-промышленной верхушки поповщины, обусловивший выжидательную позицию поповских центров во время Крестьянской войны, отразился и в известной полемике 60—70-х годов XVIII в. по вопросу о приеме беглых священников господствующей церкви. В ходе полемики выявится тенденция некоторых поповских деятелей облегчить условия этого приема; несколько позднее руководители этого направления пойдут на открытый союз с официальной церковью в форме единоверия. Но попытка облегчить условия приема беглых «никопцианских» священников будет осуждена на московском «перемазанском» соборе 1779 г. Урало-сибирские поповские общины займут в этой полемике более радикальные, враждебные господствующей церкви позиции.

Таковы вкратце основные центры и согласия старообрядчества Европейской России в XVIII в.

* * *

В обширном книжном море дореволюционной литературы о расколе нашей теме уделено очень небольшое место. Огромный децентрализованный мир крестьянских старообрядческих общин востока страны лишь изредка привлекал внимание исследователей, изучавших деятельность знаменитых центров старообрядчества Европейской России и их руководителей.

О памятниках урало-сибирской историографии старообрядчества XVIII в., созданных местными крестьянами, активными участниками описываемых ими событий, удобнее рассказать в обзоре источников. Позднее эта историографическая традиция вырождается в немногих сочи-

нениях старообрядцев конца XIX—начала XX в., их апологетическая литература как рукописная, так и печатная¹⁷, старательно, но неумело копирует древнерусские образцы и интересуется нас лишь в той мере, в какой она сохраняет недошедшие источники XVIII в.

Историки официозного синодального и правительственного направления XVIII—XIX вв., как правило, не интересовались урало-сибирскими старообрядческими делами. Несколько ценных фактов об участии алтайских крестьян в Тарском движении протеста 1722 г., сопровождаемых всяческой хулой по адресу этих крестьян, мы находим у перешедшего в синодальное православие выговского деятеля середины XVIII в. Г. Яковлева¹⁸. Отдельные сведения об уральской крестьянской иерархии софонтиевцев сообщает П. И. Мельников-Печерский, наиболее осведомленный и вдумчивый из официозных историков раскола, странным образом сочетавший в одном лице умелого, сурового противораскольнического администратора и писателя, с несомненным сочувствием относившегося к старообрядчеству¹⁹.

В одном из тщательных исследований П. С. Смирнова, посвященных развитию старообрядческой догматики в XVII—XVIII вв., три страницы отведено распространению раскола в Сибири²⁰. Здесь на основании опубликованных к тому времени источников рассказывается о крестьянских самосожжениях в связи с тарскими событиями 1722 г. (правда, сами эти события остались П. С. Смирнову неизвестны). Хотя сочинения П. С. Смирнова по своим целям и направлению примыкают к предшествующей противораскольнической литературе официальной церкви, они свободны от грубых фальсификаций, привычных в этом жанре. Автор вводит обширный материал старообрядческих сочинений, включая судебный пересказ

---

¹⁷ Кузнецов А. Т. Исторические очерки уральского старообрядчества.—«Уральский старообрядец», 7423 (1915), № 11, с. 16—30; № 12, с. 21—30.

¹⁸ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины.—«Братское слово», 1888, № 6, с. 407—408.

¹⁹ Мельников-Печерский П. И. Очерки поповщины.— Полн. собр. соч. Изд. 2-е, т. 7. СПб., 1909, с. 3—375.

²⁰ Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909, с. 43—45; см. также с. 160—161.

эсхатологических построений одного из главных руководителей тарского движения И. Смирнова. Анализируя старообрядческую эсхатологию первой четверти XVIII в., П. С. Смирнов справедливо видит в ней выражение народного протеста против новых тягот, которые несли народу реформы времени Петра I. Полемизируя с главным старообрядческим догматом о неизменном сохранении в старообрядчестве всего учения древнерусской церкви, П. С. Смирнов убедительно доказывает, что в XVIII в. догматика всех главных центров раскола находилась в непрерывном движении и изменении.

Многие новые черты в трудах П. С. Смирнова объясняются прежде всего тем, что писать по-старому о расколе было практически невозможно после замечательных работ А. П. Шапова. Начавшие выходить в свет накануне крестьянской реформы 1861 г. яркие исследования А. П. Шапова о расколе знаменовали победу демократического направления в историографии этого явления. Шапов отнюдь не ставил своей задачей опровержение официальной противораскольнической догматики, он признавал справедливость книжного исправления при патриархе Никоне. Но в отличие от начетчиков, синодальных и старообрядческих, эта сторона вопроса мало интересовала его. Раскол для него прежде всего — протест против крепостного права, которое «самой черной, градобойной тучей проходило по земле Русской, по сердцам народным через все XVIII столетие»²¹. Поэтому он пристальное внимание уделял тяжелому состоянию народных масс в XVII — начале XVIII в. как одной из главных предпосылок распространения старообрядчества. В его эмоциональных работах приводятся многочисленные свидетельства источников о проявлении в старообрядчестве политического и социального протеста. «Гражданские начальники и помещики своими притеснениями отталкивали народ от православного общества и невольно заставляли его уклоняться в раскол», — резюмирует А. П. Шапов причины успехов старообрядчества²². В этой связи он подробно изучает крестьянский старообрядческий побег, движение бегунов. Его исследования в этой сфере

²¹ Шапов А. П. Земство и раскол. Бегуны. — Соч., т. 1, с. 521.

²² Шапов А. П. Русский раскол старообрядства... — Соч., т. 1, с. 442.

касаются и истории урало-сибирского раскола — беглецов-старообрядцев на уральских заводах, томенских странников и т. д. Отрицательно оценивая консерватизм крестьянского старообрядческого сознания, Шапов вместе с тем первым сумел обратить внимание на социально-утопические народные чаяния в расколе, в том числе сибирском. Несмотря на идеализацию А. П. Шаповым общинных традиций в старообрядческом движении, его работы сохранили немалое значение и сейчас, причем не только с фактологической, но и с концепционной стороны.

В противоположность его исследованиям преимущественно фактическим материалом интересны сейчас две выпедшие в Сибири в 1888 и 1905 гг. работы более краеведческого характера²³. Первая из них принадлежала известному исследователю северного старообрядчества И. Я. Сырцову и была целиком посвящена сибирским самосожжениям. Немалой заслугой этой работы является введение в научный оборот дел об урало-сибирских гаях из архива Тобольской консистории (ныне фонд 156 ГАТот). Правда, данные этих источников привлекаются И. Я. Сырцовым выборочно, без должной критической проверки (что приводит иногда к значительным искажениям), а сам рассказ подчас беллетризуется. Но все же И. Я. Сырцову удалось впервые дать картину многих самосожжений XVIII в. В первых обобщающих разделах своей работы И. Я. Сырцов отказывается от объяснения причин изучаемого им явления, подчеркивая, что для этого необходимо специально исследовать «особыя условия русской жизни и особенный склад религиозных воззрений русского народа, не свойственный другим нациям». Но в дальнейшем изложении И. Я. Сырцов не раз пересказывает сведения источников о всевозможных притеснениях светских и духовных властей, приводящих к самосожжениям, осторожно осуждает сибирское духовенство за насилия, вынуждающие крестьян гореть, не одобряет деятельность екатеринбургской комиссии о расколе. Однако делать общие выводы он все же не решается²⁴.

²³ Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетиях. Тобольск, 1888; Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905.

²⁴ Сведения И. Я. Сырцова были широко использованы затем Д. И. Сапожниковым, который дополнил их некоторыми докумен-

Вторая работа о сибирском расколе принадлежит Д. Н. Беликову. Она посвящена старообрядчеству XVII—XVIII вв. в Томском крае, но приводятся некоторые сведения и о других сибирских районах. Д. Н. Беликов значительно расширяет источниковедческую базу, привлекая судебно-следственные дела Колывано-Воскресенского горного начальства и Барнаульского духовного правления (ныне фонды 1 и 26 ГААК). Богатое ценными архивными сведениями исследование Д. Н. Беликова подчеркнуто не претендует на обобщения. Автор стоит на официальной синодальной позиции обличения фанатизма и невежества конкурентов господствующей веры, что не мешает ему, однако, подчеркивать связь старообрядческого протеста с жестокостями митрополитов Сильвестра и Павла, с непосильными заводскими работами и налогами. В другом своем исследовании Д. Н. Беликов приводит архивные материалы, сообщающие, в частности, о роли старообрядчества в заселении юга Сибири ²⁵.

Этим в основном исчерпываются успехи дореволюционной историографии в освещении нашей темы.

В советской исторической науке не было специальных исследований, посвященных сибирским старообрядческим движениям протеста XVIII в., но отдельные упоминания о сибирских старообрядцах (в том числе беглецах), старообрядческой колонизации, самоожжениях содержатся в работах Н. В. Алексеенко, В. А. Богданова, З. Я. Бояршиновой, Ю. С. Булыгина, М. М. Громыко, З. Г. Карпенко, А. А. Кондрашенкова, Е. К. Ромодановской.

В написанном О. Н. Вилковым разделе о классовой борьбе сибирского крестьянства второго тома пятитомной «Истории Сибири» перечислены три самоожжения на юге Сибири (одно из них, Чаусское 1756 г., ошибочно указано дважды под разными названиями), причем эти события справедливо связываются с ответом на феодально-крепостническую эксплуатацию ²⁶.

тами архива Сената (ныне ЦГАДА, ф. 248, оп. 14) и частично систематизировал, не устранив, однако, большинства противоречий и неточностей. См. Саможников Д. И. Самоожжение в русском расколе. М., 1891.

²⁵ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне—населенники Томского края. Томск, 1898.

²⁶ История Сибири, т. 2. Л., 1968, с. 313—314.

Важное значение для нашей темы имеет несколько разделов глубокого монографического исследования К. В. Чистова, посвященного социально-утопическим легендам русского крестьянства²⁷. Это мастерская работа по истории общественного сознания народных масс, автор которой с одинаковым умением пользуется историческими, этнографическими, фольклорными, литературными источниками. Для методологии К. В. Чистова характерно, что проблемы возникновения и развития крестьянских социально-утопических легенд изучаются им в неразрывной связи с основными событиями классовой борьбы крестьянства. Особенно это относится к анализу эсхатологических легенд о Петре-антихристе (приводится один уральский и один сибирский вариант легенды) и легенд о «царе-избавителе» Петре III. Большая глава монографии К. В. Чистова посвящена анализу заселения Бухтармы в связи с крестьянским побегом, деятельностью согласия бегунов и старообрядческой легендой о Беловодье. Наши археографические экспедиции 1966—1971 гг. в районы бытования этой легенды подтвердили точность наблюдений и выводов К. В. Чистова.

Предпринявший недавно в университетском спецкурсе обобщающее исследование истории старообрядческого антифеодального протеста В. Г. Карцов последовательно изучает различные проявления крестьянской оппозиционности крепостническому государству и церкви в рамках раскола; однако, он лишь мимоходом касается сибирских событий (в связи с побегами и самосожжениями 20-х и 40-х годов XVIII в.)²⁸.

Упомянем, наконец, весьма добротную монографическую работу А. А. Преображенского²⁹. Автор справедливо относит старообрядческие побеги и самосожжения к антифеодальной классовой борьбе крестьянства и подчеркивает, что раскольнические гари —

---

²⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 91—185, 237—290; Он же. Легенда о Беловодье.—«Труды Карельского филиала АН СССР», 1962, т. 35, с. 116—181.

²⁸ Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Спецкурс, ч. 1. Калинин, 1971, с. 156, 159.

²⁹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начала XVIII в. М., 1972, с. 362—364

это не только проявление религиозного фанатизма,¹ но и «свидетельство силы идеологического сопротивления трудящихся масс угнетательской политике господствующего класса и царизма». А. А. Преображенскому удалось значительно расширить круг источников по этому вопросу, где источниковедческая база оставалась на одном уровне уже почти сто лет. Мы теперь гораздо полнее представляем урало-сибирский крестьянский раскол конца XVII — начала XVIII в.

Таким образом, советская историография правильно наметила основные пути и методы подхода к проблеме антифеодального крестьянского протеста XVIII в. в старообрядческой форме. Однако продвижение по этим путям лишь начинается.

Среди источников по теме следует, прежде всего, выделить документы и сочинения, созданные самими старообрядцами — исторические, догматические, полемические, эпистолярные и др.

В XVIII в. крестьяне-старообрядцы Урала и Сибири создали обширную и многообразную литературу. Памятники ее еще в прошлом веке бережно хранились в крестьянских избах, затерянных в тайге заимках и скитах. Но в наши дни сохранилось лишь немного, да и оно было только недавно введено в научный оборот археографическими экспедициями СО АН СССР. Это относится в первую очередь к историческим сочинениям наиболее многочисленного согласия урало-сибирского старообрядчества XVIII—XIX вв. — софонтиевцев (часовенных). Об их исторической литературе несколько лет назад мы и не подозревали. Сейчас в нашем распоряжении «Рукопись о древних отцах», содержащая ценный, хотя и крайне тенденциозный рассказ об урало-сибирских событиях первой четверти XVIII в.; две переработки этого исторического сочинения были позднее обнаружены нами в архивах³⁰.

Сообщая немало интересных фактов, «Рукопись о древних отцах» старательно обходит, однако, центральное событие этого времени — тарский протест 1722 г. Видимо,

---

³⁰ Собрание ИИФиФ СО АН СССР, № 9/71-г, лл. 103—108; ГАТот, собр. рукоп. книг, № 220; ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1418, лл. 4об.—15об.

острый накал политической борьбы в Таре был слишком опасной темой. Какое-то большое историческое повествование о борьбе урало-сибирских крестьян с официальной церковью принадлежит одному из смелых и стойких организаторов этой борьбы, тюменскому крестьянину Миرونу Ивановичу Галанину, память которого до сих пор чтится в исетских селах. К сожалению, само это повествование пока не найдено, но в нескольких старообрядческих поселениях Тувы, Горной Шории, горного и степного Алтая и Зауралья нами были обнаружены обширные выдержки из него, включенные в компилятивный исторический труд «Родословие часовенного согласия», созданный в конце XIX в. руководителем одного из софонтиевских центров Урала о. Нифонтом.

Исторические сочинения часовенных удачно дополняются постановлениями их «соборов» — совещаний руководителей крестьянских и скитских общин; непосредственно к нашей теме относятся решения «собора», состоявшегося 29 мая 1723 г. в дер. Крысановой на р. Ирюм и определившего отношение общин к светским властям и к беглым священникам господствующей церкви. Как мы убедились в 1966—1967 гг., постановления этого собора и сейчас являются авторитетными в этой среде, хотя стихийная крестьянская практика XVIII в. часто вступала в противоречие с ними.

Для истории беспоповских крестьянских и заводских общин востока страны являются в определенной мере источником сочинения XVIII в. писателей поморского Выговского центра — «Виноград Российский» С. Денисова и «История Выговской пустыни» И. Филиппова. Правда, они касаются событий на Урале и в Сибири лишь мельком и дают стандартизированную выговскую интерпретацию их. В выговских синодиках содержатся иногда сведения об урало-сибирских самосожжениях, но специфическая форма известий синодиков (указание одних имен без фамилий, слишком обобщенное наименование места — «в Сибири», зачастую отсутствие дат) затрудняет использование этих сведений.

Из обширной догматической и полемической литературы XVIII в. можно выделить в результате археографических экспедиций СО АН СССР несколько урало-сибирских сочинений. Большое сочинение беглого холопа Максима, посвященное остроуму в XVIII в. вопросу о беглых

допах «никонианской» церкви³¹, позволяет за всей традиционной догматической аргументацией разглядеть тяготение автора к крестьянскому идеалу «дешевой церкви» без священников, его резкую вражду к господствующей церковной организации. Это сочинение Максима явилось догматической базой радикального поворота поповцев-софонтиевцев к беспоповщине в первой половине XIX в. Поморское согласие создало яркий памятник необычной полемики с католицизмом, который был представлен в этом споре начальником Колывано-Воскресепских заводов бригадиром Беером; от имени поморян спор вел один из выговских руководителей, создатель крупного старообрядческого центра на уральских заводах, рудознатец Гаврила Семенов сын Украинцев, тщетно разыскивавшийся Канцелярией тайных розыскных дел в связи с Тарским бунтом³². Известное полемическое сочинение «Спор Трефилля и Тарасия» поморского писателя И. Васильева, хотя и сообщает об имевшей место в Сибири полемике между беспоповцами и поповцами, практически не является источником по нашей теме: перенесение места действия в Сибирь здесь чисто литературный прием, не соотносимый с каким-либо конкретным фактом, как и указание точной даты этого вымышленного события. Но, конечно, подобные споры представлялись тогда возможными и даже типичными; яркие антицерковные выпады этого памятника против никонианских князей церкви были помещены в одном из сборников XIX в., обнаруженных нами на Алтае.

Немало ценных для историка сведений содержится в различных письмах и посланиях старообрядцев. Особенно следует выделить волнующие человеческие документы — письма, которыми тюменские крестьяне созывали друг друга для самосожжений во время тарского движения протеста³³. Перед несколькими самосожжениями (в том числе Чаусским 1756 г.) старообрядцы передавали начальству письма с изложением своей позиции и требований. Эти письма являются уникальным источником, свидетельствующим о сложном переплетении социальных,

³¹ Собрание ИИФиФ СО АН СССР, № 9/71-г, лл. 109—140.

³² ГИМ, Собрание Уварова, № 479.

³³ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1723 г., № 1, лл. 27 об.—28.

политических и религиозных мотивов в старообрядческих гаях XVIII в.³⁴

Чаусское «Известие» 1756 г. — один из наиболее острых памятников политического протеста, где популярная в старообрядческой догматике теория «чувственного антихриста» и цитаты из эсхатологического сочинения писателя III в. Ипполита Римского использовались для беспощадных, бичующих характеристик светских и духовных властей русской дворянской империи XVIII в. Своим социальным требованиям чаусские старообрядцы посвятили в 1756 г. отдельное письмо, сообщающее о беззакониях администрации при исполнении крестьянами повинностей.

В Туве и Зауралье удалось обнаружить два послания М. И. Галанина и даже говорить с крестьянами, недавно переписавшими эти послания и сохранившими их таким образом для науки — до нас дошли лишь эти поздние списки посланий. Наиболее интересно послание М. И. Галанина к своему другу С. И. Тюменскому, где он подробно рассказывает о мучениях, которым подвергали его и других крестьян в «тобольских казематах», приводит рассказ о жизни в Тобольске протопопа Аввакума³⁵.

Упомянем также о поэтическом творчестве старообрядцев. Духовные стихи являются ценным источником по многим вопросам идеологии и психологии урало-сибирских старообрядцев XVIII в., в частности, о настроениях пустынножительства в связи с крестьянским побегом и вольной колонизацией окраин³⁶. Прекрасное, запоминающееся произведение в традиционной форме плача было создано сестрой Г. С. Украинцева на смерть своего

---

³⁴ Покровский Н. Н. К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири середины XVIII в. — «Бахрушские чтения 1971 г.», вып. II. Новосибирск, 1971, с. 50—58.

³⁵ Собрание ИИФиФ СО АН СССР, № 9/71-г, лл. 108 (4—5об.). Покровский Н. Н. Книга, глаголемая... — «Знание — сила», 1973, № 3, с. 36—40.

³⁶ Покровский Н. Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1972, с. 169—173.

³⁷ Дергачева-Скоп Е. И. «Сердца болезно сестры убодающею остя» — выголексинское произведение середины XVIII в. — В кн.: Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока, вып. 14. Новосибирск, 1973, с. 41—68.

брата в 1750 г. Этот плач обнаружен на Урале и изучается Е. И. Дергачевой-Скоп³⁷.

Петровские законы об обязательной исповеди и о двойном старообрядческом окладе вызвали к жизни новый тип статистических источников — материалы исповедального и старообрядческого учета. Исповедь у священника господствующей церкви стала обязательной для всего православного населения страны, за исключением старообрядцев, записанных для уплаты двойного подушного оклада. В свою очередь, неявка к исповеди делала человека «подозрительным к расколу». Таким образом, данные о неисповедывавшихся и о записанных в раскол должны были, по мысли законодателей, перепроверяя друг друга, помочь выявить реальное число старообрядцев в стране. Но действительность оказалась невероятно далекой от этого бюрократического идеала, истинной численности старообрядцев власти никогда не знали не только в XVIII, но и в XIX в. Недаром даже более совершенный механизм учета старообрядцев конца XIX в. был заподозрен в десятикратном (!) уменьшении данных³⁸.

Коррупционированность урало-сибирского духовенства, нечеткость границ самого объекта учета и другие причины³⁹ привели к тому, что материалы старообрядческой статистики даже в минимальной мере не помогают получить ответ на главный вопрос о численности старообрядцев в том или ином районе. В 1726 г., например, по всей Сибири значился лишь один записной раскольник, в 1735 г. — 28, хотя в этом самом 1735 г. военные команды вылавливали старообрядцев сотнями, а В. Н. Татищев лишь на уральских заводах насчитывал их тысячами⁴⁰. Двойной оклад с раскольников взимала светская администрация, исповедальный учет вело духовенство, и данные о числе раскольников по этим двум линиям никогда не совпадали. Но и внутри каждой из них не было единства.

Данные церковного исповедального учета базировались на материале низового учета исповедей в приходах

---

³⁸ Борецкий Л. [Пругавин А. С.] Два миллиона или же двадцать миллионов? СПб., 1902.

³⁹ Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев Сибири в XVIII в. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 381—406.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кв. 766, лл. 1—196 об.

и его обобщении в духовных заказах. Уже здесь они подвергались как сознательной фальсификации, так и невольным искажениям. «Писал из лакомства не бывших у исповеди бывшими» — одна из самых трафаретных формул дисциплинарных дел Тобольской консистории, хотя, несомненно, большинство подобных проделок местных клириков не выходило наружу. 26 мая 1742 г. митрополит Арсений Мацеевич направил в Синод резкий протест против обременения сибирского духовенства непосильным для них делом составления исповедальной отчетности: «... должно священникам в канцелярских делах быть искусным, а они еще, священники, не токмо того не знают, но многие суть из них таковые, что и писать исправно не умеющие»⁴¹. Консистория, объединявшая данные исповедальных поименных ведомостей, полученных из духовных заказов, «составляла на их основе ежегодные генеральные экстракты»; в них не только подсчитывалось пословно число бывших и не бывших у исповеди, но и приводилось число записных раскольников по каждому заказу (без указания сословной принадлежности). Это число далеко не всегда бралось консисторией из ведомостей, составленных в духовных заказах. Часто консистория исправляла низовые данные о числе записных раскольников на основании каких-то своих соображений. Это имело место и по отношению к другим цифрам «генеральных экстрактов». Нередко составленные на базе данных духовных заказов «генеральные экстракты» объявлялись затем в консистории черновыми, и в Синод уходили экстракты, содержавшие заниженное число неисповедывавшихся и раскольников. И все же подчас из материалов исповедального учета можно извлечь ценные сведения о религиозном сознании крестьянства.

Светская статистика старообрядчества также изобилвала внутренними противоречиями. Она велась в фискальных целях, для взимания двойного подушного оклада, и базировалась на той же системе ревизий, что и учет податного населения империи, платившего обычный подушный оклад. Составлявшиеся во время ревизий поименные книги записавшихся в раскол включали как

---

⁴¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 22, 1742 г., № 698, лл. 57—59.

мужчин, так и женщин. Нередко они содержали наряду со взрослыми и детей, но церковь не признавала это законным, а позиция светской власти была здесь противоречивой. Несомненно лишь, что пользоваться материалами статистики двойного оклада для изучения старообрядческой семьи следует с крайней осторожностью. В промежутке между двумя ревизиями количество лиц, записанных для уплаты двойного подушного оклада в данной местности, было далеко не таким стабильным, как в статистике обычного подушного оклада. Записные раскольники, переходящие в православие, немедленно вычеркивались из списков плательщиков двойного оклада. Четкую фиксацию подобных обращений наладили не сразу, и разные звенья административно-фискального аппарата имели подчас разные сведения о числе обращенных. Крестьяне иногда инсценировали обращение в православие умерших или беглых старообрядцев, чтобы снять с общины обязанность платить за них двойной оклад⁴². Во время ревизий местная администрация или канцелярии по проведению ревизий иногда допускали запись в двойной оклад спустя многие месяцы или даже годы после крайнего срока, установленного для этого. Таковы некоторые из причин, порождавших противоречия в материалах фискального учета записных старообрядцев.

В 20—80-е годы XVIII в., когда взимался двойной раскольнический оклад, было проведено четыре ревизии, и во время каждой из них вокруг записи в раскол разгоралась ожесточенная борьба, нередко сопровождавшаяся массовыми самосожжениями старообрядцев. В годы первой ревизии горели, протестуя против двойного оклада, позднее — требуя свободной записи в раскол. Для изучения каждой такой кризисной ситуации важным источником являются материалы фискального учета старообрядцев, созданные в ходе этой борьбы. Нужно лишь не задавать этому источнику тех вопросов, на которые он не в состоянии ответить. И в первую очередь — вопроса

---

⁴² Покровский Н. Н. О возникновении противоречий в политике светских и церковных властей по отношению к расколу. — «Известия СО АН СССР», 1968, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 73—77; Он же. О противоречиях между светскими и церковными властями при взимании двойного оклада с алтайских староверов середины XVIII в. — «Известия СО АН СССР», 1968, № 11. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 90—95.

о численности всего старообрядчества данной местности (а не только той его части, которая изъявила желание платить двойной оклад).

Важным источником по нашей теме являются законодательные акты. Большинство законодательных актов, исходящих непосредственно от самодержца, Сената и Синода, опубликовано еще в изданиях XIX — начала XX в., хотя источниковедческий уровень этих изданий, понятно, не отвечает современным научным требованиям. Это, в частности, относится к принципам датировки и некоторым текстологическим проблемам. Законодательные акты дают ценный материал об истории борьбы феодального государства и церкви против старообрядчества, о нарастании противоречий между духовными и светскими властями в подходе к старообрядчеству.

Изучая акты правового барьера, воздвигнутого абсолютистским государством на пути противников господствующей веры, надо помнить об одной их важной особенности. Заменяя отжившее законоположение новым, самодержавное государство обычно старалось не подчеркивать, не провозглашать открыто факта отмены старой юридической нормы; верность законодательной традиции возвещалась зачастую даже в тех актах, которые шли наперекор этой традиции. Наиболее яркий пример — законы Екатерины II о старообрядчестве. Реально разрушая систему петровского законодательства о расколе, они полны торжественных фраз о верности букве и духу указов первой четверти XVIII в. и на первый взгляд могут казаться лишь подтверждением последних. В сибирской действительности это давало определенную возможность руководству Tobольской епархии противодействовать новому законодательному курсу 60-х годов, опираясь на формально не отмененное законодательство 20-х—40-х годов XVIII в. Многие законодательные акты к тому же были вольно или невольно сформулированы таким образом, что допускали весьма широкий диапазон толкований.

---

⁴³ ПСЗ, т. IV—XXIV, СПб., 1830; ПСПиР, серии: 1721, 1727—1730 гг., 1753—1762 гг., 1762—1772 гг., 1773—1784 гг., СПб.—Пг., 1889—1915; *Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода*, кн. 1. СПб., 1860.

Все это ставит важную исследовательскую проблему изучения различий в трактовке одного и того же законодательного материала светскими властями, духовенством и самими крестьянами-старообрядцами. На позицию этих последних порою оказывали влияние традиции наивного монархизма. Они вызывали появление подложных «милостивых указов», объявление подложными одних реальных указов и интерпретацию в качестве «милостивых» других.

Весьма плодотворным поэтому является сопоставление законодательных источников с судебно-следственными материалами об их реальном функционировании, об использовании во время конфликтных ситуаций ссылок на те или иные акты столичной и местной администрацией, заводскими, военными властями, духовенством, крестьянами.

Наряду с законодательными актами можно отметить в качестве источника по теме различные записки и проекты, связанные с подготовкой или применением законов. Упомянем в этой связи о темпераментной критике в 1742 г. митрополитом Арсением Мацеевичем законодательства об исповедальном учете, записках нескольких членов Синода о старообрядческом законодательстве 1760-х годов, сохранившемся в архиве Воронцовых проекте какого-то екатерининского вельможи с предложением новой системы законодательных мер о расколе ⁴⁴.

Наиболее массовый источник по нашей теме — судебно-следственные материалы. Нами использовано более тысячи судебно-следственных дел из фондов Синода, Сената, Раскольничьей конторы, Госархива, Тобольской консистории, Сибирской губернской канцелярии, Сибирского приказа, Тюменской воеводской канцелярии, Колывано-Воскресенского горного начальства, Барнаульского духовного заказа, Чаусской судной избы и Чаусского острога, Кузнецкой воеводской канцелярии, высших органов политического сыска империи ⁴⁵.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 22, № 698, лл. 57—59; Новые материалы для истории старообрядчества XVII—XVIII веков. М., 1890, с. 165—189; Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 401, лл. 350—362.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 2—65, 205; ЦГАДА, ф. 248, оп. 14; ф. 214, оп. 1—5; ф. 288, 415; ф. 349, оп. 1—4; ф. 371, оп. 1—2; ф. 649; ф. 517, оп. 1; Госархив, разр. VI, VII, XVIII, XXIV; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1721—1790 гг.; ф. 47; ГААК, ф. 1, 26; ГАНО, ф. 13, 104, 105.

Судебно-следственное дело — комплекс типологически разнородных источников, подобранных по сравнительно однородной бюрократической схеме. Применительно к стандартным старообрядческим делам Тобольской консистории она выглядит так. Следствие открывается обычно доносом местного духовенства, сообщением светской администрации или показаниями ранее арестованных о каком-либо нарушении сурового законодательства о расколе. Далее следует решение епархиального начальства об аресте виновных, соответствующая инструкция светским властям, военным; нередко вопреки закону церковники не могли побороть искушения личного участия в оперативной работе по задержанию подозреваемых. Затем традиционный кровавый механизм следствия: допросы, пытки, очные ставки; в деле — протоколы, собственноручные показания, списки отобранных книг, рукописей, писем, документов, копии или пересказ наиболее важных из них. Итогом следствия часто являлся составленный в консистории краткий экстракт с указанием всех тех законодательных актов, которые подходили к данному случаю (иногда их текст приводится полностью). Решение консистории по делу обычно рассматривается затем архиереем; резолюции сибирских владык на таких делах — убедительные, подчас афористичные свидетельства полицейско-бюрократического образа мышления многих сибирских архиереев. Недаром этот ценный источник не был замечен апологетической историографией синодального направления. Чего стоит, например, реакция Павла Кюсюкевича на первое в его практике сообщение о массовом самосожжении старообрядцев: приказание наложить штраф на авторов сообщения за написанную не по форме бумагу.

Спецификой старообрядческих дел является, в частности, то, что далеко не всегда составленное по всем правилам и утвержденное владыкой решение консистории позволяет нам узнать о реальном завершении дела. Согласно закону обличенный церковью «преступник» передавался для наказания светским властям, причем конкретную кару выбирали именно они. Плохая сохранность фонда Сибирской губернской канцелярии часто не позволяет узнать о решении светских властей, и мы располагаем лишь рекомендациями церковников. О более важных делах консистория сообщала в Синод и ждала его

указа; в таких случаях чаще всего решение Синода откладывалось по крайней мере в двух фондах — Синода и консистории. Церковь использовала любой подходящий повод, чтобы терпеливо разъяснять самодержавной власти, что идеологические противники господствующей веры являются опаснейшими политическими врагами престола. Отсюда стремление церковных властей передавать старообрядческие дела (с соответствующими аттестациями!) в страшные органы политического сыска — Преображенский приказ, Тайную канцелярию. Однако мрачное ведомство Андрея Ивановича Ушакова, заваленное делами об оскорбительных и насмешливых речах российских подданных против своих самодержцев, обычно соглашалось вести следствие над старообрядцами лишь в тех случаях, когда имели место прямые выпады против царя. Возникавшие на этой почве конфликты с Синодом доходили иногда до Сената, и соответствующие документы откладывались в его фондах.

Передача раскольников для наказания светским властям не очень устраивала тобольских митрополитов, боявшихся заронить в души пасомых сомнение в карательном всемогуществе церкви. Поэтому наряду с вышеописанными мы встречаем иные концовки старообрядческих дел. После применения форсированных методов следствия оформляется краткая официальная запись о смерти упрямого подследственного. Церковная специфика проявляется лишь в том, что день смерти называется в соответствии с «Месясцесловом» — по церковному празднику. Впрочем, специфичными являются и следующие затем долгие рассуждения со ссылками на «Кормчую», а то и отцов церкви о том, что «мертвые телеса» следует «загрести» тайно и без обычного православного обряда. Митрополит Сильвестр Гловацкий особенно любил детализировать подобные резолюции, придававшие всему делу вполне законченный и логичный вид.

В комплекс судебно-следственного дела включаются разнородные источники — законодательные, эпистолярные, нарративные старообрядческие сочинения. Преобладают материалы, возникшие в ходе следствия. Они доносят до нас подлинный голос урало-сибирского крестьянства XVIII в., обычно — в записи церковных канцеляристов, но иногда и непосредственно. Исключительные, подчас трагические ситуации следствия делают особенно

ценными эти свидетельства. Не раз крестьяне проявляли в таких условиях немалую гибкость, шли на внешние уступки. Многих удавалось сломить. Но бывало и иначе. Историк не может пройти мимо волнующих строк судебно-следственных дел, фиксирующих солидарность, уверенное мужество крестьян в отстаивании свободы совести, их гордое презрение к насильникам, спокойное осознание в консисторских или преображенских застенках самодовлеющей ценности своего внутреннего мира.

Полнее всего судебно-следственные дела рисуют подробности борьбы господствующей церкви и абсолютистского государства со старообрядчеством. Острые кризисные ситуации, возникавшие в ходе этой борьбы, порождали обильную документацию. Более «спокойные» периоды освещены намного слабее. К сожалению, приходится пока считать утраченным обширнейший особый фонд тарского следствия 1722—1735 гг. О Тарском бунте 1722 г. мы вынуждены судить по материалам розыска, случайно отразившимся в других фондах⁴⁶. Указ 1762 г. о прекращении следствий по старообрядческим делам хотя и не выполнялся в Тобольской епархии неукоснительно, все же в несколько раз сократил наши возможности для изучения старообрядчества 60-х — начала 70-х годов XVIII в., пока Крестьянская война не заставила власти вспомнить о старой застеночной практике общения с врагами церкви.

Следствие XVIII в. уже хорошо усвоило важность биографии подследственного. Это дает историкам немало сведений о тех сибирских крестьянах, чьи отношения с господствующей церковью были далеки от официальной идиллии. Нужно лишь помнить, что не всегда сообщаемые на следствии биографические сведения были правдивыми. Известны случаи, когда крестьянам удавалось утаить свою реальную роль в антицерковном движении. Иногда крестьяне, которые скрывались десятилетиями, придумывали целиком или частично свое жизнеописание, признавая лишь несколько последних фактов своей жизни в бегах и решительно не припоминая своего родного села, феодального господина, ревизских сказок. Судьи просвещенного абсолютизма как духовные, так и светские имели обыкновение считать грамотность подследственного отяг-

---

⁴⁶ См. сноску 38 на с. 48.

чающим обстоятельством, если не прямой уликой. Нередки поэтому случаи, когда объявляли себя неграмотными даже крестьяне, обучавшие грамоте других.

Церковных следователей подчас интересовали подробности внутренней жизни старообрядческих общин, их догматические взгляды, особенно, конечно, антиправительственные. И все же в стандартной записи церковных канцеляристов, невежественных в тонкостях все усложняющихся обрядово-догматических систем старообрядчества, содержится на удивление мало качественного исторического материала. Достаточно сказать, что без привлечения собственно старообрядческих источников чаще всего невозможно понять даже, к какому согласию принадлежит обвиняемый.

Таковы вкратце возможности, которые предоставляются для исследования нашей темы источниками разных типов.

ТАРСКИЙ ПРОТЕСТ 1722 г.

Отказ целого города со всем казачьим гарнизоном и сельской округой от присяги на верность рассматривался императором и Сенатом как острейшая политическая ситуация, бунт. Месть аппарата насилия феодальной империи была такова, что удивила даже современников, привыкших к кровавым излишествам Отца Отечества. Жесточайшие пытки, более тысячи допрошенных с пристрастием, колесования, четвертования, сотни наказанных кнутом. Спустя многие годы путешественники с удивлением отмечали запустение целой округи от страшного тарского розыска.

Тем удивительнее, что в исторической литературе тарские события 1722 г. почти не отмечены. П. А. Словцов уделил им несколько строчек, сострадая «ослушникам» и поражаясь их «отчаянному сумасбродству». К сожалению, он пользовался недостоверным источником (каким-то не дошедшим до нас сборником), который изобиловал грубейшими фактическими ошибками¹. С. М. Соловьеву удалось найти несколько документов Преображенского приказа, косвенно связанных с тарским розыском. Это позволило ему в небольшом абзаце, посвященном движению, правильно назвать имена некоторых его руководителей².

Слабая разработанность этой проблемы объясняется прежде всего плохим состоянием источниковедческой базы. В ходе огромного розыска были написаны тысячи протоколов допросов; в ЦГАДА хранится фонд созданной для проведения этого розыска Тарской канцелярии розыскных дел (фонд № 649). Но весь он состоит из одного лишь листа.

¹ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб., 1886, с. 194, 276—277.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IX (т. 17—18). М., 1963, с. 533—534.

Весь остальной архив этой канцелярии, несмотря на поиски, предпринятые по нашей просьбе в ЦГАДА, обнаружить не удалось, и его приходится считать пока утраченным.

Сохранилось, однако, несколько документов, посланных из Тарской розыскной канцелярии в другие учреждения — Тюменскую воеводскую канцелярию, Тобольский архиерейский приказ, Сенат; удалось обнаружить также несколько синодальных дел, связанных с тарским розыском³.

Наибольший интерес представляют доношения митрополита Антония о событиях в епархии, содержащие тексты двух документов «тарских противников» — ведение Сената Синоду от 27 июня 1723 г. с кратким изложением первых допросов и реестром конфискованных книг и документов, а также одно из дел Преображенского приказа⁴. Это последнее возникло по ложному доносу тарского земского судьи Лариона Верещагина на командовавшего карательным отрядом полковника Ивана Батасова в пособничестве тарским бунтовщикам. Дело содержит уникальный материал о критических днях второй половины июня 1722 г., однако использовать источник приходится с крайней осторожностью, учитывая при этом особенности характера Л. Верещагина: его поразительную кляузную изобретательность и склонность к опасным мистификациям⁵.

Редчайшими человеческими документами той эпохи являются сохранившиеся в одном из дел Тобольской кон-

³ ГАТЮТ, ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4697, лл. 1—об, 4—8, 12, 13—об (другой вариант этого же документа опубликован в кн.: Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II. СПб., 1885, с. 449—450); св. 6, № 440, лл. 15—16; ф. 156, оп. 1, 1723, № 1, лл. 1—5, 16—35 об.; 1725 г., № 1; ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 763; оп. 2, № 312; оп. 3, № 815, 916; оп. 4, № 441, 360.

⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. I. СПб., 1868, с. 773—774; ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 763, оп. 2, № 312; оп. 4, № 360, лл. 1—2; ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1671; лл. 1—104 об.

⁵ Л. Верещагин служил ранее подключником Сытного двора, затем был взят в потешные, стал солдатом Преображенского полка, в Азовском походе заболел и его определили в Тобольский надворный суд; вскоре Л. Верещагин стал тарским судьей. Его дважды пытали: к 1722 г. на его совести было два доказанных убийства и дело об изменении собственной фамилии. Он склонен был без должных оснований приписывать себе главную заслугу в возбуждении тарского следствия и считал, что преступная мягкость полковника И. Батасова препятствует внедрению в умы российских

систерии письма, которыми ялуторовские крестьяне созывали в октябре 1722 г. друг друга для самосожжений протеста ⁶.

* * *

Тарские события явились первым значительным ответом на те условия, в которые были поставлены рядовые старообрядцы, как и расколоучители, законодательством последнего десятилетия правления Петра I. Движение шло исключительно под специфически старообрядческими лозунгами и вместе с тем имело наиболее яркую за всю историю урало-сибирского старообрядчества XVIII в. политическую окраску: старообрядческий вариант учения о Петре-антихристе явился формой острого социально-политического протеста.

Провозглашенные когда-то Петром I начала некоторой веротерпимости ⁷ по отношению к старообрядцам постепенно подвергались существенным ограничениям. Проблема эта все больше превращалась из чисто религиозной в острейшую политическую: старообрядчество давало готовую идеологию и организацию как для консервативной оппозиции преобразованиям Петра, так и для широкого народного недовольства невиданными бедствиями и тяготами. Этот несомненный факт оказался главным. Его не могли заглушить приветственные оды в честь государственной мудрости Петра, слагаемые по всем правилам киевской риторики иными выговскими киновиархами. Даже в самой

подданных полезной мысли о беспощадности возмездия. И. Батасова и Л. Верещагина доставили скованных в Москву, в Преображенский приказ, где И. Ф. Ромодановский быстро разобрался в ложности обвинений Л. Верещагина. Последний, однако, выдвигал все новые аргументы и надолго задержал следствие заявлением о том, что ему удалось по дороге в Москву выбросить «в отход» важные государственные бумаги. Эти его показания породили огромное делопроизводство и привели к изнурительной ревизии отхожих мест по тракту Тобольск — Москва. Затем Л. Верещагин сознался в мистификации и вскоре совершил успешный побег из застенков Преображенского приказа.— ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1671, лл. 1—104 об.

⁶ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1723 г., № 1, лл. 17об.—19, 27об.—28.

⁷ Манифест 1702 года: «Мы, по дарованной Нам от Всевышняго власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей». (ПСЗ, т. IV, № 1910, с. 193).

Выгорецки эта позиция умеренных не находила единодушной поддержки, а за ее пределами религиозно-политический лозунг «Петр—антихрист» получал все более широкое распространение. К тому же власть еще считала, что она не особенно нуждается в помощи старообрядческих восхвалителей — хватало своих, казеннокоштных.

На многие десятилетия вперед для официального отношения к старообрядчеству определяющей стала чеканная формула Феофана Прокоповича (§ 6 «Духовного регламента»): старообрядцы — «лютые неприятели, и государству и государю непрестанно зло мыслящие»⁸. Удивительная долговечность петровского антираскольнического законодательства отнюдь не свидетельствует о его целостности и непротиворечивости. Наоборот, в последующие десятилетия разные силы будут использовать различные стремления и тенденции этого законодательства. Неприкрытая ненависть к расколу сочеталась здесь с его официальным законодательным признанием, хотя и на таких условиях, которые, по мысли законодателей, должны были строго ограничить распространение раскола существовавшим тогда поколением, обеспечить отмирание «старой веры».

Само по себе официальное признание старообрядчества было огромным шагом вперед, невероятным для допетровского образа мышления. Интересы церкви куда более решительно, чем это возможно в средневековом обществе, превращались из самодовлеющей величины в производное государственно-бюрократической пользы; религиозно-идеологическая монополия понималась более гибко. В указах петровского времени видно стремление использовать раскол в фискальных целях, для развития промышленности (олопецких, уральских заводов) и в то же время подготовить его быструю гибель.

Основными законоположениями, определившими новый порядок вещей, справедливо считаются два указа от 8 и 18 февраля 1716 г. об обязательной ежегодной исповеди и записи всех раскольников для уплаты удвоенного подушного оклада⁹. Этими указами предписывалось взимать двойной подушный оклад со всех старообрядцев, включая женщин, с которых взималась половина платежа

⁸ ПСЗ, т. VI, № 3718, с. 342.

⁹ ПСЗ, т. V, № 2991, 2996; этот последний указ, правда, ссылается на неизвестный историкам указ февраля 1714 г.

мужчин-раскольников. Со старообрядцев, населяющих пограничные места, двойной оклад предусмотрительно не взимался. Приказывалось брать двойной оклад также и со старообрядческих чернецов и черниц, с обитателей ски-тов, хотя одновременно предписывалось сурово сыски-вать там беглых. Скитские центры практически состояли, однако, сплошь из беглых.

Казалось, уплата двойного оклада фактически легали-зовала подобные центры, но одновременно существовало и активно применялось обильное законодательство, на-правленное на искоренение всяческих «расколоучителей», под которыми обычно понимались все старообрядческие чернецы¹⁰. Для расколоучителей предусматривались жестокие телесные наказания, каторга. 16 июля 1722 г. конференция Сената и Синода авторитетно разъяснила, что «хотя на раскольников записных двойной оклад и поло-жен, и они записались, однако же не для того, чтобы они свою раскольническую прелесть рассеять могли, и дру-гих учили»¹¹. Как до, так и после этого постановления изда-валось немало указов, направленных против любых форм распространения старообрядческой веры и «публичного оказательства» раскола. Запрещались любые обществен-ные богослужения, строго преследовалось хранение допи-коновских книг. Категорически запрещалась передача основ старообрядческой веры другим лицам, в том числе — внутри семьи. За «совращение» хотя бы одного человека в старообрядчество «совративший» рассматривался как расколоучитель.

Старообрядческая семья ставилась фактически вне закона: по православному обряду разрешалось венчать старообрядцев лишь после их обращения в православие, а старообрядческий брак преследовался жесточайшим обра-зом. Детей старообрядцы обязаны были с семилетнего воз-раста представлять в православную церковь для причаще-ния и воспитания в духе господствующей веры. Указом 24 марта 1719 г. за незаконный старообрядческий брак взимался штраф (минимум 6 руб.), что не освобождало от судебного преследования. Штрафы и наказания полагались и за исполнение любых других старообрядческих треб.

---

¹⁰ ПСПиР, т. IV, № 1323, с. 158; ПСЗ, т. VI, № 3854, 3718 § 5, № 3870 § 10, № 4022 § 20, 44, № 4009 § 14, № 4052 § 7 и др.

¹¹ ПСЗ, т. VI, № 4052, § 7, с. 742.

Все записавшиеся в раскол, кроме пашенных крестьян, обязаны были носить унизительное особое платье, делавшее их объектом насмешек любого уличного сорванца. Старообрядцы не имели права занимать начальственные и командные посты как административные, так и военные¹².

В ближайшие после 1716 годы правительство приложило немало усилий, чтобы при помощи механизма тайной исповеди и иных мер выявить старообрядцев и записать их для платежа двойного подушного оклада. Избегавшие церковной исповеди становились подозрительными к расколу и должны были принести специальную присягу с проклятием всех старообрядческих толков; в случае отказа они объявлялись раскольниками¹³.

Несмотря на обилие категорических указов, дело сначала почти не сдвигалось с мертвой точки; исключение составляли Московская и Нижегородская губернии. И лишь в связи с первой ревизией запись старообрядцев в двойной оклад несколько оживилась¹⁴.

* * *

К началу 20-х годов XVIII в., когда все эти мероприятия впервые начали влиять на ситуацию на востоке страны, урало-сибирское старообрядчество имело за плечами более чем полувековую историю отчаянной борьбы, крупных движений протеста. В первые два десятилетия XVIII в. шло интенсивное распространение старообрядчества на Урале и далее на восток, однако источники весьма скудно освещают этот процесс. Исторические сочинения урало-сибирских поповцев середины — второй половины XVIII в. главным этапом распространения старообрядцев на Урале называют обычно время после разгрома

¹² ПСЗ, т. V, № 3340; т. VI, № 3718, 3784, 3854, 3944, 4022, 4009, 4052; *Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода*, СПб., 1860, кн. 1, с. 62—63.

¹³ ПСЗ, т. V, № 3169, 3232, т. VI, № 3547, 3662; *Описание документов и дел... Синода*, т. 1, № 180, стбл. 178; *Собрание постановлений по части раскола...*, кн. 1, с. 5; ПСЗ, т. VI, № 3785, 3854, 3870, 3914, 3962, 3963; *Собрание постановлений по части раскола...*, кн. 1, с. 31; ПСЗ, т. VI, № 4009, 4052; *Собрание постановлений по части раскола...*, кн. I, с. 61—62, с. 64—65, с. 65—67 (указы 1718—1722 гг.).

¹⁴ Покровский Н. П. Организация учета старообрядцев Сибири в XVIII в. — В кн.: *Русское население Поморья и Сибири*. М., 1973, с. 381.

в 1722 г. Керженца и бегства оттуда десятков тысяч старообрядцев. Но в этих же сочинениях кратко говорится о наличии старообрядческих центров поповцев-софонтневцев на Урале уже в начале XVIII в.¹⁵

Тарский розыск обнаружил на огромных пространствах от Уральских гор до Томской тайги и Кузнецкого уезда многочисленнейшие тайные убежища старообрядцев, укрывавшие беглецов. Среди конфискованных у бунтовщиков книг называются книги, принадлежавшие «Сергиевской пустыни», «Трефилевской пустыни», «Тавинской пустыни», «Якимовской пустыни», «Ировской большей деревни, в которой была раскольническая служебня» (Абатской слободы. — *И. П.*), «Теврийской пустыни», «Томского дистрикта Тавалганской пустыни», «Кузнецкого дистрикта Баровской пустыни», «того ж дистрикта Еровской пустыни», «Ировской пустыни, что на Боржах», «Томского дистрикта Чюгунновой пустыни», «Аремзянской пустыни»¹⁶. Особое значение имел этот последний скит. Расположенный в 30 верстах от сибирской столицы, близ дер. Аремзянки, скит пользовался у населения немалым авторитетом и в то же время не был известен тобольским властям. Мало того, в 1720—1721 гг. здесь даже возник своеобразный «детский филлал» под руководством смелого обитателя Аремзянского скита казачьего сына Андрея Яковлевича Страшникова, посаженного за участие в тарских событиях на кол. В накаленной обстановке кануна тарского движения некоторые чиновники и духовные лица Тобольска с удивлением обнаружили, что их дети все лето напролет увлеченно играли вместе с аремзянскими сельскими ребятами «в скит»; руководителю этой забавы удалось тогда остаться в тени. Из Аремзянского «детского скита» вышел знаменитый впоследствии предводитель яицких старообрядцев И. Харчевников¹⁷.

Наибольшую роль в событиях 1722 г. сыграла Сергиевская пустынь, расположенная близ Тары. Глава пустыни Сергей родился в 1650 г. в Устье Великом в семье стрельца. Ему удалось перейти в духовное сословие, стать монахом и попом, подолгу жить при архиерейском доме и в разных монастырях. Мы не знаем, когда и при каких обстоя-

¹⁵ **Собрание ИИФиФ СО АН СССР**, № 9/71-г, л. 95, № 9/73, л. 15 об.

¹⁶ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1725 г., № 1, лл. 45 об—52, 57—64.

¹⁷ Там же, 1753 г., № 53, лл. 27—33.

ательствах он попал в Сибирь, где он жил в Аремзянской пустыни, возглавляя одно из поповских согласий. В 1719 г. он был арестован и содержался под караулом в Тобольском архиерейском доме. Вскоре однако Сергию удалось бежать, а затем основать свою пустынь близ Тары. Он широко принимал к себе «Ишимского и других дистриктов... крестьян и беглых рекрут, з женами и з детьми и в таком своем расколе отвращал их от святыя церкви и от присяги, и разглашал им непристойные слова и протчее злословие чинил». В 1721 г. здесь жило несколько сотен беглых, которые позднее признавались, «что они жили при оных ворах в пустынях — крестьяне отбывая тягла, а протчих чинов — отбывая от присяги и от оных воров толкование и непристойные слова слушали, а иные по толкованию то ж с ними толковали»¹⁸.

Наряду с Сергием документы тарского розыска называют другого главного зачинщика движения — беспоповца Ивана Смирнова, большой скит которого находился неподалеку от убежища Сергия. Среди обитателей этого последнего, как сообщал в 1722 г. Сергей, было много выходцев «из пных стран», т. е. из других частей страны¹⁹. Влияние скитских центров было особенно велико в Тюмени, Таре, многочисленных сельских поселениях по рекам Исети, Ирюму, Ишиму. Среди мастеровых и приписных крестьян уральских заводов, скрывающихся в соседних лесах беглых, крестьян Урала и Зауралья в эти годы начинают успешно действовать посланцы Выговской пустыни. В их числе — один из руководителей Выга Гаврила Семенов, умело пользовавшийся широким покровительством Демидовых, его родной брат Иван (Терентий), основавший крупнейшую Елунскую пустынь. Эта последняя по выговским сведениям насчитывала более 600 чел.²⁰

Начало 20-х годов XVIII в. ознаменовалось бурным ростом эсхатологических настроений как религиозной формы антифеодального протеста народных масс²¹. Уче-

¹⁸ ГАТот, ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4697, л. 12; ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, лл. 2, 6—об; Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 7, л. 251 об.

¹⁹ Описание документов и дел... Свода, т. 1. СПб., 1868, № 763, с. 773.

²⁰ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины. — «Братское слово», 1888, № 6, с. 407—408.

²¹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 99—124; Карцов В. Г. Религиоз-

ние о том, что настали последние времена, когда власть в мире захватили слуги сатаны, а сам царь является антихристом, составляет религиозно-идеологическую основу тарских событий начала 20-х годов. Исследователи давно уже отметили, что в общерусской истории легенды о Петре-«антихристе» важным этапом является тщательно разработанное учение сибирского беспоповца И. Смирнова²². Под густой мистической пеленой этого учения угадывается недовольство петровскими реформами, рекрутчиной²³. Рост эсхатологических настроений, связанных с прямыми угрозами расправы над Петром I, был случайно отмечен в это же время и среди уральских крестьян в селе Межевая Утка — будущем крупном центре старообрядчества. Преображенский приказ вел это дело с необычайной жестокостью²⁴.

* * *

Во второй половине 1721 — начале 1722 г. центральные правительственные учреждения направили новые указы и распоряжения с требованием скорее завершить запись раскольников в двойной подушный оклад. 24 февраля 1722 г. последовала инструкция «О свидетельстве душ мужского пола», данная генерал-майору П. Г. Чернышову и определявшая порядок проведения первой ревизии. Одновременно Синод распорядился послать указы во все епархии, чтобы там составили ведомости о числе записанных в двойной подушный оклад и о собранных с них суммах²⁵.

7 сентября в Тобольске 1721 г. был получен отправленный по требованию Сената из Камер-коллегии указ от

ный раскол как форма антифеодального протеста в истории России, ч. I. Калинин, 1971, с. 147—149; Покровский Н. И. Об отношении крестьян-старообрядцев Сибири к светским властям в XVIII в. — В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971, с. 77—80.

²² Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909, с. 160—161.

²³ Покровский Н. И. Об отношении крестьян-старообрядцев...; Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе. М., 1891, с. 44—45.

²⁴ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, ч. I, № 1844.

²⁵ Описание документов и дел... Синода, т. 2, ч. I. СПб., 1879, №. 1175, с. 213—221.

26 июня 1721 г., напоминая о прежних указах о двойном подушном окладе и категорически требовавший «переписку тем роскольщиком учинить» немедленно, под личную ответственность губернатора, вице-губернатора, воевод и камериров ²⁶.

Непосредственное проведение переписи поручалось военным, что вскоре станет прочной традицией. В тарские скиты был послан отряд во главе с полковником А. И. Парфеньевым, действовавшим от имени Приказа церковных дел.

Одной из первых неожиданностей для петровских законодателей явилось упорное нежелание старообрядцев, особенно на севере и востоке страны, признать систему записи в двойной подушный оклад. Выговской пустыни удалось надолго избавиться от двойного оклада, заменив его эквивалентными (как считалось) работами на Петровских заводах. Поэтому умеренное крыло руководителей Выгорецкии в принципе не возражало против легализации старообрядчества через двойной подушный оклад. Но как в самом поморском старообрядчестве, так и за его пределами, двойной подушный оклад встречал массовый отпор. Вполне понятные социально-экономические соображения подкреплялись при этом догматическими аргументами, находившими поддержку в распространенных ожиданиях конца света. В наступившие «последние времена» согласие уплачивать двойной оклад рассматривалось многими как подчинение силам антихриста и помощь им. Стойкое нежелание быть занесенными в списки «слуг сатаны» характерно для радикальных направлений восточного старообрядчества в течение всего XVIII и XIX вв. ²⁷

---

²⁶ ГАТОН, ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4697, лл. 1—1об.

²⁷ Яростная догматическая полемика о допустимости записи в двойной подушный оклад — яркий пример тесного переплетения социальных и религиозных моментов в системе старообрядческих взглядов. В итоговом для этой полемики сочинении 1760-х годов поморянина Андрея Тимофеева «Возражение на тетради, запрещающие записываться в число роскольников и платить двойной оклад» приводятся многие десятки аргументов из священного писания и священного предания в пользу записи в двойной подушный оклад. Этот последний восхваляется А. Тимофеевым как «весьма всеполезная и всепредобная и всеприятная... вещь, дарованная сия божиим благоволением записка», «кая гонимым христианом за святое древнее благочестие в душеспасительную отраду самим богом есть дарована». Восхваляя запись в двойной подушный оклад уже в период екатерининских послаблений, А. Тимофеев рисует достаточно да-

Для радикальных настроений урало-сибирского старообрядчества этого времени характерно, что оба главных тарских центра, поповский и беспоповский, категорически отвергли запись в двойной подушный оклад. Экспедиция полковника А. И. Парфеньева в глазах многих явилась новым подтверждением близости конца света и привела к трагическим последствиям: она возродила в Сибири отчаянную форму старообрядческого протеста прошлого XVII в. — массовые самосожжения.

На требование полковника А. Парфеньева записаться в двойной оклад И. Смирнов от имени всей пустыни дал ответ решительный и недвусмысленный. «Ивана Смирнова ото всея братии ответ: тово ради мы не пишемся в нынешния времена, боимся ереси (далее идут доказательства наступления последних времен со ссылками на «Книгу Кирилла Иерусалимского» и «Апокалипсис». — *Н. П.*).., того ради мы дани не даем в нынешни времена, что у вас годы и времена променены. А у нас люди беспомощны: старой да малой, слепой да хромой. А мы живем бога ради, хмель не берем и не промышляем, и мы с полу страды седим в запоре и не смеем никуда выехать. Аще вы нас погоните, и мы живы в руки вам не дадимся: береста п смолье и дрова и солома и пороху с пуд приготовано. И вы творите, что вам повелено»²⁸.

Позиция главы поповского скита Сергия оказалась более сложной. Он также отверг двойной подушный оклад и также угрожал самосожжением, но поспешил вступить в интенсивные письменные сношения с полковником, нащупывал основу для какого-то сближения. Он даже подчеркивал при этом, что принятие священства и резко отрицательное отношение его скита к перекрещиванию сближают поповцев с официальной церковью в отличие от последователей Ивана Смирнова. Сергей жаловался полковнику Парфеньеву на грабежи, разорения и угрозы со стороны

лекую от действительности картинку: «записным ныне по записке свобода является: то есть непристеснительная волюсть от хождения в нынешнюю еретическую церковь, непристеснительная волюсть от приятия всех еретических действий и тайн, свободная воля в неприятии всех еретических догматов и учений и обычаев, свободная воля в содержании всех каковых либо православных догматов и учений и обычаев» — ОР БАН, ф. 67, лл. 1—1об., 31об.—32. Но в подобную идиллию верили лишь те, кому очень хотелось верить.

²⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, 1722 г., № 312; Описание документов и дел... Синода, т. 11, ч. I. СПб., 1879, с. 228.

Ивана Смирнова и даже просил у полковника «обережи»: «и отовсюду нам велия скорби и беды нынче чинятся: от вашей милости страх, от новокрещенцев (беспоповцев. — *Н. П.*) беда — хотят перекрещивати, а пустопопы, простые мужи, хотят бити, а священство велют отложить, нельзя что нам не горети. Токмо от вашей милости обережи не будет, в конец нас зде воры те погубят». Сергей закончил одно из своих писем Парфеньеву эффектным предложением диспута в Тобольске «пред князем (Черкасским, сибирским губернатором. — *Н. П.*) и пред митрополитом, и пред всем народом»²⁹. Но тобольский митрополит Антоний не принял предложения Сергея.

Полковник А. Парфеньев проявил определенную осторожность в отношении скитов Сергея и И. Смирнова, боясь спровоцировать самосожжения. Тобольские власти запросили Петербург — что делать в этой ситуации. Пока из Петербурга шел традиционный ответ — арестовать «зачинщиков», применить силу и провести перепись раскольников в скитах — дальнейшие события укрепили сдержанность сибирских властей. Даже осторожная попытка А. Парфеньева провести такую перепись привела в конце 1721 — начале 1722 г. к нескольким самосожжениям сибирских старообрядцев, категорически отвергавших двойной оклад (самосожжение в Ировской деревне Абадской слободы, гари в Ишимской волости)³⁰.

В своих доношениях митрополит Антоний подчеркивал, что самосожжения явились протестом против введения двойного оклада и что старообрядцы категорически отказывались как платить этот оклад, так и присоединиться к православной церкви.

Первая после 80-х годов XVII в. вспышка массовых самосожжений в Сибири явилась ярким показателем напряженности положения. Жертвы этих самосожжений — беглые крестьяне или крестьяне, покинувшие свои деревни

---

²⁹ Описание документов и дел... Синода, т. I. СПб., 1868; № 763, с. 773—774. Как раз в это время Синод объявил о проведении диспутов со старообрядцами; это было сделано по настоянию Петра I, стремившегося приучить руководство церкви к мысли, что меры насилия по отношению к раскольникам должны явиться естественным продолжением и дополнением мер убеждения, применение которых является специфической профессиональной обязанностью духовенства (ПСЗ, т. VI, № 3891, 3925).

³⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 2, № 312; оп. 3, № 815, л. 134; № 916, л. 2.

непосредственно для самосожжения. Мрачная старообрядческая эсхатология давала социальному протесту крестьян форму, давно уже ставшую традиционной. Не случайно возобновление массовых самосожжений совпало с новым важным этапом наступления феодально-бюрократического государства на права и жизненный уровень крестьян. Пассивный, тупиковый характер этого протеста отчаяния подчас не лишал его действительности — недаром сам император неоднократно возвращался к вопросу о мерах предотвращения самосожжений, поручив Феофану Прокоповичу составить специальное увещание о душепагубности любого мучения, не апробированного правительством³¹. Бюрократизация управления усиливала конкретную ответственность местных властей, духовных и светских, за проведение разъяснительной работы среди желающих гореть — самосожжение грозило всяческими служебными неприятностями и фискальными затруднениями. Понятно поэтому стремление сибирских властей несколько снять остроту конфликта и не столь уж рьяно проводить запись в двойной подушный оклад, запрашивая все новых и новых разъяснений из Петербурга. В первой половине 1722 г. дело ограничилось лишь направлением в скиты Сергия и И. Смирнова пастырского послания митрополита Антония, в котором он на основании текста священного писания доказывал, что двойной подушный оклад не противоречит догматам христианской веры. (Интересно, что эти же самые тексты впоследствии для той же цели употребляли выговские писатели.) Больше в этом направлении ничего не предпринималось до середины 1722 г., когда другие события временно оттеснили проблему двойного подушного оклада на задний план.

---

³¹ Пискаревский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. СПб., 1862, с. 559; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 40—41; Описание документов и дел... Синода. Т. 2, ч. I. СПб., 1879, № 528, с. 767—771. Увещание было составлено, и этот интересный документ огосударствливания душ был опубликован в качестве указа Синода 16 июля 1722 г. Указ этот извещает всех подданных, «что не всякое страдание, но токмо страдание законно бываемое, то есть, за известную истину, за догматы вечныя правды... полезно и богоугодно есть». Гонений же за правду «никогда в Российском, яко православном государстве, опасатися не подобает, понеже то и быти не может». Поэтому любое не утвержденное властями страдание в пределах русских государственных границ не угодно богу. Кроме того, страдать надо кротко, «не укоряя нимало мучителя... без лаяния властей и безчестия». — ПСЗ, т. VI, № 4053, с. 742—746.

По случайному совпадению наиболее крупное и политически острое выступление урало-сибирских старообрядцев в первой четверти XVIII в. началось в тот самый день 17 мая 1722 г., когда в Петербурге был нанесен один из самых значительных ударов по старорусским основам отношений между духовными пастырями и прихожанами. В этот день был принят новый указ Синода о нарушении тайны исповеди, согласно которому священники обязаны были сообщать властям полученные на исповеди сведения о политических преступлениях ³².

В мае 1722 г. тарские жители и казачий гарнизон города должны были приводиться к присяге в соответствии с известным указом 5 февраля 1722 г. о престолонаследии ³³. Согласно этому указу, правящий император по своей воле назначает себе преемника; присягу следовало приносить этому не названному по имени и еще не назначенному преемнику. Многим это казалось весьма странным. По Руси поползли слухи, что наконец-то с властью все стало ясно, ибо приказано приводить к присяге самому антихристу, имени которого вымолвить невозможно. В Сибири, где были особенно сильны эсхатологические настроения, для таких слухов была весьма благоприятная почва. Материалами тарского розыска было установлено, что важными центрами распространения подобных настроений являлись, непосредственно накануне событий 17 мая 1722 г., пустыни Сергия и Ивана Смирнова, переполненные беглыми. Здесь стало быстро известно о подозрительной присяге безымянному наследнику престола, и новость эта активно обсуждалась с приезжавшими в скиты тарскими жителями и казаками. В частности, Сергей напоминал приехавшим тогда к нему за советом тарскому жителю Петру Байгачеву и казаку Василию Исетскому, будущим руководителям движения, что он, Сергей, еще раньше (в 1718 г.) очень не рекомендовал присягать Петру Петровичу. «А о нынешней де присяге, — не без гордости признавался позднее на допросах Сергей, — как тарским жителям, так и пустынноиком толковал, что прися-

³² ПСЗ, т. VI, № 4012.

³³ Посланные в Сибирь экземпляры этого «Устава о наследствии» с образцами листов для присяги см. Архив АН СССР, ф. 21, д. 20, лл. 261—263.

гать не надлежит, словесно и писменно запрещал и к тому возмутил их он, Сергей»³⁴. Следствие установило, что в подтверждение этого запрещения в скитах ссылались на старые и новые книги. Сергей мог сделать это вполне квалифицированно: во время разгрома его скита в октябре 1722 г. там была захвачена обширная библиотека, включая в частности, 38 книг, тетрадей и документов, написанных рукою самого Сергея; не менее 25 из них были посвящены актуальным проблемам наступления «последних времен» и пришествия антихриста³⁵.

Решимость Сергея и его авторитет были немало увеличены тем, что оказалась выполненной его просьба в письме к полковнику Парфеньеву — старец просил об отсрочке записи его скита в двойной подушный оклад³⁶.

17 мая в Таре внезапно появился весьма странный экземпляр листа для приведения к присяге: после официального текста (возможно, печатного) шло «противное письмо», доказывавшее, что присягать безымянному наследнику есть дело богопротивное, и что все нижеподписавшиеся категорически отказываются присягать. Письмо быстро стало покрываться десятками подписей тарских жителей.

«Противное письмо» было написано рукою тарского жителя Петра Байгачева, видимо, в скиту Сергея. Проводивший Тарское следствие полковник Батасов сообщал позднее в Преображенском приказе, что «Петр Байгачев был первой заводчик»³⁷. Второй экземпляр этого письма был обнаружен следствием в скиту Сергея: «Клятвенное обещание о присяге, и под тем о той присяге противное письмо

³⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, л. 2.

³⁵ Там же, лл. 3—7об.

³⁶ Там же, л. 7об.

³⁷ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1671, л. 18.

³⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, л. 6об. Этот документ отсутствует во всех фондах, имеющих отношение к тарским событиям. Когда эта книга была уже в наборе, мы обнаружили копию тарского «противного письма» 1722 г. среди документов Северной войны из портфелей Миллера. Тарчане категорически отказываются присягать наследнику, неизвестно какого рода, имени и чина, и соглашаются присягать, лишь если будет дан наследник царского рода, известный по имени и соблюдающий устав древней православной церкви (т. е. не «никонианин»). В копии обобщенно сообщается, что письмо подписали городовые и уездные жители — казаки, дворяне, дети боярские, «мастеровые люди, некоторые из купечества, разночинцы и прочие»; в приписке Миллера говорится, что подписавших было около 700 чел. (ЦГАДА, ф. 199, № 140, ч. 2, д. 2, л. 16). Но лист с

тарских жителей, на двух листах полудестевых... оное письмо писал Петр Байгачев своею рукою»³⁸. Петр Байгачев был не только грамотным, но и занимался обучением грамоте: среди 7 книг, захваченных следователями в его промышленной избушке, было 3 учебных псалтыри³⁹. В Сергиевской пустыни, где он скрывался после тарских событий, было захвачено написанное его рукой «Толкование из разных книг о разных поучениях, писано на осми листах со страницею и на семи строках», а также «грамотка» из Сургута от отца Петра Байгачева Ивана к Петру и его брату Матвею, «в которой писано толкование из Апоколепсиса о кончине века»⁴⁰.

18 мая 1722 г. началось широкое обсуждение «противного писма» в доме у казачьего полковника Ивана Немчинова, при многолюдном скоплении тарских казаков, «городовых и уездных людей». Обсуждение это продолжалось в доме Немчинова вплоть до 30 мая. Сергей воодушевлял собравшихся своими письмами, а, возможно, и личным участием: «и в города посылал от себя в непристойных словах письма и сам для возмущения ездил»⁴¹. Собравшиеся усиленно читали и толковали старообрядческие сочинения об антихристе, «Апокалипсис», сочинения отцов церкви. Этим занимались в первую очередь духовные дети Сергея — Петр Байгачев, казаки Василий Исетский и Иван Подуша, некий Шевелясов. Согласно материалам следствия, среди активных толкователей книг, которые «народ возмущали», был и сам полковник Немчинов. В предсмертных показаниях, не отказываясь от активной роли в движении, Немчинов заявил: «а при том совете казак Василий Исетской, да Петр Байгачев читали и толковали книги, а какие—он, Немчинов, не знает, понеже грамоте не умеет»; Немчинов, однако, был собственником двух книг⁴².

Противники присяги безымянному наследнику выдвинули во время обсуждения «противного писма» очень интересный аргумент. Оказывается, еще в 1705 г. жители и гарнизон Тары категорически отказались исполнять указ

этой копией был намеренно вырван из тома «тарской архивы» Миллера и по архивной проверке 1933 г. уже значителен исчезнувшим. Архив АН, ф. 21, № 15, л. 206).

³⁹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1725 г., № 1, л. 48.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, л. 7об.

⁴¹ ГАТЮТ, ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4697, л. 12.

⁴² ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, л. 1об.; ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1671, л. 13об.; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1725 г., № 1, л. 45об.

о бритье бороды и усов и ношении немецкого платья. Казачий сотник Влас Нефедьев, пятидесятник Андрей Сумин, около 500 казаков, детей боярских и разных чинов тарских жителей заявили, что указу они подчиняться не будут и пошлют в Москву ходатаев с просьбой об отмене его. В Тобольске князь М. А. Черкасский никак не реагировал на это, и указ 1705 г. о бритье бороды и усов и ношении немецкого платья в Таре оказался невыполненным.

В мае 1722 г. напоминание об этом успехе воодушевило тарских жителей на новое сопротивление. Один из участников майских совещаний в доме полковника Немчинова позднее так рассказывал о них: «Да в прошлом же 722 году майа со 18-го числа по 24-е и по 30-е чисел они же, тарские градские и уездные жители, а имянно полковник Немчинов с товарищи, ссылаясь на прежнюю свою противность и собираясь к нему, Немчинову, в дом толковали о последнем времени и о антихристе и говорили все заодно: прежде де в бородах и платье мы стояли, да худа нам не было. А ныне де постоим попрежнему, захотят — так дадут нам именного наследника, за кого крест целовать. И для того они, тарчане, другой раз учинились воли и уставу его императорского величества противны, и ко присяге не пошли, отказали на письме с подписанием рук своих майа в 17-м и 30-м числах»⁴³.

30 мая было закончено обсуждение «противного писма», «и у того противного писма подписались он, Немчинов, дети боярские и казаки и других чинов по имяном 228 человек». Письмо было подано тарскому коменданту Глебовскому. Глебовский приказал всенародно прочесть письмо об отказе от присяги⁴⁴.

Приведением к присяге в Таре руководил присланный туда для этого сержант Островский. Сейчас трудно сказать, удалось ли ему кого-либо привести к присяге. 25 августа 1722 г. сибирский губернатор в первом рапорте в Сенат о тарских событиях писал: «На Таре городовые, уездные люди о наследстве российского престола многие к присяге не пошли, а возмутил де ими полковник Иван Немчинов и пустынные»⁴⁵. В прочих дошедших до нас источниках говорится в целом о «тарских жителях», отказавшихся присягать.

⁴³ ЦГАДА, ф. 649, оп. 1, № 1, лл. 4об—6об., 1об.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, лл. 1—об.

⁴⁵ Там же, л. 1.

Надежды тарских жителей, что их протест против безымянного наследника увенчается таким же успехом, как и прежний протест против немецкого платья, были весьма наивными. Несмотря на всю суровую решимость Петра Великого «в голландцев нарядить» своих подданных, объективно существовала огромная дистанция между тарскими движениями 1705 и 1722 г. Высшие правительственные учреждения и сам император, занимавшиеся этим делом, квалифицировали отказ от присяги как государственную измену, бунт. Движение шло к тому же под несомненным влиянием теории «Петра-антихриста», которая давно уже не импонировала преобразователю России. Дела Преображенского приказа тех лет показывают, что попадавшие под его опеку сторонники этой теории чрезвычайно редко оставались в живых. Казнить весь город с доброй частью сельской округи было, конечно, невозможно. Но свидетельства современников и архивные документы подтверждают, что следователи, военные и военные следователи, занимавшиеся тарским розыском, сделали немало для приближения к этому идеалу.

* * *

Между подачей «противного письма» и началом возмездия прошло две недели. Мы не знаем, что происходило в Таре в эти дни. Известно лишь, что многие «тарские противники», отказавшиеся присягать, успели тогда убежать из Тары и скрыться в старообрядческих лесных убежищах, пустынях. Петр Байгачев бежал в скит Сергия⁴⁶.

В Тобольске, кажется, не торопились сообщать в Петербург о тарских событиях, надеясь сделать это несколько позднее, одновременно с реляцией о принятых мерах. Из Тобольска в Тару был отправлен карательный отряд из 600 солдат и татар под командованием полковника Ивана Батасова. Авангард отряда во главе с капитаном Львом Ступиным 13 или 14 июня подошел к Таре и без сопротивления занял город. Немедленно начались первые аресты и допросы. Однако Батасов, в соответствии с полученной из Тобольска инструкцией, действовал сначала с крайней осторожностью. Инструкция приказывала на первых порах «их, противников, не ожесточать, чтоб они

⁴⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, л. 7об.; ГАТот, ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4697, л. 12.

не разбежались»⁴⁷. Батасов вступил в Тару с основными силами 16 июня, убедившись сначала в отсутствии какого-либо активного сопротивления. Тотчас все выходы из города были блокированы солдатами — инструкция предписывала не выпускать за пределы города ни одного жителя, чтобы обеспечить полное расследование и приведение к присяге всех тарчан.

Никто из главных руководителей движения не был арестован в первые дни, и полковник Батасов подходил к этому неизбежному этапу с крайней осторожностью. К тому же городской фискал Шильников уехал накануне под благовидным предлогом из города, не желая участвовать в розыске и даже приходить к присяге. От городского судьи Л. Верещагина И. Батасов тоже не мог ожидать помощи — судья считал, что всё следствие должен вести он сам, и всячески мешал Батасову.

Тем временем полковник Немчинов с 70 казаками занял оборону в собственном доме. Батасов письменно потребовал от них, «чтоб пришли они для слушания указа и разговоров». Осажденные направили для переговоров казака Ивана Подушу, который встретился с полковником Батасовым на квартире у последнего 25 июня. Подуша объявил, что собравшиеся в доме Немчинова отказываются слушать указы и принимать присягу, а при попытке взять их силой взорвут себя.

Решающие события произошли на следующий день, 26 июня. Батасов отправил к дому Немчинова отряд под командованием поручика Маремьянова. Немчинов вступил с ними в переговоры. 49 казаков Немчинова пожелало выйти из осады, они тут же были взяты под арест. Оставшиеся 20 чел. во главе с Немчиновым подожгли казачью пороховую казну, и дом Немчинова взлетел на воздух. Все 20 чел. были вытащены из огня солдатами Ивана Батасова. Пятеро наиболее пострадавших, включая самого Немчинова, были немедленно допрошены и скончались вскоре после допроса. Остальных вылечили — для мучительных пыток и казни⁴⁸.

---

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1671, л. 18.

⁴⁸ Немчинова посмертно четвертовали и «тело его в страх другим по копьям было разтыкано». Сцена эта изображена на одной старообрядческой миниатюре начала XX в.—ОР БАН, ф. 67, № 49, л. 57.

Отпущенный накануне Батасовым на поруки Иван Подуша в тот же день 26 июня «собравши многолюдством с противники, тарскими жители, в доме своем заперся». Однако и его сопротивление было вскоре сломлено. Начались повальные аресты ⁴⁹.

* * *

Подавление тарского протеста, страшный тарский розыск отнюдь не означали прекращения волнений в этом районе и во всей Западной Сибири. Наоборот, борьба с тарскими «противниками» стимулировала в 1722—1724 гг. новые вспышки протеста под старообрядческими лозунгами. Немногие дошедшие до нас источники не всегда четко отделяют эти вспышки от самоожжений 1721 г., вызванных протестами против введения двойного подушного оклада. Те и другие сливаются в единую цепь «гарей» первой половины 20-х годов, охвативших огромную территорию от Зауралья до Алтая. Широкий территориальный охват и крайняя жестокость, характерные для тарского розыска начиная с осени 1722 г., заставили многие сотни тарских жителей, крестьян ишимских, тюменских, ялуторовских деревень бросать насиженные места и бежать. Ловили старообрядцев, зачастую независимо от степени их причастности к тарским событиям, бежали же вместе со старообрядцами и люди, числившиеся верными сынами официальной церкви. Это явление, характерное для массовых урало-сибирских самоожжений в течение всего XVIII в., свидетельствует о немалой популярности старообрядческих лозунгов в крестьянской среде и о нечеткости границ тогдашнего раскола.

Инициаторами первых после тарских событий самоожжений явились Сергей и Иван Смирнов. Сами они отнюдь не заблуждались относительно ждущей их судьбы — их разыскивали еще в связи с отказом от уплаты двойного оклада, а события в Таре выдвинули Сергея и Ивана в число наиболее опасных противников власти. Обитатели обоих скитов готовились погибнуть в огне при первых же признаках правительственного насилия. Скит Сергея был захвачен, однако, настолько внезапно,

---

⁴⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, лл. 1—об.; ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1671, лл. 13, 18—об., 22—об.

что самосожжение там не состоялось. В беспоповском же скиту Ивана Смирнова гарь произошла, возможно, руководителем скита при этом уцелел и был затем арестован ⁵⁰.

По всей видимости, с тарскими событиями была очень тесно связана одна из наиболее крупных сибирских гарей XVIII в.— Елунская. Официальных известий о ней не сохранилось, а выговская литературная традиция не точна, умалчивает о дате события, слишком обобщенно сообщает о его размерах. Елунская беспоповская пустынь находилась в Томском уезде и возглавлялась братом известного выговского и уральского «расколоучителя» Гаврилы Семенова - Митрофанова Иваном (Терентием)⁵¹. Хорошо информированный выговский ренегат Григорий Яковлев в своем сочинении «Извещение праведное о расколе беспоповщины», написанном в 1788 г. в качестве пособия Синоду по искоренению раскола, сообщает интересные подробности Елунской гари. Самосожжение произошло в связи с тем, что Терентий «возмути... лжеучением своим тамо народ о бывшей тогда присяге... за наследнаго безыменно, а он лжеучением возумствова по прелести своей, яко бы за истиннаго уже антихриста быти, проповедав зле народам». Самосожжение, по словам Г. Яковлева, произошло, когда «бысть туды послан из Тайной канцелярии некто начальник таковых возмутителей сыскивать»; в огне погибло около 600 чел. Такая высокая цифра погибших является уникальной для всех урало-сибирских самосожжений XVIII в. Старообрядческий Синодик (с которым, впрочем, Г. Яковлев был знаком) называет то же число погибших в Елунской гари ⁵².

В материалах тарского розыска имеется краткое упоминание о каком-то самосожжении, состоявшемся «Томского дистрикта в Чюгунновой пустыни», однако ни даты, ни подробностей этого самосожжения не приводится ⁵³.

Несомненное сходство томских событий с тарскими и сам факт распространения тарского розыска на томских

⁵⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 3, № 815, л. 134 об.

⁵¹ Интересно и убедительно рассказывает об эпизодах деятельности этой семьи в Поморье, на Урале и в Сибири Е. И. Дергачева-Скоп—Дергачева-Скоп Е. И. Указ. соч., с. 44—51.

⁵² «Братское слово», 1888 г., № 6, с. 407—408; Пыпин А. Сводный старообрядческий Синодик.—В кн.: Памятники древней письменности, т. XXI. СПб., 1883, с. 26.

⁵³ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1725 г., № 1, лл. 45 об.—52.

старообрядцев свидетельствуют, что томские события, по-видимому, произошли вскоре после тарских, скорее всего, были спровоцированы тарским розыском⁵⁴.

Позднее в Тарскую канцелярию розыскных дел поступило из Томска сообщение еще об одном большом самосожжении: 2 июня 1725 г. в деревне Морозовой Бердского острога в доме крестьянина И. Морозова сгорело 147 «берских крестьян разных городов». Причина гари установлена не была⁵⁵.

В октябре 1722 г. тобольские власти были обеспокоены первыми известиями о волнениях ишимских, ялуторовских, тюменских крестьян. Источники не позволяют выявить полную картину этих самосожжений, неизвестно даже их число. Сейчас можно утверждать, что в этом районе осенью 1722 — весной 1724 гг. кроме упоминавшейся гари в скиту И. Смирнова произошли следующие самосожжения:

гарь в дер. Зырянской Тюменского дистрикта (незадолго до середины октября 1722 г.), гарь в дер. Коркиной на Ишиме Ялуторовского дистрикта; крупное самосожжение на р. Пышме, в котором по слухам, распространявшимся в середине октября 1722 г. в ялуторовских деревнях, погибло около 400 тюменских и ялуторовских крестьян; пресеченная властями попытка самосожжения 20—40 крестьян Ялуторовского дистрикта в верховьях р. Ука (вторая половина октября 1722 г.); возможно, что какая-то часть этих крестьян приняла участие в состоявшемся 25 декабря 1722 г. втором самосожжении в дер. Ировской Абацкой слободы, на Ишиме; 21 апреля 1723 г. жители 10 дворов дер. Камышевской на Исети в количестве 78 чел. собрались в дом отставного солдата Максима Дернова для самосожжения, после уговоров властей 7 из них оставили свое намерение, а остальные сгорели в начале мая; между 12 и 28 марта 1724 г. в болотистых лесах за р. Пышмой сгорело 145 чел., съехавшихся сюда из различных тюменских и ишимских деревень; среди них было и несколько жителей города Тюмени⁵⁶.

⁵⁴ Г. Яковлев приурочивает Елунскую гарь ко времени Екатерины I, но это грубая ошибка, не согласующаяся с другими сообщениями им фактами.

⁵⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 26, лл. 324—325 об.

⁵⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 3, № 815, лл. 134—135 об.; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1723 г., № 1, лл. 1—5, 16—35 об.; ф. 47, оп. 1, св. 4489, № 4697, лл. 2 об., 16—18; ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 441, лл. 46—4.

Несмотря на случайный характер и неполноту известий источников о большинстве этих трагедий, все же можно выделить несколько существенных моментов. Несомненно, что самосожжения, происходившие на обширной территории Зауралья, имели между собой тесную связь. Так, беглые крестьяне братья Авдеевы, собиравшие своих знакомых и родственников для самосожжения в верховьях р. Ук, напоминали им при этом о первой гаре на р. Пышме, называли имена общих знакомых, погибших там. Крестьяне дер. Ировской Абацкой слободы, в которой в начале 20-х годов произошло два самосожжения, принимали участие в организации второй гары на Пышме.

По составу участников этих трагических протестов наиболее цельную картину представляет гарь в дер. Камышевской — все 78 чел., собравшиеся для самосожжения, были жителями этой деревни, государственными крестьянами; в это число входит и 3 «гулящих», осевших в деревне. Жители окрестных деревень составляли, вероятно, большинство и в других самосожжениях; однако в обоих Пышменских гарях было немало крестьян, пришедших для самосожжения не только из ближних, но и из дальних сел. Во второй Пышменской гаре погибло несколько казаков, живших своими домами в тюменских деревнях, а также несколько тюменских жителей. Собравшиеся для второй гары на Пышме были обнаружены командой, посланной «для сыску беглых крестьян» Тюменского уезда. И позднее удельный вес беглых крестьян среди участников самосожжений оставался значительным; источники иногда отмечают беглых драгун, солдат.

Движение было стихийным. Наряду с сознательной агитацией видных расколуучителей гарь могла быть вызвана страстным призывом к протесту кого-либо из соседних крестьян, отнюдь не религиозного фанатика.

В октябре 1722 г. ялуторовские крестьяне собирались для самосожжения в верховьях р. Ук по призыву беглых крестьян-стариков Никифора и Тимофея Авдеевых и отставного драгуна Афапасия Логинова сына Меншикова. Главную роль в Камышевской гаре играл отставной солдат Максим Дернов. Организаторами второй Пышменской гары были крестьянин дер. Вошковской Тюменского дистрикта Борис Ильин сын Зырянов и двое молодых крестьян дер. Ировской Федор и Семен; позднее им помогал тю-

менский житель Горохов, предупредивший их о действиях посланной против них команды.

К организации некоторых из этих самосожжений, вероятно, имели отношение крестьяне, давно уже бежавшие из своих деревень и жившие в старообрядческих скитах; в своем новом качестве они подчас пользовались в близкой им крестьянской среде немалым авторитетом. Следует к тому же помнить, что грань между обычными беглыми, укрывающимися в «пустынях», и «скитскими старцами» в старообрядчестве этого времени не всегда бывала четкой⁵⁷. В лесах близ дер. Ировской, где дважды за 1721 — 1722 гг. были самосожжения, находился старообрядческий скит, обитатели которого приняли участие в Тарском бунте и разыскивались следователями⁵⁸. Возможно, что они как-то участвовали в подготовке самосожжений. В октябре 1722 г. в связи с делами о крестьянских самосожжениях в Ялуторовской слободе безуспешно разыскивался некий старец Ефрем, двоюродный брат тюменского сына боярского Игнатия Михайлова сына Корнилова⁵⁹. Но в целом в ялуторовско-тюменском движении влияние «скитских старцев» меньше, чем в тарском протесте.

Источники позволяют сделать интересные выводы о поводах и причинах крестьянских самосожжений. Митрополит Антоний сообщал в Синод, что в горях в деревнях Зырянской, Коркиной, Ировской и других сгорели крестьяне, «не хотящии под платежом быти двойного окладу, к соединению же матери нашей церкви святой не приклонившиися»⁶⁰.

Эти два мотива — отказ платить двойную подушную подать и отказ обращаться в православие — присутствуют и в других горях того времени. Крестьяне дер. Камышинской заявили, что сжигают себя «для того, что Рафаилова монастыря игумен Филипп, да Терсютской слободы поп Стефан Тимофеев принуждают их креститца троеперстным крестом». Собравшиеся для самосожжения на Пышме в марте 1724 г. 190 крестьян подали в Тюменскую вое-

---

⁵⁷ Покровский Н. Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. — В кн.: Классовая борьба, общественное сознание и культура крестьянства Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск (в печати).

⁵⁸ ГАТот, ф. 47, св. 6, № 440, л. 16; св. 448, № 4698, л. 1 об.

⁵⁹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1723 г., № 1, лл. 7—8.

⁶⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 3, № 815, л. 134 об.

водскую канцелярию письмо с объяснением причины само-
сожжения. Это — типичный документ старообрядческой
идеологии:

«Сего ради оставляем мы дома и все имение свое и идем
на вольную смерть за старопечатные седми соборов книги,
как святые нас паучили и изложили — ни едину черту
не пременили, а кто пременил или предвигнет, на того по-
ложена от святых отец клятва, а мы грешные обещались
Христу во святом крещении отрицатись сатаны и всех дел
его и мы, по обещанию святого крещения, желаем в том
умереть, аще не оставит господь бог нас, за старопечат-
ные книги, за Исусову молитву, за крест господень, за
святую алилуиа и за веру христианскую»⁶¹.

Особенно яркий материал о причинах протеста, о кре-
стьянских настроениях дает дело Тобольской консистории,
возникшее в связи с несостоявшейся гарью в деревне на
р. Ук. Узнав о намерении крестьян, ялуторовский комис-
сар Ф. И. Евлашев приказал арестовать зачинщиков
Авдеевых. Но лично знавший комиссара один из жителей
деревни, отставной драгун А. Меншиков, воспрепятство-
вал аресту и обратился к комиссару с письменным призы-
вом оставить крестьян в покое. Численный перевес был
на стороне крестьян: в эту маленькую деревню уже собра-
лось для самосожжения от двух до четырех десятков кре-
стьян; властям пришлось повременить с арестом. Когда же
через две недели сюда прибыла военная команда прапор-
щика Дальстрема, оказалось, что почти все собравшиеся
разбежались. В деревне остались лишь А. Меншиков и
Н. Авдеев, которых арестовали. У них были захвачены
яркие письма с призывами к самосожжению, а также кре-
стьянская переписка с комиссаром Ф. Евлашевым.

Эти документы свидетельствуют, что основой протеста
и здесь явились категорический отказ платить двойной
подушный оклад и нежелание подчиняться официальной
церкви. Крестьяне узнали, в частности, что на них «по-
дать и два положат». Официальная вера обличалась ими
как «дьявольская». Особое негодование вызывали петров-
ские нововведения. «Многие указы есть незаконные, велят
бороды брить и тремя персты креститца, и в пост мясо
ясть, и мы того боимся, а та ересь от еретиков...», — убеж-

⁶¹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1723 г., № 1, л. 2 об.; ЦГИА, ф. 796,
оп. 4, № 441, л. 47; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 49, опублико-
вано со многими ошибками.

крестьяне комиссара Ф. Евлашева. «И мы слышим, болском бороды обрили, и по слободам то же будет». тыяне пытались было задобрить комиссара привычным методом — взяткой. Но он почему-то «гостинца» не, что вызвало особенное беспокойство. Опять стали улировать слухи о наступлении «последних времен», жденные страшными событиями тарского розыска. гоит время жарко, никонияня востали, попустил бог ехи наши, и ныне время стоять за благочестие», — какапчивается один из крестьянских призывов к само- сению. Другой подобный призыв приведем целиком: Ыну моему благословение Гаврилу Архиповичю, твой крестовой Никифор Авдеев кланяюсь до лица аго. Помилуй свою душу, не преступи закона божия. тим указ пришел, драгунам жалованье, да им же и ды брить. И ты, Гаврило Архиповичь, не давай боро- юея ругать. Только изволишь, попадай к нам. Лучше на ради посреде града убиену быти, ежели еретиком змех и в ругании. А тленном богатстве не тужить. дп не изволишь, и ты проститься приедь. Здравствуй- да о том вам ведомость: скончались на Пышме ста с че-. От нас уехали Дементий..., да Афонасий Федотов, синья Максимовна, да из слободы человек десяток. лию Тихоновичю, Андрею Филипповичю от брата и ы поклон. Только изволишь побывать к нам, скажите оре да Татьяне»⁶².

олна самосожжений, прокатившаяся по сибирским ням вслед за Тарским бунтом, явилась своеобразной ой крестьянского протеста. Протест этот был тесно свя- : крестьянским побегом, с социальными мотивами — зольством податями, особенно двойным подушным дом. Временами здесь звучали нотки, которые власти зедливо рассматривали как политические: осуждение раторских указов, резкое обличение вполне закон- действий местных властей, квалификация господ- щей церкви как сатанинской организации. Эти само- сения были весьма далеки от сиподального идеала ния кроткого, без «лаяния» властей. Но все же это гиично старообрядческий ответ на насилие не силой, раданием». Мы видели, что чисто религиозные лозун- грали в идеологии этого протеста виднейшую роль.

ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1723 г., № 1, лл. 27 об.—28, 17 об.—18.

Пока происходили эти самосожжения в западносибирских деревнях, тарский розыск шел своим страшным чередом. Он продолжался невероятно долго. В 1725 г. Тарская канцелярия тайных розыскных дел сообщала о предварительных итогах розыска, причем подчеркивалось, что он далеко еще не окончен. Интенсивные поиски бежавших от следствия «тарских противников» шли в 1726 и 1727 гг. В 1735 г., когда на российском престоле был уже третий преемник Петра, в Сибири еще вешали и четвертовали людей, отказавшихся когда-то присягать безымянному наследнику. Полковник Батасов, следуя инструкциям не только Тобольска, но и Сената, поспешил арестовать руководителей (И. Подушу, Д. Вихарева, В. Исетского, Шевелясова), но вскоре выпустил около 60 второстепенных участников движения. Среди них оказались люди, подписавшие «противное письмо», впоследствии многие выпущенные были арестованы вторично. В эти месяцы еще не было охоты за древними книгами и старообрядческими сочинениями как за наиболее важными вещественными доказательствами. Преображенский приказ не признал справедливым донос судьи Л. Верещагина, обвинявшего полковника Батасова в сочувствии и послаблениях бунтовщикам. Но Батасова после следствия в Преображенском приказе так и не вернули в Тару.

На деле, однако, он был отстранен от тарского следствия еще раньше, с начала ноября 1722 г. Этим временем датируется резкое ужесточение следствия, расширение охваченной им территории. По указу Сената для ведения следствия была создана специальная Тарская канцелярия розыскных дел, во главе которой был поставлен сибирский вице-губернатор А. К. Петрово-Соловово. П. А. Словцов на основании данных не дошедшего до нас рукописного сборника писал, что это был «человек с злою душою, корыстолюбец и сластолюбец»⁶³. Он направился в Тару с широкими полномочиями во главе большого вооруженного отряда. По дороге 9 ноября он неожиданным нападением занял пустынь Сергия, захватив там около 170 чел. и богатую добычу. Материалы следствия пополнились 48 старообрядческими сочинениями

⁶³ Словцов П. А. Указ. соч., с. 276.

документами, 38 рукописными и 35 печатными книгами. скиту было захвачено 6 винтовок и ружей, немало хозяйственного скарба, 102 четверти зерна и муки⁶⁴.

Хотя Сергей назвал следователям немало имен, он уржался на следствии смело и даже вызывающе. Позднее и был четвертован. Казак Иван Подуша на следствии заявил, «что противность учинили право, и для того он впредь присягать не хочет»⁶⁵. Петр Байгачев во время захвата скита Сергея сумел бежать, но вскоре был арестован посланной специально для его поимки экспедицией в главе с судьей Л. Верещагиным. Последний, однако, взятку дал П. Байгачеву возможность зарезаться. (а что только не давали взяток в петровской Руси!)

Ивану Смирнову, кажется, каким-то неизвестным путем удалось выпутаться из этого следствия — он, возможно, отделался лишь наказанием кнутом и принятием православного причастия. Его роль в событиях оказалась выясненной. Большая популярность среди крестьян уралья его эсхатологических идей будет отмечена в связи с Толоконцевской гарью 1736 г.⁶⁶

Многие казаки и «скитские старцы» были казнены — повешены, колесованы, четвертованы, посажены на кол. Несколько сот казаков и крестьян, включая беглых, захваченных в скитах, были «в Таре сечены кнутом мужеска полу по сту, а женска полу по пятидесят ударов»; тем их приказали обратить в православие, «крестьян разделить в тягло на прежние жилище с порукою, чтоб и впредь от тягла не бежать и с раскольниками не сообщаться и в раскольнические пустыни, как мужеска, так женска полу не ходить»⁶⁷.

«По всем дорогам, выходящим из Тары,— пишет А. Словцов,— стоят большие деревянные кресты, по словам жителей, для молебствий, по словам же других, для надпоминания казней, тут совершавшихся... До 800 человек, в деле замешанных, казнено. Не одна будто бы тысяча разослана по Сибири и в Рогервик»⁶⁸. Л. Верещагин показывал в Преображенском приказе: «А по сыску

⁶⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, лл. 2—15 об.; ГАТот, ф. 156, 1, 1725 г., № 1, лл. 45 об.—52.

⁶⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, лл. 1 об.—2.

⁶⁶ См. гл. III настоящей работы, с. 105—106.

⁶⁷ ГАТот, ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4697, лл. 12—об.

⁶⁸ Словцов П. А. Указ. соч., с. 276—277.

вице-губернатора Александра Кузмича (Петрово-Соловово.— *Н П.*) сыскались многия тысячи душ»⁶⁹. Подследственных содержали в Таре и Тобольске в отчаянной тесноте. В разгар розыска летом 1723 г. выявилась острая нехватка караульных солдат: А. К. Петрово-Соловово требовал у тюменского воеводы 220 солдат для смены караульных, но тот смог выслать лишь 88 чел., большей частью конных татар⁷⁰.

Отрывочные данные источников о составе наказанных и разыскиваемых по тарскому делу называют казаков, крестьян, «скитских старцев». Часто называются «тарские жители» без обозначения сословной принадлежности. Упоминаются отставные беломестные солдаты и казаки, жившие в «ыртышских крепостях», в Тобольске. Среди содержавшихся в Тобольске «тарских арестантов» случайно называется сибирский дворянин Василий Чередов, вероятно, родственник одного из руководителей тарского движения 1705 г. Якова Чередова. Среди разыскиваемых был «неверстаной сын боярской Андрей Грибановской». Но преобладали в делах розыска, несомненно, казаки, крестьяне и «скитские старцы»⁷¹.

Следствию удалось распутать многие из тысячеверстных связей, соединявших старообрядческие центры, тайные убежища беглецов. Розыск распространяется на все новые территории, включая томские и кузнецкие скиты. Показания некоего старца Филарета открыли целую

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, № 1671, л. 15.

⁷⁰ ГАТОН, ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4697, лл. 4—7. В. И. Сергеев любезно сообщил нам интересные сведения о слухах, порожденных тарскими событиями в Джунгарии. На приеме 15 апреля 1723 г. контайша Цеван-Рабтан спрашивал русского посланника И. Унковского: «Есть де выходцы барабинцы и сказывают, что Тару город взяли, ты де о том не известен ли, а хто взял, про то не знают». Унковский разъяснил, что никакие внешние враги Тару взять не могли, а просто государь изволит наказывать тех, которые «учинили противно указу его императорского величества, для того послан из Тобольска полковник с солдатами». Поскольку контайша уже знал о многочисленных арестах в Таре, Унковский подтвердил, что в самом начале следствия в Таре за караулом было больше ста «противников», а в Тобольске около 30 и что многих из них ждет смертная казнь.

⁷¹ ГАТОН, ф. 47, св. 6, № 440, лл. 16—16 об.; св. 448, № 4698, л. 1 об.; ф. 156, 1753 г., № 53, лл. 50—51; ф. 156, оп. 1, 1725 г., № 1, лл. 45 об.—52; ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, ч. 1, № 1672, л. 4 об.; Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II. СПб., 1885, с. 449—450.

ушу последователей беспоповского поморского соглашения во главе с упомянутым уже видным деятелем Выговской пустыни Гаврилой Семеновым; их обвиняли в «толковании непристойных слов». Хотя большая часть их жила тогда в самом Тобольске, почти всем им, включая Г. Семенова, удалось скрыться. Следователи узнали о немалой роли в тарских событиях Аремзянской пустыни и произошли в ней многочисленные аресты. Розыск велся и в тех менских и ялutorовских деревнях, где происходили мосожжения. В материалах II ревизии есть указания то, что к тарскому розыску вызывали крестьян Чаусско-острога ⁷².

Понятно, что столь широкие репрессалии вызвали недавнюю волну бегства. В 1737 г. было удовлетворено прошение крестьян слобод Татмыцкой, Бергамацкой и Ернолуцкой Тарского уезда, просивших о выключении подушного оклада 119 душ мужского пола, крестьян разночинцев, бежавших в 1724 г. от тарского розыска Кузнецкий и Томский уезды. Тогда же по Кузнецкому уезду возникло еще несколько подобных дел: о 27 беглецах из Шипициной и других слобод Тарского уезда, о беглецах из Коркиной слободы Ишимского дистрикта ⁷³. Современники говорят о запустении Тары и длительном падке тарской торговли. В частности, Г. Ф. Миллер общал, что тарские купцы, включая богатых, «отчасти двота, и прочие чести и имения лишились», так что и рез 20 лет вся тарская торговля находится в руках харцев и татар ⁷⁴.

В 1723 г. «июня 3-го дни всепресветлейший державный Петр Великий, император и самодержец Всероссийский, будучи в Иностранной коллегии», слушал доклад об успехах тарских следователей. Он приказал до окончания розыска крепче стеречь Сергия и обратить особенное внимание на идеологическую сторону — тщательнее раскидывать и сжигать «рукописменные книги», а печатные книги и письма отправлять для экспертизы в Синод ⁷⁵.

В начале 1725 г. А. К. Петрово-Соловово «с розыскными тарскими делами» отправился в столицу для доклада

⁷² Эти сведения нам любезно предоставила М. М. Громыко. — АНО, ф. 105, № 1, л. 199 об.

⁷³ ЦГАДА, ф. 517, оп. 1, № 64, лл. 1—28, 35, 40.

⁷⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 183, л. 19.

⁷⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 4, № 360, л. 2 об.

новому правительству Екатерины I. Но Тарская розыскная канцелярия отнюдь не прекратила своей деятельности, вскоре последовали дополнительные указы о сыске еще не найденных «тарских противников». 28 декабря 1725 г. Сенат принял решение распространить на находящихся еще под следствием по тарскому делу амнистию в связи с вступлением на престол Екатерины I. Амнистии подлежали лишь те, которые теперь согласны были принести присягу. Сибирская губернская канцелярия от себя прибавила еще одно существенное условие амнистирования — обращение из раскола в православие. Кроме того, в Тобольске рассудили, что монаршую милость должно почувствовать как можно больше людей, и поэтому мероприятия по амнистированию следует начать со спешного доарестовывания всех еще не разысканных «противников». В приложении к указу Сибирской губернской канцелярии от 19 декабря 1726 г., в котором возвещалось об амнистии, был длинный перечень разыскиваемых — более 40 казаков, 10 пустынников, включая известного деятеля поповского софрониевского толка Тарасия. В 1730 г. 89 дворянам и казакам, сосланным по тарскому делу, было разрешено вернуться домой. А последние известия о повешении и четвертовании «тарских противников» относятся к 1735 г.⁷⁶

* * *

История Тарского движения протеста весьма поучительна. В нем приняли участие довольно широкие слои западносибирского крестьянства и служилых — общее число погибших в самосожжениях, наказанных властями и бежавших от розыска исчисляется тысячами. Наиболее опасным правительство справедливо считало присоединение к движению казаков. Протест тарского казачьего гарнизона заставил власти бросить на подавление движения значительные военные силы. «Тарских противников» из числа казаков преследовали особенно жестоко и настойчиво. Население Тары поддержало протест. Немалую

---

⁷⁶ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1725 г., № 1, лл. 53 об.—54; ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4698, лл. 1—2 об.; св. 6, № 440, лл. 15—16; Словоцков П. А. Указ соч., с. 276—277; Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 7, лл. 272—273.

роль в движении играли крупные скитские центры, наполненные тогда беглыми крестьянами и солдатами.

Социальные, политические и религиозные моменты сложно переплетались и взаимодействовали в ходе этого движения. Подспудная социальная причина — протест против налоговых тягот, в первую очередь против двойного подушного оклада — несколько раз проявлялась открыто в лозунгах и требованиях участников движения. Наибольшую остроту придавал ему, однако, политический протест — отказ от присяги, что вызвало яростную реакцию правительства. Но этот протест был теснейшим образом связан с религиозной эсхатологической идеологией, и власти хорошо уяснили себе эту связь. В ходе розыска были разгромлены многие старообрядческие центры, а вскоре, 14 июня 1724 г., конференция Сената и Синода приняла специальное определение: «Раскольнические дела причислять к злодейству, а не к истцовым делам, понеже раскольническая прелесть, упрямства наполненная, правоверию противна и злодейственна есть»⁷⁷. Старообрядчество дало этому движению готовые идеологические формы, фанатичную стойкость, умелых организаторов, вышедших из народной среды и близких ей. Но эта же старообрядческая идеология привела к тому, что движение часто ограничивалось ненасильственными формами борьбы, отчаянными актами самоуничтожения.

Различные течения и направления старообрядчества объединились в тарском протесте. Очень показательна эволюция позиции Сергия. Сначала этот выходец из стрельцкой среды, дерзко отвергающий петровские нововведения, склонен тем не менее к компромиссу с властями, даже просит их содействия в борьбе против соперничающего скитского центра. Но в обстановке начавшегося движения он резко меняет свою позицию, убеждая тарский гарнизон, городских и уездных жителей стойко выступить против присяги. Основным документом движения — «противное письмо» — написан под его воздействием. Подобный поворот объясним. В тогдашних условиях умеренное крыло урало-сибирского старообрядчества, ищущее компромисса с властями, еще должно было чувствовать себя весьма неуверенно. Мощная поддержка Демидовых, торгового Шарташа, богатых тюменских купцов-

⁷⁷ Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 98—99.

старообрядцев была еще делом будущего. Власти не обладали необходимой для поддержки этого направления гибкостью, да и не чувствовали особого желания поддерживать его. А тревожные настроения крестьянских масс были недвусмысленны. В условиях однозначного подавления старообрядчества даже самые умеренные «расколочители» принуждались к радикальным действиям, в которых объединялись поповцы и беспоповцы.

Говоря об итогах движения, мы с удивлением отмечаем, что они были немалыми. Конечно, не могло увенчаться успехом требование отмены безымянной присяги. Но другое важное требование — отмены двойного подушного оклада — было учтено местными властями. Митрополит Антоний 18 февраля и 20 августа 1723 г. поспешил заверить столицу, что все раскольники в его епархии сторели и новых не наблюдается. Он опирался при этом на донесения местного духовенства, которому не хотелось лишаться такого обильного источника нелегальных доходов, как тайные старообрядцы ⁷⁸. Несмотря на неоднократные напоминания из центра, местные власти не проявили достаточной настойчивости для разоблачения этой наивной уловки сибирского духовенства. В 1726 г. во всей Сибири значился лишь один записной старообрядец, в 1732 г. — пять; все по городу Таре ⁷⁹. Лишь во второй половине 30-х годов XVIII в. Василий Никитич Татищев возмутится столь явным нарушением петровского законодательства и начнет яростную и небезуспешную борьбу за запись урало-сибирских старообрядцев в двойной подушный оклад.

Тарский розыск нанес немалый удар по старообрядчеству на востоке страны. Но случилось так, что в это самое время архиепископ Питирим разгромил крупнейший керженский центр старообрядчества, и десятки тысяч беглецов вынуждены были искать убежища в других местах. Немалая часть их направилась на восток, под защиту исключительных прав, полученных на Урале Демидовыми.

---

⁷⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 3, № 807, лл. 137 об. — 138; № 805, л. 134 об.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кв. 766, лл. 161—162 об.

УРАЛО-СИБИРСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ,
В. Н. ТАТИЩЕВ и ДЕМИДОВЫ
В 1735—1737 гг.

События 1735—1737 гг., связанные с урало-сибирским старообрядчеством, представляют собой одну из тех кризисных ситуаций, когда особенно ярко и на первый взгляд неожиданно проявляются многие важные процессы, обнаружить которые в предшествующее более спокойное время источники не всегда позволяют.

Глухое ко многим тенденциям национального развития правительство Бирона будет привычно рассматривать старообрядчество только как враждебную государству силу, годную в лучшем случае в качестве подходящего объекта вымогательства всевозможных подношений — от диковинных северных оленей для самой императрицы до полумеры чеснока, «позаимствованной» уральским приходским священником после религиозного диспута в старообрядческом доме.

Столь примитивная правительственная позиция затормозила еще на треть века первые законодательные попытки превратить торгово-промышленную верхушку старообрядчества в союзника абсолютизма. Стремление наиболее влиятельных представителей этой верхушки договориться с правительством, выработать какой-то компромисс, который позволил бы ей противостоять старообрядческим традициям борьбы с государственными и церковными властями, это стремление разбилось о жесткий курс правительства. Это не могло не сказаться на соотношении различных социальных, догматических, политических течений внутри урало-сибирского старообрядчества.

30-е годы XVIII в., когда серьезным испытаниям подвергся единственный крупный центр старообрядчества, Выговская пустынь, как-то ладившая до сих пор с прави-

тельством, были годами решительного наступления властей и на урало-сибирское старообрядчество. Знаменитая поморская община выжила и избежала прямого столкновения с властями лишь потому, что капитулировала перед категорическим требованием правительства доказать свою лояльность принятием официальной формулы моления за монарха. На востоке события во многом разворачивались иначе. Это объясняется в первую очередь различным соотношением умеренного торгово-промышленного и радикального крестьянского старообрядчества на севере и на востоке, гораздо большей децентрализацией урало-сибирского старообрядчества по сравнению с поморским. Даже в Выгореции решение подчиниться правительственным требованиям победило с немалым трудом, было принято не всеми и привело к окончательному отделению филипповцев. В Сибири же, как и на Урале, ни один из скитов не обладал и частицей той силы, того монопольного авторитета, которые сконцентрировали в своих руках соборные старцы процветающей торговой Выгореции. Даже наиболее влиятельные и знаменитые из хозяев тайных лесных убежищ Урала, Ишима и Алтая не имели возможности забыть, что их существование зависит не только от милостей Демидовых и Осокиных, но и в огромной мере от отношения к ним соседних крестьянских миров. Да и сами эти скиты почти исключительно состояли из беглых¹.

Своеобразная ироническая логика истории видится в том, что активным проводником консервативнейшей линии правительства Анны Иоанновны в этом вопросе, в некоторой мере даже инициатором невиданной ранее по масштабам полпцейской акции по искоренению противников официального православия явился просвещеннейший поборник государственного подхода и казенного интереса Василий Никитич Татищев.

Предшественник В. Н. Татищева в должности начальника урало-сибирского горпозаводского округа де Геннин отличался веротерпимостью и предпочитал по возможности не вмешиваться в вероисповедные проблемы. Консistorия не раз жаловалась, что не может получить от

---

¹ См. об этом: Покровский Н. Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. — В кн.: Классовая борьба, общественное сознание и культура крестьянства Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск (в печати).

него должной поддержки для искоренения старообрядчества на заводах². Не только на Урале, но и в придворных кругах секретом Полишинеля являлось то, что снисходительность Геннина обходилась уральским старообрядцам в несколько тысяч рублей в год³. Такса эта считалась умеренной, а техническую сторону сбора сумм обеспечивали видные старообрядцы из влиятельнейших заводских приказчиков. Немалая часть суммы доставлялась, вероятно, их хозяевами — в первую очередь Демидовыми и Осокиными. Это была довольно-таки стабильная система, обеспечивавшая не только дополнительные доходы высокого начальства, но и, главное, постоянное пополнение рабочей силы на заводах за счет беглых.

Тысячи беглых в уральских лесах и в самих заводских поселках являлись фактором огромного значения для частной горнозаводской промышленности Урала, а затем и Сибири. При этом эксплуатация какой-то части этих беглых осуществлялась не только после того, как заводчики различными способами добивались их приписки к заводам. Важную роль играло спорадическое использование на заводских работах беглых, продолжающих считаться таковыми по феодальному законодательству и отнюдь не приписанных к заводам. Это существенный резервуар своеобразного вольнонаемного труда, и пока крепостническое государство не в силах окончательно совладать с ним, частная горнозаводская промышленность с выгодой использует его, достигая более высокой, чем на казенных заводах, производительности труда. Даже данная В. Н. Татищеву при вступлении в новую должность инструкция с удивлением констатировала, что на демидовских заводах подчас вчетверо меньшим числом рабочих выдают вдвое больше продукции, чем на казенных⁴. Но для Татищева здесь был прежде всего беспорядок, причем двойной: нерадивость администрации казенных заводов и противозаконное пронырство частных заводчиков. Бесконтрольное распоряжение Демидовых, Осокиных, Строгановых, Воронцовых людскими и природными ресурсами целого края, сведения о зловещих

---

² ПГИА, ф. 796, оп. 11, № 147, лл. 1—9 об.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. X (Т. 19—20). М. 1963, с. 490—493.

⁴ ПСЗ, т. IX, № 6559, с. 293.

подвигах рыцарей первоначального накопления на уральской земле задолго до 1734 г. вызвали возмущение В. Н. Татищева, который еще в юности мог достаточно ознакомиться с положением вещей в уральском горнозаводском деле и обращал внимание Петра I на вопиющие беззакония, чинимые заводчиками.

Теперь действительный тайный советник Василий Никитич был наделен большими полномочиями в качестве начальника всего урало-сибирского горнозаводского округа, и он был полон стремления ввести деятельность владельцев частных заводов в законодательные рамки, определенные абсолютистским государством. Именно в жесткой государственной регламентации знаменитый автор Горного устава видел первое условие процветания партикулярных заводов и одновременно лучший способ казенной помощи заводчикам для приведения их к согласующемуся с законами империи благоденствию⁵. Проблема незаконного использования на заводах труда беглых была здесь одной из самых острых. Государство не могло терпеть такой значительной утечки крепостных, нарушения основ феодального правопорядка и интересов помещиков.

В. Н. Татищев, сам будучи помещиком рачительным и экономным, крестьянского побега, естественно, не любил и поддерживал всей душой законодательство против беглых. Однако в качестве горного начальника он должен был памятовать и о той давно уже известной ему истине, что если неукоснительно возвращать беглых с Урала, то заводы останутся без рабочих рук. Хотя само правительство давно искало здесь какого-то компромисса, данная В. Н. Татищеву при его назначении 23 марта 1734 г. императорская инструкция⁶ была весьма категоричной: ему предписывалось строго следить за частными заводчиками, чтобы они «беглых крестьян не приманивали и не держали» и «чтоб пришлые из русских городов ни под каким именем как при казенных, так и при партикулярных заводах не селились и на житье не оставались, и таковым в слободах жениться не оставлять»; всех же обнаруженных беглых немедленно переписать, списки прислать в Пе-

---

⁵ Бак И. С. Экономические воззрения В. Н. Татищева. — «Исторические записки», 1955, т. 54, с. 366—375.

⁶ ПСЗ, т. IX, № 6559, с. 292—294.

тербург, а беглых возвращать по первому требованию помещиков.

Татищев в доношении императрице в поябре 1734 г. доказывал: «Здесь и все для заводов населено крестьянами, и ежели их раздать, то не токмо подушных денег за них платить, но и работать при заводах будет некому»⁷. Однако вскоре он, следуя инструкции и указам Раскольничьей конторы, приступил к переписи беглых на заводах и в соседних лесных убежищах, надеясь затем приписать их всех к заводам⁸. Приблизительно такой плап изложил он умеренным заводским старообрядцам из числа богатых приказчиков, доказывая им, что в сложившейся обстановке уральскому старообрядчеству представляется уникальная возможность наладить свои отношения с государством. Для этого следует лишь переписать всех беглых на заводах и, особенно, в скитах, чтобы положить их затем в двойной подушный оклад (а быть может, приписать к заводам: здесь В. Н. Татищев был не вполне откровенен со своими старообрядческими собеседниками). Богатые старообрядцы-приказчики были непрочь помириться с властями, а В. Н. Татищев очень хотел переписать всех беглых и ликвидировать соблазнительное беззаконие. Вероятно, он писал правду, сообщая в октябре 1735 г. в Кабинет, что приказчики склонились на его уговоры согласиться с проведением переписи на заводах и в скитах. Однако действительность этого соглашения зависела от степени реальности полномочий обеих сторон. Вскоре выяснилось, что ни В. Н. Татищев не мог говорить от имени правительства, ни заводские приказчики — от имени всего урало-сибирского старообрядчества, всей массы беглых. К реакции правительства на действия В. Н. Татищева мы вернемся вскоре. Что же касается старообрядцев, то большинство их предпочло уклониться от сомнительной переписи, не считая таким уж благом возможность законно платить двойной подушный оклад и справедливо опасаясь, что дело не ограничится лишь этим. Однако еще до того, как обстановка окончательно определилась, заводские приказчики сделали попытку вернуть

⁷ Бак И. С. Указ. соч., с. 376. См. также доношение 4 октября 1736 г.: *Собрание постановлений по части раскола состоявшихся по ведомству св. Синода*. СПб., 1860, кн. I, с. 350.

⁸ ГАТот, ф. 47, св. 448, № 4701, лл. 6—10.

старые блаженные времена при помощи испытанного средства — взятки.

Но момент был неудачным. Как раз перед своим назначением в Екатеринбург Василий Никитич имел веский повод пожалеть о былой своей откровенности, когда он искренне доказывал самому августейшему преобразователю России, что разумная взятка поощряет полезное для государства служебное рвение взяткополучателя. Уже при Анне Иоанновне разоблачение соответствующих этой теории действий начальника Монетного двора В. Н. Татищева грозило ему немалыми неприятностями. Императрица, правда, замяла дело, памятуя о заслугах Татищева во время борьбы при ее восшествии на престол. Однако Татищев получил не оправдание, а лишь помилование. В Екатеринбурге он демонстрировал свою неподкупность. Верхушка екатеринбургского старообрядчества была поражена невероятным известием, что новый савонник отказался принять традиционное подношение в 1000 руб. Успокоительная интерпретация происшедшего — будто неувязка произошла лишь из-за цены — рухнула уже на следующий день, когда Татищев отказался и от удвоенной взятки. Не помогли искренние разъяснения, что такса именно такова. Уральские старообрядцы поняли, что надо готовиться к крупным неприятностям.

Вот как это описывал сам В. Н. Татищев в письме к Остерману (рассчитывая, конечно, на то, что императрице станет известно о его бескорыстии и о коррумпированности его предшественника). «О здешних делах ныне иного допести не имею, токмо что раскольников по всем заводам стали переписывать, и хотя я думал, что их душ 1000 либо наберется, однако слышу от них самих, что их более 3000 будет. От оных приходил ко мне первый здешний купец Осенев и приносил 1000 рублей, и хотя притом никакой просьбы не представлял, однако ж я мог вырзуметь, чтоб я с ними так же поступил, как и прежние; я ему отрекся, что мне, не видя дела и не зная за что, принять сумнительно. Назавтра пришел паки, да с ним Осокиных приказчик Набатов и принес другую тысячу; но я им сказал, что ни десяти не возьму, понеже то было против моей присяги. Но как они прилежно просили и представляли, что ежели я от них не приму, то они будут все в страхе и будут искать других мест, и я, опасаясь, чтоб никакого вреда не учинить, обещал им оныя принять,

когда о невысылке их указ получу, а до тех бы мест держали те деньги у себя, и с тем их отпустил»⁹.

В такой примечательной обстановке произошла первая встреча начальника Сибирских и Казанских заводов с двумя влиятельнейшими приказчиками, которым суждено было сыграть немалую роль в событиях 1735—1737 гг. В истории урало-сибирского раскола XVIII в. им принадлежит весьма заметное место.

Они были друзьями, и в судьбе их было немало сходного. Оба были беглыми. Родион Федорович Набатов происходил из семьи крепостных крестьян Троице-Сергиевской лавры, еще в ранней юности бежал на Урал¹⁰, в скитаниях стал постепенно умелым рудознатцем, услугами которого с немалой выгодой пользовались Петр Осокин и Акинфий Демидов. Он открыл несколько месторождений железных и медных руд, «построил и в действие произвел» известный Иргинский завод, осокинские соляные промыслы в Кунгурском уезде. Он находился в близких отношениях с семейством Осокиных; когда позднее сын Петра Осокина Михаил пошел на немалый риск, открыто перейдя из православия в старообрядчество, Родион Набатов играл в этом деле активнейшую роль, что стоило ему свободы и жизни. Родион Набатов пользовался доверенностью и Акинфия Демидова, несколько раз занимал на его уральских заводах высокие административные посты, управлял от имени Демидова Колывано-Воскресенскими заводами. Его административная деятельность часто была связана с дальними разъездами не только по Сибири и Уралу — например, незадолго до вышеописанного разговора с В. Н. Татищевым он вернулся из служебной поездки в Петербург. Набатов использовал эти поездки как для торговли, так и для связи со многими старообрядческими деятелями. Он был грамотен, владел целой библиотекой, где среди многочисленных церковнослужебных книг, сочинений Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, Иосифа Волоцкого, сборников поучений встречаются какая-то летопись, «Описание Рима с пределами» и попу-

---

⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. X (т. 19—20), с. 490—491.

¹⁰ Позднее он сманил в побег на уральские заводы 69 душ (м. п.) своих родственников и односельчан. См. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в., М., 1962, с. 496—497.

лярное руководство по черной и белой магии Раймунда Люллия.

На окраине Нижнего Тагила Родиону Набатову принадлежал хорошо известный лесным пустынноикам и беглым крестьянам обширный двор, где под самым носом властей тайно расположился целый старообрядческий монастырек на 5 келий, на всякий случай укрепленных «с великою крепостию» — предосторожность эта оказалась впоследствии не лишней¹¹.

Иван Степанов сын Осенев был из ясашных крестьян Казанской губернии. В 1714 или 1715 г. он вместе с отцом бежал в Хохломскую дворцовую волость Балахонского уезда, а когда их и там настиг подушный оклад, они в 1723 г. передвинулись еще дальше, на екатеринбургские заводы. Сначала они время от времени приезжали в Хохломскую волость для уплаты податей, затем, преуспев в торговле, перестали это делать и как-то, при небескорыстной помощи Геннина, легализовали свое положение в Екатеринбурге. С 1718 г. Осеневы открыто перешли в раскол и были положены в двойной подушный оклад. Торговые дела Ивана Осенева шли успешно, по-видимому, он довольно быстро стал вести торговые операции не только от своего имени, но и от имени Петра Осокина и Василия Демидова, принимал какое-то участие в заводских делах. Перед вышеописанной беседой с В. Н. Татищевым он вернулся из торговой поездки в Москву. К этому времени Иван Осенев был владельцем двух дворов в Екатеринбурге и одного при Шайтанском заводе; каждый двор состоял из 3—4 жилых и нескольких хозяйственных построек. Осеневу принадлежала купленная им семья дворовых Федоровых из 6 человек. Они жили в его дворе при Шайтанском заводе вместе с матерью Ивана Осенева Агафьей Кондратьевой дочерью, происходившей из семьи олонечских крестьян-старообрядцев. Она сохранила связь с известными центрами старообрядчества в Поморье и

---

¹¹ЦГИА, ф. 796, оп. 37, № 542/402, лл. 1—28; ЦГАДА, Госархив, ф. 7, № 559, лл. 54—64 об; ГААК, ф. 1, № 36, св. 18, лл. 12 об.—80 об. Каталог его библиотеки см. Покровский Н. Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества.—В кн.: Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока, вып. 14. Новосибирск, 1973, с. 26—27.

на Керженце и самым активным образом распространяла беспоповщинское старообрядчество на Урале. Ей помогал в этом «купленной в Питербурге чюхонской породы Петр Стефанов», принявший старообрядческое крещение от известного на Урале старца Якова и записанный затем в подушный оклад по дер. Таватуйской, а также «новокрещенная (в раскол.— Н. П.) девка башкирской породы».

Дом Осенева при Шайтанском заводе был полной чашей — 6 лошадей, 3 коровы, огород, 2 саней, 2 ковра и т. д.; одних предметов столовой и кухонной утвари опись 1736 г. насчитала 108. Один из двух своих екатеринбургских домов И. Осенев сдал (формально — за свой старый долг в 36 руб.) очень нужному для него человеку — екатеринбургскому таможенному комиссару Григорию Карташову.

В Екатеринбурге И. Осеневу принадлежали 3 лавки, но он предпочитал сам не торговать в них и отдавал их в аренду. Одна из лавок была сдана Осеневым в аренду П. Осокину, сделку эту от имени П. Осокина заключал Р. Набатов, и она была, несомненно, много сложнее, чем простая аренда торгового помещения — власти, например, так и не смогли узнать размер арендной платы и характер взаимных торговых интересов Осокина и Осенева. Торговые операции И. Осенева охватывали немалые территории — заводы Урала и Предуралья, Уфу, западносибирские крепости, Тобольск и низовые сибирские города, обе столицы. Уезжая в 1736 г. в Тобольск по хлопотным старообрядческим делам, весьма далеким от торговли, И. Осенев взял, однако, с собой большую партию товара для продажи в Тобольске и для отправки в низовые сибирские города. В тобольской таможене он явил тогда 1300 руб. торговой выручки наличными; деньги эти целиком ушли на оплату какой-то вексельной операции с тобольским посадским человеком И. Притуповым. Следует сказать, что И. Осенев вообще широко прибегал к кредиту в ходе своих торговых сделок. В мае 1736 г. за ним числилось по 7 заемным операциям долга на 914 р. 35 к., в том числе 198 руб., занятых у известного тульского купца А. Г. Пастухова. Интересно, что И. Осенев, предлагавший вместе с Р. Набатовым В. Н. Татищеву взятку в 2000 руб., спустя несколько месяцев сам оказался должен этому сановнику 150 руб.; скорее всего, деньги

эти были даны Татищевым Осеневу для какой-то покупки¹². Среди торговых контрагентов И. Осенева был и Яков Корнильев — родоначальник знаменитого тобольского купеческого рода¹³.

Иван Осенев, обладавший, как и Родион Набатов, немалым организаторским талантом, направлял его отнюдь не только на торговые и финансовые сделки. Среди книг его шайтанского дома было немало учебных. Консистерия знала, что этот дом — один из центров обучения старообрядчеству крестьян соседних деревень. И Осенев, и Набатов вели жизнь деятельную и подвижную. Успехи в торговле, горнозаводском деле позволили им вырваться из рутинного сельскохозяйственного быта крестьянской семьи, приобрести немалые капиталы и вместе с ними положение на заводах. Но это были успехи полулегальные; Р. Набатов при всем своем влиянии юридически был беглым крепостным, И. Осенев — ясажным крестьянином. Хотя И. Осенев был мягче, податливее своего друга, им обоим часто приходилось смело преступать рамки закона даже в делах торговых и заводских, не говоря уже о старообрядческих (И. Осенев, например, свою поездку в Москву в 1735 г. использовал, рискуя вечной каторгой, для контрабандной покупки большой партии пороха, который он надеялся с выгодой продать в Сибири)¹⁴. Пробившись в торгово-промышленную верхушку старообрядчества, они по своему новому положению, естественно, тяготели к более умеренному, компромиссному курсу в отношениях старообрядцев с властями. До тех пор, пока относительная бесконфликтность этих отношений покупалась подношениями Геннину, они посильно участвовали в функционировании этой системы откупа от властей. Но они как по происхождению, так и по характеру своих связей, по неустойчивости своего нового положения, были еще близки к крестьянской среде, могли успешно действовать в ней, лично знали видных руководителей крестьянского радикального старообрядчества, таких как влиятельнейший уральский деятель Елисей

¹² ЦГАДА, ф. 248, кв. 783, лл. 40—1394 об.; Госархив, ф. 7, № 559, лл. 1—94 об.; № 826; ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272/274, лл. 1—194; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 31, лл. 1—63 об.

¹³ ЦГАДА, ф. 248, кв. 783, л. 566 об.

¹⁴ Там же, л. 574.

Яковлев сын Поляков (старец Ефрем). Реальное поведение Осенева и Набатова зависело не только от их собственного стремления к устойчивости и компромиссу, но и от правительственной политики, тактики уральских горпозаводчиков, крестьянских настроений. Иначе говоря, при определенных условиях однопланово-карательный курс правительства мог даже этих типичных представителей умеренно-соглашательского старообрядчества склонить к дерзким нелегальным действиям против военно-полицейской государственной машины. На их долю выпадет редчайший для Российской империи XVIII в. успех — победа в серьезной схватке с самым мрачным учреждением эпохи, ведомством Андрея Ивановича Ушакова — Канцелярией тайных розыскных дел. Но до этого они предпримут последнюю, очень продуманную попытку договориться с престолом, выдвинув настолько дальновидный план компромисса, что оценить его сможет только Екатерина II, да и то не сразу и лишь с помощью Г. А. Потемкина.

* * *

Этот план был выдвинут влиятельной группой заводских приказчиков после того, как договориться с В. Н. Татищевым при помощи традиционной взятки не удалось, и над уральским старообрядчеством нависла реальная угроза. В. Н. Татищеву нетрудно было увидеть самое уязвимое место системы лесные убежища — заводы и потребовать поимки и возвращения беглых. Начало активных действий прославленного историографа против уральских старообрядцев, его стремление побудить высшие светские и духовные власти принять срочные и решительные меры для поимки беглых и разгрома старообрядческих центров, острый конфликт Татищева с Демидовыми — все это не оставляло сомнения в том, что уральских старообрядцев ждут тяжелые дни.

В этой обстановке 25 сентября 1735 г. группа уральских приказчиков подала челобитную на «высокоматернее имя» «всепресветлейшей, державнейшей великой государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской»¹⁵. Уже сама форма этого обращения свидетельство-

---

¹⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 16, № 409/324, лл. 1—2 об.

вала о серьезных идеологических и политических уступках умеренного крыла урало-сибирского старообрядчества. Традиция эсхатологических настроений, уверенность в господстве антихриста в мире заставляли считать императорскую власть воплощением антихриста или его слугой; введенный Петром I императорский титул не признавался старообрядцами, которые в крайнем случае употребляли старый царский титул. К тому же, старообрядцы зачастую весьма скептически относились к законности и целесообразности любого женского правления. Начальные строки челобитной сразу же отметили эти традиционные для старообрядчества политические взгляды и настроения.

Но мало того. Вступительный абзац челобитной прояснял позицию ее авторов по двум важнейшим политическим вопросам, по которым требования феодального государства к старообрядчеству были наиболее жесткими, и вместе с тем позиция радикальных течений раскола была самой бескомпромиссной. Это вопросы о допустимости моления за антихристову императорскую власть и уплаты ей податей, особенно — двойного подушного оклада за раскол.

«А мы всегда, — заявляли авторы уральской челобитной, — о здравии и о спасении вашего императорского величества бога молим и молити непрестанно желаем, и во всем во всякой нашей рабской всепослушной покорности служим и по возможности нашей подати платим и платить желаем»¹⁶.

Вместе с тем уральские старообрядцы, подчеркнув свою готовность признать основные принципиальные требования государства, осторожно просили императрицу о некоторых уступках. Первая из этих просьб была сформулирована достаточно обтекаемо и на первый взгляд даже непонятно:

«По всемилостивейшим вашего императорского величества указам мы, нижеименованные рабы, переписались и о том, что желаем веру до конца нашей жизни по старопечатным книгам, просим высокоmaterняго милосердия, дабы нам в том было позволено и жить где кто ныне имеет да уволено».

---

¹⁶ Там же, л. 2.

Вещь идет о том, чтобы старообрядцев, записанных в двойной раскольнический оклад по ранее проведенной на заводах переписи, оставили жить на их местах в соответствии с этой переписью, конечно, при условии уплаты ими двойного оклада. Поскольку весь громоздкий механизм переписи пускался в ход именно с этой целью, просить о том же в специальной челобитной императрицу казалось странным. Но в условиях начавшейся огромной сыскной акции эта фраза челобитной звучала осторожной просьбой не нарушать ситуации, сложившейся после переписи, то есть в первую очередь не разыскивать беглых в среде уральских старообрядцев. В число «нижеименованных рабов», подписавших челобитную, входили беглые, которые во время переписи были лишь положены в двойной оклад, в то время как татищевское расследование грозило им возвращением к законным владельцам-феодалам. Еще важнее было другое: могло обнаружиться изрядное число беглых, благополучно избежавших переписи и двойного оклада; открыто просить не трогать их было невозможно, и челобитная ограничивалась осторожной просьбой удовольствоваться результатами прежней переписи. Одновременно в челобитной содержалась частная просьба исключить из платежа двойного оклада всех малолетних и престарелых старообрядцев.

Но наибольший интерес представляет заключительная часть челобитной, предлагавшая правительству и церкви новый важный принцип отношения к старообрядчеству:

«Мы же необходимую нужду имеем для исправления духовных нужд в священниках, того ради вашей высокомонаршей милости всепокорнейше просим, которые священники престарелые от церквей за старостью отлучились и купно с нами по старопечатным книгам веру хранить желают, ис таковых двух или трех попов ради исправления духовных пужд нам иметь позволено было»¹⁷.

Это есть ни мало, ни много просьба, чтобы власти санкционировали старообрядческое священство при условии, что оно будет вести службу и исправлять требы по старопечатным книгам, а назначаться будет из числа престарелых священников господствующей церкви и, следовательно, с согласия официальной церковной иерархии.

---

¹⁷ Там же, лл. 2— об.

Платой за эту уступку и предлагалась полная политическая лояльность старообрядчества, перестававшего, по мысли авторов челобитной, быть оппозиционной силой и получавшего зато признание государства и церкви.

Перед нами самый ранний из известных нам вариантов того, что будет одобрено императорской властью лишь через полвека и начнет очень осторожно проводиться тогда в жизнь под именем единоверия. Напомним, что в первоначальном, потемкинско-иргизском своем варианте единоверие екатерининских времен предусматривало как раз торжественное санкционирование государством и церковью некоторых из тех священников, которые перебежали из господствующей церкви в старообрядчество, в поповские его толки (где признавалось действительным посвящение в сан священника, совершенное епископом господствующей «пиконганской» церкви).

Именно об официальном признании подобных священников, которые «от церквей за старостью отлучились», как деликатно описывает ситуацию челобитная, и ходатайствует влиятельная верхушка заводских старообрядцев в 1735 г. При этом бросается в глаза одна характернейшая черта: все без исключения, подписавшие эту челобитную, были гораздо ближе отнюдь не к поповскому, а к беспоповскому (поморскому) старообрядчеству! Таким образом, выработанное ими компромиссное решение на деле поднималось над спорами поповщины и беспоповщины, предлагалось (иллюзорное, конечно) решение проблемы отношения *всего* старообрядчества с государством. Наивная надежда авторов челобитной на то, что их позиция будет принята различными и во многом уже противоположными направлениями старообрядчества, объяснялась не только теми трудными временами, которые настали для уральских кержаков (в официальных документах их стали уже именовать тогда «керженцами»¹⁸). Уже давно было замечено в исторической литературе, что при всех острейших разногласиях внутри старообрядчества, представители противоположных его направлений в XVIII в. еще умели сплачиваться перед лицом общей угрозы. К тому же именно для Урала в высшей степени было характерно своеобразное переплетение поповщины

---

¹⁸ ЦГАДА, ф. 248, кн. 783, лл. 48, 247, 499.

и беспоповщины, так что Демидовы, Осокины и их приказчики были обычно тесно связаны с обоими основными направлениями раскола; в событиях 1735 г. это причудливое переплетение скажется не раз.

Удостоверительная формула подписей под челобитной выглядела достаточно внушительно:

«Сибирских и казанских медных и железных заводов обыватели, записные староверцы компанейщика Петра Осокина Иргинских заводов приказик Родион Набатов и вместо всех того завода записных староверцов по их прошению и за себя руку приложил.

Нижнетагильского дворянина Акинфия Демидова завода приказик Григорей Сидоров и вместо всех того завода записных староверцов по их прошению и за себя руку приложил.

Верхнетагильскаго ево ж Демидова заводу приказик Григорей Осипов и вместо всех того завода записных староверцов по их прошению и за себя руку приложил.

Шайтанских цегентнера Никиты Демидова заводов житель Иван Осенев и вместо всех того завода записных староверцов по их прошению и за себя руку приложил»¹⁹.

Для всякого, сколько-нибудь ориентирующегося в уральских заводских делах, был очевиден тот немалый вес, который имели на Урале четверо старообрядцев, подписавших челобитную. Григорий Сидоров был тогда практически главным демидовским приказчиком и управлял Нижне-Тагильским заводом²⁰; все реальное управление производством на Верхне-Тагильском заводе находилось в руках Григория Осипова. Казалось, невозможно было не обратить внимания на совместное выступление этих четырех лиц, подчеркивавших, что они выступают от имени целых старообрядческих обществ и выступают с весьма серьезными предложениями. Для правительства Анны Иоанновны это оказалось, однако, вполне возможным. Проблемы стимулирования расслоения в старообрядчестве, перетягивания на сторону правительства его торгово-промышленной верхушки Анна Иоанновна и Бирон не заметили.

¹⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 16, № 409/324, лл. 3—4.

²⁰ Об огромном влиянии, которым пользовался Г. Сидоров, пишет Д. Н. Беликов в своей книге «Старинный раскол в пределах Томского края» (Томск, 1905, с. 17).

Челобитная была без каких-либо замечаний передапа императрицей на рассмотрение Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов. Там резонно решили, что дело это духовное, а не светское, и переслали челобитную в Синод. Синод же был из всех учреждений империи наименее пригодным для того, чтобы здраво взглянуть на предложения уральских старообрядцев: официальное признание священников, служащих по старопечатным книгам, на деле (как бы потом это ни пытались завуалировать) означало признание ошибочности решения собора 1666—1667 гг., подвергшего анафеме употребляющих эти книги. Лишь у Екатерины II оказалось достаточно силы и решительности, чтобы сломить здесь сопротивление духовенства и включить единоверческих священников в официальную церковную иерархию. Понятно поэтому, что, получив в октябре 1735 г. уральскую челобитную, Синод реагировал стереотипно — приказал начать расследование о неслыханной дерзости старообрядцев.

Следствие это, заслоненное более острыми и важными событиями, не было доведено до конца и увяло в самом начале. Никакого ответа на свою челобитную старообрядцы не получили²¹. Но для них достаточно красноречивым ответом был сам факт развертывания на Урале татищевской антистарообрядческой акции.

* * *

12 ноября 1735 г., когда челобитная четырех приказчиков еще бродила по синодальным столоначалиям, был издан именной указ из Кабинета, означавший начало широчайших военно-полицейских действий против уральских старообрядцев. Этот указ отвечал на сообщения Татищева о ситуации с беглыми и предпринятых им мерах. Однако он далеко не во всем следовал первоначальным замыслам Татищева. Виною этому были два обстоятельства.

Во-первых, выявилась необоснованность надежд на то, что все беглые спокойно поддадутся уговорам переписать себя. Татищев, как уже говорилось, предполагал переписать около 3000 беглых, реально же в перепись попало 1250 мужчин и 611 женщин²². Он прозорливо обращал

²¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 16, 1735 г., № 409/324, лл. 3—4.

²² *Собрание постановлений по части раскола...*, кн. 1, с. 348.

особое внимание на скиты, сплошь состоявшие из беглых. По переписи 1735 г. в черноисточенских скитах было записано раскольников 269 мужчин и 106 женщин, хотя в том же 1735 г. выяснилось, что только старцев и стариц (не считая бельцов) там более полутысячи. К тому же, когда осенью 1735 г. геодезист Шишков отправился в эти леса, чтобы собрать с записанных раскольников двойной подушный оклад, оказалось, что *все они*, за исключением 8 мужчин и 7 женщин, «разбежались по лесам», не желая платить оклада²³. Предложения Татищева не оправдали себя.

Во-вторых, решая проблему уральских беглых раскольников, правительство действовало не столько в соответствии с соображениями Татищева, сколько следуя недавнему прецеденту. 4 сентября 1735 г. получил высочайшее утверждение доклад Сената о том, как поступать со старообрядцами, монахами и мирянами, захваченными во время начавшейся ликвидации знаменитого старообрядческого центра в Польше, на Ветке²⁴. Основные положения указа Татищеву от 12 ноября 1735 г. текстуально совпадают с формулировками этого решения о судьбе ветковских старообрядцев — решения более жесткого, чем то, которое сначала предлагал Татищев для уральских скитских жителей. Указ 12 ноября 1735 г. ставил задачу немедленной ликвидации вооруженной силой всех тайных убежищ беглых в уральских лесах: «Раскольников, живущих в лесах близ Черноисточинского Демидова завода²⁵, монахов и монахинь развестъ под караулом по разным монастырям внутрь Сибири, в каждый монастырь человека по два или по три, и содержать оных в тех местах в особливых кельях в мирском, а не в монашеском платье, и увещавать к соединению правоверней святей церкви, и которые обратятся, постригать вновь, а далее церкви за монастыри их не выпускать; а необратившихся употреблять в работу в тех монастырях... А бельцов со всякими их пожитками, а имянно посадских, дворцовых, государственных и монастырских крестьян вывестъ из лесов и поселить при заводах (ка-

²³ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 772, лл. 266—об.

²⁴ ПСЗ, т. IX, № 6802, с. 572—575.

²⁵ Район проведения этой акции был вскоре расширен практически на весь центральный и южный Урал и часть Башкирии.

зенных.— Н. П.) для заводских работ в таких местах, где б они сообщения с правоверными и их превращать и свою ересь распространять случая не имели»²⁶. Обнаруженные в лесах беглые помещичьи крестьяне подлежали возвращению своим феодалам²⁷.

В определении судьбы беглых, не принадлежавших к помещичьим крестьянам, указ от 12 ноября 1735 г. был близок к предложениям Татищева. Видимо, существенное различие в судьбе скитских старцев, а также проблематичное возвращение помещичьих крестьян прежним хозяевам не очень волновали Василия Никитича, немедленно приступившего к ревностному осуществлению указа.

Хотя выполнение этой программы разгрома лесных старообрядческих убежищ потребовало длительных усилий многих военных команд и затянулось в конце концов до весны 1738 г., главные успехи были достигнуты в самые первые месяцы проведения этой операции — в конце 1735 и начале 1736 г. Правительство не ограничилось лишь переписью и зачислением в оклад всех беглых, скрывавшихся непосредственно на территории заводских поселков. Одновременно с этим удалось внезапно нанести удар по главному скоплению старообрядческих тайных убежищ беглых в черноисточенских и висимо-шайтанских лесах. Здесь вокруг скитов известных старообрядцев-пустынников, таких как старцы Ефрем, Иов, Дионисий, Максим, Яков (из беглых крестьян и холопов), формировались тайные поселения беглецов. При этом грань между лесной крестьянской заимкой и трудовой скитской общиной не всегда была ясно различима. В зависимости от обстановки беглец мог стать монахом уже существующей пустыни, основать собственный уединенный скит, создать типичную крестьянскую заимку, которая могла затем легализоваться и даже стать ядром более крупного крестьянского поселения или, наконец, беглец мог рассматривать свое пребывание (подчас многолетнее) в уральских лесных убежищах лишь как временную остановку на долгом пути на восточные и южные окраины страны²⁸.

²⁶ ЦГАДА, ф. 248, кн. 783, лл. 687—687 об.; ПСЗ, т. IX, № 6835, с. 602—603.

²⁷ ПСЗ, т. IX, № 6559, с. 293.

²⁸ См. Покровский Н. Н. Крестьянский побег...

Тайные лесные поселения были населены поэтому как старообрядческими монахами, так и «бельцами», не принявшими пострига; и те, и другие были беглыми крестьянами, мастеровыми, солдатами. Но власти интересовались первую очередь именно «старцами» и «старницами» — старообрядческими монахами-пустынниками, справедливо предполагая в них более упорных противников официальной церковной идеологии, более стойких фанатиков и одновременно организаторов той системы тайников, которая позволяла тысячам беглых крестьян благополучно совершать тысячеверстные одиссеи в поисках отаженных мест, где их не настигла бы феодальная эксплуатация. Поэтому указ Кабинета в соответствии с традиционной практикой предусматривал для пойманных старообрядческих монахов (монашество которых церковью государством не признавалось) суровое заточение в монастырских тюрьмах, а для беглых мирян — лишь посещение их при заводах. К сожалению, источники не позволяют судить о соотношении этих двух категорий беглых уральских тайных поселений²⁹. Нет сведений и о количестве не принявших пострига беглых крестьян, пойманных в лесах во время татищевской «выгонки» уральских ситов и возвращенных своим помещикам, или поселенных близ заводов.

Что же касается захваченных военными командами скитах в конце 1735 г. старообрядческих старцев и старцев, то их число уже на 12 декабря 1735 г. составляло 17 чел.³⁰ В начале 1736 г. аресты продолжались.

Это был немалый успех Татищева. Многие десятки ситов, тайных лесных келий и заимок были сожжены, их обитатели ожидали под караулом в Екатеринбурге решения своей участи. Вскоре выяснилось, однако, что на это ипение оказывает серьезное влияние ряд обстоятельств ик ожидаемых, так и достаточно неожиданных.

Василию Никитичу Татищеву легко было предвидеть, о вся эта «выгонка» встретит сопротивление Осокиных, емидовых, в первую очередь — самого старика Акин-

---

²⁹ Весной 1738 г. командой капитана Пальчикова на р. Спод г. Осой были разгромлены скиты, в которых было захвачено пустынников, большей частью монахов; близ этих скитов или более 200 беглых крестьян-старообрядцев, бельцов; они тоже ли арестованы. — ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 779, лл. 548—549.

³⁰ ЦГАДА, ф. 248, кн. 783, л. 688.

фия. Правда, В. Н. Татищев, в нарушение указа Кабинета о посылке всех захваченных пустынножителей в монастырское заточение, вернул несколько арестованных старцев, бывших демидовскими работными людьми, назад на демидовские заводы³¹. Но получение этих нескольких старцев не компенсировало, конечно, для заводчиков всего того материального и морального ущерба, который был нанесен им попыткой властей ликвидировать источники поступления беглых на частные заводы, разгромить знаменитые центры старообрядчества.

Возможность годами скрываться от властей в уральских лесных убежищах, прирабатывая время от времени на заводах в качестве вольнонаемных, а при случае получить точные указания, у кого именно можно укрыться на долгом пути на Иртыш, на Обь, на Алтай, возможность свободно исповедовать «истинную» веру вместо «нечестивой», навязываемой слугами антихриста, возможность, наконец, услышать яркую обличительную проповедь из уст знаменитых уральских старцев — все это привлекало в леса, соседствующие с демидовскими и осокинскими заводами, толпы беглых. Сами заводчики тайно, но чрезвычайно широко покровительствовали старообрядчеству. Петр Осокин, например, не только проводит в один из уральских скитов свою сестру, старицу Марью, но и официально перейдет впоследствии в 1767 г. вместе со всем своим семейством в раскол, что будет немалым испытанием для веротерпимости Екатерины II³².

Татищев мог ожидать поэтому яростного сопротивления своим мероприятиям со стороны влиятельнейших уральских заводчиков. Хотя вряд ли он мог предвидеть силу и результативность этого сопротивления его планам в отношении старообрядчества. И, конечно же, менее всего ожидал он, что столь благочестивое мероприятие вызовет пассивное, но серьезное недоброжелательство духовных властей.

Казалось, что разгром вооруженной рукой идеологических противников господствующей церкви более всего соответствует страстным мечтам Синода и Тобольской консистории о том, какими именно методами следует

³¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 783, лл. 1375—1385.

³² Там же, Госархив, ф. 18, № 230, лл. 1—7; ф. 248, № 783, лл. 416—417.

вести воспитательную работу с отступниками. Синод неоднократно и упорно втолковывал светским властям, что «уведывать» и воспитывать старообрядцев в духе господствующей церковной идеологии без помощи военных команд напрасно и бесперспективно, что без «страха» и принуждения обратить раскольников к признанию официального толкования истин христианской любви невозможно³³. Однако даже в таком приятном для «никонианской» церкви деле, как военное устрашение вероотступников, Синод и консистория ожидали определенной ведомственной субординации. В частности, церковь не желала, чтобы на нее была возложена хотя бы часть карательных функций, непосильных для нее вследствие прискорбно малой емкости сибирских монастырских тюрем. К тому же церковным иерархам не понравилась та самостоятельность, с которой светская власть действовала в этом деле, вполне церковном, по мнению Синода и консистории, для того, чтобы инициатива и главная роль в нем принадлежала церкви. Поскольку же Татищев и Кабинет скорее требовали от церкви определенных действий в соответствии с собственными планами, чем предоставляли церкви посильную вооруженную поддержку по ее инициативе, позиция церковных иерархов стала пассивно-недоброжелательной.

Летом 1735 г. вскоре после своего вступления в новую должность В. Н. Татищев сообщал из Екатеринбурга в Кабинет, что «в тамошних местах и около заводов раскольщиков весьма умножилось, а особливо что близ Демидова заводов в лесу есть раскольническия пустыни, где корень того суеверия находится». В связи с этим Татищев просил от церкви лишь «прислать к нему одного священника искусного и ученого, который бы поучением мог раскольников от суеверия отвратить и на путь истинный поставить».

По требованию Кабинета Синод решил отправить в Екатеринбург священника московской церкви Трех святителей, что у Красных ворот, Ивана Федорова. Но тот не торопился в дальний путь, докучал Синоду прошениями о непосильности для него столь высокой апостольской миссии и в конце концов при попустительстве Синода и покровительстве московского губернатора

³³ ГАТТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 31, лл. 52 об.—53;

так и не выполнил роль благочестивого увещателя при воинских командах, громящих скиты³⁴.

Ноябрьский указ Кабинета, открывавший широкую акцию по уничтожению скитов, информировал Татищева, что «о определении и принятии в монастыри монахов и монахинь (старообрядческих. — *Н. П.*) и о содержании их в Святейшей Синод ис Кабинета ея величества сообщено». Синод пренебрег, однако, этим сообщением и, трижды рассматривая вопрос, соответствующих распоряжений Тобольской консистории не дал. А ей предстояло решить непростую задачу — как, не имея в монастырях вооруженной охраны, обеспечить содержание в монастырских тюремных кельях сотен заключенных старообрядческих старцев и стариц, из каких доходов кормить их, где взять штатные места для тех из них, которые предпочтут обратиться в православие, чтобы сменить положение арестанта на обеспеченную пайку православного монаха. Не то, чтобы все эти проблемы были так уж неразрешимы. Сибирская православная церковь накопила уже определенный опыт в тюремных делах. Вспомним хотя бы страшные в своем реализме рассказы крестьянина-старообрядца М. И. Галанина о пытках и мучениях, которым уже сто лет подвергали старообрядцев в «казематах» Тобольского Знаменского монастыря³⁵. Так что в 1735 г. от тобольского архиерея и консистории требовалось лишь инициативное расширение деятельности в уже знакомой сфере. Татищев мог надеяться, что сибирские монастыри поступятся частью доходов, чтобы покрепче замуровать в монастырском заточении своих опаснейших врагов.

Но бюрократическая неповоротливость и ведомственная обида церковников оказались сильнее государственных выкладок действительного статского советника Василия Никитича. Не дождавшись указаний Синода, тобольский митрополит Аптоний не подготовился должным образом к наплыву в сибирские монастыри сотен заключенных. Татищев не сразу получил даже список сибирских монастырей для отправки туда пойманных в уральских лесах старцев. В соответствии с этим спи-

³⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 8, № 5167, лл. 7—7 об.; ЦГИА, ф. 796, оп. 15, № 463, лл. 1—45.

³⁵ См. об этом: Покровский Н. Н. Книга, глаголемая...—«Знание — сила», 1973, № 3, с. 38.

ском Татищев разослал в январе 1735 г. непосредственно по сибирским монастырям 15 старцев и 25 стариц³⁶. В дальнейшем он счел задачу распределения арестованных по монастырям не удобной для себя и отправлял всех захваченных в скитах старообрядческих чернецов в Тобольскую консисторию, которая при содействии Сибирской губернской канцелярии рассылала их по монастырям. 80 чел. были отправлены из Тобольска для заточения в монастыри Иркутской епархии³⁷. Из более чем полутысячи арестованных обратилось в православие 77 чел., отосланных затем в Тобольский Знаменский, Верхотурский Николаевский, Невьянский Богоявленский, Тобольский Рождественский, Тюменский Успенский, Покровский и Верхотурский монастыри³⁸. Около двадцати арестованных умерло. Но вскоре из Сибири пришло известие, потрясшее даже издавший виды Правительствующий Сенат и вызвавшее понятную ярость Татищева.

Всем арестованным в ходе татищевской «выгонки» скитов старообрядцам, за исключением двух десятков умерших да еще 48 стариц (отправленных позднее назад в Екатеринбург), удалось совершить успешные побеги! Среди бежавших были и все (!) обратившиеся в православие — что и понятно: их не так строго стерегли. При всем разнообразии условий заключения в разных сибирских монастырях, при различии опыта тюремщиков результат всюду был один: старообрядцы исчезали. Семеро из них бежали прямо из тюремных подвалов Тобольской консистории.

Разъяренный Татищев обвинял в тайном сговоре со старообрядцами все сибирские власти сверху донизу, включая самого сибирского губернатора Бутурлина, требовал тщательного следствия. Дело являлось из ряда вон выходящим и не могло быть объяснено только нерадивостью властей. По доношению В. Н. Татищева Сенат назначил для проведения тщательного следствия в Тобольске советника Батурина³⁹.

---

³⁶ ЦГАДА, ф. 248, кв. 783, лл. 306—308 об.

³⁷ Там же, лл. 45 об.—46.

³⁸ Там же, лл. 46 об.—47.

³⁹ Материалы следствия см. ЦГАДА, Госархив, ф. 7, № 559; ф. 248, кв. 783, лл. 40—1394 об.; ЦГИА, ф. 796, оп. 37, № 542, оп. 17, № 272/274.

Материалы следствия показали, что многие побегы были умело организованы группой уральских старообрядческих руководителей и их сибирских друзей. В первую очередь это относится к исключительно дерзкому побегу одного из самых авторитетных вождей радикального урало-сибирского старообрядчества — старца Ефрема Сибирика. Его побег вызвал особый гнев высших правительственных учреждений империи, включая не только Сенат, но и Канцелярию тайных розыскных дел.

* * *

Старец Ефрем (Елисей Яковлев сын Поляков) происходил из семьи дворцовых крестьян села Данилова Костромского уезда. Отец его был выходцем из Польши, где тогда скрывались десятки тысяч старообрядцев. Около 1695 г. Елисей бежал из своего села в Москву, где прожил лет десять, занимаясь портняжным ремеслом. Затем он перебрался подальше от властей, в лесные старообрядческие скиты за рекой Угрой. Здесь, в Вяземских лесах, он около 1710 г. был пострижен иеромонахом Леонтием и постепенно приобрел известность и большое влияние на таких же, как он, беглых крестьян, немалое число которых скрывалось в соседних лесах. Однако какие-то неизвестные нам события заставили Ефрема в 20-х годах срочно искать более удаленные от властей места — он бежал в Хвалынские леса, а оттуда на Урал. Ко времени татищевской «выгонки» он являлся уже одним из главных руководителей урало-сибирских поповцев. И в потаенных лесных скитах, и на заводах, и в крестьянских домах, и в купеческих особняках как Урала, так и Западной Сибири его имя значило немало. И, конечно, не случайно получилось так, что татищевская «выгонка» 1735 г. окончилась для Ефрема с минимальными потерями — его истинное положение и даже монашеский чин удалось скрыть от возглавлявшего одну из военных команд поручика К. Брандта. Он, как обычный беглый крестьянин, был лишь положен в двойной подушный оклад при екатеринбургских заводах ⁴⁰.

---

⁴⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272/274, л. 10 об.; ЦГАДА, ф. 248, кн. 783, лл. 551—552.

Однако уже в мае 1736 г. Ефрем, получив у шихмейстера В. Старова паспорт для поездки в Тобольск, оказался в сибирской столице, где был немедленно принят с честью в демидовской резиденции. К его услугам были предоставлены не только покои, удобные для жилья и ведения переговоров весьма доверительного характера, но и несколько старообрядцев, постоянно живших в этой резиденции и деятельно помогавших Ефрему в его планах. Планы же состояли, как впоследствии откровенно признал Ефрем на следствии, в организации побегов арестованных на Урале старообрядцев.

В это время в Тобольске и Тюмени несколько человек уже успешно устраивали такие побеги; наиболее активно действовали тюменские ямщики — братья Карп и Мирон Ергаковы, мастерской Невьянского завода Федор Овчинников, тюменские кузнецы Василий Ананьин и Степан Тверитинов и др. ими руководил уже известный нам друг Родиона Набатова Иван Осенев — один из авторов уральской челобитной 1735 г. И. Осенев успешно совмещал в этой поездке ведение многотысячных торговых и вексельных операций с заботами и расходами иного рода. Побег двух обратившихся в православие старообрядческих старцев Иева и Серапиона из Тюменского Троицкого монастыря был организован сыном Иева Федором Овчинниковым и Иваном Осеневым с некоторым даже комфортом: хорошие сани ждали старцев у самой монастырской пекарни, сопровождали их ямщики-профессионалы, на всем пути от монастыря до лесных пустынь по р. Рудянке (близ Нижне-Тагильского завода) их ждали подставные лошади. Дорога, правда, шла все больше лесом, так что запасливый Иев захватил с собой на всякий случай монастырский топор, о чем власти монастыря не преминули с сожалением сообщить в консисторию.

В середине мая 1736 г. в тобольской резиденции Демидовых старец Ефрем тайно организовал важную встречу. Из полковой гауптвахты караульный солдат Д. Катаев привел к нему двух содержавшихся там под арестом раскольниц — стариц Евпраксию и Настасью. Визит из тюрьмы в частные дома был обычным для колодничьих нравов тех лет делом — колодники кормились в основном за счет частной благотворительности и милосердия обывателей, для возбуждения коих арестованных регулярно водили под караулом по домам, рынкам, даже кабакам;

пользоваться подобными ситуациями для побега тюремная этика запрещала, ибо это значило оставить других колодников без хлеба. Старица Евпраксия (двоюродная сестра Ефрема, также из беглых дворцовых крестьян Костромского уезда, скрывавшаяся в Вяземских лесах, а затем близ Ефрема в уральских скитах, где и была захвачена) заявила караульному солдату, что хочет посетить в демидовском доме раскольницу Матрену Стефанову «для перемены рубахи». Солдат остался в нижней избе обширного дома, а в верхних сенях Евпраксия имела долгую беседу с Ефремом. Он сообщил прежде всего сестре, что «приехал де он в помочь раскольнику Ивану Осеневу» для организации побегов арестованных. Евпраксии он предложил необычный и трудный способ побега: «Чтоб де она ни пила, ни ела семь дней или более, и умерла бы притворно», и повезут де ее в убогой дом, откуда друзья Ефрема доставят ее на демидовское подворье. Евпраксия в страхе отвечала, что боится умереть на самом деле, на что Ефрем сказал: «Когда умрешь, то бог с тобой, а буде оживешь, то де мы тебя не оставим». Поколебавшись, Евпраксия приняла этот план. Ефрем в случае удачи обещал свою помощь и старице Настасье, беглой крестьянке из-под Козмодемьянска⁴¹.

Вскоре после этого в подготовку побега включился давний спутник Ефрема по скитаниям в вяземских и уральских лесах беглый крестьянин Василий Егоров. Он тайно провел к Ефрему Ивана Осенева, втроем они согласовали детали побега.

21 мая 1736 г. полковой врач свидетельствовал, что «в заутренней благовест содержащаяся на полковом бекете колодница из стариц Еупраксея Егорова волею божиею умре и положена была во гроб». Обмывали и клали в гроб ее три колодницы (тоже из арестованных стариц), якобы не заметившие ничего подозрительного. И. Осенев и В. Егоров заранее присмотрели «надколотый» гроб, чтобы Евпраксия не задохнулась в нем. Они же в бедных крестьянских одеждах сопровождали повозку с гробом до самого «убогого дома» на окраине города, откуда старобрядческие «мертвые тела» забирались и выбрасывались в ров за городом без всякого обряда погребения.

⁴¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272/274, лл. 12—13; ЦГАДА, Госархив, ф. 7, № 559, лл. 27—42 об.

И на сей раз события чуть было не пошли этим привычным путем: когда сопровождавшие гроб солдаты и В. Егоров удалились, И. Осенев заметил, что Евпраксия не приходит в себя и, кажется, уже остывает. Однако энергичные меры Осенева вернули ее к жизни. Осенев нарядил Евпраксию в хорошую мужскую одежду («в серой кафтан да в комзол в суконной коришневой») и повел вдоль берега Иртыша к демидовскому дому. Но по дороге, в прибрежном лесу, Евпраксия ослабела настолько, что Осенев вынужден был оставить ее под деревом и пойти домой за лошадью. Когда он вернулся, Евпраксии на месте уже не было.

За это короткое время на Евпраксию, опять потерявшую сознание, случайно набрели гулявшие вдоль Иртыша драгун Андрей Романов и школьник Тобольского полка Никифор Лебедев. Совсем недавно они, оказывается, были свидетелями «притворного умертвия» Евпраксии. Увидев усопшую воскресшей, да еще в мужской одежде, они заподозрили неладное и решили выслужиться. Едва очнувшись, Евпраксия была схвачена. Подъехавший на коне Осенев слишком поздно понял происшедшее — он был узран, и хотя на коне ему удалось ускакать от А. Романова и Н. Лебедева, схватили его в тот же день. Нутро 22 мая Евпраксию и И. Осенева пытали в застенке.

Таков был путь, приведший в тобольскую пытошную избу одного из богатых и удачливых уральских торговцев, лишь недавно выдвинувшего серьезную программу примирения старообрядчества и императорской власти.

Осенев и Евпраксия не выдержали пыток и выдали старца Ефрема. 25 мая 1736 г. он был арестован. Теперь власти знали, кто попал к ним в руки. Да и сам Ефрем не собирался скрывать своих взглядов. В день своего ареста после первых допросов в Сибирской губернской канцелярии он направил «Антонию, митрополиту тобольской и сибирской духовности», яростное обличительное послание⁴².

Среди многих крестьянских произведений протеста этот замечательный документ стойкости человеческого

---

⁴² ЦГАДА, Госархив, ф. 7, № 559, лл. 6—7 об. Дату см. ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272/279; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. XVI, с. 696—700.

духа не может затеряться. Он начинается спокойным и уверенным поучением, в котором старец Ефрем преподает митрополиту Антонию основы христианской догматики и обличает никоновские нововведения. В этом изложении Ефрем ссылался на традиционные в старообрядческой полемической литературе сочинения — «Стоглав», «Большой катехизис», творения Максима Грека, «Книгу Кирилла Иерусалимского» и т. д. Очень показательно, что список этот завершается известными «Дьяконовскими ответами», написанными руководителем беспоповцев-поморян А. Денисовым для керженских поповцев во время их полемики с нижегородским архиепископом Питиримом.

Этот же дух общестарообрядческого единства против преследований церкви и государства немало поможет и самому Ефрему Полякову в его злоключениях.

«В том стоим и умерети хотим», — гордо завершает Ефрем изложение своего символа веры и переходит к бичеванию взглядов и поведения «никонианского» духовенства. Он завершает это осуждение категорическим проклятием всей господствующей церкви: «и единомысленных ему, Никону, проклинаем и отрицаем, и церковь твою неправославну нарицаем». Затем Ефрем переходит к доказательству опаснейшего тезиса, что это проклятие относится в первую очередь к Святейшему Синоду, виноватому, в частности, в том, что он не противостоял печетивым правительственным распоряжениям о введении бранобрития, нового платья и т. д. Особый гнев Ефрема вызвала практика Синода и органов политического сыска расстригать подозреваемых монахов — без чего их неудобно было подвергать пытке. Ефрем обличает изданные Синодом книги, направленные против старообрядцев, и вслед за А. Денисовым издевается над попыткой архиепископа Питирима сфабриковать в борьбе со старообрядцами подложное «Соборное деяние на Мартина еретика». Итогом всего этого критического обзора является энергичное заявление Ефрема (сделанное им от своего имени и от имени Евпраксии): «И то ложное все показание и неправое ваше мудрование не приемлем, и проклинаем, и анафема».

Это гордое заявление узника произвело сильное впечатление. Митрополит Антоний немедленно отправил послание Ефрема в Синод, красочно живописуя свой ужас

при чтении этого «злолаятельного» письма⁴³. Синод своим решением от 31 января 1737 г. считал это дело более политического, чем духовного свойства, и передал все следствие в Канцелярию тайных розыскных дел, также не поспедев на сильные выражения для характеристики послания Ефрема.

17 марта 1737 г. Канцелярия тайных розыскных дел сочла необходимым провести в Тобольске тщательное следствие и предложила Сибирской губернской канцелярии допросить Ефрема и всех, замешанных в деле, для выяснения следующего:

«В написании оного злолаятельного письма другие кто имянно со оным Ефремом и с сестрою его Евпраксию согласники имеются, и в каком подлинно намерении, и чего ради такое злолаятельное письмо они сочиняли, и чрез то свое письмо чему быть они надеялись, и много ли таких или других каковых злолаятельных писем у них сочиняемо было, и где, и куда имянно их употребляли и чрез кого»⁴⁴.

Одновременно зловещее ведомство А. И. Ушакова сообщило в Тобольск, что независимо от исхода этого следствия старец Ефрем уже вполне заслужил, чтобы его, публично наказав кнутом и вырезав ему ноздри, сослали «в каторжную или на казенные железные заводы в работу вечно». Опытная в подобных делах Канцелярия настоятельно рекомендовала предпринять чрезвычайные меры для охраны старца Ефрема. Однако этот полезный совет несколько запоздал.

Еще 25 июля 1736 г. со старцем Ефремом попытались установить связь жепы демидовского приказчика В. Шапошникова Анна и старица Матрена, пойманная в скитах близ Черноисточенского завода и успевшая уже бежать из Тобольского Рождественского монастыря — они хотели переслать ему в кузовке с вареными грибами денег, но попались и были наказаны⁴⁵.

---

⁴³ Во время обсуждения настоящей работы Е. К. Ромодановская справедливо отметила своеобразие положения Антония: ведь он попал в Сибирь как раз за отказ расстричь монаха, замешанного в политическом деле.

⁴⁴ ЦГАДА, Госархив, ф. 7, № 559, лл. 34 об.—35; ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272/274, лл. 35, 49—50.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 783, лл. 582—587 об.

4 августа 1736 г. Ефрем пытался подкупить за 30 руб. караульного ефрейтора Д. Романцева, чтобы тот помог наладить ему связь с внешним миром для побега, но ефрейтор сообщил об этом начальству; после чего Ефрема заковали в ручные и ножные кандалы и приставили к нему 3 особых караульных без права сообщаться кому бы то ни было как с ним, так и с его караульными⁴⁶. Впрочем, именно эти меры вызвали особый интерес солдат к Ефрему и помогли ему склонить некоторых из них на свою сторону. В то время, как пишутся все новые инструкции об ужесточении режима содержания Ефрема, ему удастся, наконец, через полкового гобоиста Евдокима Никифорова и солдата Тимофея Никитина наладить обмен письмами с единомышленниками на воле.

В это время в Тобольске, в той же демидовской резиденции уже жил известный нам осокинский приказчик Родион Набатов, прибывший сюда для организации побега Ефрема. Он успел уже устроить побег своего отца, старца Филарета; теперь Родион получил первое письмо от Ефрема. Подготовка к побегу пошла значительно быстрее. Одного за другим включает Родион в это дело наиболее верных старообрядцев — крестьян, ямщиков, казаков, посадских; число их превысит скоро дюжину, и ни один не выдаст тайны. Наконец, удалось привлечь к делу подготовки побега Ефрема и друга Родиона, колодника Ивана Осенева!

Встретились они все в том же демидовском доме, где теперь жил Родион. Немалых денег стоило организовать эту тайную встречу, уломать конвойных доставить сюда на часок осокинского приказчика, побывавшего уже несколько раз в застенке. И вот конвойные вышли, поверив слову колодника, что он не убежит. Иван и Родион остались одни. Два влиятельных и далеко не безрассудно авантюрных человека, явно дороживших с немалым трудом завоеванным положением на Урале, обсуждают, как им перехитрить саму Канцелярию тайных розыскных дел и похитить старца Ефрема. За последние месяцы оба организовали уже немало побегов, но этот случай исключительный. Успех задуманного ухудшит и без того отчаянное положение Ивана, будет стоить свободы Родиону. Но, выдав одьяжды под пыткой Ефрема, Иван Осенев

⁴⁶ Там же, лл. 579—580 об.

теперь всячески способствует его побегу: сообщает Родиону важные подробности охраны темниц Тобольского кремля, где заточен Ефрем, подсказывает наиболее удобное для побега место. В конце беседы Осенев заговаривает об организации собственного побега — во время обыска на его корабле нашли-таки незаконный груз пороха, и ему грозит вечная каторга. Но оба понимают, что побег Осенева вряд ли осложнит бы главное дело, и Осенев возвращается в тюрьму, оставив мысль о собственном побеге.

Освобождение Ефрема готовится Родионом тщательно и всесторонне. Основное внимание уделяется организации многократно дублированной сети тайпиков, где бы Ефрем смог укрыться после побега. В условиях, когда по уральским лесам все еще рыскают воинские команды в поисках беглых крестьян, обычные лесные убежища Родион считает ненадежными и предпочитает им дома верных людей в крупных сибирских селах и даже городах. Сотни рублей рассылаются им в разные места Западной Сибири и Урала. Но еще надежнее те убежища, которые не стоили Родиону ни рубля — их хозяева знают, кого им предстоит укрывать, и готовы все сделать для него.

Подготовка занимает около трех месяцев. Наконец все готово. На нескольких вариантах маршрута Ефрема ждут сменные лошади. Первые сани будут стоять под самыми стенами Тобольского кремля. Остается самое рискованное — подготовить все внутри этих стен. Здесь надо все увидеть и рассчитать самому. И Родион проникает в кремль, в тюрьму, говорит с Ефремом и сообщает ему все детали побега. Затем, все подготовив, за 5 дней до побега он уезжает как можно дальше от Тобольска — на Алтай приказчиком Демидова на Колывано-Воскресенский завод.

Воскресным утром 19 декабря 1736 г. какая-то женщина передает для старца Ефрема туесок с «пшеничными витушками». Это знак, что побег назначен на тот же день. В 11 часов ночи старца Ефрема ведут по кремлевскому двору назад в камеру в сопровождении одного лишь конвойного солдата Кочешева. Они останавливаются близ Павлиньей башни у кремлевской стены, недалеко от архиерейского дома и Пряmsкого взвоза. Здесь в стене сохранилась донныне узкая бойница, обычно забитая ставнями, которые кто-то снял в ту ночь. Согласно последующим

показаниям Кочешева, он лишь отвернулся ненадолго — и старец Ефрем исчез; подбегавший к бойнице солдат увидел, что закованный в ручные и ножные кандалы 60-летний Ефрем выбросился через это узкое отверстие и скатывается с 50-метрового заснеженного холма, на вершине которого величественно высятся стены Тобольского кремля. Пока Кочешев звал на помощь, Ефрем сел в сани и был таков. Следствие, конечно, не поверило этому рассказу и пыталось обнаружить подкуп Кочешева, но тот так и умер на дыбе, не изменив своих показаний. Ничего не сказали и двое других солдат, приставленных к Ефрему.

У подножия кремлевского холма старца Ефрема забрал в свои сани тюменский казак Петр Алексеев сын Зубарев (получивший за это 12 руб. от Родиона Набатова); вместе с тюменским ямщиком Мироном Ергаковым они переправили Ефрема в дер. Медянку, где он скрывался две недели в подполье дома казачьего атамана Федора Иванова сына Корнилова — жена атамана через год поплатится за это жизнью в тобольских застенках. Затем П. Зубарев, М. Ергаков и сын атамана Иван отвезли старца Ефрема в Тюмень; при въезде в город старец обошел Липовскую заставу лесом на лыжах. В Тюмени Ефрем скрывался в доме М. Ергакова, а потом работник демидовского завода Степан Емельянов сын Плотников отвез его на Урал. Здесь он успешно скрывался в Невьянске и Нижне-Тагильском заводе, переходя под самым носом у В. Н. Татищева из дома в дом, из убежища в убежище, встречаясь со многими пустынножителями и видными демидовскими приказчиками⁴⁷.

Канцелярия тайных розыскных дел, еще не подозревая из-за дальности расстояния о побеге, шлет в Сибирскую губернскую канцелярию свои грозные указания о допросе и строгом содержании Ефрема; тобольские власти с запоздалой активностью рассылают во все стороны военные команды для его поимки; старик Акинфий Демидов дважды жалуется в Тобольск и самой императрице

---

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кв. 783, лл. 44—63 об., 397, 579—580 об.; Госархив, ф. 7, № 559, лл. 60—62; ЦГИА, ф. 796, оп. 37, № 542, лл. 6 об.—7 об.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кв. 783, лл. 413—414 об., 1393—1394 об.

на притеснения этих команд ⁴⁸, которые кое-где уже привели к традиционным старообрядческим протестам в форме самосожжений; Татищев добивается присылки в Тобольск сенатской комиссии для расследования обстоятельств побега — а Ефрем Сибиряк спокойно отсиживается в уральских заводских поселках.

Посланный для его поимки на уральские заводы прапорщик А. Соловьев потребовал от Акинфия Демидова подписку в том, что он не скрывает Ефрема. Акинфий отказался это сделать — Ефрем скрывался тогда у него вместе со своим братом Леонтием, сестрой старицей Марьей и старицей Марьей Осокиной на Нижне-Тагильском заводе в тайном монастырьке, принадлежавшем Родиону Набатову, и в соседнем доме Дмитрия Петрова. Здесь их, правда, однажды чуть было не захватил прапорщик А. Соловьев с солдатами. Ефрема и его друзей спасла только хорошая система тайных выходов и дерзкая смелость главного приказчика Нижне-Тагильского завода Григория Сидорова (одного из авторов соглашательской челобитной 1735 г.). Он один отстоял от прапорщика и солдат дверь, ведущую в тайный проход между его домом и двором Д. Петрова; тем временем Ефрем с друзьями бежал ⁴⁹. Вскоре после этого Ефрем ушел в тайные лесные убежища Южного Урала. Поймать его так и не удалось ⁵⁰.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 783, лл. 416—417.

⁵⁰ Несколько слов о дальнейшей судьбе участников этой истории. Родион Набатов был все же арестован на Алтае и доставлен в Тобольск. Но здесь в его судьбу весомо вмешался Акинфий Демидов. Неизвестно, кого и какими аргументами он убеждал, но Сибирская губернская канцелярия вдруг «по ошибке» выпустила Родиона на поруки, а в 1742 г. его «по ошибке» подвели под действие елизаветинской амнистии, на старообрядцев отнюдь не распространявшейся. Поэтому его вскоре арестовали. Но заводчик Петр Осокин разработал другой вариант освобождения Родиона. В 1741 г. он подал императрице Елизавете прошение, где доказывал, что арест такого специалиста наносит заводам и казне немалый ущерб. Кроме того, он заявил, что Родион задолжал ему огромную сумму — 1000 руб., и требовал выдать ему Родиона для отработки долга. Во всяком случае, Р. Набатов после этого работал у Осокиных и у Демидовых, какое-то время даже фактически управлял Алтайскими заводами Демидова, пока в 1752 г. не был арестован сразу по нескольким довольно крупным делам. Сначала Родиона хотели вернуть его законному хозяину — Троице-Сергиевому монастырю, потом, однако, передумали и уморили в московских синодальных застенках.—ГААК, ф. 1, св. 18, № 36, лл. 62—80об.; ЦГИА,

Яркая история побега Ефрема Сибиряка особенно поучительна, так как она вписывается в удивительную картину бегства сотен старообрядцев, захваченных во время татищевской «выгонки» скитов. Сенатская комиссия советника Батурина расследовала не только дело «об утечке старца Ефрема сквозь городовую стену», но и обстоятельства многих других старообрядческих побегов. Согласованность усилий беглецов и их друзей на воле была в каждом случае различной. Иногда все дело сводилось к тому, чтобы вовремя подать сани к монастырским стенам и обеспечить беглецам хорошее убежище на первые дни. В других случаях побег готовились долго и тщательно. Часто они, как и побег Ефрема, требовали немалой изобретательности и совместных усилий многих людей, как, например, побег крестьянок-старик Пелагеи

ф. 796, оп., 17, № 272; оп. 32. № 32, оп. 37, № 542, лл. 1—28.

Ивана Осенева перевели было на каторжные работы в Екатеринбург, но Синод опротестовал это и его вернули в тобольскую тюрьму для нового следствия, которое тянулось очень долго и завершилось характерным решением Синода: держать И. Осенева «под крепким арестом в тягчайших работах без всякого послабления» бессрочно — впредь до его обращения в православие. Через полгода после этого решения И. Осенев согласился написать формулу православного символа веры и отречения от раскола и был припят в лоно официальной церкви. Спустя еще полгода его отдали на поруки брату Якову. И. Осенев продолжал вести широкие торговые операции, но в 1750 г. Яков донес на него, а заодно и на свою мать, что они занимаются распространением раскола и что обращение Ивана в православие было притворным. Завертелось колесо нового следствия, в которое были втянуты мать и жена Ивана, его дворовые; сам он попытался убежать от следствия, но был схвачен и доставлен в Тобольск. И. Осенев купил свободу ценою вторичного обращения в православие. Но в эти же дни на западных рубежах страны власти захватили при попытке контрабандного вывоза большую партию «заповедного товара» — ревеня. Виновными оказались видные смоленские купцы и бургомистр Смоленска. Ревень они тайно покупали у близкого к Р. Набатову уральского расколоучителя С. Гордеевского, который действовал по поручению И. Осенева. Вскрылись многотысячные операции этого последнего по незаконной покупке ревеня у козтайшинских купцов и транспортировке контрабанды через всю Европейскую Россию. И. Осенев направил самой императрице на редкость красочное покаяние, а 4 мая 1752 г. Сенат амнистировал всех, замешанных в этом деле. — ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 31, лл. 1—62 об.; ЦГАДА, Госархив, ф. 7, № 559, 826; ф. 248, оп. 113, № 1143, лл. 1—150.

Евпраксия после наказания кнутом много лет пробыла в заточении и лишь в конце 40-х годов была тоже «по ошибке» отдана на поруки.

Афанасьевой, Мавры Кононовой и Фсклы Козьминой из Тобольского Рождественского монастыря в апреле 1736 г.⁵¹ Обычно узники, готовясь к побегу, уже имели связь с находившимися вне тюремных стен старообрядцами, занимавшимися организацией и финансированием их побега. Но даже если такой связи заранее установлено не было, беглецы легко находили и убежище в старообрядческих домах, и транспорт для возвращения в уральские леса.

Так, опираясь на традиции крестьянской солидарности, на старообрядческие настроения противодействия властям, используя помощь влиятельных заводских приказчиков и ведомственные противоречия в государственном и церковном аппарате, урало-сибирские кержаки сорвали многие планы В. Н. Татищева.

Василий Никитич недолго мог тешить себя надеждой, что по крайней мере хоть удалось разгромить, сжечь скопления скитов в черноисточенских и висимошайтанских лесах. Оказывается, в ходе всей военной операции была обнаружена и уничтожена лишь часть этих тайных поселений, да и она регенерировала с поразительной быстротой. Это выяснилось, когда в ноябре 1737 г. из Тобольска была направлена на Урал военная команда прапорщика А. Соловьева для поисков в уральских лесах старца Ефрема, а заодно и других сбежавших старообрядцев, в случае, если они решили вернуться на родные уральские пепелища⁵². Дважды А. Соловьев действительно нападал на след беглецов, но поймать их не смог. Зато в лесах близ демидовских заводов, недалеко от разгромленных недавно скитов, он нашел десятки новых. Лишь за пять первых дней поиска в ноябре — декабре 1737 г. солдаты А. Соловьева обнаружили «в глухих лесах» близ Черноисточенского завода 18 пустынь, в которых им удалось арестовать около 30 чел.⁵³ К середине

---

⁵¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 783, лл. 46—48, 56а, 246 об.—247, 319, 489—497 об.; ф. 7, № 559, л. 36; ЦГИА, ф. 796, оп. 19, № 45, лл. 27 об.—49 об.; оп. 16, № 395, лл. 7—8.

⁵² Еще раньше, в мае 1737 г. с этой же целью была послана на Урал команда подпрапорщика Ф. Синицкого, но она действовала вяло и ограничилась разгромом нескольких скитов близ Невьянского завода, на речках Ключах и Бобровке.—ЦГАДА, ф. 248, кн. 783, лл. 452—456 об.

⁵³ Там же, лл. 392—397 об.

декабря А. Соловьев арестовал в лесах около 100 чел., в том числе многих беглых крестьян, скрывавшихся в лесных пустынях, но выполнявших извозную и углежогную повинности для демидовских заводов⁵⁴.

Но и успехи А. Соловьева были не более долговечными, чем «выгонка» 1735 г. Впоследствии военные команды время от времени прочесывали как черноисточенские и висимошайтанские леса, так и леса по рекам Сылве, Обве, Буте, Чепцу, Черной, Сосновой, Лысве и каждый раз находили здесь все новые и новые убежища беглых старообрядцев⁵⁵. В то же время эти экспедиции были не в состоянии постоянно контролировать территорию, предотвратить возникновение и успешное развитие многих авторитетных в старообрядческой среде скитских центров. Так, например, ни «выгонка» 1735 г., ни позднейшие подобные меры вообще не затронут крупного скитского центра на Веселой горе (в 15 верстах от Нижнего Тагила) и самого известного скита уральских поповцев — скита Дионисия-Максима. В 40-х годах XVIII в. тобольские архиереи продолжали постоянно жаловаться в Синод на активную антицерковную деятельность многочисленных уральских скитов. Все это позволяет считать, что хотя меры Татищева и дали какой-то результат, вернув некоторое число беглых в податную систему империи, они не смогли ликвидировать систему тайных старообрядческих убежищ в уральских лесах.

В. Н. Татищеву пришлось уступить и в столь болезненном для него вопросе о заключении пойманных на Урале пустынножителей в сибирских монастырях. Еще в феврале 1737 г., в который раз пытаюсь заставить сибирских

---

⁵⁴ Там же, лл. 413—414 об. Прапорщик А. Соловьев использовал свою миссию для многочисленных поборов и вымогательств. Так он взял с черноисточенского жителя В. Малахова 18 руб. «мирских зборных денег», собранных «с мирского согласия» для выкупа 17 арестованных в лесу пустынников, а затем объявил эту сумму недостаточной и оставил у себя и деньги, и старцев.— Там же, лл. 1374—1375.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 779, лл. 500—594. Во время одной из таких экспедиций были получены сведения о том, что в январе 1738 г. старец Ефрем под самым носом у команды подполковника Мазовского провел «съезд великий» представителей старообрядческих общин и скитов на заимке у какого-то токаря Никифора близ Сылвы. В это же время уральские скиты посетил известный руководитель яицких поповцев Никифор.

дерковников выполнить свой тюремный долг, он сообщал в Кабинет, что их нерадивость весьма опасна для государства в связи с башкирским восстанием и возможностью (конечно, очень сомнительной) объединения антиправительственных действий старообрядцев и восставших башкир: «ис Кунгура пишет к нему (Татищеву.— Н. П.) воевода, что уведомлен он: в Башкирии близ Кунгурского уезду в лесах собралось раскольников неколико сот, и якобы делают ружье, и требовал определения, чтоб по оных послать драгун и салдат». Однако Татищев подчеркивал при этом, что не уверен в целесообразности новой экспедиции против старообрядцев, так как «забрав их, куда девать не знает, видя, что отданные им в сибирские монастыри все до одного разбежались, и такие, которые ходить не могли, увезены, наипаче же главной раскольник Ефрем, которого они святым отцем называют, в Тобольске ис под караула бежал»⁵⁶.

Хотя Кабинет поддерживал ранее эту позицию Татищева, решение вопроса о пойманных старообрядцах было только что принято в совершенно ином духе, и притом на самом высоком уровне, не подлежащем обжалованию. 31 января 1737 г. сама императрица рассмотрела доклад Синода в связи с вопросом о заточении старообрядцев в сибирские монастыри; Синод предлагал отправлять всех арестованных старообрядцев не в Сибирь, а на каторгу в Рогервик. Императрица не согласилась с этим и собственноручно начертала на докладе свое решение проблемы: горному начальству соорудить в Екатеринбургe «двор за высоким тыном» и содержать там пойманных старообрядцев, употребляя их в каторжные работы на казенных заводах⁵⁷.

Такое решение менее всего устраивало Татищева и его преемников: немалые хлопоты и расходы по удержанию пойманных старообрядцев «за высоким тыном» отнюдь не компенсировались трудовыми усилиями старцев и старцев. Поэтому хотя екатеринбургский «двор за высоким тыном» просуществовал, кажется, до конца 1750-х годов,

---

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 779, л. 503 об.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 16, № 395, л. 45; ПСЗ, т. X, № 7172, с. 45—47 (из Кабинета, 11 февраля 1737 г.); ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 779, л. 199.

горное начальство отнюдь не стремилось к значительному увеличению его населения и довольно охотно выпускало заключенных на поруки.

* * *

Было еще одно немаловажное обстоятельство, сказавшееся на развитии ситуации 30-х годов — традиционные старообрядческие самосожжения. Как известно, для XVIII в. уже не были характерны грандиозные гари, каждая из которых уносила в XVII в. многие тысячи жизней. Но и меньшие по масштабам самосожжения XVIII в. очень тревожили правительство, они сокращали податное население на северных и восточных окраинах, и без того малолюдных. Гари часто сопровождались предъявлением религиозных, политических, а подчас и социальных требований, в любом случае являлись выражением хотя и пассивного, но очень острого протеста низов. Да и вообще как-то неловко было, несмотря на все разъяснения Синода, что старообрядцы сами виноваты, ежели горят, не вменя милостям престола и военно-церковным увещаниям. К тому же правительство не всегда соглашалось с Синодом, что причиной гарей является лишь «суцая глупость и замерзелось» старообрядцев, и иногда склонно было искать козлов отпущения среди местной гражданской и церковной администрации. Старые служаки поэтому предостерегали своих слишком уж ревностных в искоренении раскола коллег, что дело может кончиться самосожжениями со всеми вытекающими отсюда пренеприятными расследованиями. Таким образом, хотя и далеко не всегда, самосожжения несколько сдерживали противораскольническую активность властей, а изредка являлись даже причиной отстранения от должности наиболее ярых и грубых гонителей старой веры. Это произошло, например, в 50-е годы XVIII в., когда насилия и беззакония тобольского митрополита Сильвестра вызвали десятки самосожжений, в результате чего митрополит должен был покинуть тобольскую кафедру. В 30-х годах XVIII в. конфликт был не таким острым. В это время известна одна значительная гарь — Толоконцевская, 31 августа 1736 г., сгорело 75 чел. Она существенно повлияла на обстановку, затрудняя проведение Татищевым более широких и регулярных операций по искоренению старообрядчества.

Сибирская губернская канцелярия, сообщая 21 сентября об этой гарь, подчеркивала, что «при собрании их к горению и раскольническому суеверию учителем был, и толкование о расколе згоревшим раскольников, и противность церкви божней и прочее суеверие объявлял приезжей человек Сава Васильев сын Коренев, он же и Дементьев, которой де приехал в дом к ...раскольникову Сверчкову из Екатерининских и Невьянских заводов»⁵⁸. С. Коренев принадлежал к тому крайнему направлению беспоповцев, которое, не соглашаясь с компромиссной линией руководителей Выговской пустыни, как раз в эти годы отмежевывалось от поморского согласия под именем филипповцев. С. Коренев имел при себе документы, по которым он значился обывателем г. Кузнецка и направлялся из Тобольска до Олонца, где находились главные центры поморян и филипповцев.

Вскоре следствие в Тобольске и Москве выяснило новые важные обстоятельства. Толоконцевская гарь оказалась связанной с агитацией последователей и учеников знаменитого предводителя Тарского бунта 1722 г. Ивана Смирнова, автора одной из наиболее разработанных и мятежных версий легенды о Петре I-антихристе и об антихристовом царском роде⁵⁹. Именно в связи с Толоконцевской гарью 1736 г. это учение И. Смирнова было точно зафиксировано в показаниях зауральских старообрядцев на следствии⁶⁰. Традиционные эсхатологиче-

---

⁵⁸ Канцелярия так описывала внешность С. Коренева: «А собою де он Сава росту средняго, топчав, лицом бел, сухощав и чахловат, волосом с черна рус, бородка небольшая, вострая, с руса черная» (ГАТЮТ, ф. 47, св. 448, № 4701, лл. 24—25). Приведенные здесь первые сведения о гарь изобилуют неточностями. См. также ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 772, лл. 1139—1165; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции, кн. 7, М., 1891, с. 34; Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе. М., 1891, с. 64—67. Отождествление в этой книге С. Коренева с И. Смирновым основано на элементарной палеографической ошибке.

⁵⁹ ГАТЮТ, ф. 47, св. 448, № 4701, лл. 29—30.

⁶⁰ Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе первой четверти XVIII в. Спб., 1909, с. 160—161; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 44—45. Это учение И. Смирнова было изложено на следствии крестьянином Андреем Лыхиним, который вместе с сыном Тимофеем (сгоревшим в 1736 г.) еще с 1720 г. жил в скиту И. Смирнова и был в 1722 г. бит кнутом за отказ от присяги. Семья участников Тарского бунта крестьян Лыхиных активно действовала и во время событий 1736 г., стоявших жизни 6 ее членам.

ские настроения крестьянства использовались в этом учении для резкого религиозно-политического протеста против власти «неистовых царских родов», обременительных податей, рекрутчины. Успехи проповеди И. Смирнова, Толконцевская гарь свидетельствуют о наличии линии причинной связи, соединяющей бурные события 1722 г. и ситуацию 1736 г.: жестокие репрессии 1722 г. не уничтожили крестьянских настроений протеста, выраженного в традиционной старообрядческой эсхатологии.

* * *

Подведем некоторые итоги. Во второй половине 30-х годов абсолютистское государство предприняло наступление на старообрядческие центры в Польше, Поморье, на Урале. Реальная задача перетягивания на свою сторону богатой торгово-промышленной верхушки старообрядчества отошла на задний план, правительство заговорило со старообрядцами языком военных команд и экзекуций. При этом развитие событий на севере и востоке страны пошло существенно различными путями. Богатая Выговская киновия, почти монопольно господствовавшая во всем поморском согласии, приняла ультимативные политические требования правительства и тем спаслась. Этого отказа от традиционного старообрядческого осуждения антихристовой власти не признали филипповцы, продолжавшие линию крестьянского религиозно-политического протеста.

На Урале ситуация была иной как вследствие значительной децентрализации старообрядчества, тесного переплетения различных согласий, большого влияния крестьянских радикальных направлений, так и вследствие иной тактики правительства. Представители умеренного направления уральского старообрядчества, склонные к компромиссу с государственной властью, не могли добиться соглашения с правительством даже на тех ультимативных условиях, которые вскоре были предъявлены Выгореции. Группа влиятельных заводских приказчиков, за которыми стояли сами заводчики, выдвинула дальновидный план компромисса с правительством и церковью, но он не был принят властями. Это значительно ослабило возможности проведения умеренными старообрядцами компромиссной линии в острой ситуации 1735—1736 гг.

Наиболее видные и опытные представители умеренного направления уральского старообрядчества вынуждены были силою обстоятельств перейти к решительным нелегальным мерам борьбы с наступлением правительства.

Предпринятая по инициативе В. Н. Татищева «выгонка» уральских скитов ставила своей целью ликвидацию тайных убежищ сотен и тысяч беглых крестьян, солдат, мастеровых, включение обитателей скитов в податную систему империи, разгром центров старообрядчества и арест его руководителей. Уральские заводчики лишались незаконных, но весьма существенных источников рабочей силы. Успех этой акции означал бы крушение небескорыстной политики покровительства старообрядчеству со стороны Демидовых, Осокиных, Воронцовых, Строгановых. Он означал бы значительное ослабление всего урало-сибирского старообрядчества, подобно тому, как это произошло на Керженце в начале 1720-х годов.

Решительное сопротивление урало-сибирских старообрядцев — крестьян, ямщиков, казаков, мастеровых, посадских — этим широким планам позволило во многом свести на нет первоначальные успехи В. Н. Татищева. Старообрядцы умело использовали при этом и помощь уральских заводчиков, и ведомственный бюрократизм, неповоротливость и коррумпированность местных властей, и пассивную позицию иерархов сибирской церкви. Правительство в конце концов не рискнуло расширить в необходимой для полной победы степени карательные мероприятия (хотя военные силы, действовавшие на Урале, превышали те, которые потом угрожали Выгореции). Определенное влияние на позицию правительства оказали как общее осложнение обстановки в этом районе из-за башкирского восстания, так и боязнь вызвать ответную реакцию в традиционной форме начавшихся уже массовых самосожжений.

В конце концов мероприятия В. Н. Татищева привели к тому, что возможности для частных заводчиков Урала тайно использовать труд беглых были в некоторой мере ограничены проведением переписи и разгромом скитов. Это, конечно, способствовало постепенному увеличению удельного веса крепостнической эксплуатации на заводах Урала за счет вольнонаемного труда.

Однако удар по урало-сибирскому старообрядчеству оказался гораздо менее сильным и действенным, чем хо-

телось бы властям, а достигнутые здесь результаты были недолговечными. Все главные руководители знаменитых уральских скитов или избежали ареста, или бежали из заточения, и тайные лесные центры вскоре восстановили свое былое значение как в качестве религиозных опорных пунктов урало-сибирского старообрядчества, так и в качестве надежных убежищ для многочисленных беглецов. Неудача умеренного направления в старообрядчестве, несомненно, не означала его окончательного исчезновения: попытки достижения компромиссов с государством и церковью будут предприниматься и впредь, но в результате событий 1735—1737 гг. укрепились позиции крестьянского радикального старообрядчества на Урале и в Сибири.

ВОКРУГ ВТОРОЙ РЕВИЗИИ

Проведенная по инициативе В. Н. Татищева в конце 1735 г. перепись раскольников и беглых на демидовских заводах явилась началом длительного наступления правительства, направленного на то, чтобы как-то включить эти категории населения в систему феодального законодательства, в феодальную податную систему. Тайные старообрядцы должны были становиться при этом явными и платить двойной подушный оклад, следовало как-то легализовать положение беглых на заводах. Как уже говорилось, Татищевым было записано в двойной подушный оклад 1250 ранее тайных старообрядцев мужского пола и 611 женского¹. Немалое число из них в течение последующих лет платит двойной подушный оклад². Однако в целом попытка Василия Никитича решить тесно связанные между собой проблему беглых и проблему тайных старообрядцев на демидовских заводах была признана неудачной. Невозможность удержать на заводах положенных в двойной подушный оклад старообрядцев-заводских жителей, почти поголовное бегство положенных в этот оклад обитателей скитов привели к тому, что податная система империи не могла основываться на данных переписи 1735 г. как на сколько-нибудь стабильных. В связи с этим снова встал вопрос о легализации положения беглых, работающих на демидовских заводах.

7 января 1736 г. был принят именной указ, согласно которому те из бежавших на демидовские заводы крестьян, которые выполняли там квалифицированные работы и обу-

¹ Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб., 1860, кн. 1, с. 348.

² К моменту проведения II ревизии из числа записанных в двойной подушный оклад в 1735 г. платили этот оклад 227 мужчин и 233 женщины.— ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 112, л. 3.

чались какому-либо мастерству, подлежали выкупу фабрикантами у их прежних хозяев по цене в среднем по 50 руб. за семью и по 10 руб. за каждого из детей мужского пола и 5 руб. — женского. Что же касается «в простых работах на заводах обретающихся» беглых, то их следовало возвратить своим хозяевам³.

Все беглые на заводах подлежали переписи с точным указанием, откуда они бежали и кто их прежние хозяева. Сбор денег за беглых и возвращение их на старые места брал на себя Сенат. Но соответствующие распоряжения были даны не сразу, и лишь по указу от 22 июня 1738 г. начинается перепись «пришлых» на заводах Демидова⁴.

Демидовская администрация заводов и Генерал-берг директория воспользовались этим указом для того, чтобы окончательно опорочить проведенную при Татищеве перепись старообрядцев и избавиться от необходимости платить соответствующий двойной оклад. Демидовский приказчик Гладилов обращается в Генерал-берг директорию с заявлением, в котором сообщает, что при проведении переписи Татищевым нарушался указ 1727 г. (пункт 6), который требует при записи в двойной раскольничий оклад предварительно проводить увещевание пожелавших записаться с тем, чтобы обратить их от раскола в православие. Соответствующая работа должна проводиться православным духовенством, а в 1735 г., как утверждал Гладилов, это сделано не было. Пользуясь тем, что Татищев был уже удален со своего поста начальника Казанских и Сибирских заводов и данные его переписи были не стабильны, приказчик делает спекулятивное заявление о том, что если бы подобные увещевания были проведены, то «многое б число людей к познанию истинныя веры возвратилось от того заблуждения и спасение себе получили, и двойнаго платежа не платили б. К тому же де и толикаго множественнаго числа людей впавших в расколу же, при тех заводах не уповаемо», так как Сибирская губернская канцелярия сообщила 17 декабря 1727 г. в Раскольничью контору, что при демидовских заводах раскольников нет и вряд ли за столь короткий срок такое огромное число их могло бы появиться. Конечно, все эти доводы отражали прежде всего надежду демидовской администрации избавиться от уплаты боль-

³ ПСЗ, т. IX, № 6858, с. 707—712.

⁴ Собрание постановлений по части раскола..., кн 1, с. 348.

шой суммы денег (2540 руб). за раскольниковый подушный оклад. Компромисс между заводскими приказчиками и Татищевым, наметившийся было в конце 1735 г., в новой обстановке был сочтен неуместным, и демидовская администрация предпочитала иметь заводских старообрядцев тайными, а не записными. В конце челобитья Гладилов откровенно признает чисто денежные мотивы своей просьбы, предлагая тех старообрядцев, которые захотят после всех увещаний остаться в двойном окладе, записывать в этот оклад не сплошь, а лишь в том случае, если они в силах заработать для своих хозяев тот раскольниковый оклад, который хозяева вынуждены будут выплачивать за них в казну, со старых же и малых не взыскивать. Одновременно он просит до окончания новой переписи раскольниковых денег по данным переписи 1736 г. не взимать.

Генерал-берг директориум согласился с этой просьбой и решил провести новую перепись старообрядцев на заводах 28 сентября 1738 г. Кабинет-министры утвердили это предложение, прибавив: «... а что прямых раскольников по переписи явится, с тех на все то время, что они не платили двойного оклада, и впредь по-прежнему двойной оклад брать же»⁵.

Колесо новой переписи заветрелось не сразу. Решение Кабинета министров предусматривало, что ее будут проводить специальные нарочные из Сената. Однако в конце концов для проведения переписи всех жителей на заводах Демидова был назначен 29 декабря 1738 г. указом Канцелярии главного управления Сибирских и Казанских заводов генеральный межевщик Игнатий Юдин. В его задачу входило также расследование того, кто из заводских жителей является старообрядцем. Для увещания обнаруженных старообрядцев перейти в православие тобольский митрополит Антоний послал архимандрита Иосифа Зенкевича, деятельность которого в этом направлении была, однако, мало успешной. Он обратил в православие всего лишь одного старообрядца. Ему на смену был послан протопоп И. Соболев, который действовал успешнее, обратив в православие 162 мужчины и 91 женщину. Впоследствии И. Соболев откровенно признавал, что такого эффектного результата он добился благодаря устрашающему содействию светской власти⁶.

⁵ Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 348—354.

⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272, лл. 60—61, 108.

Этот успех оказался весьма кстати для иерархов Сибирской церкви. Во-первых, после скандальной истории с побегом почти полутысячи старообрядцев из монастырских тюрем руководство Тобольской епархии торопится доказать свое рвение в борьбе со старообрядчеством. Во-вторых, церковных иерархов все больше и больше пачинает волновать деятельность крупнейшего старообрядческого центра на Урале, которая оказывала влияние на распространение старообрядчества в Западной Сибири, на Алтае. Беспокойство Тобольской консистории в этой связи проявляется во многих документах. Сурово применять тяжесть двойного оклада для борьбы со старообрядчеством, одновременно воспользоваться обстановкой переписи для сокращения числа старообрядцев, хотя бы записных, — все эти задачи представляются Тобольской консистории сейчас очень важными. Отныне она будет внимательно следить за дальнейшим ходом переписи, беспокоиться из-за проволочек, постоянно обращаться в Синод с жалобами по этому поводу, требовать ускорения переписи ⁷. Что же касается демидовской администрации, то ее надежды были жестоко обмануты: обратилась в православие сравнительно незначительная часть заводских старообрядцев. К концу 1739 г. отказавшихся обратиться насчитывалось на демидовских заводах 1591 чел., а между тем перепись далеко еще не была завершена ⁸.

В августе 1739 г. Синод по требованию Сената подтвердил тобольскому архиерею необходимость всяческого содействия делу переписи посылкой «духовных персон» для увещевания раскольников ⁹. Однако напоминание было излишним. Духовенство на сей раз действовало достаточно активно, остановка была за светской властью; именно из-за ее нераспорядительности и неповоротливости перепись затягивается в это время. В декабре 1739 г. митрополит Антоний сообщает Синоду, что сибирское духовенство помогает и готово впредь помогать столь достойному делу и с нетерпением ожидает его успешного окончания.

Однако окончание это все откладывалось. 2 августа 1740 г. Сенат вынес наконец решительный приговор о немедленном окончании переписи раскольников, «обретаю-

---

⁷ Там же, лл. 107—109, 111—118.

⁸ Там же, л. 61.

⁹ Там же, лл. 68—72.

щихся в Сибири на заводах Демидова и Осокина и других». Сенат решает применить традиционное средство для скорейшего завершения переписи: «По свидетельству той переписи отправить ныне от Сената штаб-офицера достойного немедленно (и отправлен подполковник Никифор Шишков)». Синоду предлагалось «иметь прилежное старание» к обращению уральских старообрядцев¹⁰.

Штаб-офицер Н. Шишков оказался тем деятельным и авторитетным лицом, которому в конце концов удалось завершить крайне хлопотливое и трудоемкое дело переписи заводских старообрядцев Урала. Однако и ему удалось это далеко не сразу — перепись была закончена лишь в 1743 г. А между тем 24 апреля 1741 г. управители тобольского архиерейского дома сообщали в Синод, что дело переписи на заводах Демидова приостановлено совершенно. Протопоп И. Соболев с достойной нашего внимания откровенностью рапортовал, что, поскольку грозного штаб-офицера на Урале все еще нет, его, Соболева, увещательная миссия становится безнадежной: «Во обращение их, раскольников, надежды иметь не можно, аще де они рукою высокою и страхом принуждены к тому не будут»¹¹. 31 июля 1741 г. Синод решает в этой связи писать в Сенат, почему не положены до сих пор в двойной оклад раскольники, переписанные в 1739 г. Юдиным, и скоро ли появится на Урале долгожданный штаб-офицер.

Забота вполне понятная. Планы высшей духовной власти шли здесь значительно дальше желания светской власти положить всех уральских старообрядцев в двойной оклад. Синод просит Сенат сделать распоряжение о том, чтобы со всеми обнаруженными на демидовских заводах старообрядцами было поступлено так же, как было в 1737 г. приказано поступить со всеми старообрядческими монахами, пойманными во время татищевской выгонки в уральских скитах: «то есть чтоб их на заводах содержать под крепким караулом, сделав для того их содержания особливые дворы с высоким тыном», «ибо ежели они, раскольники, не будут в таковом крепком содержании, то от них крайняя и неминуемая будет опасность, что многия из правоверных простых людей раскольнической их прелести от их злаго учения будут последователи»¹². Даже

¹⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 772, лл. 667 об.—668 об.

¹¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272, л. 108.

¹² Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 397—398.

во время татищевской выгонки, которую вдруг вспомнил сейчас Синод, власти не заходили так далеко: за высокий тын тогда было повелено сажать лишь старообрядческих руководителей, чернецов, пойманных в тайных лесных убежищах.

Требования управителей тобольского архиерейского дома шли таким образом вразрез с тем законодательством, на которое они ссылались, и поэтому, естественно, не могли быть приняты светскими властями. Однако эти требования очень показательны для настроения высших сибирских церковных иерархов, несомненно сожалеющих уже о возможностях, столь бездарно упущенных ими несколько лет тому назад, и мечтавших сейчас замуровать в дворах за высоким тыном всех уральских старообрядцев, определив их к каторжным работам на уральских заводах.

Начало действий Никифора Шишкова сопровождалось и прямо противоположной по характеру попыткой уральских старообрядцев вообще освободиться от двойного подушного оклада, не поступившись при этом своими религиозными убеждениями. 11 октября 1740 г. Невьянского завода «из работных людей выборной Клим Васильев» подал прошение в Сибирскую губернскую канцелярию «об выключке» из двойного оклада всех старообрядцев демидовских и осокинских заводов. Челобитная основывалась на указе от 18 февраля 1716 г., согласно которому приказывалось описать и положить в двойной подушный оклад всех раскольников, «кроме тех, которые живут близ рубежа». Уральские старообрядцы ссылались в этой челобитной на то, что в Киевской и Олонецкой губерниях с пограничных раскольников не собирают двойного оклада, а недавняя «башкирская штатость» доказала, что и их места являются порубежными. Челобитчики подчеркивали, что приписные к заводам крестьяне «обретаются... в непрестанных работах» и двойной оклад совершенно разорит их¹³.

Но время для этой просьбы было выбрано неудачно. 22 апреля 1740 г. Сенат уже отверг подобную же просьбу олонекких старообрядцев¹⁴.

Как прошение Тобольской консистории засадить всех уральских старообрядцев за высокий тын, так и невяян-

¹³ ЦГАДА, ф. 288, № 901, лл. 1—3 об.

¹⁴ Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 363—368.

ская челобитная о том, чтобы вообще не собирать с них двойного оклада, были отвергнуты. Канцелярия Никифора Шишкова продолжала свою работу и в сентябре 1743 г., наконец, представила ее итоги.

Инструкция, данная Шишкову в 1740 г., требовала, чтобы он взял в главном правлении Сибирских и Казанских заводов прежние «переписные раскольничьи книги» и сверил эти книги с действительным положением вещей; ему приказывалось на заводах раскольников «переписать и освидетельствовать, сколько их, где, мужеска и женска полу есть, имеютца ль где кроющиеся раскольники»¹⁵. Результаты всей этой работы были отражены в табл. 1.

Бросается в глаза, что хотя в таблице указано 330 обращенных в православие из числа записавшихся в раскол по прежним книгам, все это результат деятельности времени межевщика Юдина (данные по Юговскому заводу Г. Осокина не были отражены в победных реляциях Тобольской консистории 1739 г.). Что же касается обращенных в православие во время деятельности самого Никифора Шишкова, то таковых указано лишь 10 (4 по Нижне-Тагильскому заводу, 1 по Шайтанскому и 5 по Екатеринбург). То ли традиционный метод «страхом принуждения» к признанию синодальной трактовки христианства оказался недостаточно действенным, то ли подполковник Никифор Шишков не захотел быть слишком уж устрашающим. Во всяком случае, воздаяния за все хлопоты сибирские иерархи не получили: к 2457 старообрядцам, записавшимся по прежним книгам и бывшим в наличии к 1743 г., прибавилось еще 1084 новых записных раскольников.

Это не могло не волновать консисторию и Синод. Церковные увещевания, вся деятельность православного духовенства в этих местах оказывались мало эффективными, сибирская церковь плохо выполняла идеологические функции, возложенные на нее абсолютистским государством. Скрыть что-либо в результатах переписи, проведенной по указу Сената, церковь, конечно, не имела возможности. Оставался другой, традиционный путь — насильем поскорее добиться «обращения» записавшихся. Подобные попытки церковь неоднократно предпринимала и во время работы Н. Шишкова.

---

¹⁵ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 109, л. 1.

Итоговые данные переписи записных старообрядцев, проведенной в 1740—1743 гг. Н. Шишковым *

Название мест	Число старообрядцев по прежним книгам Календаря Главного правления завода	Из них ранее обратилось	При проведении переписи Н. Шишкова обратилось	Осталось ранее записанных старообрядцев	Н. Шишковым записано новых старообрядцев
Заводы А. Демидова	1905	265	4	1636	390
г. Екатеринбург	196	—	5	191	112
д. Шарташская	180	—	—	180	109
д. Становая	16	—	—	16	28
д. Сарапулка	—	—	—	—	11
При оз. Таватуй	134	—	—	134	37
сл. Багарятская, Красноярская, Крутинская	12	—	—	12	11
Шайтанский Н. Демидова завод	136	—	1	135	82
Иргинский П. Осокина завод	171	19	—	152	94
Юговский Г. Осокина завод	47	46	—	1	5
д. Верхние Лаи Екатеринбургского ведомства	—	—	—	—	47
д. Нижние Лаи	—	—	—	—	21
Кушвицкий казенный завод	—	—	—	—	42
Красноярский В. Осокина соляной завод	—	—	—	—	11
г. Томск	—	—	—	—	58
Кузнецкий уезд (деревни Н.-Сузунская, Обвинцева Малышевской сл., Язовая, Кислуха Белоярской креп.)	—	—	—	—	26
Из ранее записанных старообрядцев исключено Н. Шишковым умерших				173	
Итого	2797	330	10	2457	1084

* ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 109, лл. 147—147 об.

Еще летом 1741 г. Тобольская консистория сообщила в Сенат, что протопоп Соболев, занимаясь увещаваниями старообрядцев, начал одновременно собирать сведения для большого следствия о различных нарушениях законодательства увещиваемыми и их единоверцами. Определен-

ные петровским законодательством рамки существования в государстве старообрядческих общин были столь тесны; что на практике было невозможно не нарушать их. Втолковывая заблудшим овцам основы церковного вероучения, проводя диспуты по догматическим вопросам, протопоп Соболев одновременно небезуспешно занимался тайной следственной деятельностью и накопил немало материала для церковного начальства. Он сообщал о записных и тайных раскольниках Урала и Западной Сибири, что «всякия духовные требы исправляют у них по старопечатным книгам скитающиеся священники... Раскольническому суеверию учили их разные бывшие в висимских лесах попы: Никита, Иван, Авраамий и Максим, и монахи Илья и Иона (из них первые два умерли), и они-то все потребности у них исполняли, не в церквах, но ово в часовнях, иное же в домах, прочее же в лесах». Соболев с сожалением констатировал, что конкретного обвинительного материала собрать почти не удалось, нужно было формальное следствие. Правда, во время увещания, свободно перешедшего в допрос, молодой мастер Шайтанского завода Федор Евстафьев сын Черкасов проговорился, что умерший уже к тому времени поп Никита учил старообрядцев проклинать Никона и Синод.

Этого было достаточно, чтобы Синод в своем определении от 14 августа 1741 г. предписал начать параллельно с работой по переписи старообрядцев огромное следствие о незаконных действиях старообрядческих руководителей Урала и их последователей. Приказывалось отрядить специальных духовных и светских персон, которые были обязаны принять действенные меры к поимке всех расколоучителей. При этом особенно подчеркивалась необходимость настойчиво разыскивать «раскольнического их лжеучения книги и рукописныя тетради и свитки», оставшиеся после умерших расколоучителей. Очень характерна эта постоянная боязнь духовных властей — как бы не проглядеть свободного хождения старообрядческой литературы в народе.

Не менее показательно и стремление Синода придать этому следствию политический характер. Напоминая об известном Бердюгинском свитке¹⁶, Синод требует конфи-

¹⁶ См. об этом: Покровский Н. П. К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири середины XVIII в. — В кн.: Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972, с. 56—57.

сковывать и немедленно присылать в Петербург все обнаруженные у старообрядцев книги, рукописные тетради и письма. Особое внимание Синод требовал уделять поиску «злодейских письмишек» вроде Бердюгинского, с нападениями не только на духовные, но и на светские власти. Хранителей таких писем приказывалось «под самым наикрепчайшим арестом» немедленно присылать в Синод. Всех остальных расколоучителей следовало «отдать под наикрепчайший арест, заклепав в ручные и ножные железа, и содержать под тем арестом до указа в самых крепких местах» Все следствие приказывалось вести секретно ¹⁷.

Однако в 1741 г. выполнить эту широкую программу карательных мероприятий не удалось. Обстановка оказалась слишком неблагоприятной, по мнению светских властей, для проведения широкого расследования о старообрядцах. Обстановка эта создалась в результате трагических событий 12 ноября 1739 г., последствиями которых центральные и сибирские власти занимались и в 1740, и в 1741 гг.

* * *

Причинами этих событий явились обычная карательная политика Tobольской консистории по отношению к старообрядцам и коррумпированность сибирских духовных властей, привычно рассматривавших старообрядцев как наиболее удобный объект для всевозможных вымогательств. Летом 1739 г. Комиссия следственных дел тобольского архиерейского дома поручила архиерейскому управителю Ивану Карташову, направлявшемуся по каким-то делам в Енисейск, провести перед этим расследование о старообрядцах в районе Томска, Кузнецка, Бердска, Белоярской слободы. Точная причина возбуждения этого следствия нам неизвестна, митрополит Антоний оправдывался впоследствии ссылками на недошедший до нас императорский указ от 26 мая 1738 г. Видимо, этот указ связан со всей противораскольнической политикой правительства Анны. Сошлемся, например, на сенатский указ от 16 апреля 1737 г., который требовал усиления борьбы со старообрядчеством,

---

¹⁷ Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 400—404.

рогого соблюдения предшествовавших антистарообрядских законов¹⁸.

Карташов, конечно, считал, что ему повезло: район, разделенный для его следовательских подвигов, всегда был в епархии весьма удобным для всевозможных вымогательств. Однако непомерная жадность не только сорвала все корыстные расчеты Карташова, но и разрушила его репутацию. Он запросил слишком много: с каждого старообрядческого селения по 50 руб., а со скитов по целой тысяче. При отсутствии денег архиерейский управляющий сошелся с частью взяток брать шкурками красных лисиц. Но он набрал около 200 руб. и 60 шкурок. Любопытно, что в последующее тщательное расследование в Тобольске и в лице его незаконных действий так и не могло быть раскрыто, за что же, собственно говоря, он брал эти взятки. Мы платившие не знали этого, крестьяне понимали, что за какой-нибудь причиной, чтобы «розыскивать» и притеснять, властей найдется и предпочитали откупаться, но далеко не все. Действия Карташова вызвали большое волнение обширной территории от Ини и Бердска до степного края, р. Чумыш. Центром этого волнения стала деревня Новая Шадрина Белоярской слободы Кузнецкого уезда.

Карташов, получивший, по его мнению, слишком мало, решил начать «розыск» и потребовал помощи светской власти. Командант Белоярской крепости Ф. Пепелев, хотя и имевший от своего начальства соответствующих указаний, в июле 1739 г. послал посыльчиков во все деревни Белоярской крепости «по всех жителей не обходя никого», требуя их к следствию в Белоярскую крепость. Однако крестьяне неправильно расценили вымогательства Карташова как верную примету приближения крупных неприятностей. Посыльчики Пепелева обнаружили, что многие крестьяне, не дожидаясь дальнейших действий духовных и светских властей, бежали. Последствия мероприятий Карташова и Пепелева оказались настолько опустошительными, что деятельный белоярский командант решил немедленно отправить военные разведывательные команды в поисках подвластного ему населения. Команде Ф. Усольцева удалось обнаружить несколько сот беглецов в лесу по Лосихе близ деревни Новой Шадринной. Сил Усольцева было недостаточно, чтобы вернуть их. К тому же сразу стало

---

¹⁸ ПСЗ, т. X, № 7226, с. 111—125.

ясно, что доведенные до отчаяния крестьяне готовятся к самосожжению. Усольцев сообщил о своей находке по команде. Вскоре о подготовке нескольких сотен сибирских крестьян к самосожжению знали уже и в Тобольске, и в Петербурге.

Движение продолжало расширяться. Посланный кузнецким воеводой Шапошниковым для усмирения крестьян служилый человек Захар Хлыновский с военной командой доносил, что по дороге к дер. Мамоновой он обнаружил большую партию крестьян в 150 чел. Они засели в осаду в специально построенных укрепленных избах на берегу р. Чумыш, оградил их частоколом, поставили караулы и оказали сопротивление команде Захара Хлыновского. Они сообщили Хлыновскому, что собрались здесь для защиты от управителя Карташова и намереваются идти на соединение с крестьянами в Новой Шадриной. Во главе этого отряда крестьян стоял бердский житель Иван Абрамов. Вероятно, крестьяне выполнили свое намерение, во всяком случае Иван Абрамов впоследствии паходился в Новой Шадриной и упоминался среди других руководителей этого движения. Имена руководителей вскоре стали известны властям.

Говоря о зачинщиках движения, на первом месте официальные документы называют обычно имена разпочинца дер. Новой Шадриной Семена Шадрина и окрестного крестьянина Алексея Строителя. Семен Шадрин возглавил работы по постройке в лесной пустыни близ дер. Новая Шадрина нескольких укрепленных изб, способных вместить три-четыре сотни человек. Позднее власти считали его главным руководителем движения. Однако во время развертывания самих событий Сибирская губернская канцелярия, неоднократно приказывая захватить главных зачинщиков движения, называет на первом месте Алексея Строителя и нескольких его единомышленников и не упоминает еще о Семене Шадрине. Особо подчеркивается при этом неотложность поимки пушкаря Дементия Бурмагина, крестьянина Гаврилы Короля и его детей Ивана и Саввы. Главным религиозным руководителем движения власти считали тогда старца Каллистрата, которого приказано ловить вместе с Алексеем Строителевым.

Старец Каллистрат — довольно загадочная фигура. Возможно, есть некоторые основания отождествлять его (как это делает Д. Сапожников) с попом-расстригой Кар-

гополовым (Холмогоровым), сосланным в начале 30-х годов Конторой тайных розыскных дел в Сибирь, в Охотский острог. Перед ссылкой он был лишен монашеского и священнического чина и наказан кнутом. В Иркутске его назначили вместе с другими ссыльными на работу в Камчатскую экспедицию Беринга. Однако в 1733 г., пройдя с партией ссыльных пешком до Якутска, Каргополов был освобожден по старости от принудительного труда и оставлен в Якутске. Здесь иркутский епископ поручил ему руководить церковной школой в Спасском монастыре. Успешно справившись с этим заданием, Каргополов сумел даже попасть в церковный причт на скромную должность дьячка. Однако, когда через полгода ему поручили сбор милостыни в соседних селах, он воспользовался этим для побега и вскоре оказался в дер. Новая Шадрина. Здесь он развернул активнейшую старообрядческую агитацию, и с его проповедью впоследствии связывали усиление крестьянского сопротивления церковным увещаниям. За три недели до начала решающих событий Каргополов уехал из дер. Новая Шадрина, но вскоре был захвачен военной командой прапорщика Шухова. На допросе после того, как его в Кузнецке «слегка стегнули батошкой», «так и выпал у него из-за пазухи кожаный мешочек», в котором оказалась тетрадь со старообрядческими сочинениями и выписками из популярной в расколе эсхатологической «Книги Кирилла Иерусалимского». Под пыткой Каргополов назвал в качестве руководителей движения, «собирающих парод», пушкаря дер. Боровской Дементия Бурмагина, а также Семена Шадрина и Гаврилу Короля с сыновьями. Каргополов был срочно переслан в московскую Контору тайных розыскных дел, и дальнейшая его судьба неизвестна. Однако, если доверять нарочито запутанным показаниям Семена Шадрина на следствии, биография старца Каллистрата была иной (Каргополова тогда следует признать другим, отличным от Каллистрата участником событий). По показаниям С. Шадрина, инок Каллистрат был в прошлом крестьянином соседней дер. Босой, расположенной на р. Чумыш. Он ушел в известные Муромские леса, где был пострижен знаменитым основателем софонтиевского поповского толка Софонтием. Последние годы он был настоятелем скита в лесу близ дер. Новая Шадрина. После его ухода из этого скита настоятелем стал старец Манасий. Манасию (происхождение которого неизвестно)

принадлежало видное место во всех последующих событиях, хотя в переговорах с властями он не участвовал.

Руководители движения в основном были выходцами из соседних крестьянских миров. Семен Шадрин происходил из известной еще в XVII в. семьи зауральских крестьян-старообрядцев. Более тридцати лет назад его отец вместе со всеми детьми переехал в Бердский острог, а затем семья эта расселилась по разным деревням Белоярского острога. Семен Шадрин пользовался здесь уже немалой известностью, именно к нему обратился в 1739 г. крестьянский сход, решавший вопрос о том, как быть с требованием властей выдать, по указанию Карташова, многих крестьян для следствия.

Сход состоялся в июле 1739 г., когда уже были известны несколько случаев насильственного захвата крестьян для следствия. Крестьянам «ломали руки», причем Карташов похвалялся: «Яде теперь полную мочь имею»; он обещал крестьянам: «Будет по всей Сибири такой розыск, каков был в Таре». Сход постановил: к Карташову на следствие не ходить, а бежать в леса. Собравшиеся в большом количестве крестьяне стали просить Шадрина, чтобы он построил в соседней пустыни укрепленные избы, которые можно было бы окопать рвом и оградить частоколом, чтобы засесть там «в запор». Для общей характеристики подобных крестьянских движений протеста этого времени важно подчеркнуть, что, при всем участии в нем старообрядческих скитских старцев, движение начинается по приговору крестьянского схода. Укрепленный лагерь в лесном скиту близ дер. Новая Шадрина был построен, крестьяне стали стекаться туда толпами — всего их собралось там более 300 чел. (по некоторым слухам даже около 500) «кроме малых младенцев».

Действия властей в этой ситуации были традиционно нелепыми: с одной стороны, власти всячески пытаются успокоить крестьян, не допустив их до самосожжения, с другой — приказывают действовать силой и в первую очередь ловить зачинщиков. Любые же насильственные действия в таких случаях всегда обостряли обстановку и делали самосожжение неизбежным. Власти, конечно, не собирались покрывать художества Карташова, оправдывать его взятничество. Был издан приказ об его аресте (впрочем, Карташов оказался неуловимым). Но подобного приказа было уже недостаточно для успокоения крестьян. Кузнец-

кий воевода Шапошников посылает для уговаривания крестьян одного человека за другим, не забывая снабжать их воинскими командами. Но ни служилый человек Захар Клыновский, ни приказчик Гилев, ни кузнецкий дворянин Андрей Максюков не решаются применить военную силу против крестьян, а на уговоры разойтись крестьяне не поддаются.

Крестьяне уже не только протестуют против насильственных действий Карташова по обращению их в православие, но и заявляют о непосильной для них тяжести двойного подушного оклада. Гилев сообщил, что в укрепленном лагере в лесу под дер. Новой Шадринной собралось 324 чел. и что брать приступом этот лагерь нелегко: «Все те избы кругом обставлены частоколом, а за заплутом построены четыре избы большие, да шесть малых, в них сделаны узенькие входы, а с улицы в стенах есть прохожия двери, до того тоже узкия, что едва может войти в них один человек. Сверху в них вбиты запуски, к дверям и запускам для запора слези, запуски зделаны из толстаго лесу, в середине во всех избах и сенях и наверху и внизу» запасено большое количество кудели, веников, соломы, смолы, бересты, а в желобах, проходящих близ строений, насыпан порох. Отказавшись покинуть укрепленные избы, крестьяне передали Гилеву для передачи воеводе «сказку».

Она была написана Алексеем Строителевым от имени Сергея Шадрина, Дементия Бурмагина, Степана Черданцева, Андрея Рассказова, Ивана Королева, Ефима Толмачева, Якова Некрасова, Петра Веснина, Ивана Парамонова, Герасима Мензелина, Матвея Лубягина, Саввы Королева, Ивана Строителя, Григория Божева, Якова Божева, Семена Некрасова, Тимофея Бельмесова, Степана Тотменина, Дмитрия Шадрина, Самойлы Усольцева, Ильи Вележинского, Данилы Костоусова, Родиона Гладких, Феклиста Банникова. В «сказке» крестьяне протестуют против насильственного обращения в православие («гонят нас в церкви и принуждают креститься троеперстно»). Они заявляют, что «к исповедям и неподобным тайнам» они не пойдут, «ибо сих еретических треб принять мы не можем: сие говорит против седми вселенских соборов и устава святых отец правил».

Другая подобная «сказка» была вскоре передана крестьянами дворянину Максюкову. Писал ее также Алексей Строитель от имени всех выше перечисленных крестьян,

а также Семена Шадрипа, Афанасия Шмакова, Тимофея Толмачева, Якова Босого, Максима Монашкина, Ивана Абрамова, Алексея Уржумова, Ивана Куратова, Карпа Савина, Василия Ержотова, Федора Седонина, Козьмы Скуржутина, Михаила Зырянова, Павла Плотникова, Симона Уржумова, Матвея Монашкина, Федора Болхова, Прокопия Татарина:

Таковы имена крестьян — наиболее активных участников этого протеста. По содержанию эта «сказка» очень близка к первой. Здесь более подробно говорится о несправедности господствующей церкви и ссылками на старопечатные книги утверждается справедливость старообрядческого учения. Господствующая «никонианская» церковь объявляется еретической. «Того де ради опасаясь умевреднаго сего еретическаго расколу и съехались мы сверх по Лосихе к разночинцу Шадрину».

Сибирская губернская канцелярия, узнав о новошадринских событиях, приказывает воеводе Шапошникову выбрать «человека доброго и искусного», знакомого собравшимся раскольникам и послать к ним «уговаривать добровольно, чтоб они выехали на прежния свои жилища», «и как возможно велеть иметь старание, чтоб оных крестьян и разночинцев до созжениа не допустить». Одновременно приказывается принять меры, чтобы к собравшимся крестьянам не могли примкнуть новые. Но главный бюрократический пафос этого указа направлен на разработку подробных наставлений, как тайно выведать имена зачинщиков движения и арестовать их, заковав в ручные и ножные кандалы. Зачинщиков надлежало немедленно доставить в Тобольск. Приказывалось установить также тщательный тайный надзор за всеми крестьянами, добровольно покинувшими «собрание ко созжению». Вскоре оказалось, что все увещевания бесполезны.

И тогда 19 октября 1739 г. Сибирская губернская канцелярия направляет кузнецкому воеводе Шапошникову и майору де Гравве суровый, но неисполнимый указ подавить сопротивление крестьян вооруженной силой, не допуская, однако, их при этом до самосожжения. Шапошников и де Гравве должны были следовать к собравшимся крестьянам во главе большого вооруженного отряда и приказать им разъехаться «без всякого опасения», выдав зачинщиков — Д. Бурмагина, Г. Короля с детьми,

А. Строителева и старца Каллистрата. «А ежели паче чаяния по тому уговору оные раскольники помянутых Бурмагина с товарищи добровольно не отдадут, то в те места, где они заперлись и имеютца в собрании, иттить им, майору и воеводе Шапошникову, силою с оружием и всякими мерами старатца, чтоб конечно оных Бурмагина с товарищи как возможно взять. А буде паче чаяния оные собравшиеся раскольники будут те дома зажигать, то как возможно старатца и оных Бурмагина и Короля с детми его из огня во двери и окна выхватывать и взять как возможно живых и возгорания их не допустить и старатца всякими мерами, чтоб их взять под крепкой и секретной караул». Воевода и майор справедливо расценили, что главное, чего требует от них этот воинственный указ — арестовать зачинщиков и разогнать собравшихся крестьян. Что же касается предотвращения самосожжения, то это — дело второстепенное: давно уже было хорошо известно, что в таких ситуациях первое же применение силы немедленно приводит к самосожжению.

Воинство Шапошникова и де Гравве выступило из Кузнецка 7 ноября 1739 г. В отряде было 163 солдата «все с ружьями и топорами», 7 детей боярских и несколько крестьян. Отряд остановился в 8 верстах от дер. Новой Шадриной, и начались переговоры. Переговоры велись в старообрядческом скиту близ часовни, в присутствии всех собравшихся крестьян. Шапошников и де Гравве предложили крестьянам выдать зачинщиков и немедленно разойтись. Отвечал Семен Шадрин: «Мы, крестьяне и разночинцы, собрались здесь в пустыни все во имя Иуса Христосика. Жен и детей своих уберем мы здесь и упокоим. Живыми не сдадимся! Жить в деревнях своих попрежнему нам боязно, ибо как станем мы разъезжаться по домам своим, так и станете вы ловить нас и забирать в остроги». Опасения эти имели основание — власти часто действовали так в подобных случаях. Этот ответ был подтвержден единодушными криками всех собравшихся. Трижды воевода Шапошников уговаривал крестьян разойтись и трижды получал отказ.

На другой день крестьяне разгадали попытку воеводы хитростью овладеть их лагерем, отвлекая их внимание новыми переговорами. Из этой попытки также ничего не вышло. Тогда 12 ноября 1739 г. Шапошников и де Гравве отдали приказ штурмовать крестьянские укрепления. За-

видев движение солдат, крестьяне открыли стрельбу. Из часовни прозвучали звуки церковного пения, а из изб до-несся удушающий запах ладана, в огромном количестве подожженного крестьянами. Вскоре дошла очередь до пороха. Раздался огромной силы взрыв, дрогнула земля, пестерпимый жар пламени заставил солдат отойти.

Никто так и не узнал точного числа сгоревших. Предполагали, что их было более 300 чел., 15 чел. спаслись, тайком покинув избы накануне самосожжения, да несколько человек не захотели ни гореть, ни уходить: они заперлись в крайних избах, до которых не дошел огонь, и были захвачены затем солдатами. Семен Шадрин спас свою жизнь, в последнюю минуту выйдя из горящей избы через подземный ход. Он был захвачен солдатами и «под крепчайшим караулом» отправлен в Москву, в Контору Правительствующего Сената. Ему, однако, удалось совершить смелый побег из московской тюрьмы. Он вернулся в Сибирь, на Алтай. Здесь он продолжает проповедь старообрядчества под именем «святаго отца Якова Степановича», известного по старообрядческим рукописям прошлого века. В 1756 г. он возглавит крупнейшую Чаусскую гарь и погибнет в ней — его попытка опять уйти из огня будет неудачной.

История больших русских гарей XVII в. знает несколько примеров тайного бегства руководителей из огня в начале самосожжения. Чаще всего это делалось затем, чтобы собрать новую, большую гарь и погибнуть в ней ¹⁰.

Бегство в 1739 г. Семена Шадрина из огня — единственный известный нам пример подобного рода в сибирских самосожжениях XVIII в. Правительство широко воспользовалось этим случаем в своих обличениях раскола. Согласно официальной концепции русского абсолютизма, причиной самосожжений являлась проповедь корыстолюбивых расколоучителей, которые обманывали темную и доверчивую массу, чтобы самим уйти от огня и воспользоваться имуществом сгоревших. Эта концепция, подхваченная и риторически расцвеченная администраторами и историографами Синода, оказывала и оказывает воздействие на общие оценки раскола. Не может быть сомнения, что попытка С. Шадрина уйти от огненной смерти, к кото-

---

¹⁰ Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе. М., 1891, с. 32.

рой он небезуспешно призывал других — одно из наиболее отталкивающих следствий религиозного фанатизма, независимо от мотивировки этих действий (корыстные мотивы ни в одной из сибирских гарей документами не подтверждаются). Не следует забывать лишь, что порождением такого же религиозного фанатизма являлись и беспощадные синодально-полицейские преследования раскола, ответом на которые и были самосожжения протеста.

Следствие по делу о новошадринской гари продолжалось очень долго. Сенат осудил действия кузнецкого воеводы Шапошникова, не сумевшего выполнить задачу, официально поставленную перед ним указом Сибирской губернской канцелярии: захватить зачинщиков, не допуская самосожжения. Абсолютная нереальность этой задачи, как и подчеркнуто воинственный тон указа Сибирской губернской канцелярии от 19 октября 1739 г., не были приняты во внимание в Сенате — Шапошникова отстранили от должности. Конечно, общее отношение правительства и Сената к проблеме раскола оставалось при этом неизменным, но очевидно было, что очередная попытка сибирской церкви загнать силой старообрядцев в церковную ограду закончилась трагической неудачей. Грубые, противозаконные методы ведения следствия Карташовым, как и распоряжения Шапошникова, были поэтому осуждены Сенатом ²⁰.

Память о страшных событиях 1739 г. была свежа во время проведения переписи Никифора Шишкова. Это одна из возможных причин того, что массовое устрашение уральских старообрядцев для возвращения их в лоно церкви не состоялось. В этих условиях светская власть не могла согласиться и с предложением Синода от 14 августа 1741 г. о начале нового общего розыска старообрядцев в Тобольской епархии.

---

²⁰ О новошадринской гари 1739 г. см. ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. VIII, № 5380; ф. 248, оп. 14, кн. 772, № 60, кн. 800, № 38; ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1757 г., № 78; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 70—82; Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1888, с. 104.

Уход с политической арены правительства императрицы Анны Иоанновны и Бирона не внес сколько-нибудь существенных изменений в политику абсолютистского государства и господствующей церкви по отношению к старообрядчеству. Антон Ульрих и Анна Леопольдовна, стремясь укрепить свое положение, всячески демонстрировали приверженность к истинному православию в официальной его трактовке.

13 ноября 1740 г. от имени Антона Ульриха, Анны Леопольдовны и младенца Ивана Антоновича последовал торжественный именной указ народу с провозглашением неизблемости основ традиционного союза православной церкви с государством. Императорская власть как высшее руководство церкви пеклась о церковных делах и поддержании веры в народе. Синоду приказывалось «прилежное попечение иметь, дабы во всем нашем государстве нелицемерный страх божий и благочестие сохраняемо, и по уставам церковным отправляемо... было». После ряда мелких предписаний о добросовестном исполнении синодальным ведомством своих обязанностей в указе подчеркивалось: «То же и о раскольниках, невежеством своим церкви святых противляющихся, чтоб они увещеванием и наставлением в благочестие и соединение святых церкви обращены были, как о том обо всем в прежних указах, которые через сие подтверждаются, пространно изображено»²¹. Хотя здесь, конечно же, говорилось лишь о мирных увещеваниях старообрядцев, ничего хорошего этот указ им не предвещал. Сохранение идеологической монополии феодальной церкви по-прежнему провозглашалось важнейшей задачей духовной и светской власти.

Традиционный феодально-бюрократический подход к проблеме свободы (точнее, несвободы) религиозной совести в абсолютистском государстве хорошо виден и в определении Святейшего Синода от 16 января 1741 г. Это определение вносило значительные дополнения в текст присяги, которую давали поставляемые в священники и дьяконы. Усиливалась, в частности, противостарообрядческая направленность этой присяги, священникам приказывалось

²¹ ПСЗ, т. XI, № 8291, с. 304—305.

всячески заботиться о выявлении и искоренении раскола, используя при этом и таинство причастия: «К тому ж клянуся, что должен и по должности хочу и всячески тцатися буду по хиротонии во священство (или будучи в диаконстве) в приходе моем тайных раскольников через удаление их от святой евхаристии, или чрез инья каковыя приметы, накрепко смотреть, и аще бы таковыя явиться могли, ни за каковые от них дары, или посулы, укрывать и таить не буду, но как о них, раскольниках, скоро могу уведать, со всяким обстоятельством письменно представлять, где надлежит, всемерно потщуся, также в книгах исповедающихся и святых таин причащающихся, закрывая их зловерие с правоверными христианами писать не стану.

К сему же все раскольнические разные толки со лжестарцами, называющимися учителями лживыми попами и дьяконами и мирскими (аще в покаяние не придут к святей православно-католической церкви обратиться не восхотят) вся их согласия суемудренная проклиною и анафеме предаю.

Буде же я впредь, по сем клятвенном обещании, забыв страх божий и должность свою, таить их, раскольников, в своем приходе стану и с правоверными, для прикрытия их зловерия, по какой-нибудь страсти, ведая их за подлинно, с исповедавшимися и божественных таин сообщившимися в книгу ложно напишу и в том от кого обличен буду, то, яко клятвопреступник, чужда священного сана и мирскому публичному наказанию себя подвергаю»²².

Такое определение Синода — типичный продукт характерных для первой половины XVIII в. чисто бюрократических отношений между церковью и государством. Здесь святотатственная для русского человека XVII в. убежденность в том, что таинство исповеди должно быть использовано для целей полицейского сыска, и традиционно неперимое отношение к идеологическим соперникам, и запугивание собственного духовенства «мирским публичным наказанием» в случае своекорыстного попустительства расколу, и яркий перечень грехов коррумпированного духовенства.

Показателем сохранения правительством Антона Ульриха и Анны Леопольдовны прежнего курса по отношению

²² Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1. СПб., 1860, с. 376—377.

к старообрядчеству явилась и высочайшая резолюция на докладе Сената 27 апреля 1741 г., передавшая в собственность Киево-Печерской лавры старообрядческие глуховские слободы, Святскую и Ордань, возникшие здесь еще по указу 1715 г. Все вновь поселившиеся беглые в этих слободах подлежали высылке к своим помещикам ²³.

Если перепись на демидовских заводах в эти годы идет вяло, то причиной этому не изменение курса правительства по отношению к расколу и к беглым, а лишь то, что в сумятице столичных интриг и переворотов до Урала руки сразу не дошли.

Пришедшая к власти 25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна провозгласила строгое следование духу и установлениям законодательства Петра I. Воспоминания о жестоком противораскольническом законодательстве последних лет правления Петра не могли способствовать выработке более гибкой правительственной линии по отношению к расколу. 10 августа 1742 г. Синод добился, наконец, решения в свою пользу старой распри с Раскольничьей конторой в связи с практикой этой последней вопреки законодательству записывать время от времени в двойной подушный оклад лиц, которые не числились ранее записными раскольниками. Этот узкий канал легализации тайных старообрядцев закрылся ²⁴. 18 октября 1742 г. вышел общий сенатский указ с подтверждением сурового противостарообрядческого законодательства петровского времени. Указ пересказывает постановления 1716—1726 гг. и требует их неукоснительного исполнения. Обращается особое внимание на необходимость бездоимочного сбора двойного подушного оклада как важного средства борьбы с расколом. В связи с этим подтверждаются функции Раскольничьей конторы, которой Сенат повелевает «быть на прежнем основании», одновременно предлагается Святейшему Синоду приказать всему русскому духовенству «о наикрепчайшем за таковыми раскольниками надзирании»²⁵. Несколько позднее, 19 февраля 1743 г., были подобным же образом подтверждены и возобновлены другие указы Петра I, направленные против

---

²³ ПСЗ, т. XI, № 8365.

²⁴ Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 415—416.

²⁵ ПСЗ, т. XI, № 8644, с. 698—699.

старообрядцев²⁶. Конец темного времени бироновщины видится здесь лишь в том, что подтверждались одни указы петровского времени, а противораскольническое законодательство Анны Иоанновны не упоминалось. Старообрядцам от этого было не легче.

Одно время казалось, что некоторое облегчение со вступлением на престол Елизаветы Петровны получают старообрядцы, сосланные в Сибирь. 130 ссыльных старообрядцев были по «состоявшемуся декабря 15 дня 1741 году всемилостивейшему об отпущении вин указу» освобождены Сибирской губернской канцелярией и отпущены пешком без денег из Тобольска в Москву, где они должны были явиться в Сибирский приказ — «дабы они все, как и прочие их братья ссыльные ж из ссылок свободдались, высочайшею ея императорского величества милостию были обрадованы из ссылки свободжены».

Сенат, однако, решил, что эта противоречащая курсу правительства радость — дело вредное, а стремление сибирской администрации обрадовать ссыльных старообрядцев монаршей милостью — досадная ошибка и непонимание своих прямых служебных задач. Что же касается указа об амнистии, то он «по таким их (старообрядцев.— *Н. П.*) богомерским злодеяниям ко отпущению вин их нимало не следует». Правда, старообрядцы не упоминались в указе среди категории лиц, на которых амнистия не распространяется. Но там было сказано, что амнистии не подлежат государственные преступники, осужденные по первым двум пунктам указа о «слове и деле», «а оныя богопротивныя злодеи еще вяще тех двух пунктов против самого бога и церкви его святой то свое злодейство показали». Сенат приказал переловить в Москве всех отпущенных из Сибири ссыльных и отправить их назад, наняв для этого специальный корабль. Все деньги, потраченные государством на это, приказывалось «доправить» с сибирского губернатора, «не приемля никаких его отговорок». Великолепна в своей государственной ясности мотивация необходимости столь большого денежного наказания сибирского губернатора А. Сухарева: «дабы он впредь в таких свободах осторожнее поступал»²⁷.

²⁶ Там же, № 8707.

²⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 8, № 5654, лл. 27—74.

Если, таким образом, никаких выгод от вступления на престол Елизаветы сибирским старообрядцам получить не удалось, то беспокойств этот акт принес им немало. Снова вставал традиционный вопрос о присяге, на сей раз — дочери царя-антихриста. Для многих старообрядцев, сохранивших старую закваску протеста, такое насилие над совестью, такая уступка слугам сатаны были невозможны. Желая убедительной демонстрации восторга подданных по случаю переворота 25 ноября 1741 г., Елизавета не хотела осложнять инцидентами акт присяги. Поэтому она милостиво разрешила старообрядцам не присягать²⁸. Простой политический расчет повлиял на русскую императрицу сильнее, чем это смог бы сделать десяток Вольтеров. Но заматерелые в бюрократических битвах местные чиновники справедливо не поверили столь невиданному свободомыслию государыни. У всех еще были в памяти дотошные, спустя многие годы, розыски Анны Иоанновны, кто и почему посмел не присягать ей²⁹. Чиновники оказались правы: укрепившись на троне, Елизавета вскоре почувствует подобное же острое любопытство, и Тайная канцелярия займется привычным ей делом. Предвидя это, сибирские власти не хотели удивлять столицу высоким процентом неприсягнувших и деятельно начали приводить староверов к присяге. Конфликт стал неизбежен.

Центром неприятностей для сибирских властей опять оказался Алтай, ведомства Бердской и Белоярской крепостей. Привычная чувствительность местных чинов к денежным аргументам старообрядцев кое-где смягчила конфликт. Так, например, из одного дела Кузнецкой воеводской канцелярии следует, что в декабре 1741 г. в Кузнецке на рынке, в тюрьме и прочих местах скопления простого народа шли откровенные разговоры о том, что приказчик Белоярской слободы кузнецкий сын боярский Семен Хабаров во время приведения к присяге жителей ведомства Белоярского острога «разночинцев, которые раскол имеют, к присяге не приводил, а за то брал он себе взятки»³⁰.

Вскоре после этого, весной 1742 г., Кузнецкая воеводская канцелярия получила сведения о гораздо более серьезных инцидентах во время приведения к присяге жителей

²⁸ Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 86.

²⁹ ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, № 279, I—XXIV.

³⁰ ЦГАДА, ф. 349, оп. 1, ч. 1, № 1583, лл. 1—2 об.

ведомства той же Белоярской слободы. Многие крестьяне Колывано-Воскресенских заводов отказывались присягать, бурно протестуя как против присяги, так и против тяжести повинностей и заводских работ. В этом движении ясно сказалось переплетение и взаимодействие политических, социальных и религиозных причин крестьянского протеста. Кузнецкая воеводская канцелярия послала в деревни Белоярской слободы уже знакомого нам по событиям новошадринской гари дворянина Андрея Максюкова и сына боярского Василия Ефремова. В дер. Лепехиной «той деревни жители — Федор, Ефим да два Ивана Лепехины и прочие сказали, что они намерены гореть от того, что приписаны к Колывано-Воскресенским заводам в работу, и в тех заводах работать им весьма натужно, да к тому же стали их принуждать к присяге, а они, Лепехины, к присяге ийти не хотят, и для того имеетца у них на избе караул с ружьем».

Эта привычная картина подготовки к самосожжению была хорошо известна А. Максюкову. «Караул с ружьем» на крыше крестьянской избы был достаточным для него поводом, чтобы просить военного подкрепления, а заодно и прибытия более высокого начальства, которое сняло бы с него ответственность. Получив это сообщение, Сибирская губернская канцелярия приказала исполнявшему тогда должность кузнецкого воеводы майору де Гравве послать в деревню крупный военный отряд. На усмирение крестьян было послано из Кузнецка 20 драгун, 20 служилых людей под командой поручика Тарасова. Умудренная опытом новошадринской гари Сибирская губернская канцелярия дает, однако, этому военному отряду довольно осторожные указания: прибыв к крестьянам, прочесть им увещательные указы, уговаривая, чтобы они «жили б по-прежнему в домех своих без всякого опасения и боязни» и обещая не приводить их к присяге. Но одновременно давалось секретное предписание всех вышедших из укрепленного дома крестьян немедленно «секретно переловить и переловя, заковав руки и ноги в крепкие кандалы, под крепким караулом прислать в Сибирскую губернскую канцелярию в самой скорости». Если же крестьяне не поверят обману и не сдадут добровольно своего укрепления, Сибирская губернская канцелярия приказывала взять укрепление силой, не допустив крестьян до горения, предлагая применить для этого другие хитрости. Вот одна из них: спрятаться по со-

седству всем отрядом в лесу и внимательно наблюдать, когда старообрядцы выйдут из избы «хотя в праздник светлого Христова воскресения или в другие какие дни», и немедленно воспользоваться их оплошностью для внезапного захвата самих крестьян и их избы. В поисках ключа этой неразрешимой задачи Сибирская губернская канцелярия предлагала поручику Тарасову и такой верный путь к победе: переодеть всех солдат и драгун нищими, чтобы оп под видом просящих милостыню странников пришли к старообрядцам и захватили затем избы изнутри.

Лепехинские старообрядцы чуть было не поверили обманным обещаниям Тарасова. Однако осторожность взяла верх, и два десятка запершихся в избе старообрядцев отказались от дальнейших переговоров. В конце переговоров поручик Тарасов сумел обманом захватить Ефима и Ивана Лепехиных. В ту же минуту он дал приказ своему отряду идти на штурм избы. Вот описание дальнейших событий со слов самого Тарасова, пытавшегося всячески оправдать свои действия. Драгуны начали «ту пристроенную к горению крепку отламывать, и как почали отламывать, то те стоящие (на крыше старообрядцы. — Н. П.) почали по нему, Тарасову, с командою стрелять, а напротив де того и он, Тарасов, приказал команды своей служилым из ружья выстрелить же, а прочим опую крепку, отламывать и как стали отламывать, в то время они загорелись».

В огне погибло 18 чел., в том числе главный инициатор этого самосожжения Федор Лепехин. Жена Ефима Лепехина Пелагея выпла из избы вслед за мужем и была захвачена, как и несколько крестьян, ушедших из этой избы за несколько дней до прибытия Тарасова. Среди последних был крестьянин той же деревни Иван Белков, призывавший вместе с Лепехиными, «чтобы присяги никакой не чинили». На долгом и мучительном следствии, изобиловавшем допросами под пыткой, эти слова И. Белкова были признаны особенно крамольными.

Сибирская губернская канцелярия, выгораживая себя, заявляла, что поручик Тарасов действовал не по инструкции, слишком прямолинейно и грубо. Тарасов в свою очередь доказывал, что выполнить инструкцию было невозможно: открытая местность не позволяла ни спрятать солдат, ни переодеть их нищими. Однако страх чиновников на сей раз был напрасен. Высокий правительствующий Сенат счел гарь, в которой погибло лишь 18 чел., мелочью, не

стоящей его внимания. 28 сентября 1743 г. в своем указе Сенат дал изрядный нагоняй Раскольничьей конторе, которая дерзнула побеспокоить Сенат сообщением об этом случае, в то время как конторе, имея соответствующие указы, «в Сенат и представлять не надлежало». На будущее Сенат рекомендовал профилактические меры: Сибирской губернской канцелярии приказывалось следить, чтобы крестьяне впредь с подобными целями не собирались, священники же должны «смотрение иметь» за сомнительными прихожанами ³¹.

Так закончился этот эпизод истории трагической борьбы сибирских старообрядцев. Алтайское движение протеста весны 1742 г. дает на редкость четкую картину соединения традиционных старообрядческих лозунгов с протестом против присяги «антихристовым» властям и против «натужной» работы на Колывано-Воскресенских заводах. Мартовское сообщение дворянина Андрея Максюкова о том, что движение это широко распространилось по Алтаю, подтверждается еще одним делом Канцелярии тайных розыскных дел.

Весной 1742 г. здесь велось следствие над крестьянами-старообрядцами Бердского ведомства дер. Уштомской Никифором, Никитой и Антоном Бутаковыми «за произнесенные ими в церкви у приводу их (и прочих) к присяге, некоторые возмутительныя слова». Подробности этого движения в Бердском ведомстве нам неизвестны. Документы сохранили лишь одну, но зато интереснейшую деталь. Во время допросов под пыткой Никифор и Никита Бутаковы категорически отказались обратиться в официальную православную веру, «потому что ныне вера переменена: пьют табак, бороды бреют, платье носят немецкое и в церквах служат на пяти просфорах». Это обычное выражение старообрядческого консерватизма, религиозного и бытового, Никифор и Никита Бутаковы тут же, однако, дополнили заявлением, всю опасность которого они должны были сознавать: «Научены же они, Никифор и Никита, этому от бывших в Таре раскольников, ... из которых в прошлых годах одни казнены от Тарской воеводской канцелярии, а другие сожглись сами». Это смелое заявление, сделанное в застенке, свидетельствует о том, что крестьяне — участники про-

---

³¹ ПСЗ, т. XI, № 8786; ЦГИА, ф. 796, оп. 24, № 408.

теста 1742 г. против присяги Елизавете — ощущали свою внутреннюю близость с эпопеей Тарского бунта, причиной которого также являлся отказ от присяги.

Тайная канцелярия часто была склонна понимать свои задачи довольно широко, и, закончив политическое следствие по делу Бутаковых, она занялась просвещением их душ светом истинного (то есть правительственного) варианта православия. Просвещение происходило в застенке, действенным методом пытки. Никифор и Никита, как мы уже говорили, остались непреклонными, «Антон же Бутаков в застенке с подъему сказал, что он от расколу обращается и святей церкви повиноваться, и в церковь ходить, и отца духовного иметь, и у него исповедываться, и святых тайн сообщаться, и троеперстным сложением креститься желает». Канцелярия тайных розыскных дел с гордостью сообщила в Синод об этом успехе своих заплечных богословов. Упорствующим же Никифору и Никиту Канцелярия решила передать профессионалам-увещателям в Синод, резонно сомневаясь, однако, что риторика окажется действенной там, где не имела успеха дыба. Канцелярия предлагала поэтому Никифору и Никиту, в случае их дальнейшего упорства, пожизненно «сослать в дальние монастыри к крепкому содержанию порознь». Антону же, учитывая его обращение в православие, а также годность к военной службе, предоставить возможность искупить свое преступление защитой отечества и определить в солдаты. Синод согласился с этим, однако первое решение вызвало его гнев: «Таковых явных злодеев и народных возмутителей и бунтовщиков на монастырские хлеба посылать и в карауле за ними те монастыри отягощать не надлежит»; Синод предложил поэтому определить Никифору и Никите вечную казнь³².

Этими сведениями в настоящее время исчерпываются немногочисленные известия источников, находящиеся в распоряжении историка, восстанавливающего картину алтайского протеста против присяги Елизавете Петровне весной 1742 г.

---

³² Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 410—413.

Алтайское движение 1742 г. в связи с отказом старообрядцев от присяги Елизавете представляет для историка немалый интерес своими четкими политическими тенденциями. Однако оно было сравнительно локальным, несоизмеримым с эпопеей Тарского бунта. Местные власти и Канцелярия тайных розыскных дел довольно легко справились с ним.

Политический аспект всего движения был настолько ясен, что церковь и государство действовали против него с редкостным единодушием. Вскоре, однако, политика правительства Елизаветы приведет к гораздо более затяжному и сложному кризису. Этот кризис не только еще раз покажет стойкость старообрядческого сопротивления, но и вскроет многие глубокие противоречия в подходе государственной и церковной бюрократии к проблеме старообрядчества.

Возникновение этой ситуации связано с проведением второй ревизии, поставившей, в частности, сложные вопросы в сфере религиозной политики. К этому времени было уже ясно, что система учета записных раскольников ненадежна, запутана, и, главное, охватывает лишь часть старообрядцев. Раскольниковья контора и Синод даже на запросы Сената не в состоянии были дать достоверные сведения о числе старообрядцев в стране. Обстановка проведения общей ревизии податного населения казалась наиболее удобной для того, чтобы привести в соответствие с действительностью списки записных раскольников, платящих двойной подушный оклад. Это станет традицией и при последующих ревизиях.

Однако практика объединения ревизии документов податного учета с ревизией материалов учета старообрядцев сразу же вскрыла принципиальное различие между ними и внутреннюю противоречивость двойного подушного оклада. Ревизские документы укрепляли фискальную систему и упрочивали права феодалов на «крещеную собственность». Учет записных старообрядцев второй цели не ставил совсем, а фискальные меры по идее должны были быть лишь средством для выполнения более важной задачи — обращения старообрядцев в православие. На практике, однако, чисто фискальный подход к двойному старообрядческому окладу был всегда довольно силен. В частности,

вопреки всем протестам Синода вплоть до 1742 г. Раскольничья контора считала возможным по собственной инициативе записывать все новых лиц в двойной подушный оклад³³. Поскольку двойной подушный оклад являлся платой за «содержание раскола», постольку во время ревизии считалась вполне естественной задача: привести в соответствие с действительностью списки всех тех, кто обязан платить этот оклад.

Но, с другой стороны, любая подобная ревизия тут же сталкивалась с проблемой записи новых старообрядцев в двойной подушный оклад³⁴. Проблема эта в законодательстве и практике решалась с невиданными даже для XVIII в. противоречиями. Каждый старообрядец должен платить двойной подушный оклад. Логический фискальный вывод отсюда — ловить тайных старообрядцев и немедленно класть их в двойной оклад. Церковь, однако, делала иной вывод: старообрядчество исповедовать могут лишь те, которые уже положены в двойной оклад, а всех остальных старообрядцев нужно загнать в ограду господствующей церкви, при необходимости — силой. Законодательство, суд и исполнительная власть зачастую официально поддерживали подобную трактовку: преступлением считалось как «тайное содержание» раскола, так и «отпадение из православия в раскол».

Отсюда следовало, что всех вновь обнаруженных тайных старообрядцев, как и тех, которые во время ревизии захотят впервые записаться в двойной оклад, следует рассматривать как преступников и наказывать, а не легализовать их положение в качестве записных раскольников. Обстановку неизбежного при этом следствия, зачастую с пытками, церковь рассматривала как наиболее удобную для преподания заблудшим евангельских истин в их официальной трактовке. Этот метод обращения старообрядцев в православие был тем успешнее, что обращенные обычно освобождались от наказания за «тайное содержание раскола» и «отпадение из православия в раскол». Ситуацию проведения ревизии церковь считала поэтому наиболее бла-

---

³³ Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 415—416.

³⁴ См. Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 396—401.

гоприятной для осуществления подобных массовых уведомительных экзекуций, а их организацию — главной задачей специально выделяемых для этого «духовных персон».

Светские власти, однако, не были склонны последовательно поддерживать эту по-своему логичную и юридически обоснованную концепцию. Дело здесь не только в чисто фискальных соображениях, которые играли определенную роль. Стойкое сопротивление старообрядцев доказывало, что подобные массовые карательные мероприятия неизбежно вызовут резкий отпор и приведут к немалым жертвам. Абсолютистское государство считало, что главной задачей церкви является воспитание народных масс в духе преданной любви к помазанникам божьим и установленным от них властям, а не создание новых поводов для народного недовольства и возмущения. Этим служебно-бюрократическим подходом к церкви все более обуславливалась та помощь, которую абсолютистская власть готова была оказать своему союзнику. Возникающее отсюда противоречие проявилось задолго до шумно рекламируемых сражений Екатерины II с церковью.

Посвященное II ревизии законодательство в вопросе о двойном подушном окладе предельно противоречиво. Так как общий указ о II ревизии от 15 декабря 1743 г.³⁵ не давал решения всей проблемы, ей был посвящен специальный указ Сената и Синода от 31 августа 1744 г. Указ этот был благоприятен для тех старообрядцев, которые пожелали бы впервые записаться в двойной оклад во время ревизии. Указ называет даже в качестве причины ревизии документов старообрядческого учета наличие в стране большого числа не записанных в двойной оклад раскольников. Указ призывает всех тайных раскольников, особенно — живущих в скитах «и в отдаленных от настоящих жилищ местах и в лесах», без всякого опасения явиться «к определенным по губерциям для ревизии генералитету и штаб и обер офицерам для подания сказок... и в тех скасках им, раскольникам, писать всех как мужеска, так и женска полу, какого б оныя звания ни были с летами до самого сущаго младенца без всякия утайки». Особенно подчеркивалось, что по этим сказкам следует записывать в двойной подушный оклад не только тех, которые ранее состоя-

³⁵ ПСЗ, т. XI, № 8835.

ли в нем, но и новых старообрядцев, «не обходя никого ни единые души». В указе ни слова не говорится об увещеваниях старообрядцев перед записью примкнуть к православию, и приказывается во имя успеха переписи отменить любые следствия и следственные комиссии по делам о расколе: «И для того, чтоб те раскольники без всякого опасения к той переписи немедленно явились, также бы во оной помешательства не было, имеющиеся о раскольниках комиссии и следствия, где б оныя ни были, отставить»³⁶.

Однако практика применения во время ревизии этого указа быстро доказала не только церкви, но и государству всю опасность столь однозначной позиции. Церковные иерархи получили богатейший материал для правоученной светской власти о пагубности подобных свобод. Добро бы еще, если бы указ привел лишь к заметному увеличению числа записных раскольников (хотя и это с синодальной точки зрения было возмутительно). Крестьяне включили указ от 31 августа 1744 г. в круг своих наивно-монархических представлений о «милостивых царских указах»³⁷ и сумели вычитать в нем немало такого, на что никогда государство не пошло бы, вплоть до осуждения «никонианства» и приказания всем обязательно переходить в старообрядчество.

13 мая 1745 г. Сенат и Синод совместно приняли указ, фактически отменяющий многие положения указа 31 августа 1744 г. Указ 13 мая 1745 г. начинается с пышного и велеречивого введения, осуждающего раскол: «Крайнего сожаления достойно, что некие бывшие сыны церкви православныя греко-российскаго вероисповедания, по смущению вероненавистника креста Христова чрез самых невежд, божественнаго писания не разумеющих, от церкви святой отторгшеся, и от праваго пути в погибельный соврашившеся, пребывают непревратны». Указ вспоминает даже Никона, подчеркивая, что церковные исправления были введены не только по требованию патриарха, но и с одобрения представительного собора 1666—1667 гг. Хотя эти строки и являются косвенным осуждением никоновского церковного самовластия, а предыдущие слова о «невеждах» несомненно отражают модные для XVIII в. попытки «рацио-

³⁶ ПСЗ, т. XII, № 9021.

³⁷ См. об этом: Покровский Н. Н. Об отношении крестьян-старообрядцев Сибири к светским властям в XVIII в.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории. М., 1971, с. 77—80.

нально-просветительского» обоснования веры, в отношении к старообрядчеству это мало что меняет: указ торжественно цитирует и подтверждает анафему, наложенную собором 1666—1667 гг. на старообрядцев.

Анализируя петровское законодательство о двойном подушном окладе, указ четко формулирует, что эти меры принимались «не для того, чтоб они свою прелесть рассеять могли, и других к своей погибели совращали, но с таковым богомудрым предприятием, дабы осмотрясь и уразумея, свободно к пути спасительному прибегли». Здесь же напоминает, что для упорных великий преобразователь мудро предусмотрел галеры, вырезание ноздрей и прочие воспитательные меры. Указ торжественно провозглашает, что все эти меры остаются в полной силе, тем более, что старообрядческие руководители успешно продолжают склонять на свою сторону многих «в священном писании неискусных». Поэтому грозно повелевается, «чтоб раскольники во Всероссийском государстве никого ни под каким видом и употреблением к своему погибельному пути отнюдь не совращали и не склоняли и коих еще в расколе не были, вновь совращать и в раскол приводить и других продерзостей, церкви святей противных, производить не дерзали». Что же касается указа от 31 августа 1744 г., то подданным Российского государства отныне повелевалось трактовать его в духе прямо противоположном его ясному смыслу. Указ этот де касается лишь тех, «кто где по прежней переписи в оклад положены», одновременно резко осуждается обычная для Выгореции и других старообрядческих центров практика «совращать в раскол» беглых крестьян, находящихся убежище в старообрядческих селах. Во время ревизии старообрядцы таких беглых, подобно как и своих детей, «к поданию в ревизию в сказках пишут в раскол, показывая, яко бы они были их старожилы». Категорически осуждая любые формы «совращения в раскол», указ не содержит, однако, четкого запрещения вносить в книги двойного подушного оклада лиц, не значившихся ранее в них. И что еще важнее — подтверждалась отмена во время проведения ревизии всех следствий по старообрядческим делам, хотя указ и констатировал с раздражением, что раскольники очень плохо воспользовались «такою высочайшею императорского величества милостию»³⁸.

³⁸ ПСЗ, т. XII, № 9155, с. 380—383.

Столь явные противоречия законодательства оставляли большой простор для «усмотрения» губернских канцелярий генеральной ревизии, которые во всех вопросах руководствовались в первую очередь чисто фискальными соображениями. К тому же последовательное соблюдение интересов церкви немало затруднило бы работу канцелярий, могло бы вызвать новые протесты населения. Подчеркнутое стремление указа 13 мая 1745 г. придерживаться старого законодательства о наказании за «отпадение из православия в раскол» противоречило приказанию об отмене всяких следствий по старообрядческим делам. Поэтому в конце концов вопреки духу указа 13 мая 1745 г. во всех документах ревизии старообрядцев наряду с графами «сколько по старой ревизии было» и «при нынешней из них налицо» появилась графа «к тому вновь оказавшихся прибыло»³⁹. Сравнение окончательных данных II ревизии по этим трем графам чрезвычайно показательны как для крайней неустойчивости с фискальной точки зрения двойного подушного оклада, так и для несоблюдения во время ревизии грозных приказаний указа 13 мая 1745 г. Согласно итоговым данным II ревизии, в стране с 1716 по 1737 г. было записано в раскол 190 944 чел. Из них к моменту проведения II ревизии налицо оказалось 14 757 чел. (Большая часть этой огромной убыли приходится на беглых, умерших и обращенных трудами Питирима в православие старообрядцев Керженца и вообще Нижегородской губернии.) При проведении II ревизии впервые было записано в двойной подушный оклад 21 866 старообрядцев. Таким образом, из всех старообрядцев, записанных в двойной подушный оклад по II ревизии 59,97% (36 603 чел.), были записаны впервые⁴⁰.

Сибирская практика проведения II ревизии оказалась еще более далекой от строгих наставлений указа 13 мая 1745 г. Канцелярия генеральной ревизии Сибирской губернии, Сибирская губернская канцелярия и Тобольский архиерейский дом действовали вразнобой и нередко вступали в длительные бумажные баталии друг с другом.

³⁹ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 420, лл. 4—4 об., 10—11, 57 об., 68; Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ, т. 7. М., 1890, с. 15.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 112—123, 420, лл. 41—41 об.; Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ, т. 7. М., 1890, с. 55—60.

Канцелярия генеральной ревизии Сибирской губернии, подобно большинству таких органов в других губерниях, предпочитала придерживаться духа и буквы указа от 31 августа 1744 г. и записывать в двойной оклад всех, подавших соответствующие «сказки», целыми семьями «до самого сущаго младенца». Одновременно генерал-майор Чернцев, проводивший ревизию в Сибири, считал своим долгом следить за претворением в жизнь никем не отмененного положения того же указа о прекращении всех следствий по старообрядческим делам, а при случае даже оказывать защиту новозаписанным старообрядцам против преследований церкви. В свою очередь митрополит Антоний, ссылаясь на подтверждение указом 13 мая 1745 г. предыдущего законодательства о строгом расследовании каждого случая «отпадения из православия в раскол», настойчиво требовал массовых суровых розысков с применением пыток. Сибирская губернская канцелярия удовлетворяла подобные требования и оказывала помощь церкви в розыске лишь в отдельных редких случаях, особенно когда старообрядческая агитация за запись в двойной оклад далеко выходила за рамки указа от 31 августа 1744 г. Заводские конторы Урала и Алтая по традиции во время всего этого конфликта активно держали сторону старообрядцев, воеводские же канцелярии при отсутствии указаний Сибирской губернской канцелярии, как правило, слушались указаний Чернцева, а не Антония ⁴¹.

Значительная часть тайных старообрядцев Урала и Западной Сибири, включая многих беглых крестьян, благоразумно предпочла уклониться от сомнительной и оспариваемой церковью милости записи в двойной оклад, но многие решили воспользоваться этой возможностью легализовать свои религиозные убеждения. Это относилось в первую очередь к крупнейшим старообрядческим центрам на уральских заводах. После памятной всем татищевской «выгонки» 1735 г. на Урале с понятным недоверием встретили призыв указа 31 августа 1744 г. всем скитским жителям безбоязненно записываться в двойной подушный оклад. Многие скитские старцы из беглых

---

⁴¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, лл. 1—10; оп. 31, № 116, лл. 59—69; оп. 32, № 270, лл. 1—2; ГАТот, ф. 47, св. 143, № 2044; св. 448, № 4702, лл. 4—15; ф. 156, оп. 1, 1745 г., № 25, лл. 43—об.

захотели воспользоваться проведением ревизии, чтобы легализовать свое новое положение, но отнюдь не в качестве чернецов. Они писались в двойной подушный оклад бельцами, назывались жителями заводских поселков и деревень, и всегда находились люди, готовые подтвердить это. Некоторые из них записывались под именами только что записанных уже старообрядцев; впоследствии такая двойная запись официально объявлялась ошибочной и скитских старцев исключали из списков платежа двойного подушного оклада. Все многотрудные хлопоты по организации и финансированию подобных комбинаций в демидовских заводских поселках брали на себя заводские приказчики, в первую очередь Иван Андреев и Степан Егоров (один из авторов компромиссной челобитной демидовских приказчиков накануне татищевской «выгонки» 1735 г.)⁴². Здесь, как и в Зауралье, записывались в раскол целыми семьями, подчас включая дальних родственников; одной сказкой какой-либо крестьянин сразу записывал в раскол жителей нескольких соседних домов. Проживавшая в доме крестьянина деревни Калиновки Буткинской слободы Исетской провинции Луки Булатова крестьянка Агафья Григорьева дочь Петрова, считавшаяся до II ревизии православной, так объясняла впоследствии обстоятельства своей записи в раскол: «И проведала она, Агафья, что помянутой деревни Калиновки протчие обыватели, как мужеска, так и женска пола пишутца в раскол, в том числе и оного Луки Булатова дети Петр, Иона, Андрей, Клементий, которые жили в той же деревне Калиновке своими дворами»; когда Лука Булатов поехал в Буткинскую слободу, чтобы записать в двойной подушный оклад себя, своих детей и своих соседей, Агафья попросила его, чтобы он заодно записал и ее. Подобная стихийность (и, по мнению Тобольской консистории, необоснованность) массовой записи в раскол жителей дер. Калиновки не помешала им впоследствии упорно бороться за свое вновь приобретенное право «быть от церкви святей отбежными». При первой же попытке церкви объявить недействительной их записку в раскол, в 1751 г. более сотни крестьян собралось в избе

---

⁴² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. XXXI. СПб., 1909, с. 380—382; ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 270, лл. 1—2.

крестьянина дер. Калиповки Н. Непеина с твердым намерением сгореть. Крестьяне в деревне провели несколько сходок, упорно настаивая на своем, и разошлись только после получения из Исетской провинциальной канцелярии указа «о неотвращении двоеперстного креста и прочего к их раскольнической пользе»⁴³. Подобно этому многие жители ишимских Коркиной и Абацкой слобод подчеркивали позднее на допросах, что они записались впервые в раскол «во время той ревизии с прочими Ишимского дистрикта крестьянами»⁴⁴; крестьяне-старообрядцы обеих названных слобод были впоследствии особенно упорными противниками официальной церкви.

Такая же обстановка массовой записи в раскол сложилась в некоторых деревнях и поселках Колывано-Воскресенского и Барнаульского заводов, где, по официальным данным II ревизии, к 88 ранее записавшимся раскольникам прибавилось еще 288, а по данным Колывано-Воскресенской заводской конторы (впрочем, дезавуированным позднее) вновь записавшихся было более 900⁴⁵. Приписной крестьянин Колывано-Воскресенского завода, житель дер. Алейской Василий Юрюпа, посещавший до II ревизии, хоть и не очень усердно, православную церковь, сообщал в 1748 г. на следствии: «А в 1745 году по пынешней бывшей ревизии с женою Ириной Гавриловой дочерью ... и с ...детьми своими в раскол, смотря на других раскольников, собою, а не по чьему научению записался в том рассуждении, чтоб нас от ...двоеперстного крестного сложения (коим от рождения своего крестимся) не обратили и бороды у нас брить не стали». За несколько лет перед этим он случайно познакомился с бродячим расколоучителем беглым крестьянином Никитой Михайловым⁴⁶.

Указ 31 августа 1744 г. и соответствующая практика генерал-майора Чернцева породили среди крестьян старейшего в Сибири Верхотурско-Тюменского земледельческого района волну наивно-монархических иллюзий о «милостивом» царском указе, провозглашающем религи-

⁴³ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1751 г., № 180, лл. 1—5.

⁴⁴ Там же, лл. 54—56.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 420, лл. 41—41 об., 50 об.—52; Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ, т. 7. М., 1890 г., с. 55—60; ГААК, ф. 1, оп. 1, св. 34, № 67, л. 165.

⁴⁶ ГААК, ф. 1, оп. 1, св. 34, № 67, л. 359 об.

озные свободы. По мнению одних, старообрядчество по этому указу полностью уравнивалось в правах с православием. Другие шли еще дальше и передавали слух, что императрица объявила старообрядчество единственно законной верой, а всех «никониан» велено перекрещивать в старообрядчество. Не следует удивляться той быстроте, с которой отказ присягать дочери царя-«антихриста» сменился этими наивными иллюзиями. Подобная противоречивость и непоследовательность характеризуют сознание крестьянства XVIII в.

Одним из самых громких в этой связи было дело крестьян Беляковской слободы Краснослободского дистрикта Афанасия Анисимова сына Коурова и Семена Ефимова сына Вахлыша. Коуров, записавшись впервые в двойной оклад, склонил к этому своих дальних и близких родственников в числе 13 чел. Затем он вместе с Вахлышом стал уговаривать дьякона Беляковской слободы Петра Дьячкова, «чтоб он с ним шел в старую веру, а ныне де новая вера, понеже де старая вера лутши, и по указу де ея императорского величества велено записываться в раскол всякого звания людям, хотя де и поп, поиди в раскол». Последний аргумент оказался чрезвычайно убедительным. Дьякон, который, по мнению консистории, ранее был верным и послушным сыном церкви, явился в канцелярию генерал-майора Чернцева и подал сказку о записи его в двойной оклад в соответствии с указом императрицы. Дело оказалось настолько скандальным, что светские власти дали согласие на арест Коурова и Вахлыша. После сурового розыска в Тобольской консистории под арестом они обратились в православие, но затем, увидев, что это не принесло им освобождения, опять утвердились в старой вере. Следствие продолжалось еще в 1750 г., и дальнейшая судьба арестованных крестьян нам неизвестна ⁴⁷.

Неподалеку от Краснослободского дистрикта в городе Тюмени и близлежащих деревнях в 1745 г. разворачивалась активная антицерковная деятельность тюменского ямщика Ивана Иванова сына Сидорова по прозвищу Рожа, жителя дер. Матвеевой Тюменского уезда (в некоторых документах он называется разночинцем). Тобольская кон-

⁴⁷ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, л. 207; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, л. 4 об.

систерия узнала о его деятельности из доноса тобольского посадского Ф. Е. Чадраницева, который 26 июля 1745 г. доносил: «Явился между народом из тамошних обывателей Иван Сидоров, прозванием Рожа, который во многолюдном собрании при базаре явно рассеивает раскольническую прелесть и развращает людей от православной нашей христианской веры, призывая при нынешней ревизии к записке в раскол, и говорит: Нам де теперь воли записываться в двойной оклад, мы де ныне уже не на что не смотрим, сделаю свою церковь среди града Тюмени. И тем де он, Рожа, многих вслед себе от правоверных возвратил и склонил к записке в раскол, и потому не только де сумнительные в правоверии, но и повсягодно исповедавшиеся и святых христианских таин поныне причастившиеся записываются в раскол». Судя по дерзкому заявлению о сооружении старообрядческой церкви «среди града Тюмени», Иван Сидоров принадлежал к поповцам, скорее всего, к распространенному в тех местах софонтиевскому (часовенному) согласию.

Запись в двойной подушный оклад шла в Тюмени весьма интенсивно. Когда число записавшихся перевалило за полторы сотни, местное духовенство, спохватившись, стало чинить записавшимся и желающим записаться всякие «нападки и раззорения». Тогда Иван Сидоров обратился с формальным протестом в канцелярию генерал-майора Чернцева, ссылаясь на «милостивый» указ 1744 г. Чернецев пошел ему навстречу и 8 июля 1745 г. направил тюменскому духовному заказчику Феофилактovu грозный указ, требуя, чтобы записавшимся в раскол «нападок никаких чинено не было». Феофилактov подчинился и с тех пор бездействовал. Митрополит Антоний вменил впоследствии это бездействие ему в вину и отстранил его от должности.

Основываясь на доносе Чадраницева, Тобольская консистория потребовала ареста Ивана Сидорова и нескольких его сотоварищей. Тюменская воеводская канцелярия уступила этому требованию, и «раскольнической лжеучитель прозванием Рожа» был арестован и выдан тобольским церковникам для следствия. Следствие в Тобольске велось настолько энергично, что через пару месяцев, 22 октября 1745 г. Иван Сидоров скончался. Истязуемому крестьянину несколько раз предлагали обратиться в православие но он категорически отказывался. Уже перед

самой смертью ему еще раз понадобились все его последние силы, чтобы резко отклонить напутствие и причастие православного священника. Тело Ивана Сидорова было «вринуту в ров» за городом без погребения⁴⁸.

В ходе следствия над Иваном Сидоровым митрополит Антоний неоднократно и безуспешно требовал от генерал-майора Чернцева аннулировать результаты новой записи в раскол по Тюмени или хотя бы издать от имени Канцелярии генеральной ревизии указ, призывающий всех записавшихся в раскол вернуться безбоязненно в лоно православной церкви. Несмотря на трагическую судьбу Ивана Сидорова, церкви не удалось уничтожить результаты его деятельности.

Движение за выход из православной церкви широко развернулось в густонаселенном районе по рекам Туре и Нице — в селах близ Тюмени, в Краснослободском дистрикте. Стремление избавиться от поборов и нападков духовенства, слухи об императорском «милостивом» указе, страстная проповедь десятков крестьянских вожаков, таких как Коуров и Сидоров, привели в Краснослободском дистрикте к ошеломительному для консистории результату: до II ревизии здесь не было ни одного записного раскольника, после ревизии их стало 1188⁴⁹.

В ходе проведения переписи упорные бои между духовными и светскими властями развернулись, в частности, по двум вопросам — о записи в раскол целыми семьями, включая детей, и о сроках записи в раскол.

Как известно, еще с петровских времен законодательство особо строго преследовало передачу старообрядчества внутри семьи от отцов к детям. По духу и букве этого законодательства запись старообрядцами своих малолетних детей в раскол во время проведения ревизии следует считать тяжелым преступлением. Однако на практике при проведении переписи и ревизии обычный фискальный принцип зачастую брал свое. Уже во время переписи на демидовских заводах, проводимой Н. Шишковым, Раскольничья контора запросила 1 ноября 1743 г. Сенат, что делать с 402 малолетними детьми, записанными их родителями в двойной оклад, «ибо оные показаны в ра-

⁴⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, лл. 5 об.—9 об.; ГАТот, ф. 47, св. 448, № 4702, лл. 4—5, 14—15.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 112, л. 3.

сколе от отцов их, а сами как закона христианского, так и раскольнической прелести по такому малолетству нимало не знают». Раскольничья контора, однако, не получила тогда из Сената никакого ответа ⁵⁰.

В 1745 г. митрополит Антоний неоднократно протестовал против записи канцелярией генерал-майора Чернцева 7—10-летних детей старообрядцев в раскол, зачастую заочно, в то время как по закону родители обязаны были представлять этих детей в православные церкви для причащения. Однако Чернецев не обращал на эти протесты никакого внимания, основываясь на четком повелении указа от 31 августа 1744 г. писать в раскол «как мужеска, так и женска полу, какого б оныя звания ни были с летами до самого сущаго младенца без всякия утайки». В результате в Сибирской губернии и Исетской провинции Оренбургской губернии по II ревизии было записано в раскол: детей менее одного года — 127 чел., от одного года до семи — 1211, от семи лет до двенадцати — 760, до ревизии из этого числа состояли в расколе соответственно 4, 119 и 118 чел⁵¹. Во всех 12 именных переписных книгах раскольников Сибири по второй ревизии старообрядцы оказались записанными в двойной подушный оклад всеми семьями, включая малолетних детей ⁵².

Это не значило, однако, что церковь признала подобную запись законной. Как во время ревизии, так и много лет спустя после нее, во время следствий по старообрядческим делам, Тобольская консистория постоянно рассматривала запись малолетних детей во время ревизии в раскол как обстоятельство, отягчающее вину родителей. Так было, например, в 1747 г. с алтайским старообрядцем Григорием Сидоровым. В марте 1753 г. был арестован крестьянин Воскресенского заказа Петр Михайлов, торговец и ремесленник, записной старообрядец. Ему удалось опровергнуть все выдвинутые против него консисторией обвинения, но его все-таки подвергли телесному наказанию лишь из-за того, что во II ревизию он записал вместе с собой в раскол своего малолетнего сына ⁵³.

---

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 420, л. 37 об.

⁵¹ Там же лл. 50 об.—52.

⁵² Там же № 112—123.

⁵³ ГААК, ф. 1, оп. 1, № 29, св. 113, лл. 2—3; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, XVII, лл. 1—10.

Во время проведения II ревизии не были также приняты во внимание требования церкви строго придерживаться законодательства о сроках записи в раскол. Первоначально конечным сроком подачи сказок о записи в раскол было объявлено 1 сентября 1745 г., однако проведение ревизии повсеместно затянулось и соответственно была продолжена запись в раскол, хотя «срочного термина» — 1 сентября 1745 г. — никто не отменял. По данным Раскольничьей конторы, запись в раскол продолжалась в 1746—1748 гг. а кое-где канцелярии по проведению ревизии продолжали записывать в раскол и после того, как в 1748 г. были поданы итоговые данные ⁵⁴. Кроме того, воеводские и провинциальные канцелярии записывали в двойной подушный оклад не только после «срочного термина», но и после окончания всей ревизии. Особенно много старообрядцев было записано в двойной подушный оклад вскоре после окончания II ревизии на Невьянском заводе и в Исетской провинции. На Невьянском заводе, например, в 1748—1749 гг. было записано около 580 чел. В 1750 г. в Тобольской консистории шло следствие о записи в раскол в 1748 г. Исетской провинциальной канцелярией группы казаков Челябинской крепости ⁵⁵. Всю вторую половину 40-х годов церковь безуспешно добивается аннулирования записи в раскол после «срочного термина». Высшие правительственные учреждения признают требования церкви законными, по практических мер не принимают; даже когда уже в начале 50-х годов Сенат поставил этот вопрос перед Раскольничьей конторой, последняя отвечала в 1753 г., что в Сибири все старообрядцы записались в срок ⁵⁶. Это было прямым обманом. Церковь в начале 1750-х годов занялась расследованием на свой собственный страх и риск.

Продолжение записи в раскол после «срочного термина» явилось дополнительным обстоятельством, делавшим чрезвычайно ненадежными итоги переписи раскольников по II ревизии.

Собственно говоря, здесь даже трудно говорить о единых данных. Наибольшую официальную силу (в част-

---

⁵⁴ Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ, т. 7. М., 1890, с. 15.

⁵⁵ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1755 г., № 176; 1750 г., № 170, л. 111 об.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 420, лл. 24—52.

ности, для Сената) имели составленные Канцелярией генеральной ревизии Сибирской губернии генерал-майора Чернцева переписные книги раскольников Сибири и созданные на их основе в Раскольниковичьей конторе итоговые ведомости⁵⁷. Однако наряду с этим свои, подчас совершенно иные, сведения о числе записных раскольников имели заводские конторы, провинциальные и воеводские канцелярии. Сведения духовных заказов, обобщенные Тобольской консисторией, отличались и от тех, и от других. Чаще всего цифры консистории, как ни странно, были наибольшими. В основе консисторских сведений лежали данные исповедального учета по духовным заказам. Духовные заказчики, таким образом, считали записными раскольниками лиц, которые таковыми не являлись или уже не являлись. Это объясняет, в частности, смысл комбинаций невьянских заводских приказчиков с записью под одной и той же фамилией разных лиц в двойной оклад: дважды записанные потом исключались в документах финансового учета, но по-прежнему считались записными раскольниками в документах учета церковного. Понятны поэтому постоянные жалобы духовных заказчиков на то, что отсутствие у них копий списков записных раскольников заставляет их верить прихожанам на слово и завыпать число записных раскольников в своем заказе.

Рассмотрим сначала итоговые данные Главной канцелярии генеральной ревизии по Сибирской губернии. Данные эти дошли до нас в нескольких вариантах. Казалось бы, наибольшего доверия заслуживает составленная в самой канцелярии генерала Чернцева «перечневая ведомость из именных переписей». Она была приложена к первой из двенадцати книг именных ведомостей, отправленных этой канцелярией в апреле 1748 г. в Синод и Раскольниковичью контору Сената⁵⁸. Здесь приводятся, в частности, интересные сведения о количестве лиц, записавшихся в раскол по всем предыдущим переписям и имевшихся в наличии к моменту проведения II ревизии. Кроме сведений о переписях 1735 и 1743 г. мы узнаем отсюда, что в 1723 г. были записаны по городу Таре 21 чел. и 2 чел. — по Екатеринбург; в 1727 г. по Екатеринбург

⁵⁷ Там же, № 112—123; № 420, лл. 4—68.

⁵⁸ Там же, № 112—123; № 112, л. 3.

было записано 117 чел., а в 1741 г. — 62 чел. по городу Томску. Эта последняя запись была сделана в ходе переписи Никифора Шишкова, а не являлась самостоятельной, как это следует из перечневой ведомости канцелярии Чернцева. Из числа старообрядцев, переписанных при В. Н. Татищеве, в наличии, по этим сведениям, имелось лишь 742 чел. Наши сведения о переписи Никифора Шишкова дополняются здесь известием о том, что 81 раскольник, записанный, оказывается, им в Колывано-Воскресенских и Барнаульских заводах, был учтен и по II ревизии. Однако в целом данные о переписи Никифора Шишкова в перечневой ведомости канцелярии Чернцева резко искажены. Число лиц, записавшихся во время переписи Никифора Шишкова, увеличено почти вдвое, а число записавшихся до нее соответственно уменьшено. Общий итог всех раскольников, зафиксированных переписью Никифора Шишкова и имевшихся в наличии к 1745 г., довольно правдоподобен: 2979 чел. Напомним, что по данным Никифора Шишкова им было зарегистрировано всего 3364 записных раскольников, не считая 81 чел. на Алтайских заводах ⁵⁹.

В 1753 г., отвечая на неоднократные запросы Сената (4 апреля, 31 августа, 6 октября, 22 ноября 1753 г.), Раскольниковья контора предоставила итоговые данные губернских ревизионных канцелярий. При этом оказалось, что сведения эти весьма не точны и губернские канцелярии не сумели правильно произвести подсчеты по составленным ими же именованным переписным книгам. Поэтому данные губернских канцелярий несколько раз уточнялись в Раскольниковьей конторе по самим именованным переписным книгам. В результате по Сибирской губернии получилась следующая картина итогов записи раскольников во время II ревизии (табл. 2).

Хотя данные учета старообрядцев в XVIII в. не могут служить надежной основой для определения абсолютной численности старообрядцев ⁶⁰, но они ярко свидетельствуют, что во второй половине 40-х годов XVIII в. во всех основных центрах урало-сибирского старообрядчества шла массовая запись лиц в двойной подушный оклад.

⁵⁹ ПГАДА, ф. 288, оп. 1, № 109, л. 3.

⁶⁰ См. Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в....

Число записных старообрядцев Тобольской епархии по II ревизии, чел.*

Место	Число старообрядцев, записанных до II ревизии	Из них к началу II ревизии налично и записано в раскол	Записано новых старообрядцев по II ревизии	Всего по II ревизии записано старообрядцев
Томск	58	58	183	241
Кузнецк	—	—	62	62
Тара	21	21	—	21
Екатеринбург	684	684	322	1006
Тюмень	—	—	293	293
Краснослободской дистрикт	—	—	1188	1188
Ялutorовский дистрикт . .	—	—	88	88
Ишимский дистрикт	—	—	65	65
Кольвано-Воскресенские и Гарнаульские заводы . .	88	88	288	376
Шайтанский завод	24	16	65	81
Невьянский завод	3060	2120	2045	4165
Итого	3935	2987	4607	7594
Исетская провинция Оренбургск. губ.	—	—	1166	1166
Всего	3935	2987	5773	8760

* Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ, т. 7, с. 55—60. ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 420, лл. 4—4 об., 10—11, 38—43, 57 об., 68.

Немалое число вновь записавшихся было, вероятно, до II ревизии убежденными, но тайными старообрядцами. Однако настойчивые заявления церкви о том, что из-за попустительства властей в раскол записалось немало православных, содержали долю истины⁶¹. II ревизия наглядно продемонстрировала нечеткость, размытость, подвижность границ старообрядчества на Урале и в Сибири.

⁶¹ Трафаретно звучало в 1749 г. заявление приписного заводского крестьянина дер. Пещанской близ Бийска Сидора Фоминского: «А я расколу никакого не имею, священника в дом свой пушаю и на исповедь хожу, хотя я писался в двойной оклад — для бритья бороды» (другие говорили «для одного только двуперстия»), — ГААК, ф. 1, оп. 1, св. 34, № 67, л. 344.

Рост числа записных старообрядцев, как демонстрирует табл. 2, был весьма внушительным. Это в первую очередь относится к старейшему центру урало-сибирского раскола — уральским заводам и Исетской провинции. Так, число записных раскольников на Невьянском заводе увеличилось почти вдвое, на 2045 чел. В Екатеринбурге с близлежащими крупнейшими старообрядческими гнездами в деревнях Шарташской и Становой записалось лишь 322 чел.; однако запись в раскол шла здесь уже давно и довольно интенсивно, так что общее число старообрядцев составило в этом районе, по II ревизии, 1006 чел. Тяжким ударом для консистории было появление 1166 записных старообрядцев в давно уже «неблагополучной» по расколу Исетской провинции, где до II ревизии все старообрядцы были тайными. Массовая запись в раскол шла также в Тюмени и Краснослободском дистрикте, где ранее вообще не было записных раскольников, а теперь их стало 1481.

Широкая запись в раскол проходила и на юге Западной Сибири, где по данным II ревизии было зафиксировано 679 раскольников, в том числе на Кольваво-Воскресенском и Барнаульском заводах — 376. Небольшое по сравнению с Уралом число записавшихся в раскол на Алтае, где старообрядчество уже давно проявило себя крупными акциями, объясняется, на наш взгляд, в первую очередь спецификой этого отдаленного и не вполне еще освоенного государством и церковью района: здесь было немало способов избежать жесткого церковного контроля и без записи в обременительный двойной оклад.

Всего в Сибирской губернии и в Исетской провинции Оренбургской губернии записалось по II ревизии в раскол 8760 чел., из которых 5773 — впервые. Но с точки зрения Тобольской консистории этот прискорбный итог был еще более ошеломляющим. 26 апреля 1750 г. митрополит Сильвестр сообщал в Синод, что по данным приходских священников и духовных заводов в раскол по II ревизии записалось около 9600 душ обоего пола, не считая тех, которые записались после окончания ревизии⁶². Синод, наведя справку, исправил эти данные в соответствии с вышеприведенными сведениями Раскольничьей конторы, однако 26 июня 1750 г. митрополит Сильвестр

⁶² ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, лл. 1—об.

сообщил в Синод, что общее число записных раскольников в его епархии составляет более 10 200 чел.⁶³.

Итак, несмотря на все принятые строгие меры, несмотря на законодательные громы и молнии, лазейка, приоткрытая указом от 31 августа 1744 г., позволила 10 000 уральцев и сибиряков записаться в раскол или во всяком случае заставить поверить церковь, что они это сделали. Сибирские иерархи категорически не захотели признать столь обескураживающего итога и еще в ходе второй переписи поспешили объявить его абсурдным и незаконным⁶⁴. Новая ожесточенная схватка стала неизбежной.

* * *

Собственно говоря, настойчивое стремление сибирской церкви изменить итоги записи в раскол бурно проявилось уже в начале ревизии, еще до окончания «срочного термина». Выше мы уже говорили, что церковь сразу же настойчиво потребовала пресечения массового движения за запись в раскол, и светские власти в ряде случаев вынуждены были санкционировать судебнополицейские меры против новых раскольников. Опираясь на указ Сената и Синода от 13 мая 1745 г. о недопущении «совращения из православия в раскол», Тобольская консистория 21 августа 1745 г. принимает указ об увещании поголовно всех вновь записавшихся в раскол; традиционная процедура подобных увещаний предусматривала арест упорных, их отправку в Тобольскую консисторию для формального следствия об обстоятельствах «совращения» и последующее наказание светской властью⁶⁵. В октябре 1745 г. митрополит Антоний сообщает с превеликим волнением в Синод о том, что в его епархии более 1800 православных уже записалось в раскол, и просит Синод издать специальный указ, опровергающий слухи о «милостивом» указе императрицы и угрожающий «своротившимся» следствием по вполне реальному указу от 13 мая 1745 г.⁶⁶

---

⁶³ Там же, л. 13; ГАТот, ф. 156, оп. 31, 1750 г., № 170, л. 187 об.

⁶⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, лл. 1—5 об.

⁶⁵ ГАТот, ф. 47, св. 448, № 4703, лл. 31—об.

⁶⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, лл. 1—10 об.

Антоний сообщал, что из-за позиции, занятой Канцелярией генеральной ревизии Сибирской губернии, священнические увещевания, не подкрепленные силой, оказываются малоэффективными. Однако эта позиция Чернцева не могла быть последовательной — существовали указ 13 мая 1745 г. и общее законодательство о помощи светских властей церковным в проведении следствий по духовным делам. Чернецев не мог (хотя, как мы видели, и пытался) добиться прекращения преследования церковью вновь записавшихся в раскол. Иногда он даже демонстрировал консистории свою добрую волю. Так, 31 мая 1746 г. канцелярия Чернцева выдала церкви обнаруженную при проведении ревизии в лесах близ Нижне-Тагильского завода в скиту старицу Сусанну, хотя в силу указа от 31 августа 1744 г. ее следовало просто положить в двойной подушный оклад. Стремясь прочнее привязать старицу к православию, невьянский духовный заказчик Козьма Никифоров посадил ее даже на цепь. Однако у Сусанны хватило силы и умения сломать столь прочные узы и бежать, прервав тем самым и воспитательную, и следовательскую работу заказчика ⁶⁷.

Однако побегι удавались далеко не всегда, следствие было методом действенным, испытанным: «совратившиеся» возвращались в православие или погибали. Таким было, например, упомянутое выше следствие над руководителями массового движения за выход из православных приходов в Тюмени и Краснослободском дистрикте, на Алтае. 14 января 1748 г. начальник Колывано-Воскресенских заводов генерал-майор Беер жаловался в Сибирскую губернскую канцелярию на нехватку рук на заводах из-за церковных розысков 1745—1747 гг. и требовал возвращения 19 арестованных старообрядцев, жителей приписных деревень Шипуновой, Быковой, Бийской крепости. Беер подчеркивал вред от розыска 1747 г., когда «от посланных за раскольщиками лутчие рудоискатели: Кабанов убит, а Кудрявцов сам згорел». Среди арестованных тогда старообрядцев были крестьянские руководители Терентий Тихобаев-Быков и Козьма Шадра со своими семьями. Т. Тихобаев-Быков и К. Шадра категорически отказались обратиться в православие, и консистория в ответ на требо-

---

⁶⁷ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 22, лл. 1—8.

вание Беера заявила, что их вместе с 6 подобными же упрямыми, оставшимися в живых, следует отправить на вечную каторгу на заводы и содержать их там в дворах «за высоким тыном». 10 обратившихся в православие алтайских заводских старообрядцев пытались, однако, затем бежать, и консистория считала необходимым сослать их в дальние монастыри «для исправления».

Однако светские власти все более скептически относились к предложенным консисторией крутым мерам. Выдвинутые Беером аргументы произвели впечатление на Сибирскую губернскую канцелярию, помогавшую ранее арестовать 19 алтайских старообрядцев. Беер подчеркивал неоправданную и невыгодную для казны жестокость предпринятого консисторией розыска: «и в таком дальнем расстоянии в привозе таковых раскольников есть не без народной тягости, и наипаче всего—когда такие раскольщики сидят в Тобольску под караулом, и от них уже никакой казне прибыли нет, и только в пропитании претерпевают немалую нужду, а дома их разоряютца, и в заводских работах в положенном на них окладе недостаток. К тому ж неизвестно есть, что от посланных за теми раскольщиками чинятца тамошним обывателям немалые разорения, ибо и ныне неизвестны есть, что от страха те глупые народы бросаютца в воду и жгутца сами». Беер закончил этот откровенный обзор ситуации интереснейшим рассуждением, наглядно демонстрирующим явно наметившееся различие в подходе государства и церкви к проблеме старообрядчества: «и хотя ж те раскольщики во своем упрямстве и глупости пребывают, но однако ж де оне народы росияня и стало быть дети отечества, заблудящие овцы. Чего для и следует их приводить на истинной путь всякими мерами без утерiania того народа и разорения»⁶⁸. Подобные аргументы станут типичными для просвещенного абсолютизма екатерининского времени.

Сибирская губернская канцелярия отвергла требование Тобольской консистории определить в вечную каторгу всех арестованных алтайских старообрядцев, отказавшихся обратиться в православие. Они были отосланы с паспортами на Колывано-Воскресенские заводы. При этом учитывалось, однако, обещание Беера употреблять их

---

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 68, лл. 1—2 об.

впредь лишь на тяжелых работах («таскание руды и разбивание оной и к угольным заготовкам»), что несколько стирало реальную грань между жестокостью консистории и умеренностью губернской канцелярии⁶⁹.

Тобольская церковь не подчинилась указу от 31 августа 1744 г. и не прекратила на время проведения ревизии «обычных», традиционных следствий по старообрядческим делам. Подобные следствия продолжались во время ревизии и после нее, зачастую сочетаясь с расследованиями об «отпадении в раскол» и записи в двойной оклад.

Примером переплетения различных мотивов в следствии по старообрядческому делу является долгий розыск по делу крестьян Артемия Шибанова и Василия Попова, тянувшийся в Тобольске с 1745 по 1748 гг.⁷⁰ 7 сентября 1745 г. духовный заказчик митрополичьей Тавдинской слободы Стефан Савин направил в консисторию донос на крестьянина этой слободы Артемия Борисова сына Шибанова, семидесятипятилетнего тайного старообрядца. А. Шибанов успел уже проделать знакомый многим путь бегства из Зауралья на Алтай, однако конец этого пути оказался менее трафаретным — его нашли и вернули назад, в вотчину тобольских митрополитов. Обвинение против него было обычным — тайное содержание раскола, но в качестве отягчающего обстоятельства упоминалось о том, что по II ревизии он не записался в раскол. Посланный для ареста Шибанова мирской староста дал ему отсрочку в один день, и Шибанов воспользовался ею для того, чтобы бежать от следствия. При этом он инсценировал самоубийство, оставив близ проруби на р. Тавде свою шубу, шапку, зипун и пояс. Дело чуть было не прекратили, но сын Артемия Шибанова Василий не выдержал допросов и рассказал о всей проделке. Артемия Шибанова в конце концов нашли в доме у его свата Василия Кирьякова сына Попова, стойкого старообрядца, одного

---

⁶⁹ Там же, лл. 1—28 об. Правда, одновременно в 1748 г. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства ведет следствие о записи по II ревизии в раскол крестьянина В. Е. Белоусова-Юрюлы с семьей, ведет жестоко, с применением пыток. Но дело это начиналось не как старообрядческое, а как политическое, по извету о «слове и деле»; все арестованные по этому делу под следствием обратились в православие и были тут же отпущены по домам. — ГААК, ф. 1, оп. 1, св. 34, № 67, лл. 353—388 об.

⁷⁰ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1745 г., № 25, лл. 1—73.

из руководителей софронтиевцев Окуневской слободы. Василий Попов был сыном приходского священника Архангелогородской губернии, бежавшего в конце XVII в. от «никоновских новин» в Нижегородскую губернию. Василий Попов около 1700 г. «сошел оттуда от хлебной скудости в Сибирь» и жил с тех пор в деревнях Окуневской слободы; захвачен он был в дер. Журавлевой, где старообрядчество имело очень прочные позиции. Сам Василий Попов давно уже исповедывал старообрядчество, а во время II ревизии он вместе со всей своей семьей записался в двойной оклад одновременно со многими другими жителями деревни (некоторые из них погибли во время гарей 1750-х годов). Во время следствия обнаружилось, что еще в 1732 г. под угрозой ареста и розыска он обратился в православие, публично проклял «раскольнические заблуждения» и принял причастие. Однако это вынужденное обращение не было прочным, и при первой же возможности он бежал в лесные кельи, где и скрывался вплоть до II ревизии. За 13 лет лесных скитаний он так и не стал монахом, хотя и приобрел в округе немалый авторитет.

Записавшись по II ревизии в двойной оклад, он вернулся в свой дом и продолжал обычный крестьянский образ жизни, занимался земледелием. Однако в глазах консистории руководящая роль Попова обнаружилась уже из того, что в его «келье» была найдена целая библиотека: «Евангелие оболочено бархатом, Апостол, Псалтырь следованная, Псалтырь учебная, Минея общая, Часослов», рукописи: «Книга о пчеле, Часослов ..., Святцы ветхие, Каноник..., да четыре книжицы в кожах обшиты письменные же канонники».

Выход В. Попова из леса и его запись в двойной оклад состоялись в точном соответствии с указом Сената и Синода от 31 августа 1744 г., которым повелевалось обратить особое внимание на запись в раскол старообрядцев, живущих в скитах «и в отдаленных от настоящих жилищ местах и в лесах». Это, однако, не помешало вменить В. Попову в вину точное исполнение указа от 31 августа 1744 г. Впрочем, в консистории в это время уже лежал донос воскресенского духовного заказчика Аммоса Андреева, обвинявшего В. Попова в том, что он «немалое народу суеверие производит» и требовавшего его ареста в силу указа от 13 мая 1745 г. о недопущении «совращения

из православия в раскол» во время ревизии. К следствию были привлечены также сын и жена В. Попова.

В дело оказался случайно замешан сорокапятилетний крестьянин Буткинской слободы Козьма Подобздохин. Ранее он считался исправным прихожанином, исповедовался и причащался у «никонианских» священников, но по II ревизии записался в раскол вместе с отцом, женой и шестью детьми. Хотя попытки обратить его в православие не увенчались успехом, он выпутался из этого дела сравнительно легко. Консистерия согласилась отдать его на поруки, опротестовав лишь запись им в раскол шестерых детей и приказав ему не вести впредь в семье никаких разговоров о вере.

Итак, в отношении А. Шибанова следствие было обычным розыском о тайном расколе, причем он дополнительно обвинялся в том, что не записался в раскол по II ревизии, В. Попов обвинялся как расколоучитель, виною которого было то, что он записался в раскол сам и склонял к этому других, К. Подобздохин был арестован по ошибочному подозрению в том, что он помог бежать А. Шибанову, но затем был обвинен в записи в раскол по ревизии своих детей.

Несмотря на всю эту мешанину установок обвинения, следствие велось крайне жестоко. А. Шибанов и В. Попов умерли под следствием, и их тела были вринуты «за убогим домом в глубокий баярак». Жена В. Попова Мавра под караулом, больная, согласилась было обратиться в православие, но перед смертью отреклась от церкви и «в том своем богомерском упрямстве и умерла». Ревизия к тому времени еще не была закончена, и митрополит Антоний мог с удовлетворением констатировать, что списки записных раскольников в епархии уменьшились на три строчки. Сын В. Попова Нефед, также категорически отказавшийся обратиться в православие, был вскоре отослан в Москву в Канцелярию тайных розыскных дел «по некоторому секретному делу».

Из других следствий по старообрядческим делам в эти годы упомянем лишь предпринятую в 1746 г. консисторией первую попытку захватить видного руководителя ирюмских поповцев Гаврилу Мороку. Окрестные крестьяне однако так успешно укрывали его, что пять месяцев прочесывания местности военной командой прапорщика И. Проскурякова не дали результата. Чтобы

прекратить поиски, была даже инсценирована гибель Мороки, когда какой-то неизвестный доброволец сжег себя на глазах у военной команды. В ходе следствия записной раскольник крестьянин Григорий Корсаков, обвинявшийся в «отпадении из православия в раскол», был замучен насмерть ⁷¹.

Таким образом, дошедшие до нас сведения о следствиях по старообрядческим делам Тобольской епархии во второй половине 40-х годов свидетельствуют, с одной стороны, что без должной поддержки светских властей церковь не смогла осуществить своего плана широчайшего розыска о всех, записавшихся вновь в раскол по II ревизии (указ Тобольской консистории от 21 августа 1745 г.). Но, с другой стороны, не было выполнено требование указа Сената и Синода от 31 августа 1744 г. о прекращении на время ревизии всех следствий по старообрядческим делам. Церковь продолжала вести подобные расследования. Наряду с «традиционными» старообрядческими делами возникали и дела, связанные с записью в раскол по II ревизии. Светские власти, не одобрявшие широких полицейских планов церкви, вынуждены были в целом ряде случаев оказать ей необходимую поддержку, особенно когда речь шла о захвате видных расколоучителей или о случаях неверного толкования императорских указов. Вся эта серия частных розысков оказалась недостаточной, чтобы воспрепятствовать массовой записи в раскол во время проведения II ревизии или вернуть записавшихся в лоно церкви. Однако в результате усердия доносчиков и церковных следователей уже тогда спорадически возникала обстановка угроз и запугивания, которая чревата была серьезными последствиями.

Крестьяне отстаивали свое право на фактический выход из церковных приходов обычными старообрядческими методами ответа на преследования — бегством и самосожжениями. Именно этого и боялись проводившие ревизию, так как подобные методы ставили под угрозу стабильность итогов ревизии не только по двойному, но и по обычному подушному окладу.

В частности, сохранились сведения о том, что в 1748 и последующих годах с уральских демидовских заводов

---

⁷¹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 2, 1746 г., № 24, лл. 1—19 об.

бежало, спасаясь от розысков, «из раскольников довольно-много число». Сибирская губернская канцелярия считала возможным, что беглецы пойдут обычным путем — на Алтай. Поэтому Томская воеводская канцелярия получила указания об их розыске. Интересно, что одновременно приказывалось «секретно наведатца», нет ли известий «о проходе их в Бухарскую и Контайшинскую земли и в Польшу за рубеж». Лишь в одном списке этих беглецов значится 43 имени записных старообрядцев и, кроме того, 25 имен «церковных прихожан... в двойной оброк не написанных»⁷². Это совместное бегство записных старообрядцев и «церковных прихожан» очень показательное для нечеткости границ урало-сибирского старообрядчества.

От второй половины 40-х годов XVIII в. до нас дошли три известия о сравнительно небольших старообрядческих самосожжениях, состоявшихся в двух районах массовой записи в раскол по II ревизии — близ Тюмени и на Алтае.

18 апреля 1746 г. несколько пахотных крестьян с Успенского Тюменского уезда «неведомо из-за какого случая тихим образом собрався уехали вкупе на отъезжую пашню» крестьянина Шестакова «и вшед в потаенную избушку, заперлись в ней и того ж числа после полудня самовольно сгорели». Следствие так и не открыло причин самосожжения, казавшегося тем более удивительным, что все сгоревшие не были записными раскольниками и до второй ревизии ежегодно ходили к исповеди и причастию в «никонианскую» церковь⁷³.

В 1746 и 1747 гг. состоялось два самосожжения на Алтае в соседних деревнях Чарышской сотни: Усть-Чарышской и Тугозвоновой. Все сгоревшие были крестьянами Колывано-Воскресенского завода. Оба самосожжения состоялись в знак протеста против попытки Тобольской консистории взять крестьян для следствия по делу о массовой записи в раскол на Алтае. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, пытаясь предотвратить в 1750 г. новый консисторский розыск, ссылалась

---

⁷² ГАНО, ф. 105, оп. 1, № 23, лл. 41—43.

⁷³ Саможников Д. И. Указ. соч., с. 110; ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кв. 806, лл. 1131—1146.

на эти гари: «Как небезызвестно, и образцы тому уже прежде были, что означенные раскольничьи люди мало-разсудные, потому, что когда их наперед сего здешнего ведомства из деревень, а именно в 1746 году из Усть-Чарышской, в 1747 годах из Тугозвоновой для следствия о том расколе в надлежащие судебные места взять велено, и для того по них посланы были нарочные, они, услыша, что по их расколу спрашивающца, не дав себя тем посланным взять, собравшись в избы и зазжгя оныя огнем, в них и сами сгорели»⁷⁴. Одно из этих самосожжений возглавил крестьянин Иван Закурдаев, хорошо известный на Чарыше старообрядческий наставник. Из 18 дворов дер. Усть-Чарышской лишь в 3 дворах осталось по 3 чел., «остальные дворы стали пусты и скот рогатый и овцы ходили без хозяев»⁷⁵. По-видимому, в дер. Тугозвоновой готовилась еще одна гарь в том же 1746 г. Однако военной команде поручика Волкова удалось предотвратить ее и при помощи обмана захватить руководителей 50 крестьян, собравшихся для самосожжения. Упомянутый выше в связи с ходатайством Беера крестьянин Терентий Тихобаев-Быков был арестован в качестве одного из зачинщиков⁷⁶.

Этим исчерпываются имеющиеся у нас сведения о сопротивлении урало-сибирских крестьян попыткам массового консисторского розыска во время II ревизии.

---

⁷⁴ ГААК, ф. 1, оп. 1, св. 13, № 29, л. 482 об.; см. также ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 68, л. 2 об.

⁷⁵ Материалы для истории Сибири.— ЧОИДР, 1867 г., кн. 2, с. 231.

⁷⁶ Беликов Д. Н. Указ. соч., с. 35—36; ГААК, ф. 1, оп. 1, св. 13, № 29, лл. 60—69, 482 об., 500.

КРИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
КОНЦА 1740-Х — НАЧАЛА 1750-Х ГОДОВ

Вскоре после окончания II ревизии наступает один из самых острых и драматических этапов борьбы уралосибирского старообрядчества против господствующей церкви и феодального государства. Церковь по-прежнему стремится путем прямого полицейского насилия изменить в свою пользу результаты записи в раскол по II ревизии. Особенно желательно было добиться этого в Тобольской епархии, где потери церкви оказались наиболее тяжелыми. Синод все более активно поддерживает непрерывно идущие из тобольского архиперейского дома требования широко применить силу для возвращения в церковную ограду новых записных раскольников. Хотя противоречивая позиция высшей светской власти по этому вопросу далеко не совпадает с линией Синода, церковные требования в конце 40-х — начале 50-х годов оказывают весьма заметное влияние на правительственную политику и законодательство о расколе. Сенат постепенно соглашается с аргументами Синода о том, что массовая запись новых лиц в двойной подушный оклад по II ревизии — явление противозаконное, противоречащее духу петровских установлений. Двойной оклад признается не столько средством легализации раскола, сколько методом борьбы с ним.

Проблема раскола ставила в тупик законодателей и администраторов русского абсолютизма середины XVIII в. Крайняя сложность этого явления, его социальная неоднородность, быстрая динамика происходящих в старообрядчестве изменений делали бесплодными все попытки подойти к нему со стандартно-бюрократическими мерками. Недюжинный ум Петра выделил в проблеме две стороны, оказавшиеся, однако, настолько противоречивыми, что и Петру не удалось втиснуть легализованное им старо-

обрядчество в бюрократически организованную систему порядков новой России. С одной стороны, проблема раскола все больше становилась для государства проблемой отношения к торгово-промышленной верхушке третьего сословия, с которой абсолютизму можно и выгодно было договориться. Но, с другой стороны, это — проблема широкого, острого до фанатизма антифеодалного протеста, в первую очередь крестьянства и посадских низов, но подчас и той же торгово-промышленной верхушки. Выговские киновиархи, блистая малороссийской риторикой и древнерусской стилизацией, сочиняли хвалебные оды Отцу Отечества. Но они же настойчиво повторяли тезис первых старообрядцев о наступлении «последних времен». В сотнях старообрядческих общин тайно распространялось, заставляло активно действовать достоверное известие о том, что Петр и его преемники являются воплощениями антихриста. Политическая капитуляция руководителей Выга и воспный разгром Ветки, конечно, успокаивали правительство и отнюдь не стимулировали поисков более гибкой линии по отношению к старообрядчеству.

Однако решение проблемы прежними методами становилось все менее возможным. Уступчивость умеренных привела к быстрому росту авторитета крайних антигосударственных направлений в беспоповщине, Ветка стремительно возрождалась, поток беглецов из разгромленного Керженца стимулировал развитие старообрядчества на огромных восточных территориях. Уменьшение числа записных раскольников просто обозначало соответствующее увеличение численности тайных, а рост числа записных в какой-либо местности сопровождался обычно значительным усилением там старообрядческих настроений и потаенного раскола. Тревожащее пламя непрекращающихся гарей явилось достаточно внятным индикатором серьезности положения. Однако правительство в 40-х годах (как в 30-х и как в 50-х) отвечало на них традиционно нелепыми распоряжениями-репрессиями. Выработанная веками практика немедленного подавления силой любого протеста наталкивалась на все более ясное осознание бесплодности и невыгодности для казны широких репрессалий по отношению к старообрядчеству. Политика правительства делается все более неустойчивой, противоречивой, что проявилось уже во время II ревизии. Но эти противоречия не содержат новой мысли, они касаются лишь

времени, формы, степени проведения все той же политики силы. Со времени окончания II ревизии пройдет почти полтора десятка лет до того момента, когда у кормила России встанут люди, способные к более гибкой и смелой политике.

А пока Сенат, нимало не беспокоясь о выработке сколько-нибудь перспективной политики по отношению к расколу, в практических делах все явственнее склоняется к более суровому взгляду на него. Выносятся приговоры о посылке в вечную каторгу за тайное содержание раскола¹. Строго приказывается брать рекрутов с записных раскольников только натурой, не допуская замены деньгами и не снимая с раскольнических общин обязанности платить за взятых в рекруты двойной подушный оклад². Принимаются указы о передаче в руки частных владельцев старообрядческих слобод в Малороссии, которые с петровских времен пользовались привилегиями и свободой от частных владельцев³. Делаются попытки оживить прежнее законодательство об особом платье для раскольников и бородачей и об изготовлении платных медных знаков для них⁴.

Сенат долго опасался уступить требованиям Синода о начале всеобщего розыска о записавшихся в ходе II ревизии вновь в раскол после «срочного термина». Представления по этому поводу Синода от 16 декабря 1745 г. и 24 февраля 1747 г. остались без ответа. 7 декабря 1749 г. Синод в связи с известиями из Тверской епархии опять сообщает Сенату свое мнение о необходимости начать такое следствие. 19 февраля 1750 г. Сенат приказал отправить в духовные правления для следствия всех лиц, записавшихся в Тверской епархии в раскол после «срочного термина». Отметим характерное для законодательной практики того времени обыкновение вводить общие установления сначала в виде частного распоряжения, охватывающего лишь небольшую территорию. Синод, добившись требуемого для одной епархии, тут же заявил, что и в других положение не лучше и что по всей России вновь записавшихся в раскол следует отсылать к архиереям,

¹ ПСЗ, т. XIII, № 9582, с. 18—19.

² ПСЗ, т. XIII, № 9620, с. 64—67, № 9713, с. 197—199.

³ ПСЗ, т. XIII, № 9773, с. 319—320.

⁴ ПСЗ, т. XIII, № 10053, с. 737—739.

в епархиальные правления для исследования, «как они давно и кем именно в раскол подговорены и совращены и ради твердаго и непоколебимаго к содержанию православныя веры и увещания и наставления же». Всех вновь обратившихся следует, по мнению Синода, обязать подписками не совращаться в раскол впредь, а приходским священникам написать о крепком за ними смотреии; совратителей же в раскол «яко преступников» следует отсылать для наказания в светские команды⁵. Это, по сути, была программа долгожданного всеобщего розыска.

Сенат подчинился давлению церкви и 18 мая 1750 г. издал требуемый общий указ. Правда, сенатские формулировки были несколько более туманными — сенаторы «приказали: находящихся в губерниях, провинциях и в городах записавшихся при ныне бывой ревизии после вышепредписанного срочного термина вновь в раскол обоего пола людей, где таковые есть, для надлежащего ж о их состоянии изследования и по требованию тамошних по епархиям духовных правлений, отослать в те правления без удержания»⁶. Несмотря на то, что здесь не было синодальной четкости в определении задач розыска, это не помешало церкви интенсивно использовать сенатский указ в желаемом направлении: ведь он содержал главное — тащить всех, записавшихся после «срочного термина», в духовные правления к розыску, а там уж следовательского опыта не занимать было. К тому же в сенатском указе говорилось, что он принят по предложению Синода, и последний, рассылая сенатский указ по епархиям, повторил все свои четкие и широкие формулировки о задачах следствия⁷.

Собственно говоря, в Сибири, где этот вопрос был наиболее животрепещущим, духовные власти начали соответствующие розыски еще до получения указа Сената от 18 мая 1750 г. Однако пока этот указ не был получен, местные светские власти обычно не давали консистории развернуться как следует. Еще в 1749 г. консистория потребовала от Колывано-Воскресенской заводской канцелярии,

⁵ ГАТот, ф. 47, № 4703, л. 180 об.

⁶ ПСЗ, т. XIII, № 9745, с. 265—266.

⁷ Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода. СПб., 1860, кн. 1, с. 507—510; ГАТот, ф. 47, № 4703, лл. 180 об.—181.

чтобы в Барнаульский завод были высланы для увещевания все без исключения взрослые, записавшиеся в раскол по II ревизии независимо от срока записи. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства сочла такой массовый розыск убыточным для казны и опасным, так как «некоторые из раскольников находятся в Колыванском заводе у ремесл, а другие, около заводов, в ближайших деревнях упражняются в заводских работах за подушный оклад, и ежели их оптом для увещания в Барнаул взять, то может последовать в расплавке серебра и заготовлении к тому потребных материалов остановка и им за дальним проездом убыток и в Барнауле излишняя прожива». Консistorии пришлось согласиться, чтобы барнаульский духовный заказчик, известный самодур В. Мефодьев сам ездил для увещеваний к раскольникам, за их счет. Это было, конечно, совсем не то⁸.

Незадолго до принятия сенатского указа, 26 апреля 1750 г. митрополит Сильвестр направил в Синод очередное доношение, в котором писал о катастрофически больших цифрах записавшихся в раскол по II ревизии, о том, что в Исетской провинции запись эта продолжается и поныне, и сообщал о принятых мерах для возвращения записавшихся в лоно церкви. Он жаловался, что все увещевания и розыски вернули церкви не более 200 записавшихся раскольников. Причиной этого он традиционно считал слабую активность или прямое попустительство светских властей. В заключение доношения митрополит счел необходимым еще раз поугатать члепов Синода возможными политическими последствиями любого проявления мягкости: «И затем от такого в епархии моего смирения расколу умножения крайнее имею опасение, дабы от того раскольного злодейства не произошло какого явного в святой церкви озлобления и поругания, или паче чаяния от чего боже сохрани, подобнаго бывшему в предшедших годах в Таре от умножения тогда расколу ж возмущения и народных причин»⁹.

Но подгонять Синод уже было не к чему: доношение Сильвестра обсуждалось в Синоде 6 июня 1750 г., вскоре после принятия сенатского указа. Доношение митрополи-

---

⁸ Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905, с. 47.

⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, лл. 1—2.

та явилось для Синода поводом лишней раз потребовать от архиереев деятельно вести в своих епархиях следствие и увещевание в соответствии с сенатским указом. Позднее, 15 декабря 1750 г., Синод постановил направить Сенату ведение с просьбой, чтобы Сенат приказал сибирскому губернатору принять особые меры помощи следствию Сильвестра, предоставить все необходимые сведения о записавшихся после «срочного термина» и т. д.¹⁰ Подобное напоминание было отнюдь не лишним. До получения сенатского указа от 18 мая 1750 г. Сибирская губернская канцелярия слабо помогала Сильвестру. Так, в ответ на все его требования начать широкий розыск о повозаписанных в раскол, Сибирская губернская канцелярия приняла лишь один указ (7 июня 1750 г.) по небольшому частному случаю¹¹. Теперь, Сибирская губернская канцелярия начинает гораздо деятельнее помогать следствию; в частности, она активно поддерживает указ Тобольской консистории от 24 октября 1750 г., в котором консистория не только растолковывает, но и значительно расширяет синодальную программу розыска. Духовные заказчики при содействии светских команд должны не только «изыскивать», кто и когда совратил в раскол новозаписавшихся, но и «кто у них, раскольников, брачующихся венчает, больных исповедает и причащает, младенцев крестит, умерших погребает и прочие отправляет требы, и все ли оные суть записные в двойной раскольниковской оклад, и нет ли содержащих за собой раскол потаенной и не записных в двойной платеж, а хотя и записные явятца, то повсягодно ль тот оклад платят, по чему з души в год и куда имянно и имеют ли платежные о том квитанции, притом же накрепко изыскивать прелестников их и наставников раскольниковских из мужиков простых и о потаенных их раскольниковских полах, действовать священная дерзнувших» — «обстоятельно следовать без всякого упущения и послабления, не норовя отнюдь им, раскольникам, ни в чем под страхом неизбежного вам, заказчикам, суждения и чина лишения». Не обращающихся в православие приказано отправлять в Тобольск, а за обратившимися установить «крепкое смотрение»¹².

¹⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, лл. 17—19 об., 21—26.

¹¹ ГАТот, ф. 47, св. 448, № 4703, лл. 116—117 об.

¹² Там же, лл. 182—182 об.

Таким образом, следствие о записавшихся в раскол после «срочного термина» — лишь один из пунктов этого большого розыска. Наряду с ним на первый план выдвигается насущная задача выявления и ареста расколоучителей, встает связанный с ней вопрос об исполнении треб у старообрядцев. Среди этих последних не случайно на первом месте оказалась проблема старообрядческих браков, которой на протяжении 50-х — начала 60-х годов суждено стать предметом постоянных тревог консистории, причиной частых столкновений со старообрядцами и светскими властями. Подобное расширение выдвинутой Синодом программы розыска вполне соответствовало практике Тобольской консистории. Как до сенатского указа, так и после него ее занимал целый комплекс «розыскных» задач, и каждая из них внесла свой вклад в обострение ситуации конца 40-х — начала 50-х годов XVIII в.

На первый взгляд кажется, что именно проблема записи после «срочного термина», связанная с самым массовым розыском, была тем фитилем, запалив который, консистория вызвала взрыв. И в самом деле, проблема одна из самых острых. Но далеко не единственная. Наряду с ней, тесно переплетаясь, действовали многие другие причины недовольства консисторией. Этим объясняется то, что народный протест конца 40-х — начала 50-х годов и по содержанию, и по сфере распространения далеко вышел за пределы записного старообрядчества.

Еще 29 сентября 1749 г. в консисторию поступил донос челябинского казака Ивана Васильева сына Варзина, открывающий огромный розыск об одном из руководителей уральских поповцев — первом попе софонтиевцев Урала Семене Васильеве сыне Ключареве. Дело Семена Ключарева тесно связано со следствием над пойманном в апреле 1750 г. его учеником Гаврилой Морокой, и оба эти розыска положили начало десяткам новых следствий, затянув в свои сети сотни тайных и записных старообрядцев. В центре внимания консисторских следователей — методы деятельности крестьянских руководителей урало-сибирского старообрядчества, организация тайных старообрядческих приходов, заключение брака, крещение детей и другие требы, старообрядческие тайники для укрытий беглых крестьян, солдат. Параллельно с этими следствиями, и подчас тесно переплетаясь с ними, идут розыски по вопросам, непосредственно связанным со II ревизией: о

записи по ревизии новых старообрядцев, «отпадших» от православия, о записи после «срочного термина», о записи в раскол малолетних детей и т. д. При такой широте понимания следовательских целей консистория очень быстро, уже в декабре 1750 г. практически сняла любые ограничения задач и объектов розыска и требует увещевать и «розыскивать» *всех* записных старообрядцев, независимо от времени записи и прочих обстоятельств¹³. Со времен Тарского розыска Сибирь не знала подобной церковно-полицейской активности по старообрядческим делам. Уже с осени 1750 г. в консисторию стали поступать первые известия о бурном сопротивлении населения и заводских властей этим акциям. Не замедлили и сообщения о первых горях. Все это дало повод для начала новых и новых следствий. В фондах консистории, Синода, Сената и некоторых иных фондах материалы этих розысков составляют наибольшую часть всех документов об уралосибирском старообрядчестве XVIII в.¹⁴

Никогда еще Синод не получал из Тобольской епархии так много доношений по старообрядческим делам. Назовем главные из них лишь за 1750—1751 гг.

26 апреля 1750 г. — о новых раскольниках, записавшихся по II ревизии¹⁵.

26 апреля 1750 г. — о поимке С. Ключарева и начале следствия над ним¹⁶.

25 июня 1750 г. — о следствии по делам С. Ключарева и Г. Мороки¹⁷.

13 ноября 1750 г. — о столкновении с уральскими заводскими жителями при неудачной попытке захватить старообрядческого попа Севастьяна¹⁸.

---

¹³ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1751 г., № 180, л. 36.

¹⁴ См. в частности: ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81; 1751 г., № 105, 169, 180; 1752 г., № 45, 50; 1753 г., № 153, 193, I—XVIII; ф. 47, № 4703, лл. 109, 116—117 об., 191—196, 152—171 об., 180—183; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, 257; оп. 32, № 28, 32, 34, 75, 77, 169, 270; ЦГАДА, ф. 288, № 379, 502; ГААК, ф. 1, оп. 1, № 29, св. 13; ГАНО, ф. 105, оп. 1, № 23; ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 90.

¹⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, лл. 1—2.

¹⁶ Там же, № 116, лл. 1—3 об.

¹⁷ Там же, лл. 18—37; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, лл. 182—189 об.

¹⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, лл. 1—6; оп. 32, № 77, лл. 1—6.

10 декабря 1750 г. — о старообрядческих самосожжениях и противоцерковной агитации обитателей невьянской богадельни ¹⁹.

2 января 1751 г. — об энергичных мерах по обращению в православие записных и тайных старообрядцев епархии ²⁰.

3 января 1751 г. — о незаконных старообрядческих браках и создании специального дома для насильственного помещения туда рождающихся в этих браках детей ²¹.

3 января 1751 г. — предложение митрополита Сильвестра о единовременной уплате всеми вновь записавшимися в раскол двойного подушного оклада за все годы их жизни с семилетнего возраста до 1745 г. ²²

10 января 1751 г. — о старообрядческих венчаниях ²³.

10 января 1751 г. — о новом следствии над Родионом Набатовым и найденных у него письмах ²⁴.

10 января 1751 г. — о яростном сопротивлении жителей уральских заводов и демидовских приказчиков при попытках ареста расколоучителей ²⁵.

19 января 1751 г. — о том же ²⁶.

22 января 1751 г. — о напряженном положении на демидовских заводах и захвате игумена Паисия Переберина ²⁷.

30 января 1751 г. — о найденных у раскольников недозволённых книгах и ходе следствия на уральских заводах ²⁸.

9 февраля 1751 г. — о показаниях Паисия Переберина ²⁹.

23 февраля 1751 г. — о дальнейшем развёртывании конфликта на уральских заводах ³⁰.

28 февраля 1751 г. — о необходимости скорейшей постройки православных церквей на Урале и увеличении

---

¹⁹ Там же, лл. 9—19 об.

²⁰ Там же, оп. 32, № 28, лл. 1—об.

²¹ Там же, № 77, лл. 21—22 об.

²² Там же, оп. 31, № 119, лл. 27—28 об.

²³ Там же, оп. 32, № 34, лл. 1—4 об.

²⁴ Там же, № 32, лл. 1—24.

²⁵ Там же, оп. 31, № 116, лл. 51 об.—54.

²⁶ Там же, оп. 32, № 77, л. 1.

²⁷ Там же, лл. 23—26.

²⁸ Там же, лл. 29—31.

²⁹ Там же, оп. 31, № 257, лл. 63, 41 об.

³⁰ Там же, оп. 32, № 77, лл. 1—3 об.

там православного духовенства в целях борьбы с расколом ³¹.

12 марта 1751 г.— о ходе конфликта на уральских заводах ³².

15 апреля 1751 г.— о новых случаях старообрядческих самосожжений ³³.

16 апреля 1751 г.— о раскольнических браках на уральских заводах ³⁴.

23 апреля 1751 г.— о незаконных старообрядческих требах ³⁵.

Весна 1751 г.— следствие о вредоносных старообрядческих слухах о различных видениях ³⁶.

22 июня 1751 г.— о показаниях Паисия Переберина относительно старообрядческих центров и руководителей, конфликт с заводскими приказчиками и Берг-коллегией ³⁷.

6 декабря 1751 г.— о взяточничестве православного духовенства в связи со старообрядческими розысками ³⁸.

9 декабря 1751 г.— о потворстве старообрядцам во время II ревизии ³⁹.

И каждое доношение из этого потока проникнуто страстным фанатизмом, стремлением разгромить опасного противника, доказать недостаточно активным, по мнению тобольского архиерея, властям всю политическую вредоносность раскола. Настойчиво повторяются требования о расширении розыска, применении все более суровых мер к упорным, смещении всех чиновников, сочувствующих или помогающих расколу. Тобольский владыка решает даже рекомендовать новые меры борьбы с расколом, выдумывает способы, неизвестные обильному противораскольническому законодательству. Он неустанно бьет тревогу, требует поддержки, пишет не только в Синод, но и в Сибирскую губернскую канцелярию, Раскольничью контору Сената, Главную канцелярию Сибирских и Казанских заводов, Колывано-Воскресенское горное на-

---

³¹ Там же, № 75.

³² Там же, № 77, лл. 35—41.

³³ Там же, лл. 43—46.

³⁴ Там же, № 169, лл. 1—5 об.

³⁵ Там же, № 75, лл. 5—9.

³⁶ Там же, № 24, лл. 39—45 об.

³⁷ Там же, оп. 31, № 257, лл. 47—60.

³⁸ Там же, оп. 32, № 270, лл. 5—6.

³⁹ Там же, лл. 1—2.

чалство, заводские конторы, Берг-коллегию. Каждая из этих яростных бумаг завершается твердой четкой подписью, украшенной тремя росчерками: «Святейшаго правительствующаго Синода послушник, смиренный Сильвестр, митрополит Тобольский».

Митрополит Сильвестр Гловацкий (мирское имя — Стефан) — предпоследний на Тобольской кафедре представитель украинского духовенства. Он обильно был наделен всеми теми достоинствами и недостатками, которые характеризовали многих видных представителей украинского духовенства, в течение столетия оказывавших серьезное влияние на великорусскую церковную жизнь. Он являлся активным поборником просвещения (но лишь церковного!), врагом всякого вмешательства государства в церковные дела, фанатичным борцом за православную ортодоксию в украинском ее варианте, неустанным, хотя, быть может, и недостаточно гибким миссионером, считающим распространение православия среди инаковерующих одной из главнейших задач церкви и охотно прибегающим к насилию для выполнения этой задачи.

Резкость и самоуверенность сочетались в нем с непосредственным восхищением собственными талантами в качестве ратора. Он любил сообщать поэтому членам Синода о победах его риторики над косностью старообрядцев во время архиерейских увещаний, забывая упомянуть при этом, что его красноречие подкреплялось пытками, каземами, грядущим приговором суда.

Но ритор он действительно был квалифицированный. Сильвестр получил духовное образование в Киевской академии, которую закончил в 1733 г. Затем он преподавал риторику в семинарии Зелантова Успенского монастыря, стал первым префектом этой семинарии, а в 1736 г. его перевели в Казань архимандритом Свяжского Богородицкого монастыря. Здесь Сильвестр занимал еще две должности — ректора семинарии монастыря и правителя конторы для новокрещенных из инородцев. Последняя должность принесла ему славу настойчивого миссионера, успешно действовавшего в землях черемисов, мордвы и вотяков.

Это, видимо, сыграло определенную роль при назначении его на должность главы сибирской церкви — Синод по-прежнему считал миссионерские задачи в Сибири весьма важными.

Сильвестр Гловацкий был хиротонисан в митрополиты Тобольские и Сибирские 16 июня 1749 г., оставаясь на этой должности до 10 октября 1755 г.⁴⁰

Не ограничиваясь активными мерами по обращению в православие сибирских аборигенов⁴¹, Сильвестр Гловацкий сразу же распространил свою миссионерскую деятельность и на старообрядцев. Он не умел и не хотел видеть всей сложности проблемы урало-сибирского старообрядчества. Печальный опыт предшественников не помог ему. А между тем среди них были люди не менее деятельные, чем он, но подчас более гибкие: Антоний Стаховский, например, считал, что урало-сибирского старообрядчества не одолеть без некоторых уступок вроде признания дуперстия; Арсений Мацеевич резко восставал против не свойственных церкви полицейско-бюрократических функций организации исповедального учета. Сильвестр же яростно требовал насилия и только насилия, даже риторику применяя лишь в гармоничном сочетании с цыбой.

За 6 лет своего сибирского правления ему придется разочароваться во многом. Политическая и церковная реальность все меньше соответствовала идеалу Киевской духовной академии. Государство все реже считалось с церковными претензиями на независимость, не говоря уже о главенстве, и в то же самое время требовало от церкви более топких, ненасильственных методов воздействия на массы. Правительство не так уж охотно соглашалось на широкие церковно-воспитательные экзекуции, а, согласившись, действовало далеко не так активно, как полагалось в добрые старые времена в столь важном деле, как искоренение еретиков. Низкие материальные соображения о количестве выплавленного серебра заслоняли подчас высокую инквизиционную идею сохранения догматической чистоты и религиозной монополии церкви. И само устранение Сильвестра в 1755 г. от должности тобольского митрополита явилось дезавуированием его политической линии, хотя и достаточно мягким: Сильвестр был переведен на почетное, но спокойное место главы Суздальской епархии.

---

⁴⁰ Абрамов Н. Сильвестр Гловацкий, митрополит Тобольский и Сибирский. — В кн.: Странник. Т. 3. СПб., 1868, с. 5—28.

⁴¹ Шорохов Л. П. Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII вв. Автореферат канд. дисс. Новосибирск, 1971, с. 22—24.

Даже в запутанном клубке расследований конца 40-х — начала 50-х годов XVIII в. сразу бросается в глаза яркое дело Семена Васильевича Ключарева и Гаврилы Яковлевича Мороки.

Эти сельские приходские священники принадлежали к тому низшему слою духовенства, который, как это подчеркивал еще Ф. Энгельс в своей работе «Крестьянская война в Германии», и по образу жизни, и по взглядам близко стоял к пародным массам и не раз принимал участие в антифеодальных движениях ⁴².

Семен Васильев сын Ключарев происходил из государственного села Верходворского Хлыновского уезда Вятской провинции. Старшие братья и жена Семена были крестьянами ⁴³, а его отца назначили по крестьянскому выбору приходским священником. Вскоре после смерти отца Семен Ключарев около 1720 г. «пожелал с согласия миряи быть священником, и для того взял от них, мирян, заручной выбор»; на севере и востоке страны в те времена желание крестьянских миров являлось еще важным фактором в подобных делах, и Семена Ключарева, вопреки церковным правилам, сделали сразу священником, минуя сан дьякона и более низкие причетнические должности. Хотя Семен Ключарев был обучен отцом двуперстием, во всем остальном он строго придерживался «никоновских» обрядов и служил по новым книгам. Однако в доме 23-летнего священника находили радушный прием и ночлег видные софонтиевские старцы с Керженца, искавшие в годы преследований Питирима более надежного убежища. Семен вел с ними долгие беседы и в итоге около 1722 г. бежал на Урал с группой старцев, среди которых находился и будущий видный руководитель Висимо-Шайтанского скитского центра Дионисий.

В 1723 г. первый большой съезд софонтиевцев Урала счел в принципе допустимым принимать в качестве священников беглых попов господствующей церкви, и первым приняли Семена Ключарева ⁴⁴. С тех

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд. 2-е, т. 7, с. 352.

⁴³ Брат Семена Ключарева Роман был впоследствии запашным раскольникком и жил на Уткинском заводе Демидова.— ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, л. 135 об.

⁴⁴ Собрание ИИФдФ, № 9/71-г, лл. 90, 108; I—III об., № 1/72, л. 19—об. Текст этого постановления 1723 г. дошел до нас лишь

пор в течение четверти века Семен Ключарев вел полную опасностей жизнь тайного расколоучителя, существование и свобода которого каждодневно зависели от преданности и смелости жителей окрестных деревень, заводских поселков, казачьих поселений. Опираясь на их поддержку, Семен Ключарев создал разветвленную сеть тайников, завербовал немалое число последователей и учеников.

Среди них был и Гаврила Яковлев сын Семеновых по характерному прозвищу Морока. Он происходил из семьи государственных крестьян Уфтымской волости (близ Устюга Великого), переселившейся «от хлебной скудости» на Исеть.

Здесь Гаврила обучился грамоте у старшего брата Парамона и стал помышлять о духовной карьере. В 1722 г., 27 лет, он поступил по крестьянскому «заручному выбору» в церковный причт в младшей должности пономаря, а в 1729 г. тоже по крестьянскому «выбору» митрополит Антоний Стаховский поставил его в священники. Но через два года Гаврила бежал с крестьянами-старообрядцами в соседние леса и вскоре стал послушником Семена Ключарева. Около года он провел в тайниках своего учителя, обучаясь нелегкой практике руководителя тайного старообрядческого прихода, особенностям старообрядческого требоисправления и агитации, организации прочных, но тайных связей с соседними крестьянскими мирами. Затем с благословения С. Ключарева он создал свой собственный приход и скитской центр, организовал умелую антицерковную агитацию, обеспечивая себе широкую поддержку соседних крестьянских поселений. Вплоть до разгрома своего скитского центра в апреле 1750 г. Гаврила Морока целых 18 лет руководил обширным тайным приходом ⁴⁵.

благодаря тому, что около полувека тому назад его еще переписывали в епископских скрипториях.—Pokrovskii N.N. Western Siberian scriptoria and binderies.—«The Book collector», v. 20, № 1, p. 19—24. Известный керженский историограф Иона Курносый в своей «Истории о бегствующем священстве» упоминает о деятельности Семена на уральских заводах, на Янке, в Тобольске, о его смерти в заточении. См. Есилов Г. Раскольнические дела XVIII столетия, т. II, СПб., 1863, с. 187.

⁴⁵ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24; 1749 г., № 43; 1750 г., № 170; 1759 г., № 35; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 116.

С самого начала следствия над Семеном Ключаревым и Гаврилой Морокой консистория была поражена большим количеством крестьян, непосредственно участвовавших в опаснейшем деле предоставления убежищ расколоучителям, скрывавших их от бдительности властей. Уже в самом первом доносе челябинского казака И. Варзина (29 сентября 1749 г.), открывшем это следствие, подробно описывались устроенные крестьянами многочисленные тайники для С. Ключарева и его окружения. Эти тайные убежища находились не только в глухих лесах, но и в густонаселенных деревнях. На усадьбе зажиточного крестьянина Якова Емельянова в дер. Саламатовской Исетского острога была сооружена главная потайная резиденция С. Ключарева с несколькими кельями и сетью подземных выходов, выводивших далеко за пределы усадьбы в поля. По инициативе челябинских казаков-старообрядцев была создана вдали от населенных пунктов деревня на р. Увелке с многочисленными тайниками. Благодаря стойкому поведению всех крестьян этой деревни следствие, получившее от И. Варзина сведения об этих тайниках, так и не смогло их обнаружить. А между тем речь идет не о затерянной в лесах деревушке, а о крупном поселении в 72 двора, из которых лишь 25 принадлежало записным раскольникам ⁴⁶.

26 апреля 1750 г. митрополит Сильвестр, сообщая в Синод о массовом характере следствия по делам С. Ключарева и Г. Мороки, подчеркнул, что арестовано уже 49 укрывателей С. Ключарева и что из-за упорства арестованных известны далеко еще не все крестьяне и казаки, причастные к делу. Митрополит Сильвестр яростно требовал поэтому более активной поддержки со стороны светских властей, так как духовным властям неудобно было самим пытаться арестованных, а без пытки обойтись в этом деле было невозможно, по мнению Сильвестра ⁴⁷. Вместе с Гаврилой Морокой арестовали 18 чел. ⁴⁸

На кого же в основном опирались в урало-сибирских деревнях С. Ключарев и Г. Морока? Следственные материалы неопровержимо доказывают, что активных сторон-

⁴⁶ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1749 г., № 43, л. 2; 1750 г., № 170, л. 28 об.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, 1750 г., № 116, лл. 1—3.

⁴⁸ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24, лл. 24—25 об.

ников этих расколоучителей от остальных жителей окрестных деревень не отделяла какая-либо социальная грань. Подобные тайные старообрядческие приходы еще не дифференцированы социально. Среди лиц, замешанных в эти следственные дела, крестьяне самых различных социально-имущественных характеристик. Да иначе в тех условиях и быть не могло, тайным обширным приходам С. Ключарева и Г. Мороки не просуществовать бы десятки лет в обстановке постоянных преследований со стороны властей, если бы они не опирались на крестьянство в целом. Столь долговременное успешное функционирование старообрядческих центров не где-нибудь в лесу, а зачастую в оживленных деревнях, требовало твердого согласия и единой воли всех крестьян, традиционной крестьянской мирской спайки. И в той мере, в какой подобные центры выражали протест против светских и церковных властей, это был общекрестьянский антифеодальный протест.

Среди видных старообрядцев таких приходов немало родоначальников деревень и селений, богатых крестьян, на обширных усадьбах которых легко можно спрятать сразу несколько келий, создать целую систему тайников. Таким был, например, упомянутый главней «укрыватель» С. Ключарева крестьянин Яков Емельянов. Поразительной преданностью Гавриле Мороке отличался зажиточный крестьянин Алексей Иванов сын Узлов, добровольно пошедший вместе с женою в заточение вслед за Гаврилой Морокой⁴⁹.

Но в то же время следствие установило, что активнейшими помощниками С. Ключарева и Г. Мороки являлись малоимущие крестьяне и даже «бродящие раскольники» — крестьяне, утратившие свое хозяйство и питавшиеся зачастую Христовым именем, бродяги. Именно они разносят повсюду славу новых скитских центров, вербуют им сторонников далеко за пределами близлежащей округи. Доносчик И. Варзин, рассказывая о превращении ранее православной дер. Саламатовской под воздействием проповедей С. Ключарева в деревню сплошь старообрядческую, подчеркивал, что наибольшую активность в этом «совращении» проявил не Яков Емельянов, а крестьянин той же деревни Федор Ушаков, «трудник», часто вынужденный продавать свой труд жителям этой деревни и самому

⁴⁹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24, л. 74 об.

С. Ключареву⁵⁰. Гавриле Мороке наибольшее количество сторонников завербовали Федот Филипов сын Железняков и Марк Абросимов сын Метлев — нищие бродяги из крестьян⁵¹. Несомненно, что С. Ключарева активнейшим образом поддерживала старшина яицкого казачьего войска. Он исповедывал многих яицких атаманов с их семьями, исправлял у них другие требы; при аресте было захвачено несколько писем к нему яицких атаманов. Уличенный документами С. Ключарев в конце концов подтвердил, что был знаком с атаманами «Андреем Никитиным, Григорием Зевакиным, Васильем Алексеевым Иконником, Михаилом Никифоровым, Яковом Филимоновым, да большим атаманом Андреем Никитиным»; 9 марта 1748 г. яицкая казачья община приглашала Семена на Яик «на соборование маслом к старшине Григорью Меркурьеву»⁵². Но вместе с тем среди активных сторонников С. Ключарева в деле упоминается немало рядовых яицких казаков.

Благодаря двум обстоятельствам следственному делу С. Ключарева и Г. Мороки суждено было сыграть особенно важную роль во всем развитии ситуации конца 40-х — начала 50-х годов. Во-первых, как мы уже говорили, дело охватило сразу весьма значительный круг лиц. Это объясняется широкой осведомленностью доносчика Ивана Варзина, челябинского казака, арестованного по какому-то старообрядческому делу. Аргументы консисторских увещавателей о свете официального православия зазвучали в тобольских казематах настолько убедительно, что И. Варзин не только обратился в господствующую веру, но и начал писать многочисленные доносы на своих недавних единоверцев. К каждому доносу прилагались обширные именные реестры лиц, подлежащих, по мнению И. Варзина, немедленному аресту. Его жена не скрыла на следствии, что в эти реестры попало немало личных недругов И. Варзина. Само писание доносов доставляло ему несомненное удовольствие — заголовки некоторых из них терпеливо украшались причудливой вязью⁵³. Вскоре он стал даже писать митрополиту Сильвестру письма с требованиями более активной борьбы с расколом, с жалобами

---

⁵⁰ Там же, 1750 г., № 170, лл. 2 об.—3.

⁵¹ Там же, 1746 г., № 24, лл. 67—68 об., 71—72.

⁵² Там же, 1750 г., № 170, лл. 126—127.

⁵³ Там же, л. 1.

на недостаточную распорядительность канцеляриста Пушкарева, отправленного с военной командой для поимки старообрядцев⁵⁴. Военные команды, действительно, находили далеко не всех упомянутых в доносах И. Варзиша, несмотря на завидную точность последних. Но и тогда поимщики демонстрировали свою старательность, хватая соседних старообрядцев. Характерно, что в Тобольске все они все равно оказывались виновными в нарушении какого-либо из многочисленных законов о расколе. Но немало людей запутал в сети следствия и сам Гаврила Морока. Он вел себя на следствии смело и мужественно, но в отличие от С. Ключарева считал желательным ради спасения душ своих тайных прихожан (и, вероятно, для удовлетворения собственного честолюбия) обеспечить мученический венец как можно большему числу их. Некоторые его показания невозможно читать поэтому без отвращения.

Вторым важным обстоятельством явилось то, что митрополиту Сильвестру удалось довольно быстро докопаться до сведений, представляющих в глазах Синода и правительства важный политический материал, компрометирующий все урало-сибирское старообрядчество. Уже в первом доносе И. Варзина содержалось обвинение по адресу урало-сибирских расколоучителей, отказывавшихся читать обычные молитвы о здравии императрицы и ее семьи. Позднее это обвинение было Варзиным конкретизировано: «Поп раскольниковой Семел Васильев о здравии ея императорского величества бога не молит и других де обучает бога не молить, и за всероссийское воинство, и за святейший правительствующий Синод бога не молит же». Напомним, что вопрос о молении за императорскую власть был одним из самых острых во взаимоотношениях между старообрядчеством и государством в XVIII в. Тот самый Ирмский собор 1723 г., который принял Семена Васильевича Ключарева в среду урало-сибирских поповцев, постановил молиться за императорскую власть⁵⁵. Однако С. Ключарев решительно не признал этого постановления.

Он заявил на допросах, что в ектиньях и других молитвах он не признает формулы «благочестивейшая и самодержавнейшая великая государыня наша императрица

⁵⁴ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, лл. 1—4 об; 1749 г., № 43, лл. 1—3 об., 18—об., 35—37 об.

⁵⁵ Собрание ИИФиФ СО АН СССР, № 9/71-г, лл. 108, I—III об.

Елизавета Петровна всея России». Вместо этого обязательного для всех подданных титула он говорил просто «еще молимся о царице нашей Елизавете Петровне всея России». Синод великолепно знал, какой оскорбительный смысл уже в XVII в. вкладывали старообрядцы в эту формулу — отказ признать царскую власть «благочестивейшей» превращал в глазах старообрядцев ектинью в моление за то, чтобы русские цари отвергли губительные «новины» и вернулись на стезю «древлего благочестия». С. Ключарев заявил при этом, что императорского титула он не признает в соответствии со старопечатными книгами; из-за хождения послонов и прочих церковных новин он отказывался употреблять новопечатные книги «и для того де оный высочайший ея императорского величества титул он отменил, и за святейшей правительствующий Синод молитвы никогда не приносил и бога не молил»⁵⁶.

Синод и консистория однако подчеркнули, что отказ признавать царицу благоверной и христолюбивой противоречит и старопечатным служебникам и что все это дело относится к компетенции Канцелярии тайных розыскных дел. Синод счел необходимым немедленно доложить об этом императрице⁵⁷.

25 мая 1750 г. Гаврила Морока твердой рукой написал показания, из которых следовало, что он в этом вопросе придерживается еще более крайних позиций, чем С. Ключарев. Он не употреблял не только императорского, но и царского титула в молитвах, в ектиньях возглашал: «о благоверных и христолюбивых наших господу помолимся», не называя при этом ни имен, ни титулов и не связывая, таким образом, этот традиционный возглас с императорской фамилией вообще. В отпуске вместо многолетия он возглашал «господи, помилуй». Объяснял он все это тем, что «новая» служба «приписана в Менею общую гладью (скорописью. — Н. П.), а не напечатана». Синода он также вообще не называл, упоминая лишь пресвитерский и дьяконский чин, старообрядческий, конечно, поэтому не упоминался чин епископский⁵⁸.

Митрополит Сильвестр, который сам вел допрос Гаврилы Мороки, задал ему коварный вопрос о том, где он

⁵⁶ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, лл. 176, 124—об.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 116, л. 47.

⁵⁸ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24, лл. 43—об.

принимал присягу Елизавете Петровне и наследнику Петру Федоровичу, если, по его словам, он с момента своего побега в православных церквях не бывал. Когда Гаврила сказал, что присяги он не принимал, митрополит Сильвестр предложил ему принять эту присягу сейчас в той самой церкви, где он когда-то был поставлен в священники. Гаврила наотрез отказался и даже подписал письменное заявление о том, что присягать «в верной службе» Елизавете Петровне и Петру Федоровичу он не будет «для того, что в церковь идти не желает, чтоб не отстать раскольниковской своей прелести, в которой он состоять намерен». (Формулировка, конечно, принадлежит консисторским чинам, но заявление собственноручно подписано Гаврилой Морокой.)⁵⁹

Митрополит Сильвестр постарался извлечь все политические выгоды из этого смелого ответа. В своем экстренном сообщении в Синод он подчеркивал, что этот ответ характеризует политическую неблагонадежность всего уралосибирского старообрядчества: «И из того его морокова по вышеписанному на секретной вопрос ответу видно, что все раскольниковские лжеучители и сами раскольники едва ль не подобны ему, Мороку, имеются»⁶⁰.

Гаврила Морока предоставил митрополиту Сильвестру еще одно свидетельство о политических взглядах уралосибирских софонтиевцев. В тайнике в дер. Саламатовской вместе с С. Ключаревым были захвачены девки — старицы Матрена и Авдотья, дочери исетского крестьянина Семена Холкина, по прозвищу Немытушки⁶¹. Они пытались было скрыть свое происхождение и биографию, но Гаврила Морока на очной ставке легко уличил их. Оказалось, что они были вместе со своим отцом замешены в знаменитом Тарском бунте 1722 г. и жестоко поплатились за это. Их отец, постриженный в 1721 г. под именем Софонтия самим руководителем тарских поповцев Сергием, «по тар-

⁵⁹ Там же, л. 44.

⁶⁰ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, л. 189 об.; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 116, л. 24 об.—25.

⁶¹ В течение нескольких археографических сезонов начиная с лета 1966 г., мы наблюдали жизнь софонтиевских (часовенных) скитов, где было немало «матушек-немытушек», давших обет воздержания от любых омовений. Однако исключительность их славы свидетельствует, что в XX в., как и в XVIII, такие обеты были не частыми у софонтиевцев — иначе прозвище «немытушки» не было бы столь отличительным.

скому следствию осужден был к смерти и содержался под секретным караулом, и до смертной казни под караулом умер, и мертвое тело его по смерти пятерили вместе с показанным чернецом Сергием». Дочерей его «били кнутом нещадно»⁶². Память о «государственных ворах и толковщиках» чтилась в тайных резиденциях С. Ключарева и Г. Мороки. Последний по собственной инициативе охотно рассказал на следствии, что он часто читал молитвы по Сергии и Софонтии. Сильвестр не забыл присовокупить этот яркий штрих к политической характеристике урало-сибирских старообрядцев.

Возможность снова придать преследованиям раскола политический характер была немаловажным козырем руководства сибирской церкви в ее борьбе за более активную помощь государственного аппарата насилия. Церковь по опыту хорошо знала, что в новой ситуации абсолютистской империи этот аргумент действует куда сильнее традиционных ссылок на первую главу Соборного уложения 1649 г. — о богохульных преступлениях. Но и этим последним сюжетам консисторские следователи уделяли, конечно, огромное внимание, антицерковные настроения в расколе волновали их, естественно, не меньше, чем антигосударственные. Приведенные выше высказывания руководителей софонтиевцев о Священном Правительствующем Синоде давали богатый материал для обеих этих линий: в бюрократической машине империи Синод являлся одновременно главою церкви и неотъемлемой частью государственного механизма.

Консисторские следователи старательно искали и находили в немалом числе свидетельства резко враждебного отношения старообрядцев к господствующей «никоианской» вере, ее храмам, священникам, таинствам. Не обошлось и без обычного коварного вопроса, считают ли старообрядцы православными священников господствующей церкви. Как известно, руководители Выговской пустыни в Поморских ответах предпочли уклониться от прямого ответа на этот вопрос. Урало-сибирские поповцы и здесь оказались смелее и радикальнее выговских киновиархов. В конце первого же допроса Гавриила Морока, категорически отказавшись перейти в православие, заявили, что «православных преосвященных архиереев и

⁶² ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, лл. 64—66.

священников православными он не нарицает и совершаемые ими... церковная таинства... за истинные не признает и не принимает», троеперстие называет антихрестовою печатью, «и в том под смертною казнью утвердился». Спустя некоторое время Сильвестр констатировал, что несмотря на все его риторические ухищрения, запугивания и строгости, Гаврила «в том самому богу и церкви его святой противном злодействе и ныне состоит»⁶³.

Семен Ключарев пазывал никонианские церкви «еретическими костелами», говорил: «нынешние церкви — не церкви, и злохулительно уподоблял ходящих во святую церковь... псам, около костра дров сбегаящимся», никонианское причастие называл «змеиною блевотиною», а благословение — дьявольским. «В церкви венчание — не венчание, но паче осквернение», — учил он⁶⁴. Особенно многочисленными и яростными были старообрядческие обличения православного духовенства. В поповских направлениях XVIII в. этих обличений было не меньше, чем в беспоповских. Одной из самых сильных сторон старообрядческой агитации в крестьянской среде, как показывают следственные материалы конца 40-х — начала 50-х годов, являлись обвинения православного духовенства во взяточничестве, коррумпированности, пьянстве, профессиональной непригодности. И Семен Ключарев и Гаврила Морока умело пользовались тем обильным материалом, который представляла для подобных обвинений сибирская действительность. Старообрядческие попы, монахи и наставники, сама жизнь и свобода которых постоянно зависела от благосклонности своих тайных прихожан, не могли позволить себе, конечно, тех художеств, которые были обыкновенными для многих приходских священников. И церковные, и старообрядческие источники XVIII в. согласно свидетельствуют о том, что раскол знал правило Кормчей, по которому требы и таинства считались недействительными, если за них взималась плата⁶⁵. Не следует, конечно, представлять старообрядческих наставников и свя-

---

⁶³ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24, лл. 35 об.—36; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 116, лл. 21 об., 19 об.

⁶⁴ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, лл. 158 об., 176 об., 177, 158; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 116, лл. 21 об., 21, 19 об.

⁶⁵ Собрание ИИФФ, № 9/71-г, лл. 108, I—III об.; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1768 г., № 85, л. 4.

щенников середины XVIII в. совершеннейшими бессеребренниками, недаром старообрядчество XVIII в. быстро и тесно связывается с торговлей и промышленностью, но все же контраст между поведением православного духовенства и обликом скитских старцев и расколуучителей был зачастую разительным. Именно этот контраст сделал многих крестьян и казаков активными сторонниками С. Ключарева и Г. Мороки. Следствие над ними доказало справедливость многих обвинений в адрес приходских священников и духовных заказчиков. Митрополиту Сильвестру срочно пришлось издавать указы по этому поводу и принимать дисциплинарные меры, впрочем не очень-то строгие: виновных после нескольких месяцев принудительных работ в архиерейском доме перевели в другие приходы⁶⁶. Коррупционности духовенства как фактору, способствующему распространению раскола, Сильвестр посвятил даже одно из своих доношений в Синод⁶⁷.

Ковсистерских следователей очень занимали старообрядческие чудеса, видения, колдовство и волшебство. Церковь XVIII в. сохранила еще достаточно средневековых черт для того, чтобы испытывать чисто инквизиционный интерес к подобным темам. Особенно беспокоили консисторию и Синод различные старообрядческие чудеса и видения. Старообрядцы обращали против церкви ее традиционное оружие. К тому же церковь могла использовать здесь в своих интересах то подозрительное отношение светской власти ко всяким чудесам, которое возникло еще в петровское время, когда чудеса были делом рук антипетровской оппозиции духовенства⁶⁸.

Гаврила Морока в этой сфере был на редкость изобретателен. Организованные им чудеса выглядели настолько убедительно, что в конце концов и сам он, вероятно, начал в них верить. Горящая две недели неугасимая свеча, таинственное благоухание вокруг скита, ведомая ангелами посланница, сообщающая о местонахождении казны царя Кучума, а заодно и золота Ивана IV, видение Ильи и

⁶⁶ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24, лл. 35, 76—88, 108—110 об., 115 об., 152—153; 1752 г., № 170, лл. 68 об., 2 об.

⁶⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 270, лл. 5—6.

⁶⁸ В своем доношении Синоду от 23 апреля 1751 г. митрополит Сильвестр непосредственно связывает это законодательство с задачей искоренения раскола в его епархии. (ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 75, лл. 5—9.)

Еноха, чудесное обретение священнических риз — это далеко не полный список чудес Гаврилы Мороки. (Не им ли он обязан своим характерным прозвищем?)⁶⁹.

Особой удачей (о коей тут же было сообщено Синоду) Сильвестр считал показания Гаврилы Мороки об изготовлении им мира. Софонтиевцы считали «никонианское» крещение еретическим и перекрещивали переходящих в их веру «никониан» вторым чином, то есть через миропомазание. Но проблема доставания «истинного» мира была практически неразрешимой. Сварить такое миро с соблюдением всех строгих сакральных правил старообрядцы не имели возможности, а все попытки ввести упрощенную технологию немедленно разоблачались и подвергались осмеянию как в самих старообрядческих общинах, так и за их пределами. Легко можно представить себе радостное удивление митрополита Сильвестра, когда Гаврила Морока охотно и по своей воле сообщил ему собственный рецепт приготовления мира, с использованием местных трав и кореньев. (Семен Ключарев, кстати говоря, не признавал этого варева.) Произведя анализ показаний многочисленных сторонников Гаврилы Мороки, митрополит пришел к выводу, что сваренное Гаврилой миро обладало волшебным свойством: помазанные им люди становились нечувствительными к его, Сильвестра, красноречию. К счастью для Сильвестра, Гаврила «перемазал» далеко не всех своих сторонников. Сообщая в Синод о загадках старообрядческого мира, Сильвестр не преминул подчеркнуть: «И о всем том без подлежащего в гражданском суде розыску и пытки обойтись и сущей правды уведать никоим образом невозможно»⁷⁰.

В этих эпизодах следствия все удивительно характерно и показательно — и поразительное умение «расколоучителя» широко использовать в борьбе против церкви народные суеверия, невежественную жажду чудес и видений, веками поддерживаемую церковниками, и специфический консерватизм крестьянского религиозного сознания, закрепляемый в проповеди старообрядчества, и страстная

⁶⁹ При обсуждении этой работы К. В. Чистов выдвинул интересное предположение о фольклорном происхождении прозвища Гаврилы: на востоке страны была распространена сказка о Мороке, который всегда благополучно выходил из самых трудных ситуаций.

⁷⁰ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 116, л. 2 об.—3.

антиправительственная направленность этой проповеди. Казалось, в век просвещенного абсолютизма для подобных мистических суеверий остается все меньше места, однако высокоученый тобольский владыка не хуже простых ишимских крестьян верил в действенность гаврилинского волшебства. Различие между ними состояло не столько в степени рационалистического подхода к трансцендентным явлениям, сколько в оценке их явной политико-идеологической окраски. Характерна и инквизиционная убежденность Сильвестра в большой познавательной роли пытки для изучения старообрядческих колдовских чудес.

Тоскливой щемящей нотой во всю эту горячку допросов и на скорую руку цинично организуемых «обращений» колодников в православие вплетается история крестьянки Улиты Толстиковой, схваченной вместе с другими в скиту попа Гаврилы («Улита Петрова дочь Толстикова, от роду ей 39 лет, волосы русые»). У нее также была возможность принятием православия облегчить свою участь. Но Улита нечаянно сделала для себя этот путь невозможным. 4 июня, в бытность ее в архиерейском доме под следствием, она «была усмотрена» в ворожбе. Сидя на полу под окном, она шептала что-то над кусочками хлеба, «накусанными вместо бобов, числом сорока одним». Напрасно она доказывала потом, что узнала это гаданье у татар и русским никогда никому не гадала, а сейчас хотела лишь узнать, «будет ли ей из-под караула скорой отпуск, или еще много времени продолжится и не будет». В консистории хорошо помнили указ от 20 мая 1731 г. «блаженные и вечно достойные памяти государыни императрицы Анны Иоановны» о жестоком наказании волшебников светскими властями. Улита и была отослана для такого наказания в Сибирскую губернскую канцелярию уже как неисправимая раскольница и колдунья⁷¹.

Дело Ключарева и Мороки выявило немало ниточек к другим старообрядческим центрам и согласиям. Важнейшим обстоятельством явилось обнаружение прочных и интенсивных связей между резиденцией С. Ключарева и Яицким казачьим войском. Митрополит Сильвестр прозорливо склонен был придавать этому факту немалое значение. В дер. Саламатовой часто⁷² появлялись посланцы с Яика, шел регулярный обмен письмами, старообрядцы

⁷¹ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24, лл. 24 об.—88.

Шацкого городка на Яике хорошо представляли подробности соперничества между С. Ключаревым и скитом Дионисия, активно вмешивались в это соперничество. Сам С. Ключарев долго гостил в Уфе и на Яике в 1747 г., пользуясь гостеприимством старшины Яицкого войска. С момента ареста его сын находился на Яике и яицкие казаки так и не выдали его к следствию. Возможно, что Дионисий учитывал и каких-то яицких старообрядцев, когда констатировал с завистью, что общее число приверженцев Ключарева простирается до 3 тыс. душ ⁷².

Следствие показало значительную гибкость уралосибирского старообрядчества XVIII в., сочетание фанатической преданности тому или иному религиозному центру с несомненным отсутствием монополии какого-либо из этих центров. Это характерно и для того же софонтиевского согласия, где развертывавшееся соперничество между саламатовским центром С. Ключарева и скитом Дионисия привело к оживленной полемике, в которую включилось множество лиц. Доносы И. Варзина называют несколько самостоятельных религиозных групп за пределами софонтиевщины. Все это открывает невозможный в официальной церкви простор для обрядово-догматического творчества «простых мужиков». Очень характерно для старообрядчества в целом, что И. Варзин называет нескольких старообрядцев, которые не примыкают ни к одному из течений и толков раскола. Таков, например, «грамотник лютый» Я. Костыкин, перешедший в конце концов к Семену Ключареву. Другие сохраняют свою независимость до конца: «того ж Бобылевского приходу деревни Ильиной раскольник, который сам собой стоит в своем толку богохульническом, Афанасий Иванов Нохрин, сын его Василий, жена его Устинья Федорова, сын их Савелий шести лет, а оной Афанасий Нохрин не согласуется раскольническому попу Васильеву (Ключареву.— Н. П.), но в своем еретическом заблуждении стоит и других сам обучает, а имянно чему обучает: распятию медному чтоб не кланяться, и протчим медным богородичным и святым, которые литые, не кланяется и других обучает не кланяться, а наипаче богомерзко называет идолами и

---

⁷² ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, лл. 33, 78—об., 126—127 об.

ругается»⁷³. Другому такому же крестьянину Конону Ивасову из дер. Поротниково удалось собрать несколько приверженцев, и он образовал новый толк — «коноповщину»⁷⁴. Поповщина теснейшим образом переплетается на востоке страны с беспоповщиной; карательные мероприятия Сильвестра в равной мере стремятся сокрушить все эти направления старообрядчества.

Итак, первый же крупный розыск митрополита Сильвестра отчетливо вскрыл картину широкого распространения в епархии и за ее пределами различных старообрядческих учений. В то же время этот розыск дал ценнейший для следствия материал о политической неблагонадежности урало-сибирского старообрядчества, столь необходимый сибирской церкви, чтобы склонить светскую власть к дальнейшему широкому следствию и репрессиям. Это в немалой мере поможет митрополиту Сильвестру зайти в своем фанатизме достаточно далеко (как в наиболее массовом розыске о записавшихся по II ревизии, так и в других следственных делах), что в свою очередь неизбежно создаст острую кризисную ситуацию. Дело С. Ключарева и Г. Мороки продемонстрирует также традиционную жестокость консистории в подобного рода расследованиях — настойчивые требования митрополита широко применять в ходе следствия пытку не останутся только на бумаге. Будут пущены в ход обычные способы выколачивания показаний и согласия обратиться в православие, что сразу же сильно накалит обстановку далеко за пределами тобольских темниц. Оставшихся верными старообрядчеству С. Ключарева и Г. Мороку приговорят к вечной каторге, но потом все же уморят в Тобольске во время дальнейших бесконечных расследований⁷⁵.

* * *

В те самые осенние месяцы 1750 г., когда С. Ключарева, Г. Мороку и их поделельников попеременно то пытали, то увещевали обратиться в православие, Тобольская кон-

⁷³ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, лл. 1 об., 3 об.—4.

⁷⁴ Там же, л. 2; См. также показания 1749 г. об особом беспоповском толке, созданном на Алтае беглым крестьянином Т. Сачковым. (ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 75, л. 6 об.)

⁷⁵ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, л. 196; 1759 г., № 35, лл. 50—110.

история одержала значительную победу, разгромив крупнейший центр уральских беспоповцев-поморян. Точно не известно, как был подготовлен этот захват. Впрочем, эта, так сказать, официальная уральская резиденция Выгореции была на виду, на окраине Невьянского завода. Консистория давно уже знала о ее существовании и не раз стремилась ликвидировать ее. Однако сделать это было нелегко: еще в 1735 г. старик Акипфий Демидов дал ясно понять, что он готов буквально на все, чтобы не допустить такого разгрома. Резиденцией около двух десятков лет руководил «Олонецкаго Выгорецкаго общежительства обыватель» Гаврила Семенов сын Украинцев. Он сохранил немалый авторитет в Выговской пустыни и после своего отъезда на Урал, пользовался исключительным благорасположением Акипфия Демидова. Его стараниями Акипфий Демидов дважды посылал на Выг отлитые на Урале колокола, что торжественно запечатлено на страницах «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова. «История» эта несколько раз возвращается к восхвалению подвигов Гаврилы Семенова и его братьев, видных расколоучителей. Во время преследований 30-х годов XVIII в. у Гаврилы Семенова на Урале скрывался один из предводителей Выга Трифон Петров⁷⁶.

Подобно многим деятелям Выга, Гаврила Семенов был великолепным полемистом и неплохо владел пером. Сохранилась обширнейшая запись диспута о вере, который он умело провел в 1746 г. с будущим начальником Колывано-Воскресенских заводов генералом Беером, католиком⁷⁷.

В 1735 г. Гаврила Семенов вместе с другими обитателями его уральской резиденции разыскивался по какому-то секретному делу Канцелярией тайных розыскных дел и Московской конторой Синода. Но Акипфий Демидов пошел тогда на клятвopеcтупление, присягнув, что Гаврилы Семенова и других разыскиваемых старообрядцев на его заводах нет — «и тем как она синодальная канцелярия, так и Контора тайных розыскных дел обол-

⁷⁶ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины. — «Братское слово», 1888, № VI, с. 406; Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862, с. 168—169, 248—249, 310.

⁷⁷ ОР ГИМ, Собрание Уварова, № 479/284, лл. 1—207.

ганы» — констатировал позднее митрополит Сильвестр. Тогда же на допросе в Синоде по делу Г. Семенова А. Демидов сказал, «что собственных одного Семенова дворов при заводе его, Демидова, не имеется»⁷⁸.

Последнее заявление Акинфий Демидов мог, впрочем, сделать с чистой совестью: Гаврила Семенов и прочие разыскиваемые не имели своего дома на демидовских заводах. Они жили в доме, принадлежащем самому Акинфию. Огромное здание уральской резиденции Выговской пустыни в Невьянске было построено «господским коштом» и, во всяком случае в то время, считалось заводской собственностью⁷⁹.

Смерть Акинфия Демидова открывала Tobольской консистории путь для разгрома этого поморского центра⁸⁰. Налет удалось сделать внезапным. Старообрядцы не успели спрятаться или спрятать что-либо. Вскрылись вещи удивительные, давшие Сильвестру немало материалов для новых экстренных сообщений в Синод⁸¹. Шли очередные занятия в тайном старообрядческом училище, расположенном в этой резиденции. Здесь были схвачены дети и взрослые из разных мест, преимущественно из тобольских и ишимских деревень. В этом большом дворе на окраине Невьянска оказалось несколько изб с монастырскими кельями, много икон, книг (включая учебные), старообрядческое причастие. Консистория справедливо заключила, «что свой двор подлинно монастырю подобной явился, ибо в нем сыскано причастие и целые деисусы икон, из которых несколько явилось местных, наподобие того, как в церквях или монастырях бывает, и многое

---

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 48, л. 10 об.; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, л. 4 об.; Дсргачева-Скоп Е. И. «Сердца болезно сестры убодающъ остои» — выголексинское произведение середины XVIII в. — «Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока», вып. 14. Новосибирск, 1973, с. 44—51.

⁷⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 270, л. 667; оп. 31, № 257, л. 5.

⁸⁰ По свидетельству хорошо осведомленного в выговских делах ренегата Г. Яковлева, после смерти А. Демидова его вдова продолжала оказывать Гавриле Семенову покровительство; но консистория смогла уже пренебречь этим. — Яковлев Г. Указ. соч., с. 409.

⁸¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, л. 1—6; Описание документов и дел Святейшего Правительствующего Синода, т. 31. СПб., 1909, с. 380—383.

число старопечатных книг, по которым раскольники по неразумию своему претыкаются, и панагиальной, в монастырях только бываемой чин с прочими приличными скиту или обители вещами»⁸².

Были захвачены ближайшие сподвижники Г. Семенова, сестры Евдокия, Марфа, Дарья и Марья Андреевы дочери Бархатовы (Верхотуровы) из старинной крестьянской семьи сибирских старообрядцев. Марфа или Дарья (точно неизвестно) была настоятельницей этого монастырька. Евдокию вместе с пятой сестрой Аграфеной арестовали еще ранее лета 1747 г. и доставили в консисторию; здесь обе сестры притворно обратились в православие, после чего их стали стеречь слабее, и они немедленно бежали. Сестер поймали лишь под Ямышевской крепостью, отправили в заточение в Енисейский Рождественский монастырь, откуда они тут же бежали. В сентябре 1750 г. Евдокия вместе с тремя другими сестрами была арестована в Невьянске. Одиннадцать арестованных, в том числе четырех сестер Бархатовых, отправили для дальнейшего следствия в Тобольск. По дороге Марфа и Дарья умерли. Евдокия и Марья были обращены в православие самим митрополитом Сильвестром, о чем он тут же с гордостью сообщил Синоду. Одновременно ему пришлось с сожалением известить Синод, что Г. Семенова поймать не удалось, так как за несколько месяцев до этого он умер своей смертью.

Все монастырские помещения были опечатаны, хотя Невьянская заводская контора и ухитрилась спасти часть книг и икон. В течение 1751 г. эта контора неоднократно, но безуспешно пыталась добиться освобождения арестованных и возвращения их в Невьянск⁸³.

Разгром невянского поморского центра, являвшегося уральским представительством Выговской пустыни, был, конечно, серьезным успехом Сильвестра. Но связи Выгоречи с урало-сибирским старообрядчеством не были прерваны окончательно (эmissары Выговской пустыни появляются время от времени на Урале, в Зауралье, на Алтае главным образом для сбора средств). Успех Сильвестра способствовал, таким образом, децентрализации беспо-

---

⁸² ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 88, лл. 11 об.—12.

⁸³ Там же, лл. 4—5, 14—15.

повских согласий на востоке страны. Итог тот же, что и после событий 1735—1737 гг. А между тем после капитуляции Выга в 1738 г. и выделения радикальных филипповцев ослабление прямых организационных связей с Выговской пустынью все больше соответствует политическим настроениям разобщенных поморских общин Урала и Сибири. В этой разобщенности — традиционная слабость крестьянских движений протеста, но она же препятствует сейчас организационному и догматическому окостеневанию восточной беспоповщины на платформе умеренных, соглашательских течений.

Поэтому митрополит Сильвестр, разгромив невьянский поморский центр, был весьма еще далек от окончательного искоренения беспоповщины во вверенной ему епархии. Небольшие, незаметные объединения крестьян-беспоповцев приходилось выискивать и уничтожать одно за другим, никогда не зная, сколько их еще осталось. Захваченные в Невьянске поморяне не дали ценных для консистории показаний о своих единоверцах в других местах то ли потому, что связи местных поморских общин с невьянским центром были не очень крепкими, то ли потому, что быстрым обращением в православие арестованные сняли остроту розыска. Некоторые важные сведения сообщил все тот же И. Варзин. В одном из своих доносов он подробно объяснил, где находятся две тайные беспоповские общины и их руководители. Речь шла об исетских крестьянах, «мужиках простых» Моисее Савостьянове и Никифоре Ефтифееве сыне Вардугине (Шатровский погост Исетского острога и соседняя дер. Овчинникова на Ирюме, неподалеку от тайников С. Ключарева и Г. Мороки). Назывались исетские крестьяне, скрывавшие расколоучителей; Моисей Савостьянов в благодарность за это обучал их грамоте ⁸⁴.

Летом 1750 г. по доносу Афанасия Серого, одного из сторонников Гаврилы Мороки, арестованного вместе с ним, было захвачено более 10 беспоповцев-поморян, живших в деревнях Коркиной слободы Ишимского дистрикта. Их руководителем был крестьянин этой слободы Еремей Иванов сын Понкин-Братцев, основатель дер. Понкиной. У него было захвачено 13 книг, включая эсхато-

---

⁸⁴ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, л. 3.

логические сочинения Ефрема Сирина и Аввы Дорофея, больше пуда воска, много ладана, 13 лестовок, крест серебряный «на выи носимый», и тем не менее ему удалось обмануть консисторию, успешно разыгрывая темного и серого мужичка. Хотя он стал во время II ревизии записным раскольников, он убедил консисторию в своей изначальной приверженности к православию и быстро обратился вместе со всей семьей. Понкина-Братцева отпустили домой, вернув ему даже кое-что из книг и прочего имущества, после чего он вскоре осторожно опять занялся старообрядческой агитацией⁸⁵.

Консистория, несомненно, не придавала значения этому рядовому «деревенскому» делу. А между тем среди соседних крестьян известие об аресте Понкина-Братцева вызвало немалое волнение, которое улеглось лишь после его возвращения. Некоторые крестьяне, боясь ареста и принудительного обращения в православие, покинули свои дома и скитались по окрестным лесам в течение нескольких недель. Так, записной раскольник ишимский крестьянин Иван Шадрин позднее показал на следствии: «А в прошлом в 750 году в июле месяце как будучи здесь в Ишимском дистрикте посланные из Тобольска из Сибирской губернской канцелярии подпрапорщик Хлебников с командою для взятия записавшагося из крестьян раскольника Еремея Братцева и для сыску протчих таковых же раскольников, то он, Шадрин, убоясь того, по отбытии из дома детей своих в поле для кошения сена, взяв с собою хлебного и протчаго запасу и не сказався детям, без них из дома своего и з женою своею ушел на жилище Китерининское, на Иковскую степь и жил в лесу вверх по речке Ику в иковских вершинах на пустом месте, расстоянием от деревни Сорокиной например в 30 верстах, в промышленной избушке, а минувшего июня 10 дня сего 1751 года из оной промышленной избушки пришел он, Шадрин, и з женою своею в пашенную свою избушку в ночи и жили сего августа по 18-е число». Услышав о возвращении Братцева, он успокоился и занялся севом озимых⁸⁶. Подобно Шадриним 15 недель скитался по лесным избуш-

---

⁸⁵ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 35, лл. 1—47; № 48, лл. 1 об.—7.

⁸⁶ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 180, л. 41 об.

кам крестьянин ишимской дер. Костылевой Сергей Иванов сын Галкин ⁸⁷.

Несколько следствий, начатых консисторией в начале 1750-х годов ⁸⁸, не могли, конечно, искоренить многочисленных беспоповских общин и групп, разбросанных на широких пространствах востока страны. Даже механизм огромного розыска, с таким трудом приведенный в действие Синодом и Сильвестром, не был достаточен для полного выявления и уничтожения этого гетерогенного, децентрализованного старообрядчества.

* * *

В розыске по делу С. Ключарева и Г. Мороки Тобольская консистория получила полную поддержку со стороны светских властей. Сибирская губернская канцелярия по первому требованию посылала военные команды, исправно пыталась, била кнутом, рвала ноздри, отправляла в вечную ссылку. При ликвидации невянского беспоповского центра сказалось уже некоторое противодействие заводской конторы, хотя и не очень еще сильное (попытка спасти честь имущества скита, законным путем вернуть арестованных). Через несколько недель после ареста девок Бархатовых началось новое крупное дело, оказавшееся для консистории наиболее тяжелым и опасным: здесь ей пришлось столкнуться с сильным активным противодействием и жителей уральских заводских поселков, и администрации завода, и самой Берг-коллегии.

Для исполнения синодальных указов о расследовании обстоятельств записи в раскол по II ревизии и поимке раскольнических «лжеучителей» митрополит Сильвестр направил в наиболее «зараженные» расколом места своей епархии специально отобранных им священников и десятона начальников, выбрав их из людей «бодрых и трезвых и рачительных». На ответственный пост десятона начальника Нижне-Тагильского завода был послан священник Дмитрий Петров сын Лапин. Уже в августе 1750 г. он добыл сведения о местонахождении одного из руководителей урало-сибирских поповцев, а 1 октября того же года неожиданным налетом попытался захватить его.

⁸⁷ Там же, лл. 54—57.

⁸⁸ Там же, 1753 г., № 193, XIII, л. 15 и др.

Это был человек пестрой и бурной судьбы, «черной раскольнической поп Севастьян». Он «бывал прежде при первом государе императоре кухмистром», затем переквалифицировался в дьякона, но не прижился в новом сословии и вскоре был за какое-то «злодейственное» дело расстрижен и сослан в Тобольск. Около 1740 г. Севастьян бежал из Тобольска, скитался по Западной Сибири, Уралу и, кажется, Пермской земле, переменял несколько старообрядческих толков, после шестилетнего бродяжничества примкнул к нижнетагильским поповцам и поселился в кельях на Верх-Рудянской улице. Здесь он пользовался покровительством заводского приказчика Федора Махотина и подъячего Демида Лебедева, старообрядцев. Севастьян продолжал разъезжать по деревням Урала и Западной Сибири, где его эсхатологическая проповедь имела успех. Он стал особенно опасен, когда обстановка здесь накалилась, когда все популярнее делался его излюбленный тезис о том, что спасение от слуг антихриста лишь в огненном крещении. Сообщая о нем в Синод, митрополит Сильвестр подчеркнул два особенно подозрительных его качества: во-первых, он знал несколько иностранных языков и, во-вторых, был колдуном — «он же, Севастьян, и волхв великой». Последнее, правда, подтверждалось лишь следующим свидетельством молодого игумена Паисия Переберина: «И тем своим волшебством превратил к себе на телесное смещение бывшую в том же Нижне-Тагильском заводе раскольническую старицу Настасью, и валялся с нею в скверности телесной, и так ее обволшебствовал, что ежели когда она, старица Настасья, его, Севастьяна, не видит, то аки изумлена бывает»⁸⁹.

Для Сильвестра этих сведений было вполне достаточно, и он отдал приказ захватить Севастьяна. Но Дмитрий Лапин столкнулся с неожиданно острой реакцией жителей Нижне-Тагильского завода. «Бодрый и трезвый» обличитель «невежественных суеверцев» и это, конечно, приписал волшебству, что не меняло, однако, дела.

Операция началась в первом часу ночи. Кроме Дмитрия Лапина в ней участвовал пономарь Иван Бардаков и около полудюжины верных им православных прихожан.

---

⁸⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, л. 52—об.; ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 108, л. 3.

Когда отряд стал ломиться в келью Севастьяна, «и тогда оной чернец з бывшими с ним закрывали необычным криком, и в ту келью не пустили». Лапину пришлось послать Бардакова за подмогой, но тот допустил роковую ошибку. Не допросившись помощи «на первом карауле», он отправился «к подъячому, полицейскую должность правящему раскольнику Демиду Лебедеву», тайному покровителю Севастьяна. Лебедев, однако, к нему не вышел, и Бардаков вернулся к осажденной келье с одним лишь мирским старостой. В конце концов Севастьян капитулировал. В его келье «сыскали одного старца в печи, которой о себе показал — имя Андронник, а Севастьяна нашли под полом»; быстро связали двух оказавшихся в келье молодых мужчин и стали громить келью, захватывая многочисленные вещественные доказательства. Но в это время ситуация внезапно изменилась:

«Прибежал стоящий на улице для караула правоверной плотник Василий Родионов весь в крове, голова испроломана, и сказал, что де, пришед, подъячей Лебедев со многими людьми, и велит всех поимщиков бить до смерти. И в то же время выслал (Лапин.— *Н. П.*) на улицу означенного пономаря звать того подъячего Лебедева для споможения к себе в келью, и оному де пономарю проломили голову и перебили руку. А потом учинилась ружейная стрельба и необычный крик. И увидел де оной гвалд, из той кельи он, десятона начальник, и имеющихся с ним люди вышли и усмотрели многое собрание раскольников со оным Лебедевым, у которых имелись ружья и рогатины, которые били его, десятона начальника Лапина и пономаря Бардакова и бывших с ним бесчеловечными побоями смертно, и связали им руки назад, а келью приказали розломать, и тех раскольнических старцев и двух человек, також книги и прочее раскольническое действие у них отбили».

В это время к месту действия подоспел приказчик Федор Махотин и стал издеваться над десятона начальником: «Как де ты, поц, рано стал разбой чинить и ходишь воровать, и приказал их связанных свести в кантору. И приведши в ту кантору, розсодили всех порознь по местам, а пономаря — на домну». Всех арестованных, кроме священника и пономаря, «посадили в чеши». Освободив после двухдневного заключения всех арестованных, взяли с помощников Лапина подписку, «дабы впредь

в таких поимках его, десятона начальника Лапина, не слушать и не ходить с ним без их ведома никуда.

Эта история, начавшаяся столь бурно — с ружейной пальбой и «необычным криком» — имела еще более острое продолжение. 11 ноября, узнав о случившемся, митрополит Сильвестр принял необычное и чреватое серьезными последствиями решение — послать специальную военную команду в уральские заводские поселки, подчиненные отнюдь не Сибирской губернской канцелярии, а Берг-коллегии; последнюю он предпочел не извещать об этом, опасаясь, что секрет экспедиции станет тогда известен старообрядцам. Поскольку многочисленные указы предписывали светским властям оказывать духовному следствию всю необходимую помощь (включая военную), митрополит Сильвестр обратился в Сибирскую губернскую канцелярию. 14 ноября эта последняя неосторожно согласилась отправить военную команду на территорию, где она не имела права распоряжаться. Позднее, оправдываясь, Сибирская губернская канцелярия писала в Берг-коллегию, что о претензиях заводского ведомства не подумали, так как ранее подобные претензии не предъявлялись. Командующим экспедицией был назначен опытный в подобных делах каптенармус Хлебников, лишь недавно произведенный в унтер-офицеры.

Хлебников, прибыв в Нижний Тагил, предусмотрительно обеспечил себе сначала укрепленную резиденцию. Затем неожиданным ночным налетом он захватил квартиры Махотина и Лебедева и арестовал их. Арестованные были посажены на цепь, их морили голодом. Хлебников, мстя заводским жителям за консисторские обиды и памятуя о собственных интересах, грабил и бесчинствовал, постепенно распространяя свои действия на окрестные поселения.

Но здесь в дело вмешались Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов и Берг-коллегия, признавшие действия митрополита в обход горнозаводского ведомства незаконными. Возможно, что в какой-то мере прав митрополит Сильвестр, заявлявший позднее, что это решение вызвано не только ведомственно-бюрократическими соображениями, но и немалой популярностью на заводах Севастьяна (ходил упорный слух, что в случае отправки Севастьяна в Тобольск, все жители заводов пойдут вместе с ним). Во всяком случае екатерин-

бургское заводское начальство немедленно сообщило в Петербург, что действия Хлебникова могут привести к всеобщему недовольству и остановится вся работа на заводах. Берг-коллегия согласилась с этим мнением. Екатеринбургская Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов направила в Нижний Тагил берггешворена Стефана Клепикова с военной командой для защиты заводских жителей от Хлебникова и освобождения арестованных им. Вскоре на помощь ему был прислан берггешворен Иван Княгинин, также с командой.

Так сложилось парадоксальное даже для Сибири положение, когда на территории заводских поселков действовали друг против друга воинские команды, причем обе стороны воевали во имя исполнения императорских указов. Именно в этом последнем обстоятельстве митрополит Сильвестр справедливо видел наибольший соблазн для окрестных обывателей. Так поразительная непоследовательность российского законодательства, нарастающее противоречие между духовными и светскими властями по проблемам старообрядчества, запутанность самих этих проблем и ведомственная разобщенность привели к войне между каптенармусом и берггешворенами, длившейся почти полгода. Правда, берггешворены временами вспоминали о немалых прерогативах духовного суда (как показало будущее — не напрасно) и поэтому действовали против Хлебникова непоследовательно. Уже 23 ноября Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов определила не выпускать Хлебникова и арестованных им из Нижнего Тагила, но реальное поле деятельности Хлебникова постоянно менялось, то ограничиваясь лишь его резиденцией, то опять распространяясь на Нижний Тагил и окрестности.

Лишь спустя некоторое время берггешворены отважились на «штурм» (терминология Сильвестра). С. Клепиков и И. Княгинин, во главе своих объединенных вооруженных сил, осадили жилище Хлебникова и потребовали выдачи арестованных. Хлебников гордо отказался, но отбить «штурм» не смог. Арестованные были освобождены, Хлебников и его люди связаны. Пришел их черед терпеть издевательства. «Да при битье его, Хлебникова, им же, Княгининым, по щекам и при таскании связанного за волосы по горнице он же, Княгинин, ему, Хлебникову, говорил: Ведаешь ли де ты, что я твой командир, а ты де

мне противишься и колодников не отдаешь, и чорт ли де тебя, растакую мать, и жаловал в ундер-офицеры». При этом Княгинин сказал, что данных Хлебникову указов Сибирской губернской канцелярии и консистории он не слушает. Эти речения Княгинина оказались впоследствии для него гораздо более опасными, чем битье Хлебникова по щекам и таскание его за волосы. Сибирская губернская канцелярия, узнав о заявлении Княгинина, тут же объявила это дело политическим и потребовала строгого следствия. По ее мнению, высказывание Княгинина «следует до немалого непристойства», так как все указы Сибирской губернской канцелярии и консистории «состояли под титулом ея императорского величества», а повышение в чинах за ревностную службу делается «в силу узаконенных от предков их императорских величеств прав и указов, а не таким весьма непристойным порядком, как берггешворин Княгинин... выговорил»⁹⁰. В свою очередь Бергколлегия предъявила Сибирской губернской канцелярии обоснованные претензии по поводу грабежей и насилий, чинимых Хлебниковым на заводах.

Тем временем в Нижнем Тагиле обстановка все более запутывалась. По словам десятиначальника Лапина, там было тогда более 540 дворов, и почти в каждом из них жили записные или тайные раскольники, «имелось и самое прибежище, и гнездилище, и укрывательство от всех стран стекающихся лжеучителей»⁹¹. Все это население было взбудоражено событиями и с самого начала принимало в них активное участие. Вскоре в донесениях Хлебникова появляются тревожные известия о том, что наряду с командой Клепикова и Княгинина, вооруженной ружьями и палашами, ему все больше приходится иметь дело с толпами местных жителей «з дубьем и кольями»⁹².

Православное духовенство в этой обстановке массового возмущения жителей заводских поселков и деревень действиями Хлебникова чувствовало себя весьма неуверенно. Дмитрий Лапин постоянно сообщает о растущей враждебности населения. Спустя некоторое время (уже после отъезда Хлебникова) в консисторию стали посту-

---

⁹⁰ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, XIII, л. 7—об.

⁹¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 77, л. 2 об.—3.

⁹² Там же, лл. 17—18, 40.

пать первые сведения о террористических актах против уральского православного духовенства ⁹³.

В тактическом, так сказать, смысле берггешворены могли радоваться столь массовому союзнику, и в горячке борьбы они не раз прибегали к его содействию. Но становиться во главе массового антицерковного движения они, конечно, не могли и не хотели. Их миссия сводилась лишь к тому, чтобы защитить местное население от насилий команды Хлебникова, могущих спровоцировать взрыв, и выдворить ее за пределы горнозаводского округа. Клепиков мог еще в запале принародно обозвать священника Д. Лапина бесом, но ввязываться в серьезную борьбу с церковью берггешворены не хотели. Они надеялись, что преподав Хлебникову по-своему урок, они научили его благоразумию. Хлебников и его команда были вскоре освобождены, и им предложили покинуть Урал.

Но каптенармус оказался упрям. Вновь обосновавшись в своей резиденции, он заявил, что будет добиваться выполнения приказаний, полученных им в Тобольске. Через некоторое время он повторил попытку захватить Махотина. Клепиков и его команда оказались настороже и подоспели на выручку. Застав Хлебникова в доме у Махотина, Клепиков «необычно закрычав, своей команды из солдат приставил у двоих дверей по два человека со оснащенными палашами, чтоб онаго раскольника Махотина под караул не отдать» ⁹⁴. Потрепанная тобольская команда удалилась восвояси. Но Хлебников был настойчив и через некоторое время ему удалось-таки вновь захватить Лебедева и Махотина. Весть об этом собрала у дома Хлебникова огромную толпу старообрядцев с дубьем и кольями; в результате успешного приступа арестованные опять были освобождены. «А как раскольническое з дубьем зборище разошлись», берггешворены освободили связанных и избитых до полусмерти Хлебникова и его солдат ⁹⁵.

Несколько месяцев продолжается это вооруженное противостояние команд. Хлебников со своими солдатами время от времени отваживается делать вылазки как внутри Нижнего Тагила, так и в его ближайших окрест-

⁹³ Там же, лл. 22—об. 33—34 об.

⁹⁴ Там же, л. 2 об.

⁹⁵ Там же, оп. 31, № 257, лл. 47 об.—48.

ностях. Полученные им в Тобольске инструкции забыты, он хватает кого попало из тайных старообрядцев, чернецов, наставников. Иногда берггешворены отбивают захваченных им, ловят и наказывают немногочисленных осведомителей Хлебникова. Демидовы жалуются, что из-за насилий Хлебникова заводские поселки пустеют. Д. Лапин в свою очередь сообщает, что уральское духовенство в страхе покидает свои приходы, что попы «плачут кровавыми слезами»⁹⁶. 22 января 1751 г. митрополит заявил Синоду, что пока на заводах не будут смещены приказчики и полицейские из раскольников, назначенные вопреки закону, провести расследование о записи на Урале в раскол 4400 чел. вряд ли удастся⁹⁷.

Сильвестр смог значительно укрепить свои позиции в споре с Берг-коллегией тем, что в этом своем донесении в Синод (как и более раннем от 10 января 1751 г.)⁹⁸ он сообщает уже о значительном успехе, которого в столь трудной обстановке сумел добиться Хлебников. Каптенармус арестовал в Нижнем Тагиле двадцативосьмилетнего игумена одного из софонтиевских скитов Паисия Переберина.

Паисий происходил из семьи крепостных крестьян Далматовского монастыря. Его отец был взят в рекруты, попал в Санкт-Петербург, где познакомился с Акинфием Демидовым, который его «из той военной службы неведомо каким случаем...выручил и определил жить в Невьянском своем заведе». Семья Перебериных, перебравшись на демидовские заводы, поддерживала тесные связи со многими видными расколоучителями, в том числе с главой крупного старообрядческого центра старцем Авраамием.

Будущий игумен Паисий шестнадцати лет отправился однажды на родину в Далматовскую вотчину, где и продал себя за семьдесят рублей в рекруты вместо одного из тамошних крестьян. Его определили в Оренбургский драгунский полк, где он полтора года обучался «военной экзерсции». Через полтора года Паисий бежал из полка, прихватив с собой казенную лошадь, ружье, шпагу, мундир и португую. Он направился к старцу Авраамию, продав по дороге часть казенного имущества какому-то татарину. В скитах его приняли приветливо, он побывал

⁹⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, лл. 39—об.; оп. 32, № 77, лл. 33—34.

⁹⁷ Там же, лл. 23—24 об.

⁹⁸ Там же, № 116, лл. 49—53.

во многих видных пустынях и вскоре был пострижен самим Авраамием. Через некоторое время Авраамий назначил его руководителем одного из софонтиевских скитов, где под его началом находилось более 20 чел.

Среди них оказался и Тихон Косьмин, сосланный в Сибирь по огромному розыску 1745 г. о «квакерской ереси» (хлыстовщине)⁹⁹. В Сибири Т. Косьмин обратился из хлыстовщины в старообрядчество софонтиевского толка, бежал из ссылки и при поддержке заводских приказчиков скрылся в уральских скитах. Он связал Паисия Переберина со старообрядческими центрами на Керженце, в Москве, Владимире, Ржеве, в Ярославле, а также с двоюродной сестрой Акинфия Демидова Анной, ушедшей в заонежские скиты. (По другим сведениям, Т. Косьмин не был сослан в Сибирь, а бежал туда еще накануне следствия.)

Почти неграмотный Паисий Переберин завоевал при поддержке Т. Косьмина огромную популярность далеко за пределами Урала и Сибири. Он ловко воспользовался своей славой в целях наживы, так что когда в 1749 г. они с Т. Косьминым собрались перебираться на Керженец и далее на Ветку, они смогли послать впереди себя 800 руб. Будучи захвачен Хлебниковым, Паисий Переберин выдал всех, кого только мог, сообщив немало ценных для Сильвестра подробностей о связях урало-сибирских поповцев с другими старообрядческими центрами. Еще важнее для Сильвестра оказался сам факт захвата беглого драгуна, руководителя скита, которому покровительствовали Авраамий и заводские приказчики. Синод быстро узнал о показаниях Переберина и воспользовался ими — борьба с дезертирством в армии была одной из важнейших проблем светской власти. Поимка Паисия помогала Синоду оправдать в глазах правительства жестокости и бесчинства Хлебникова.

Но о показаниях Переберина быстро узнали и на заводах, что роковым образом сказалось на дальнейшей его судьбе.

11 февраля 1751 г. Хлебников обнаружил в Вагуйской деревне Нижне-Тагильского завода два старообрядческих скита и разгромил их. Правда, при этом удалось захватить лишь 2 обитательниц этих скитов из 13, но набег

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 302, оп. 1, № 101; ЦГИА, ф. 796, оп. 26, № 335.

этот переполнил, наконец, чашу терпения берггешворенов. Дом Хлебникова, где томилось 20 арестованных старообрядцев, был опять осажден. С. Клепиков и И. Княгинин «учинили необычной штурм», при поддержке добровольцев из числа заводских жителей они освободили арестованных старообрядцев, самого Хлебникова и его солдат опять взяли под караул. После девятнадцатидневного ареста их переправили на Невьянский завод, а оттуда 2 апреля 1751 г. выпроводили под караулом восвояси. При этом им отдали четырех ранее ими арестованных старообрядцев, в том числе Паисия Переберина¹⁰⁰.

Так закончилась непосредственная борьба тобольской команды с екатеринбургскими властями, поддержанными старообрядцами заводов. Но продолжалась изнурительная канцелярская война. Вскоре консистории пришлось убедиться, что и здесь сила не на ее стороне. Жалобы Главного правления Сибирских и Казанских заводов и Демидовых на действия Хлебникова сыграли решающую роль, не помогли попытки консистории опорочить Демидовых яркими показаниями Паисия Переберина об их покровительстве старообрядчеству.

Берг-коллегия поддержала меры, принятые против Хлебникова Главной канцелярией Сибирских и Казанских заводов. А 31 марта 1751 г. в Сибирскую губернскую канцелярию был направлен чрезвычайно резкий указ Берг-коллегии о бесчинствах, творимых консисторскими командами на Урале. Берг-коллегия требовала наказания Хлебникова и других виновных в этих бесчинствах, немедленного возвращения в Екатеринбург, Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов всех арестованных в заводских поселках и деревнях, штрафования чинов Сибирской губернской канцелярии за противозаконную отставку на Урал команд по требованию митрополита. Резкий выговор от Берг-коллегии получил и сам Сильвестр¹⁰¹.

---

¹⁰⁰ Митрополит Сильвестр быстро обратил Паисия в православие и относился затем к нему довольно милостиво, пока не заподозрил подготовку побега Паисия на Урал; тогда он в мае 1752 г. отправил Паисия в Туруханск, откуда тому удалось позднее бежать. — ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 89, л. 1; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, лл. 47—60, 63—63 об; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1752 г., № 40, л. 1—8.

¹⁰¹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, XIII, лл. 1—4 об., 23; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, л. 56 об.

Сильвестр был возмущен, это не укладывалось в его обычные представления о долге государства бороться с врагами церкви. Он с активностью отчаяния пытался внушить свою инквизиционную точку зрения на справедливость и Главному правлению заводов, и Берг-коллегии, и Сибирской губернской канцелярии. Последнюю он страстно убеждал не подчиняться указу Берг-коллегии, обещая вскоре добиться указа Синода в свою пользу. Такой указ действительно был издан Синодом 7 октября 1752 г. Хотя он осуждал вмешательство светских властей в церковный суд и требовал строгого наказания Махотина и Лебедева, Сибирская губернская канцелярия сочла, что указ этот составлен в недостаточно категорических выражениях ¹⁰².

Сибирская губернская канцелярия явно начинала опасаться ответственности за свою поддержку Сильвестра. Становилось все яснее, что Петербург отнюдь не в восторге от бурной архипастырской деятельности Сильвестра. После долгих колебаний и проволочек 15 февраля 1753 г. Сибирская губернская канцелярия решила беспрекословно подчиниться требованиям Берг-коллегии; митрополит Сильвестр был уведомлен Сибирской губернской канцелярией, что она далее не может поддерживать его вопреки Берг-коллегии — «таковой смелости отважиться учинить не смеет», чтобы не «приискать нечаянного штрафования» ¹⁰³. Все арестованные по требованию Сильвестра заводские старообрядцы были возвращены в Екатеринбург, там же при участии депутата от Сибирской губернской канцелярии должно было начаться следствие о действиях Махотина, Лебедева, Хлебникова и обоих берггешворенов. Депутат от Сильвестра, который также должен был участвовать в этом следствии, не был на него допущен. Лебедева после многолетних проволочек, наконец, выдали консистории. Махотина перевели на другой завод, и Сильвестр так его и не получил. Следствие в Екатеринбурге тянулось долго и ничем не кончилось ¹⁰⁴.

Невероятная история войны Берг-коллегии и уральских старообрядцев с Хлебниковым — яркий показатель тех изме-

---

¹⁰² ГААК, ф. 1, № 36, св. 18, лл. 24—28 об., ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, XIII, л. 25.

¹⁰³ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, XIII, л. 23—об.

¹⁰⁴ Там же, 1754 г., № 37, лл. 1—22.

нений, которые произошли со времени принятия начертанных Петром I и Феофаном Прокоповичем законов, определявших взаимоотношения церкви, государства и старообрядчества. Далеко вперед шагнула столь желанная для Петра секуляризация различных сторон церковной жизни и управления, бюрократизация церкви; даже в чисто церковных делах Синод все более и более контролируется светской властью.

В Сибири, где независимость и политическое значение церкви всегда были высоки и дольше всего удерживались, светские власти заставят Сильвестра подчинить свои широкие инквизиционные планы более трезвой оценке действительности. Если в Сибири церковная самостоятельность, сопротивление церкви огосударствливанью духовной жизни были сильнее, то здесь же очень ярко сказалось, что идеалы этого сопротивления лежали в глубоком прошлом, подчас сводились к фанатичному требованию инквизиционного использования государственной власти для борьбы с идеологическими соперниками, за средневековую монополию данного варианта религиозной идеологии. Для русского самодержавия в XVIII в. такой противник не представлял особой опасности, хотя государство остро реагировало на любой проблеск церковной оппозиции. Люди, подобные митрополиту Сильвестру, скоро станут для Екатерины II объектом жестоких разоблачений и насмешек, что весьма поможет, кстати говоря, ее европейской репутации просвещенной государыни.

Но петровское законодательство предусматривало не только ликвидацию церковной независимости и оппозиционности, но и успешное функционирование церкви в качестве важного идеологического инструмента абсолютистского государства. Между тем именно этого было тем труднее добиваться, чем быстрее шла перестройка церкви на государственно-бюрократический лад с тайной исповедью в качестве инструмента полицейского сыска, с поощрением системы политического доносительства в духовной среде. Чем более успешно и истово споспешествовала новая церковная организация высшим бюрократическим видам абсолютизма, тем ниже был ее авторитет в народе, тем популярнее становились старообрядческие обличения церковных слуг антихристовой власти.

Одновременно оказалось, что нельзя уже постоянно пускать безнаказанно в ход благоразумно предусмотрен-

ный петровским законодательством механизм военно-полицейского подавления противников церкви. Разительным, но достаточно закономерным был тот факт, что с солдатами, посланными на Урал «по важному церковному делу», сражались солдаты, действовавшие по указу органов Берг-коллегии. Внешне здесь была лишь разобщенность и соперничество различных духовных и светских частей государственного бюрократического механизма. Но здесь сказывались также сложные глубинные процессы, происходящие в самом старообрядчестве. С одной стороны — это все больший вес, которым пользуется в расколе торгово-промышленная верхушка третьего сословия, а с другой — продолжающийся рост радикальных общин и течений, широкое участие старообрядчества в колонизации окраин страны, связанное с этой колонизацией устойчивое сохранение крестьянско-демократических черт в разбросанных на огромных пространствах, разобщенных старообрядческих поселениях. Начальник Сибирских и Казанских заводов Василий Никитич Тагищев яростно и бескорыстно сражался с незаконным и весьма невыгодным покровительством Демидовых «невежественным суеверцам», используя против них военные команды. А его преемники, руководившие восточными заводами, в союзе с Демидовыми обороняли этих же «суеверцев» от военных команд, посланных для их ареста. Смерть Акинфия Демидова и передача части его заводов в казну, конечно, изменили положение. Лишь после этого стали возможны аресты Родиона Набатова, Григория Сидорова, разгром нескольких скитских центров¹⁰⁵. Но в принципе Берг-коллегия и ее органы вынуждены были унаследовать у Демидовых общую линию противодействия церковным попыткам искоренения старообрядчества, хотя методы, конечно, были иными. В то же время приходилось считаться с растущим крестьянским протестом в ответ на любые преследования старообрядчества, с теми опустошительными последствиями, которые вызывали церковные репрессии. Санкционировав по требованию церкви широчайший розыск старообрядцев, светские власти вскоре вынуждены были существенно ограничить эту широту.

---

¹⁰⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 37, № 542; ГААК, ф. 1, оп. 1, № 36, св. 18, лл. 62—80 об.; ГААК, ф. 1, оп. 1, № 29, св. 13, лл. 1—3; ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 88; ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 32, лл. 1—24

Но правительство Елизаветы, как мы уже говорили, не склонно было искать более гибких способов решения этих противоречий. То сложное переплетение обстоятельств и проблем, которое вызвало в конечном счете «необычные штурмы» нижнетагильской резиденции Хлебникова, отнюдь не было снято частными уступками Сибирской губернской канцелярии и грозными указами Берг-коллегии. Ситуация имела тенденцию к углублению. Неудачная экспедиция Хлебникова являлась во многом прообразом будущего острейшего конфликта вокруг екатеринбургской комиссии 1761 г.

* * *

На Алтае ситуация конца 40 — начала 50-х годов XVIII в. отличалась меньшей остротой, чем на Урале, Исети, Ишиме. Здесь вторая ревизия зафиксировала раз в десять меньше записных старообрядцев, чем на уральских заводах. Важнейшие центры тайного раскола, как правило, еще не были известны в тобольском архиерейском доме, и Сильвестр интересовался Алтаем значительно меньше. Но тесные связи между старообрядцами первого сибирского земледельческого района в Зауралье и алтайскими старообрядцами позволили Сильвестру в конце концов нащупать нити к двум крупным старообрядческим районам Алтая и начать обширное следствие. В этом деле прослеживается немало общесибирских черт, хотя накал борьбы был на Алтае значительно слабее — аппарат власти здесь не был столь силен, а рабочие руки ценились дороже, уйти от всех и всяческих властей «в Камень» было гораздо легче, а заводские власти знали, что такое старообрядческие побег и самосожжения и поэтому опасались широких репрессий.

Дело началось в столь богатом событиями сентябре 1750 г. доносом, который подали митрополиту Сильвестру тобольский разночинец М. А. Ильчин, взятый в ските Г. Мороки казак А. Серый и сын упоминавшегося уже расколуучителя С. Тавдинцева Григорий (Григорий за три года до этого был возвращен из побега; он дал наиболее ценные для консистории показания о своем отце и его тайных прихожанах). В доносе сообщалось, что «в ведомстве... Кольвано-Воскресенского горного начальства канцелярии по речке Чумышу и в лесу на Усть-Чарышу

живут потаенно злодеи раскольниковские попы Ефим Иванов прозванием Гонба, Иван Закурдаев, также и другие раскольниковские лжеучители, и старцы, и многие потаенные раскольники мужеска и женска пола, которые де перекрещеваны означенными раскольниковскими попами». В доносе было указано местонахождение 75 тайных старообрядцев и еще нескольких старообрядческих семей¹⁰⁶. Назывались старообрядцы, живущие в тайных лесных избушках и деревнях по р. Чумышу и близ устья р. Чарыш, в том числе в деревнях Качкаргаихе, Тайменской, Луговой, Кармыцкой, Елнишной, Серебренниковой, Зайцевой, Бобровке, Ересной, Калмыцкой, деревне на Рыбной Курье, Чесноковке, Мышлаковой, Лосищенской, Белмесовой и Беспаловой.

Тобольская консистория в своих промемориях от 7 и 25 сентября 1750 г. потребовала от Колывано-Воскресенского горного начальства немедленно арестовать всех указанных в доносе; барнаульскому духовному заказчику Симеону Мефодьеву предписывалось начать расследование, одновременно увещевать арестованных обратиться в православие. Всех «необращающихся и в раскольниковском заблуждении затверделых попов и перекрещиванцев, и тех, за кем важные причины окажутся», предписано было отправить для дальнейшего следствия в Тобольскую консисторию. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства ответила лишь на вторую промеморию, подчеркнув опасность массовых арестов и широкого следствия: поскольку «означенные раскольничьи люди малорассудные», на подобные розыски они обычно отвечают самосожжениями, как это бывало уже в 1746 и 1747 гг. на Алтае, «и по тому их малорассудию, ежели и ныне для сыску и взятия требующихся оною промемориею раскольников во все деревни послать нарочных, то опасно, чтоб, услышав взятые ис первых деревень, в других тако ж, как и прежде было, себя не сожгли». Канцелярия предлагала поэтому крестьян из близлежащих деревень просто вызвать, якобы для заводских работ или исправления ревизских книг, а в дальние деревни по Чумышу и Чарышу послать военные команды, прика-

---

¹⁰⁶ ГААК, ф. 1, оп. 1, № 29, св. 13, лл. 501—504; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 55, лл. 1—2 об.

зав им, однако, действовать крайне осторожно, используя ту же версию ¹⁰⁷.

17 ноября были посланы 2 военные команды, которые, однако, уже 1 и 4 декабря вернулись в Барнаул, сообщив, что никого из указанных в доносах они не нашли («и надежду полагает, что оных злодеев той сотни в деревнях никого не имеетца», — сообщил один из посланных, шихмейстер Звездочетов, о крупнейшем районе алтайского старообрядчества — Чарыпской сотне). Из близлежащих деревень Белоярской судной избы было прислано 8 чел. Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства попыталась на этом прекратить аресты, но резкий протест Симеона Мефодьева заставил продолжить поиск. Заводское начальство действовало крайне медленно и неохотно, так что к концу 1752 г. было найдено около трети всех указанных в доносе — 28 чел.¹⁰⁸ Некоторые из них обратились в православие, судьба остальных нам неизвестна; в Тобольск они отправлены не были, и все дальнейшие розыски были прекращены, вероятно, здесь сказались действие грозных указов Берг-коллегии в связи с уральскими делами. Применяя обычный метод проволок, не прибегая к острым конфликтам, алтайское заводское начальство сумело свести почти на нет последствия опасного доноса М. Ильчина, А. Серого и Г. Тавдинцева.

Несколько частных следствий по доносам на отдельных старообрядцев Алтая не смогли изменить этой картины, хотя две гари такие доносы и вызвали ¹⁰⁹. Наиболее опасным для алтайских старообрядцев могло стать следствие, которое велось в 1752 г. в Московской синодальной конторе над знаменитым рудоискателем и приказчиком Родионом Набатовым. Он пользовался огромным авторитетом среди старообрядцев Алтая (в одном из захваченных у него писем говорилось даже, что под его началом на Алтае было более 3000 старообрядцев, но он легко доказал, что это невероятное преувеличение). Ему было известно очень многое, но он имел мужество умереть молча ¹¹⁰.

---

¹⁰⁷ ГААК, ф. 1, оп. 1, № 29, св. 13, лл. 482—483.

¹⁰⁸ Там же, лл. 493, 512, 516—517 об.

¹⁰⁹ Беликов Д. Н. Указ. соч., с. 36—37.

¹¹⁰ ГААК, ф. 1, № 36, св. 18, лл. 62—80 об.; ЦГИА, ф. 796, оп. 37, № 542, лл. 1—28.

Некоторые алтайские следствия этого времени ярко показывают, какие богатые возможности для различных вымогательств со стороны коррумпированного духовенства господствующей церкви давала обстановка массовых розысков. Так, например, духовный заказчик Кузнецка игумен Адриан, получив в 1753 г. новый донос о раскольниках на р. Чумыш, послал к ним священника Ломщакова для сбора взяток, «чтоб их, раскольников, прикрывать и содержать только в своем точном ведении»; своей обильной добычей Ломщаков честно поделился с игуменом Адрианом, и вся эта операция раскрылась лишь по доносу обойденного при дележе пономаря¹¹¹. Иногда источники сохраняют известия об активном противодействии алтайских крестьян, общинных властей, местной администрации поборам и бесчинствам православного духовенства во время розысков. Так, в марте 1755 г. Малышевская судная изба получила от приходского священника Гаврилы Патрушева сообщение о доносе бердского крестьянина Семена Бахарева по поводу скрывающихся «в Черемуховом острове» Малышевской слободы двух беглых крестьян-старообрядцев. Судная изба действовала очень оперативно: доносчика и скрывавшего беглецов крестьянина Григория Куликова немедленно вызвали в судную избу, доносчика арестовали, а укрывателя по ознакомлении с доносом тут же отпустили домой. Когда к Григорию Куликову через некоторое время пришли с обыском, у него, естественно, никого и ничего не нашли¹¹².

Бурными событиями сопровождался в феврале 1754 г. арест на Алтае Семена Иванова сына Тавдинцева, отца доносчика Григория Тавдинцева. Семен Тавдинцев представлял из себя яркую и вместе с тем довольно показательную фигуру. Его дед был священником на Исети, отец жил там же в Шадринской слободе, кажется, тоже был священником, что не помешало по очередному разбору исключить его из духовного сословия и записать в драгуны. После этого его сын Семен, бывший уже церковным дьячком, был записан крестьянином Исетского острога. Здесь он крестьянствовал лет шесть, затем вместе

¹¹¹ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, X, лл. 3—12; См. Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в.— В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 388.

¹¹² ГААК, ф. 26, оп. 1, св. 119, № 781.

с семьей убежал на Невьянский завод, где приказчик Яков Егоров разрешил ему наниматься на заводские работы. Вскоре он стал приписным крестьянином завода, пробыл им лет пятнадцать, затем перешел на недавно возникшие Алтайские заводы Демидова, создал прочное хозяйство в дер. Бельмесовой, близ устья Чарыша, выполнял заводские работы, по II ревизии вместе с сыновьями Григорием и Леонтием был записан заводским крестьянином. В 1745 г. его арестовали как видного расколоучителя-поповца и доставили вместе с семьей в Тобольск. Здесь вскрылось несколько интересных обстоятельств — его происхождение из духовного сословия, а также то, что его жена являлась сестрой упоминавшихся нами в связи с невянским центром беспоповцев-поморян девок Бархатовых (в это время Бархатовы при поддержке активного борца с феодальной церковью крестьянина Михаила Девяшева создали на Алтае филиал невянского центра).

Консистория, быстро обратив всю семью С. Тавдинцева в православие, была обманута этой легкостью обращения и решила вернуть Тавдинцевых в духовное сословие. Младший сын Леонтий был отдан в семинарию, к остальным приглядывались. В 1745 г. Григорий Тавдинцев совершил дерзкий побег из Тобольского кремля¹¹³; его отец Семен бежал в 1747 г. вместе со свояченицами Аграфеной и Евдокией Бархатовыми.

Побег С. Тавдинцева был связан с тем, что консистория начала какое-то новое духовное и политическое следствие о нем («касаются до него по духовной команде важные секреты подлежащие, правилом отец святых и правам государственным противные злодейственные дела, о которых и Святейшему Правительствующему Синоду представлено»). Возможно, следствие это было связано с каким-то литературным антицерковным творчеством С. Тавдинцева или его единомышленников: в документах консистории он называется с этих пор «беглым мужиком,

---

¹¹³ Он бежал днем из страшных подвалов архиерейского дома, выбрался за ограду кремля в самом людном месте — на Никольском взвозе, «ножные с себя железа сбил за башнею, где кузница, и положил их в оградную стену в каморку, и заложил кирпичем и оттуда пошел прямо Никольским взвозом и пришел на мост», оттуда на Абалак—Ишим—Тару (ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1747 г., № 30).

простым раскольников, злым учителем и пашквилянтом». Донес на него келарь Тобольского Знаменского монастыря, где он год содержался в трудах.

Путь от Тобольска до Алтая занял у него около года, затем еще лет шесть он бродил по разным алтайским селам, нищенствовал, продавал выпрошенный Христовым именем хлеб, занимался при случае продажей крестьянам всяких мелочей, тканей; нанимался бить шерсть у крестьян. Одновременно С. Тавдинцев вел активную агитацию против господствующей церкви, что-то писал (при обыске у него кроме книг были найдены принадлежности для письма, писчая бумага, рукописные копии со старопечатных книг, «свиток азбучной скорописной»).

В доносе его сына Григория сказано, что он действовал в Барнаульском заводе и окрестностях, «раскольников исповедывал и крестил, и иных раскольников к суеверию обучал». Район его действия был довольно обширный, однако «приход» С. Тавдинцева не был сколько-нибудь организован и оформлен; в отличие от С. Ключарева и Г. Мороки он был в первую очередь бродячим проповедником, разбрасывавшим всюду семена недовольства официальной церковью, коррумпированным духовенством и (если верить консистории) государственными узаконениями. В Барнауле С. Тавдинцев бывал редко, скитаясь обычно по чарышским деревням, находя приют во многих домах, иногда у своей крестьянской родни. Несмотря на духовное происхождение, в религиозных делах он ведет себя как «простой мужик» (традиционная терминология консистории). С. Тавдинцев близок к беспоповщине не только по своим родственным связям, в его деятельности не прослеживаются наиболее специфические черты поповщины, хотя как раз у него, в прошлом церковного дьячка, они могли бы быть заметнее. Постоянно переходя с места на место, он нигде не создает культового центра, подобного тайникам Г. Мороки и С. Ключарева. Как по своему социальному положению, так и по догматико-обрядовой деятельности он ближе всего стоит к крестьянству.

Понятно, что крестьяне и общинные власти заботятся о безопасности «своего» расколоучителя. При его аресте произошли серьезные инциденты. С. Тавдинцева опознал священник с. Усть-Сосновского Степан Афанасьев; при поимке священник жесточайше избил его и ограбил, за-

брав 15 руб. денег и китайку вишневою. С. Тавдинцев вместе с укрывавшем его крестьянином дер. Кызылинской И. Чертенковым были доставлены в судную избу, которая решила отправить их для следствия в Барнаул, в Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства.

Священник С. Афанасьев не согласился с этим, считая судную избу ненадежным местом заключения для С. Тавдинцева, и потребовал немедленной отправки его вместе с И. Чертенковым в Томское духовное правление. С. Афанасьев хитростью захватил И. Чертенкова и посадил его под арест в своем доме. Этот воинственный поступок вызвал резкое недовольство крестьян. Мирской староста Сахаров «брал вспоможение крестьян человек до десяти и более и ходили для взятия одного крестьянина Чертенкова» к дому священника. Но тот, вооружившись рогатиной, вместе с сыновьями отбил приступ «и едва людей не приколол». Ночью священник с сыновьями произвели ответную вылазку на судную избу, пытаясь овладеть С. Тавдинцевым. Крестьяне отстояли судную избу.

В этих событиях на стороне С. Тавдинцева кроме упомянутого старосты Петра Сахарова действовали также бывший мирской староста Иван Пьянов, церковный староста Андрей Черевев (!), сотник Михаил Савин, десятник Михаил Челпанов («которые с ним, Тавдинцовым, имели дружество и сообщение»). Всех их, как и некоторых других приписных крестьян Усть-Сосновской судной избы, Томское духовное правление потребовало прислать в Томск к следствию, но Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства наотрез отказалась сделать это. С. Тавдинцева она все же вынуждена была прислать в Томск. Однако караульные казаки М. Серебренников (старообрядец) и двое других вернулись в Томск без арестованного, объяснив, что он бежал по дороге, в дер. Анисимовой: «В лесном и степном месте неведомо каким случаем, сидя в саях, сняв воровски с ноги своей наложенную колодку и скачив с тех саней на снежной наст». Несмотря на все громы и молнии консистории, подчеркивавшей антигосударственный характер его проповедей, С. Тавдинцева так и не поймали ¹¹⁴.

---

¹¹⁴ ГААК, ф. 1, оп. 1, № 141, св. 73, лл. 511—583 об.; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1747 г., № 30; 1754 г., № 35, лл. 1—13.

Это — наглядный пример того, с каким упорством, не останавливаясь перед применением силы, крестьяне под руководством общинных властей пытались отстоять «своего» расколоучителя¹¹⁵.

* * *

Розыски о тех или иных тайных старообрядческих центрах и их руководителях охватывали зачастую многие десятки людей и вызвали острые протесты населения урало-сибирских деревень и поселков. Но гораздо более массовый характер имели розыски (и, следовательно, протесты против них) по двум вопросам, касающимся почти каждой старообрядческой семьи: о записи в раскол по II ревизии и о незаконных старообрядческих требах, включая старообрядческие венчания и крещения. Следствия по этим вопросам тесно переплетались между собой, нередко бывало так, что расследование о незаконных браках старообрядцев или о записи в раскол по II ревизии давало консистории ценный материал о тайных расколоучителях и их центрах. И, наоборот, следствие об этих последних завершалось обращением в православие записавшихся в раскол по II ревизии. Как мы уже говорили, Тобольская консистория, рассылая по духовным заказам указ Сената от 18 мая 1750 г. о расследовании записи в раскол, приказывала сопровождать это расследование тщательным допросом о расколоучителях и их тайных убежищах. В декабре 1750 г. это распоряжение было подтверждено¹¹⁶.

Следствие о записавшихся в раскол по II ревизии стало быстро расширяться, распространяясь не только на вновь записанных во II ревизию в раскол, не только на записанных после «срочного термина», а зачастую — не только на записных раскольников вообще: арестовывали и в кан-

---

¹¹⁵ О некоторых других алтайских следствиях над старообрядцами в это время см.: Беликов Д. Н. Указ. соч., с. 46—49 (Д. Н. Беликов не указывает, что упомянутое им здесь следствие над старообрядкой М. Чулковой было прервано из-за ее побега с этапа близ дер. Чемы Бердского острога); ГАТОТ, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 212, лл. 1—17; ГААК, ф. 1, № 36, св. 18, л. 33, л. 202, л. 203; № 66, св. 33, л. 406 и др.

¹¹⁶ ГАТОТ, ф. 47, № 4703, лл. 180—183; там же, ф. 156, оп. 1, 1751 г., № 180, л. 36; ГААК, ф. 1, оп. 1, № 29, св. 13, лл. 630—637 об.

далах отправляли для обращения в православие всех, «подозрительных к расколу». В Тобольск попадали лишь наиболее упорные или опасные, но в духовные правления отправляли очень многих. Если учесть к тому же, что в Сибири и на Урале повсеместно было распространено двуперстие, даже среди тех крестьян, которые сами считали себя православными, а не старообрядцами, то можно легко представить, сколь обширной была сфера действия увещателей. Особенно активно хватали и увещевали старообрядцев в Челябинском духовном заказе, на Исети, на Ирюме, на Ишиме, близ Шадринска, в Краснослободском дистрикте. Наиболее активно церковь действовала в 1750—1751 г., затем светские власти под влиянием растущих протестов, самоожжений стали все более решительно гасить полицейско-увещательный пыл церковников.

23 апреля 1751 г. архимандрит Далматова монастыря Митрофан рапортовал в консисторию, что в течение одного лишь апреля 1751 г. он обратил в православие 57 шадринских крестьян, да еще 10 чел. было обращено в Челябинском духовном заказе ¹¹⁷.

В июле 1751 г. Томское духовное правление сообщало, что в мае того же года им были проведены массовые увещевания записавшихся в раскол, но обратилось лишь 9 чел. (и заодно 1 незаписной раскольник) ¹¹⁸.

В феврале 1751 г. Ишимское духовное правление сообщило, что удалось обратить 35 старообрядцев, записавшихся по II ревизии, а 29 чел. категорически отказались переходить в православие и были отосланы в Тобольск. Осенью 1751 г. здесь же обратилось еще несколько крестьян Коркиной слободы. Однако уже весной 1751 г. Ишимскому духовному правлению приходится иметь дело с недавно обращенными крестьянами, которые не только снова «отпали в раскол», но и были так неосторожны, что обнаружили это; консистория шлет приказы обратить их в православие еще раз ¹¹⁹.

6 ноября 1751 г. краснослободской заказчик священник Козьма Никифоров с гордостью сообщил консистории, что обратил в православие 35 крестьян, несмотря на без-

¹¹⁷ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1751 г., № 180, л. 80—об.

¹¹⁸ Там же № 105, лл. 1—22.

¹¹⁹ Там же № 180, лл. 36—38 об., 40—42, 54—59.

действие светской власти. Его доношение поистине великолепно той уверенной откровенностью, с которой он повествует о преодолении им особых трудностей во время обращения: крестьянами «чинены были непорядки, и кричали, отбиваясь ружьем и ножами, точию и оные обращены»¹²⁰.

Осенью 1751 г. Тобольская консистория узнала, что сотни недавно обращенных крестьян Исетской провинции «паки приходить стали в поползновение на прежнюю раскольнического заблуждения прелесть и ожесточаются». Консистория немедленно потребовала от Исетской провинциальной канцелярии, «чтоб с таковыми поползновенными людьми учинить» по указам, то есть, заковав в кандалы, прислать их в провинциальную канцелярию для священнических увещаний. Крестьяне, естественно, начали разбегаться¹²¹. Тогда десятским и сотским было подтверждено, чтобы они дважды в день — «по вся вечера и по утрам обывателей во всех домах осматривали», чтобы никто не сбежал. В Челябинск стали свозить десятки людей «в пожных железах и смыках». Там «отпавших» увещевали снова обратиться в православие, и духовенство двух исетских церквей с радостью сообщало в консисторию, что многие-таки обратились. Но вся эта плодотворная деятельность была прервана досадным инцидентом.

В начале марта 1752 г. уже обратившийся крестьянин Никифор из семьи упорных старообрядцев Гусевых (деревня Садкова, Исеть) сразу после окончания церковной службы, на которой он присутствовал, забрался на колокольню и ударил в набат. Сбежался народ, прибыл воевода. Тогда Н. Гусев «вылез наверх зубцев колокольни», заявляя, что кинется с колокольни, протестуя против увещаний, обращений и троеперстия. «А я де пред всеми за тое и крест двоеперстный хочю умереть», — сказал Н. Гусев. По просьбе воеводы Гусеву стали кричать о том, чтобы он не губил свою душу. Гусев, стоя на зубце колокольни, вступил в диспут о догматической допустимости самоубийства. В результате он сошел с колокольни и тут же был арестован. А через несколько дней 9 исетских крестьян во главе с Моисеем Колесниковым

¹²⁰ Там же, л. 62.

¹²¹ О бегстве крестьян дер. Турушево (Исеть) см.: ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1752 г., № 44, л. 1 об.

подали челобитную в Исетскую канцелярию с просьбой разрешить им двуперстие. Под этой челобитной было 258 подписей исетских крестьян!

Теперь пришлось ловить и увещевать подписавших эту челобитную. Исетская канцелярия прислала для увещевания лишь часть из них, в крае происходило одно самоожжение за другим, и Сильвестр вынужден был согласиться проводить увещевания, как правило, даже не в духовных заказах, а у приходских священников. В результате энергичных увещеваний 86 чел., подписавших челобитную, приняли троеперстие и православное причастие ¹²².

Обращение в православие записавшихся в раскол по II ревизии очень активно шло также в деревнях Тюменского духовного правления. И здесь оно порою наталкивалось на сопротивление крестьян, а светские власти, по мнению духовенства, не всегда оказывали этому розыску должную помощь. Осенью 1750 г. Тюменское духовное правление, минуя светскую власть, отправило в дер. Перевалово рассыльщика Андрея Матурина с тремя монастырскими служителями для ареста и отправки в Тюмень упорных «двуперстцев», в частности, Федора Чикишова с семьей. Поймав Ф. Чикишова и его дочь Анну, Андрей Матурин отдал их временно под караул десятнику деревни Герасиму Черепанову и его помощнику Луке Неденнику, а сам поехал в дер. Ирюмскую ловить остальных. Когда он вернулся в Перевалово, оказалось, что десятник выпустил арестованных. Анна, впрочем, отлучилась по важному делу: рассыльщик обещал не вести ее в Тюмень, если она даст ему взятку в 10 руб., и Анна ходила по деревне, собирая деньги; не набрав требуемой суммы, она предпочла убежать бесплатно.

Разгневанный рассыльщик арестовал помощника десятника, а также подвернувшегося под руку соседнего раскольника — разночинца Ивана Баранова, которого он предварительно ограбил. Отъехав 3 версты от деревни, рассыльщик стал бить смертным боем Ивана Баранова, требуя, чтобы тот сказал, где Анна. Но тут команда духовного правления была настигнута подоспевшими переваловскими крестьянами во главе с десятником Герасимом Черепановым. Крестьяне с палками и дубьем напали

---

¹²² ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1752 г., № 44, лл. 1—19.

на команду с трех сторон «боем и дракою» и отбили арестованных и все награбленное. Тюменское духовное правление направило по этому поводу резкий протест воеводской канцелярии, требуя скорейшего наказания виновных. Однако воеводская канцелярия, освидетельствовав раны Ивана Баранова, категорически отвергла притязания духовного правления и в свою очередь потребовала, чтобы «впредь таких наглых обид и разорений чинено не было»¹²³.

Все тот же нижнетагильский десятоначальник Дмитрий Лапин пытается обратить в православие старообрядцев невьянской богадельни. Но обращаются лишь единицы. В 1752 г. он уже жалуется в консисторию, что вновь обращенные не ходят в церковь и не признают его. 2 февраля 1753 г. одного из таких «богадельщиков» Иллариона Чудненко насильно привели к церкви, но он в нес так и не вошел, сделав на пороге обличительное заявление о мерзостной сущности пиконианских церквей. Во время обыска в его доме обнаружили тайник, в котором захватили 4 книги: «Общую mineю», выписки из «Пролога», «Алфавит, толкование иностранных речей» и «Пашквильную книгу», «а в конце той книги наполнено укоризны и поносы их еретического согласия на святую соборную и апостольскую церковь, да при том же на прежде бывших святейших патриархов и на весь священный чин хуление немалое». Книги были отправлены в консисторию, за исключением «Алфавита», на который польстился Д. Лапин. И. Чудненко оказался дворцовым крестьянином подмосковного с. Коломенского, бежавшим в конце XVII в. с военной службы из-под Азова, скитавшимся у старообрядцев на Дону (где он стал беспоповцем). Он бродил по Волге, более десяти лет прожил в керженских лесах, а затем «сошел в Сибирь в Нижне-Тагильский завод», где прожил более 30 лет¹²⁴.

Очень интенсивно вел массовые аресты и увещевания челябинский десятоначальник священник Флоровский, о чем мы скажем ниже в связи с крупными самосожжениями, вызванными его действиями¹²⁵.

¹²³ ГАТот, ф. 47, оп. 1, св. 448, № 4703, лл. 152—171 об.

¹²⁴ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, III, л. 1—16.

¹²⁵ О других увещеваниях в Тобольской епархии в это время см. ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 48, лл. 14—18, 19—22; № 51, лл. 1—7; 1751 г., № 180, 33, лл. 50—об., 66, 71, 73—об., 74—75, 77—78, 83—84, 85.

О том, как шло обращение записных раскольников в православие на Урале, можно получить некоторое представление по данным табл. 3, относящимся, правда, лишь к главному центру уральского старообрядчества — Демидовским уральским заводам. Умершие, взятые в рекруты и беглые из этих данных (сведения духовных правлений) не исключались, поэтому уменьшение числа записных раскольников за отдельные годы вызвано лишь обращением их в православие.

Сведения табл. 3 ярко показывают всю непрочность и незначительность успехов Сильвестра в этом крупнейшем старообрядческом центре. После бурного роста числа записных раскольников во время II ревизии наблюдается очень незначительное, на 205 чел., их сокращение в результате увещаний 1750 г. Но несмотря на все аресты, расследования и увещания в тяжелом 1751 г. численность записных старообрядцев уральских заводов увеличилась на 244 чел! Это объясняется в первую очередь противодействием заводских властей широким акциям митрополита. В последующие годы число записных раскольников под нажимом церкви медленно уменьшается — на 273 чел. за время с 1751 по 1754 г.

Однако в целом вся эта огромная волна расследований с пытками, допросами, тысячеверстными этапами через пол-Сибири в Тобольск, стандартными резолюциями Сильвестра о ввержении в ров без погребения «мертвых телес» упрямцев, дала немалый результат. В сумятице вымученных обращений, поспешных отказов от них за пределами досягаемости консистории, новых следствий сам Сильвестр не в силах точно исчислить этот итог. 26 апреля 1750 г. он сообщил в Синод, что в его епархии было обращено в ходе последних следствий не более 200 чел. записных и тайных старообрядцев. 26 июня 1750 г.

Таблица 3

Число записных старообрядцев на Демидовских уральских заводах в 1744—1754 гг., чел.*

Год	Мужчины	Женщины	Всего
1744	1585	1147	2732
1745	1813	1325	3138
1746	1834	1200	3034
1747	2229	1564	3793
1748	2424	1758	4182
1749	2531	1845	4376
1750	2390	1781	4171
1751	2500	1915	4415
1752	2386	1916	4302
1753	2249	1837	4086
1754	2226	1803	4029

* ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1755 г., № 176.

он указал меньшее число обращенных под следствием — 166 чел., хотя именно в эти месяцы расследования идут очень интенсивно. Наконец, в доношении в Синод от 2 января 1751 г. Сильвестр подводит итоги всем увещаниям за 1750 г. и сообщает, что в Tobольской епархии было обращено раскольников «как записных, так и потаенных, по следственным делам сысканных» 945 чел.¹²⁶ Митрополит подчеркивал, правда, что это не так уж много, менее одной десятой части всех записавшихся в раскол по II ревизии, и настаивал на более решительных мерах со стороны светских властей, смещении всех старых приказчиков на уральских заводах, посылке новых военных команд, более широком применении пыток (чтобы ликвидировать последствия деятельности канцелярии Чернцева). Однако почти тысяча вымученных обращений за год — яркий показатель размаха и методов работы бывшего казанского миссионера и ротора.

Уже на следующий день после этой победной реляции Сильвестр писал в Синод и Раскольниковую контору Сената, что успех этот значительно перекрывается «из потаенных незаписных и из бродяг выходящими новыми старообрядцами», отказывающимися повиноваться церкви и креститься троеперстно. Сильвестр внезапно предлагает одну весьма эффективную, на его взгляд, меру, которая может сразу резко уменьшить количество записных раскольников. Поскольку передача раскола детям считалась по закону от 16 июля 1722 г. преступлением и все без исключения вновь записанные в раскол по II ревизии виновны в преступном «отпадении из православия в раскол», Сильвестр предлагал немедленно взыскать с каждого из них двойной подушный оклад, начиная с года учреждения этого оклада, т. е. с 1716 г., а для родившихся позднее — с достижения ими семилетнего возраста, когда исповедь становится обязательной. Без взимания этих огромных денег «невежды»-старообрядцы «яко от указного платежа пролазами своими укрывающиеся» не желают обращаться в православие, ибо «никакой нужды не имеют» в нем. Если же потребовать от вновь записавшихся заплатить подушный оклад сразу же за добрых 3 десятка лет,

---

¹²⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 119, л. 1—об.; оп. 32, № 116, лл. 18—27; оп. 32, № 28, л. 1—об.; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1749 г., № 43, л. 183.

то почти все они достигнут преимущества официального православия, «дабы ...ежели кто за раскол прежних лет платежу явятся не в состоянии, удобнее могли от расколу к церкви святой обращаться и раскольниковское суеверие оставлять». Однако ревностная инициатива митрополита Сильвестра была отвергнута Раскольниковой канторой на том лишь основании, что она противоречила последним законам империи и, в частности, указу Сената от 25 мая 1749 г., согласно которому с вновь записавшихся в раскол деньги взимаются лишь с 1747 г.¹²⁷

Почти каждому старообрядцу, попадавшему на допрос в консисторию, задавался стереотипный вопрос о том, кто в их семье проводил венчания и крещения. Еще больше подобных сведений Сильвестр обнаружил в архиве консистории, в материалах переписи межевщика Юдина 1739 г. и следствия 1747 г., которое велось в Екатеринбург и деревнях Шарташской и Становой. Всего таким образом он собрал сведения о 385 тайных старообрядческих свадьбах, сыгранных на уральских заводах и в Екатеринбурге. 10 января 1751 г. в доношении Синоду митрополит Сильвестр потребовал начать огромнейший розыск над более чем 700 вступившими в брак старообрядцами и венчавшими их попами и наставниками.

Сильвестр подчеркнул, что происходит открытое и массовое нарушение указа 1722 г. о запрещении старообрядческих треб, так как «многие из раскольников после состояния вышеобъявленных его императорского величества запретительных указов, в противность оным его императорского величества указам не православными священниками и не у церкви, но в висимских близ Демидова заводов имеющихся лесах и в потаенных раскольниковских в так называемой Кузиной горе кельях и в других их раскольниковских гнездилищах раскольниковскими лжеучителями беглыми попами, а безпоповщина простыми мужиками и по подпольям аки бы венчаны, и будто вольно им, раскольникам, в лесах и в протчих местах, а не в церквах венчатца, объявляют некоторые о себе с данных им правительствующего Сената из Канторы раскольниковских дел и из других мест квитанций копии». История

---

¹²⁷ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 379, лл. 1—6; ф. 796, оп. 32, № 119, лл. 27—28 об.

появления этих квитанций, поразивших Сильвестра, такова.

В 1719 г. во время проведения широких акций против Керженца Петру пришла в голову столь характерная для него мысль использовать незаконные старообрядческие требы для обогащения казны. 24 марта посланному в помощь Питириму нижегородскому вице-губернатору Ржевскому был дан именной указ Петра I о взимании штрафов со старообрядческих браков «по три рубли с человека..., а с богатых и больше». Поскольку при взимании этих штрафов никаких дополнительных следствий или действий по аннулированию таких браков не производилось, старообрядцы имели основание полагать, что штраф является единственным наказанием за заключение брака, а квитанция о взимании штрафа — документом, подтверждающим законность брака. Краткий указ Петра не давал по этому поводу никаких разъяснений. Перед нами одно из многочисленных противоречий законодательства о расколе. Понятно, что многие старообрядцы сравнительно охотно уплачивали штрафы, как-то узаконивая этим свои браки и заодно откупаясь от свадебных поборов православного духовенства. Взимала эти штрафы Раскольничья контора.

Митрополит Сильвестр ухитрился ничего не знать об этом важном указе, поставил даже под сомнение его подлинность и во всяком случае потребовал от Синода добиться его отмены.

Когда с помощью Раскольничьей конторы он все-таки уразумел, что императорский именной указ отмене не подлежит, то решил сам заняться сбором штрафных денег и обратился в Сибирскую губернскую канцелярию и Канцелярию главного заводоуправления с просьбой помочь ему. Ответы канцелярий пришли очень быстро, раньше даже, чем Сильвестр получил из обеих столиц подтверждение того, что указа никак не отменить. Канцелярии с удовольствием отчитали Сильвестра за то, что он лезет не в свое дело: сбор любых денежных поступлений с населения к компетенции духовных властей не относился, поэтому Сильвестру «яко в непорученное дело и вступать не должно»¹²⁸.

¹²⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 34, л. 2; ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 90, л. 40 об.

16 апреля 1751 г. митрополит Сильвестр писал в Синод и Раскольничью контору, чтобы светские власти незамедлительно организовали сбор со старообрядцев 2310 руб. штрафных денег и дали указания об этом Сибирской губернской канцелярии и Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов. Раскольничья контора, а затем и Берг-коллегия признали справедливость этого требования; по вопросу о том, какое именно светское ведомство должно заняться этим делом, возникла одна из самых долгих и запутанных бюрократических переписок, наполненная всевозможными недоразумениями. Дело в том, что из 385 свадеб 61 была совершена между старообрядцами, подведомственными Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов, а остальные 324 — на демидовских заводах, где подати собирала Сибирская губернская канцелярия. Раскольничья контора, Канцелярия главного заводууправления и митрополит Сильвестр решали столь сложную проблему каждый по-своему, и лишь Берг-коллегия честно призналась, что понятия не имеет, кто именно должен собирать эти штрафы¹²⁹. Наконец, 29 мая 1753 г. Канцелярия главного заводууправления сообщила, что она собрала 366 руб. с 61 свадьбы.

Что же касается старообрядцев демидовских заводов, то Невьянская заводская контора оказалась достаточно сообразительной, чтобы вспомнить об указе 15 июля 1744 г., по которому все казенные доимки и штрафы аннулировались по 1744 г. включительно. Контора просила не взимать штрафных денег за все браки, заключенные до 1744 г. Свою просьбу она аргументировала, в частности, тем, что «обретающиеся при заводах Демидова обыватели по большей части находятся в крайнем убожестве», а после II ревизии и консисторских розысков многие из них разбежались. Поэтому, если выполнить требование митрополита Сильвестра, то и оставшиеся «к невозвратному бегству устремятся... и опасно, чтоб по побеге их и подлинно заводы не пришли во опустошение и остановку»¹³⁰. Раскольничья контора согласилась с этим, и с демидовских старообрядцев было взыскано

---

¹²⁹ ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, № 90, лл. 3—6.

¹³⁰ Там же, л. 42.

лишь 180 руб. (с 30 браков), а 1764 руб. были с них сложены. Сильвестр безуспешно протестовал, жалуясь, что из-за подобных поблажек раскольники «набродом приобретают» в его епархию со всей страны¹³¹.

Что же касается главного — проведения наряду с взиманием штрафов сурового расследования о незаконных старообрядческих браках, то здесь консистория оказалась бессильной. В 1752 г. она потребовала от светских властей помощи екатеринбургскому духовному заказчику Ф. Коченеву в расследованиях. Но в декабре 1752 г. он сообщил, что это требование консистории не выполнено. Екатеринбургская ратуша заявила даже, что подобное требование является незаконным, так как старообрядцы правы, считая, что весь вопрос исчерпывается уплатой штрафов. Канцелярия главного заводууправления также сообщила, что ее роль ограничивается лишь взиманием штрафов, а выделить солдат для ареста и доставки старообрядцев к следствию трудно, так как «здесь солдат за употреблением в караул и нужные россылки состоит немалой недостаток». 7 сентября 1753 г. эта канцелярия, правда, вежливо осведомилась у митрополита Сильвестра, следует ли ей взимать штрафы за незаконные раскольнические требы до духовного следствия по этому поводу. Консистория ответила: взимать штрафы, затем арестовывать, отправлять в духовные правления для следствия и впредь до обращения в православие держать их в тяжких заводских работах под караулом. Однако нет никаких сведений о том, что заводское начальство последовало этому совету¹³².

Обращение Канцелярии главного заводууправления в Тобольскую консисторию было вызвано, в частности, тем, что заводские старообрядцы попытались в это время распространить опыт легализации старообрядческих браков путем уплаты штрафов и на другие требы. В апреле 1753 г. Невьянская заводская контора сообщила в Екатеринбург о следующей инициативе старообрядцев: «Нижно-Тагильского завода жители записные раскольники сами собою объявили о рожденных после недавно былой ревизии детях мужеском и женском поле, крещеные

¹³¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 169, л. 22.

¹³² ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1752 г., № 45, лл. 1—2 об; 1753 г., № 153, лл. 1—6.

в прошлых годах бывшими крюющимися беглыми попами черными Яковом и Авраимом, да белым Лукою Ивановым в лесах и в других местах, а не у церквей. И за те неуказные требы желают оные раскольники заплатить надлежащей указной денежной штраф, дабы... по посылкам и призыванию в духовные правления и Нижне-Тагильского завода священниками очистительныя молитвы и крещения над рожденными после ревизии младенцами двойственно не учинили». Напомним, что двойное крещение, если первое не было еретическим, по тогдашним воззрениям — прямая дорога в ад. К прошению нижнетагильских жителей прилагался список 111 крещеных после ревизии детей, за крещение которых их родители соглашались уплатить определенный петровскими указами штраф размером в два подушных оклада.

«Ни Канцелярия главного заводоуправления, ни Невьянская заводская контора не стали выполнять рекомендации митрополита Сильвестра об аресте старообрядцев после уплаты этих штрафов. Невьянская заводская контора сослалась при этом не только на свою занятость, но и на то, что «демидовское правление партикулярное». Штрафные деньги в сумме 142 р. 10 к. были взысканы присланным из Канцелярии главного заводоуправления управителем Никулиным¹³³. Тогда же Канцелярия главного заводоуправления поддержала просьбу, с которой обратились «деревни Шаргашской раскольник выборной Алексей Карпов сын Сенокосов» и несколько старообрядцев до него. Суть просьбы состояла в том, чтобы государство удовлетворилось взиманием штрафов за старообрядческие требы и вообще отстранило церковь от вмешательства в эту сторону жизни записных старообрядцев. Канцелярия сочла необходимым поддержать это предложение «чтоб их упрямства и легкомыслия не могло споследовать каких худых следств, яко то: созжения собою и тому подобного, что у них неретко по замерзелости их случаетца». Раскольничья контора не ответила на эту просьбу и лишь на повторное представление Канцелярии главного заводоуправления от 27 февраля 1755 г. привела в обоснование своего отказа множество различных законов, запрещающих старообрядческие требы и подтверждающих обя-

---

¹³³ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 502, лл. 1—5.

зательное крещение и воспитание православными детей старообрядцев, передачу их для обучения в школы при монастырях и т. д. Дело это тянулось чрезвычайно долго и было прекращено лишь по амнистии 22 сентября 1762 г.¹³⁴

Понятно, что в таких условиях чаще всего заканчивались неудачей попытки воинственного нижнетагильского десятона начальника Д. Лапина добиться крещения в православную веру детей у заводских записных раскольников. В 1752 и 1753 гг. Лапин неоднократно требует у заводской конторы и приказчика Лебедева помощи; но заводское начальство все реже доставляет к нему старообрядцев для принудительного крещения детей, все чаще пресекает попытки священника ходить для этого по старообрядческим домам. Правда, в январе 1753 г. Лапин может сообщить в консисторию о блистательном успехе: посланный им в дом записного раскольника Дорофеева священник Лохнин, не найдя в доме младенца, умело устроил там обыск и обнаружил-таки младенца, хитроумно запрятанного в «пещную трубу», а затем, несмотря на противодействие семьи, тут же омоливил его.

Но 16 января 1753 г. Нижнетагильская заводская контора сообщила Д. Лапину, что впредь она отказывается присылать к нему записных раскольников по подобным делам. Заводская контора поддержала при этом распространявшиеся старообрядцами слухи о том, что имеется печатный указ 1736 г., запрещающий принуждать старообрядцев крестить своих детей в православие. (После резких протестов консистории 29 января 1754 г. заводская контора вынуждена была признать, что подобного указа нет.) Сообщая причины своего отказа, заводская контора поддержала жалобу записного раскольника Никиты Бирюкова на жестокое обращение с ним в духовном правлении во время содержания его там под караулом с апреля до конца декабря 1752 г. Н. Бирюков был доставлен туда за отказ крестить своего ребенка, но долго содержался под арестом и после того, как согласился окрестить его. Священник Д. Лапин приковал его двумя цепями к стене «безвинно и тем принуждал к обращению», «и в тех же цепях, отковав от стены, водил в церковь и с великим при-

---

¹³⁴ Там же, лл. 5 об.—34 об.

нуждением заставлял с собою молиться, ... а пономарь де, векчи в шею толкал, из трапезы провожая в церковь, а десятоначальник же Лапин за волосы драл и заставлял лошкой из сосуда хлебать». Сообщая об этом, заводская контора подчеркнула, что опасается от таких методов «немалого числа записных раскольников со здешних заводов по зимнему пынешнему пути со вси семейством утетьки», тем более что «некоторые в побеге уже и есть».

Д. Лапин отвечает заводской конторе 19 января 1753 г. в очень грозном тоне, но это ярость бессилия. Он напоминает принципиальное заявление Духовного регламента о том, что старообрядцы — «лютые неприятели, и государству, и государю непрестанно зло мыслящие». В ответ на обвинения в жестокости священник оскорбленно заявляет: «Нижне-Тагильской конторы приказчики воры раскольники утверждения свои полагают на раскольнических мужичьих словах, чего уподобить и предать можно велию смехотворению». Лапин считает свою жестокость вполне законной и обещает и впредь в подобных делах поступать так же, в частности — «содержать в чепях» старообрядцев, отказывающихся крестить своих младенцев. Но все эти резкие слова не помогли, заводские власти настояли на своем¹³⁵.

Таковы главные направления предпринятой в конце 40-х — начале 50-х годов митрополитом Сильвестром и его администрацией широкой акции по ликвидации урало-сибирского старообрядчества. Наряду с конкретной задачей обратить в православие по возможности всех записавшихся в раскол по II ревизии ставились и более общие цели: разгром главных старообрядческих центров и арест их руководителей, пресечение передачи старообрядческой идеологии по наследству (вплоть до предложения изымать детей из старообрядческих семей и воспитывать их в специальных домах), борьба с любыми старообрядческими требами, которая в случае удачи сделала бы невозможной существование старообрядческой семьи, ужесточение податного воздействия на старообрядчество и т. д.

Эта всеобъемлющая программа была реализована лишь в небольшой своей части. Причина крылась отнюдь не

---

¹³⁵ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, IX, лл. 1—12.

в недостатке рвения у митрополита Сильвестра. Его планы натолкнулись на растущее сопротивление старообрядцев, приведшее к острым конфликтам, на противодействие заводского начальства, на все более скептическое отношение местной администрации к воинственным замыслам митрополита. Позиция светских властей во многом определялась той невиданной волной возмущения, которая прокатилась по урало-сибирским деревням и поселкам в ответ на насилия тобольского архиерейского дома. Наиболее трагическое выражение это недовольство нашло в массовых самосожжениях.

* * *

Если не считать колоссальных по количеству сторевших самосожжений XVII в., то вспышка массовых самосожжений 1750—1753 гг. на Урале и в Западной Сибири является наиболее значительной за всю историю старообрядчества в этом крае. Около половины всех известных урало-сибирских самосожжений XVIII в. произошло за эти 4 года. По имеющимся у нас источникам, в 1750—1753 гг. старообрядцы 25 раз собирались для самоуничтожения, и властям лишь дважды удалось предотвратить гари.

Сразу же бросается в глаза, что эти самосожжения явились ответом на действия господствующей церкви. Особенно важно, что в горях зачастую принимали участие как записные старообрядцы, так и незаписные, потаенные; этот яростный протест против феодальной церкви подчас оказывался настолько заразительным, что в нем участвовали даже те люди, которые до последнего времени активно посещали церковь, принимали причастие и считались ее верными сынами. Горели и старообрядцы, только что обращенные в православие в ходе полицейско-увещательной кампании митрополита Сильвестра.

Для тех представителей синодальной историографии раскола, которые привыкли удобно объяснять старообрядческие гари лишь психопатологией извращенного религиозного фанатизма несведущих в богословии темных «суеверцев», странной, непонятной аномалией был этот факт широкого участия в самосожжениях крестьян-нестарообрядцев. Религиозный фанатизм, консерватизм «расколоучителей» не может, конечно, вызывать симпатий.

Однако глубоко ошибочен внеклассово-«просветительский» подход синодальных историков, сводящий многие массовые движения XVII—XVIII вв. лишь к явлениям невежественной религиозной патологии. Гораздо более плодотворной является точка зрения демократической историографии шаповского направления, которая подчеркивала, что в старообрядчестве XVII—XVIII вв. отразился протест народных масс против невыносимых условий существования, что старообрядческие самосожжения вызывались суровыми преследованиями государства и церкви. Следует, конечно прибавить, что эта пассивная форма протеста выдвигала вместо действительных целей и причин борьбы иллюзорные, сильнее всего проявляясь в периоды между активными социальными схватками.

В самосожжениях 1750—1753 гг., времени массового и полицейски-грубого церковного «розыска», охватившего территорию от Урала до Алтая, прослеживаются лишь лозунги отстаивания крестьянами вероисповедальных свобод. Политические и социальные лозунги, столь заметные в старообрядческих протестах 1720-х и 1740-х годов, страстно выдвигаются крестьянами опять только в знаменитой Чаусской гари 1756 г., когда религиозные гонения несколько ослабеют¹³⁶.

Два программных документа этой гари обличают притеснения и насилия властей, несправедливость общих порядков в империи, выступают против непосильной отработочной ренты в приписной деревне.

Источники восстанавливают следующую картину мрачных трагических событий 1750—1753 гг.¹³⁷

---

¹³⁶ Покровский Н. Н. К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири середины XVIII в.— В кн.: Бахрушинские чтения 1971 г., вып. 2. Новосибирск, 1971 с. 50—58.

¹³⁷ Волнующие истории самосожжений давно уже привлекали к себе внимание исследователей и беллетристов. Литература о них довольно обширна, но даже в наиболее научных трудах паходится немалое количество всевозможных неточностей и ошибок. Сложная многоступенчатая и параллельная система бюрократической отчетности привела к тому, что подчас сообщения двух разных ведомств об одной и той же гари столь непохожи друг на друга, что исследователи видят здесь два разных самосожжения; бывает и наоборот. Мы даем ниже лишь некоторые указания на литературу вопроса, не оговаривая всех сделанных нами по архивным материалам исправлений.

Первые же известные нам самосожжения 1750 г. явились прямым ответом на принудительное обращение старообрядцев в православие. В июне 1750 г. во исполнение соответствующих указов консистории такие обращения были начаты челябинским духовным заказчиком протоиереем Петром Флоровским. По его требованию Исетская провинциальная канцелярия собрала в Челябинской крепости записных и тайных раскольников с их семьями из Шадринского и Окуневского дистриктов. Энергичные увещевания в разгар летних работ продолжались более месяца, после чего Петр Флоровский рапортовал об успехе акции. Но сразу же после этого 12 только что обратившихся в православие старообрядцев собрались на мельнице в четырех километрах от Челябинской крепости и 25 июля сторели. Митрополит Сильвестр, докладывая 10 (12) декабря того же 1750 г. об этом самосожжении в Синод, утаил, что оно было вызвано обращением в православие¹³⁸.

В том же месяце Петр Флоровский, проезжая близ дер. Увельской Челябинского духовного заказа, обнаружил в пещере в 12 верстах от деревни 7 чел., собравшихся для самосожжения. Во главе них стояли беглый крестьянин дер. Вязовки Краснослободского дистрикта Степан Папулов и беглый челябинский казак Никита Журавлев. Они уговаривали всех крестьян соседних деревень принять участие в самосожжении. Внезапным молодецким набегом протоиерей овладел пещерой и арестовал собравшихся. Часть из них, впрочем, бежала в дороге. Папулов был доставлен в Тобольск. Самосожжение не состоялось, началось жестокое следствие.¹³⁹

Тогда же в июле происходили массовые увещевания крестьян Тюменского уезда. Они начались еще в середине июня 1750 г. с получением соответствующих инструкций от митрополита Сильвестра, а также изданного по его просьбе указа Сибирской губернской канцелярии с призывом к записным раскольникам безбоязненно перехо-

---

¹³⁸ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81, лл. 54—59; ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, л. 11; Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII—XVIII столетии. Тобольск, 1888, с. 38, 104; Сапожников Д. Н. Самосожжение в русском расколе. М., 1891, с. 111.

¹³⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, лл. 9—10; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81, лл. 38—47.

дять в православие. Один из рассыльщиков Тюменской воеводской канцелярии явился в связи с этим 31 июля 1750 г. в дер. Зайкову в восьми верстах от Тюмени к зажиточному крестьянину Ивану Васильеву сыну Зайкову. Не застав его дома, он велел передать ему, что его требуют в воеводскую канцелярию, не объясняя причины. Иван Зайков работал в это время в поле на жатве и покосе и не помышлял даже о самосожжении. Но вернувшись домой и узнав о вызове в воеводскую канцелярию, он сказал своим сыновьям: «Видит де, что приходит житю конец — и куда деваться?» Вся семья быстро собралась, отправилась в пашенную избушку, где утром следующего дня состоялось самосожжение. Вместе с Иваном Зайковым сгорело 13 чел., лишь двое его малолетних детей отказались гореть и убежали в лес¹⁴⁰. Уцелело все большое хозяйство этой семьи. Зайковы жили довольно зажиточно — 9 лошадей, 22 головы крупного рогатого скота. Описание их хозяйства представляет немалый интерес для исследователей истории сибирской деревни¹⁴¹. Оставшийся в живых малолетний сын Ивана Яков вскоре обратился с просьбой отдать ему все имущество семьи, соглашаясь платить двойной оклад за всех 14 сгоревших! Из 14 чел., погибших в этой гари, 10 чел. были записными старобрядцами.

В начале октября 1750 г. (разные источники называют даты 6, 8, 9 октября, вероятнее всего 8-го) в том же Тюменском уезде, в Тугулымском приходе 61 крестьянин сжег себя в знак протеста против следствия о записавшихся в раскол по II ревизии. Для понимания общего характера всего этого движения протеста (более широкого, чем его непосредственные старообрядческие лозунги) важен тот факт, что среди сгоревших было лишь 26 записных старообрядцев. Самосожжение готовилось с лета жителями семи соседних деревень: в лесу, в 10 верстах от дер. Медведовой было построено настоящее укрепление — большая изба, засыпанная сверху песком, «обведена была из превеликих сосновых дерев струбом, и тот струб сплочен креп-

¹⁴⁰ ГАТот, ф. 47, св. 448, № 4703, лл. 191—196; ПГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, л. 10; Сырцов И. Я. Указ, соч., с. 39, 104; Сапожников Д. И. Указ, соч., с. 111—112; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81, лл. 7—27, 113—об.; *ф. 47, № 4703, лл. 119—120, 127—134 об.

¹⁴¹ ГАТот, ф. 47, св. 448, № 4703, лл. 138—141.

кими нарвами, так, что и многими людьми разломать и одного бревна за превеликою тяжестью двадцати чело-веком двигнуть было невозможно». Изба была обложена хворостом, берестою и порохом. В это укрепление «из оных разных седми деревень съезжались на лошадях и на телегах».

Митрополит Сильвестр подчеркивал позднее, что обо всех этих приготовлениях должны были широко знать окрестные жители, но никто не допес властям. Посланному на-капуне самосожжения из воеводской канцелярии канцеляристу Непряхину собравшиеся указали на причину их протеста: «Для чего де их, записавшихся в раскол, пресвященный митрополит приказал возить в Тобольск? — и по окончании тех слов они, раскольники, и гореть начали». Руководил этим самосожжением крестьянин дер. Медведевой Петр Сидоров, который сгорел вместе со всеми. Перед гарью он указал в качестве причины протеста, кроме действий Сильвестра, отягощение крестьян палогам и поборами, поставив эту социальную причину даже перед религиозными. Для самосожжений этого времени характерно, что старообрядцы уже не дожидаются открытого нападения солдат или представителей власти, чтобы зажечь огонь: сам розыск считается обстоятельством, вполне оправдывающим самосожжение, и оно признается уже не самоубийством, но защитой свободы веры. Митрополит Сильвестр, сообщая 10 декабря 1750 г. об этой гари в Синод, опять умалчивает о ее причине, но зато разгла-гольствует о неких посторонних злоумышленниках, со-вращающих крестьян его епархии ¹⁴².

Уже эти первые тюменские самосожжения заставили задуматься более дальновидных представителей светских властей. Управитель Краснослободской канцелярии Федот Павлуцкий, хорошо осведомленный о быстром рас-пространении старообрядчества в деревнях неподалеку от Тюмени, категорически отказался доставить для увещева-ний семью Ф. Черепанова (дер. Поперечная) «затем, чтоб не

---

¹⁴² ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, лл. 10—11; ГАТот, ф. 47, св. 448, № 4703, л. 141 об.; ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81, лл. 1—3; ЦГАДА, ф. 288, № 378; Описание документов и бумаг МАМЮ, т. VII, с. 34—36; Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 39—40, 61—62, 104; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 112.

пригорели все». Он посоветовал вообще отложить на время все увещевания ¹⁴³.

В середине октября 1750 г. начались массовые увещевания и обращения старообрядцев в православие еще в одном крупном центре крестьянского старообрядчества Сибири — в Буткинской слободе Окуневского ведомства Шадринского уезда Исетской провинции. Операцию проводили окуневский управитель И. Рукин и далматовский наместник иеромонах Митрофан. Было обращено в православие 37 записных старообрядцев. Однако крестьянин Елизар Телминов, бежав от увещевателей из Буткинской слободы в близлежащую дер. Смолину, призвал крестьян к самосожжению. Оно состоялось 20 октября 1750 г. В этой гари погибло 64 чел., в том числе все 37 новообращенных. Вскоре оказалось, что начало увещеваний дало лишь последний толчок событиям: в этом районе уже несколько месяцев раздавалась страстная проповедь известного крестьянского руководителя старообрядцев-поповцев Авраама Михайлова, призывавшего самосожжениями выразить протест против насильного обращения в православие. Этот призыв нашел отклик не только в среде записных старообрядцев: среди погибших 20 октября были как записные старообрядцы, обращенные в православие и упорные, так и крестьяне, ранее всегда считавшиеся православными. Самосожжение состоялось не в лесу, а на окраине деревни; к месту гари собрались многие крестьяне. Но никто из них не попытался как-то помешать самосожжению, они молча принимали мелкие монеты, которые им бросали в окна засевшие в избе на помин своей души. Посланные управителем И. Рукиным сотский и десятский также ничего не сделали ¹⁴⁴.

В «Реестре делам Сената по Синоду» Д. И. Сапожников отыскал краткое упоминание о какой-то гари, состоявшейся 10 декабря 1750 г. близ с. Тугулымского Тюменского уезда. Отсутствие подробностей не позволяет что-либо сказать о достоверности этого известия ¹⁴⁵.

---

¹⁴³ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, л. 18.

¹⁴⁴ Там же, лл. 16 об.—17 об.; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 23; № 81, лл. 37—об., 52—53; Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 39, 44, 52—53, 104; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 112—113.

¹⁴⁵ Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 113.

Тогда же решили предпочесть огненную смерть консисторским насилиям около 30 крестьян другого старообрядческого района — ишимских деревень. 10 декабря они собрались в доме крестьянина дер. Бурмистрово, слободы Орлово городище Анисима Васильева сына Бурмистрова для самосожжения. Пока шли приготовления, крестьяне организовали круглосуточные караулы для охраны от внезапного нападения. Десятник деревни Дмитрий Бурмистров пытался отговорить крестьян от самосожжения, однако те ответили, что твердо решили умереть, но не дать захватить себя насильно. Появление в деревне 19 декабря военной команды решило дело: увидев ее, крестьяне подожгли избу; спасти никого не удалось.

Среди погибших был и крестьянин Алексей Зудиллов — возможно, тот самый руководитель беспоповцев, сподвижник знаменитого по тарским событиям Ивана Смирнова, который разыскивался еще в 1736 г., в связи с антиимператорской эсхатологической агитацией накануне Толоконцевской гари¹⁴⁶.

В 1750 г. (точная дата не установлена) в одной из лесных «пустынь» Тюменского уезда произошло самосожжение, в котором погибло 39 чел.¹⁴⁷

В начале 1751 г. прокатилась волна старообрядческих протестов на Исети. В ночь на 8 февраля 1751 г. сожглись 68 жителей Куртамышской слободы (Воскресенский духовный заказ). Духовный заказчик Василий Протасов и приходской священник Василий Лыткин единодушно сообщили консистории об удивительном для них факте: из числа сгоревших лишь 8 были записными старообрядцами, а остальные 60, по категорическому мнению священников, являлись верными прихожанами официальной церкви и со старообрядчеством связаны не были: «...подлинно не раскольники, и потаенного расколу не имели, и всякие требы от приходского священни-

---

¹⁴⁶ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 40, 104—105; Сапожников Д. П. Указ. соч., с. 113; Ср.: ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 772, л. 1139—1165; ГАТЮТ, ф. 47, св. 448, № 4701, лл. 24, 30; ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81, лл. 83—86 об.

¹⁴⁷ Описание документов и бумаг МАМЮ, т. VII, с. 35; Пругавин А. С. Самоистребление. — «Русская мысль», 1885, № 1, с. 89; Загоскин. Самосожжения. — В кн.: Литературный сборник Волжского Вестника. Т. 1, вып. 1. Казань, 1884, с. 192.

ка принимали», сторели же они «неведомо от чего»¹⁴⁸.

Через несколько дней, 15 февраля в той же Куртамышской слободе, в дер. Коноваловой, состоялось еще одно самосожжение, в котором погибло 72 чел., в том числе 9 записных раскольников. Гарь была организована крестьянином Буткинской слободы Пантелеем Путинцевым и его сестрой Маремьяной. Хотя Исетская провинциальная канцелярия подчеркивала, что причина самосожжения неизвестна¹⁴⁹, она легко устанавливается: эти два самосожжения состоялись вскоре после развертывания в Исетской провинции новой акции митрополита Сильвестра. Он потребовал от провинциальной канцелярии строгого соблюдения указов, согласно которым старообрядцам запрещалось селиться вдали от православных, особенно в лесах. С начала 1751 г. это требование стало активно выполняться в деревнях недавно возникшей Куртамышской слободы—поселившихся отдельно старообрядцев сселяли назад, к православным. При нечеткости реальных границ старообрядчества в Сибири это нелепое мероприятие сопровождалось, вероятно, насилиями не только над несомненными старообрядцами. Интересно отметить, что после трагических событий начала 50-х годов власти Исетской провинции не удовлетворяют требования церкви о ликвидации отдаленных старообрядческих поселений, несмотря на новый указ Сената об этом (23 августа 1756 г.). Так, в 1758 г. исетский воевода князь А. Тенишин запретит слом отдаленной усадьбы старообрядцев Леонтия и Ивана Борисовых¹⁵⁰.

Весной 1751 г. вспыхнули гари в деревнях, находившихся в непосредственной близости от Тюмени. В ночь на 22 марта 1751 г. произошло 3 самосожжения крестьян Тюменского духовного заказа, деревень Гусевой, Гилевой, Кулижной. Митрополит Сильвестр сообщал об этих гаях в Синод в доношении от 15 апреля 1751 г., в котором одновременно извещал высшее церковное правление и о предыдущей гари в Куртамышской

¹⁴⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, л. 43; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, № 81, лл. 78, 94—95 об.; Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 41; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 113—114.

¹⁴⁹ Название слободы в литературе неверное из-за элементарной палеографической ошибки.

¹⁵⁰ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1754 г., № 72.

слободе. Несмотря на поразительную насыщенность этого доношения трагическими известиями, позиция владыки ничуть не поколебалась: главное внимание он по-прежнему уделяет поискам виновных в таком беспорядке. Мужики сами виноваты, что горят — зачем слушаются разных подозрительных смутьянов, таких как невьянские богадельщики; виноваты и светские власти, чья недостаточная строгость, по мнению Сильвестра, несомненная причина гарей.

В материалах воеводского розыска 3 тюменские гары 22 марта 1751 г. подчас смешиваются. Это привело к удвоению числа сгоревших в исследовании И. Я. Сырцова¹⁵¹. Консistorские документы позволяют точнее проследить ход событий.

Тюменские гары 22 марта 1751 г. также не были непосредственно связаны с нападением на собравшихся старообрядцев военных команд и явились более общим протестом, ответом на весь комплекс мероприятий Сильвестра и светских властей. В первой из этих гарей погибло 4 чел. — семья драгунской вдовы Прасковьи Неустроевой из дер. Гусевой Успенского девичьего монастыря — сама Прасковья с сыном Ефимом и дочерьми Прасковьей и Ксенией. В ту же самую ночь в этой же деревне сгорело 38 разночинцев и, кроме того, 7 чел. неопознанных. В некоторых доношениях эта гарь объединяется с предыдущей.

На рассвете 22 марта 1751 г. загорелся стоявший на отшибе двор жителя дер. Гилевой, с. Каменского (Покровского) разночинца Андрея Шамаева. Об этой гаре у нас несколько больше сведений. Инициатором саможжения был крестьянин того же села Данила Семенов сын Санников, прошедший полную скитаний и лишений жизнь беглеца¹⁵². Жители дер. Гилевой во главе с десятником попытались спасти горевших, «и для того ими, обывателями, вышибен был из колодного окна стержень и тогда де во оное окно помянутой Шамаев говорил, чтоб оне, обыватели, отошли и их не замали, понеже де они собралися гореть». Шестеро собравшихся, однако,

---

¹⁵¹ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 105.

¹⁵² О побеге его отца см. Покровский Н. Н. Беглецы на Карачинском озере. — „Известия Сиб. отд. АН СССР“, 1974, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 90—95.

предпочли спастись в это окно, 25 чел. сгорело. Ни один из них не был записным раскольником.

Спасшихся от огня жестоко пытали, и они сообщили немало подробностей, но о причине самосожжения не сказали ничего. В частности, племянники А. Шамаева разночинцы Иван и Никита Соргутановы рассказали, что в ночь на 22 марта их родители забрали всех своих шестерых детей и отправились с ними для самосожжения в дом к А. Шамаеву, призывая детей сгореть вместе с ними, «чрез что де имеют получить душевное спасение». Дети отказывались было, но затем, «не хотя оскорбить своих родителей», подчинились «и, оставя двор свой и пожитки просто, в дом к показанному дяде своему в полуночное время пришли, где уже как в избе, так и в горнице множество собралось людей» из дер. Гилсовой, с. Каменского и даже приехавшая в гости в эту деревню ямщицкая дочь Ирина Мостовщикова из дер. Мостовщиковой на р. Пышме. «А после того собрались в горницу и молились богу до рассвету дневного, а на рассвете де приехал к ним и пришел в ызбу вышепомянутого Каменского села, Покровское тож, житель пашенной крестьянин Данила Семенов сын Санников, который им был наставником и лжеучителем к згорению. И собрав всех в ызбу женск и пол девок и баб незнамо по какой книжке исповедывал их, спрашивая грехи, подобно священнику, а по исповеди оной пол женской всех же выслал в горницу, призвав мужеской и всех вдруг спрашивал грехи по оной же книжке. И по окончании исповеди той сказал им, чтоб оне оттоль не изходя згорели, а сам неведомо куда уехал. После которого отъезда вси они собравшись в горнице грехи свои друг другу объявляя прощались и кланялись в ноги. А Мамаев (житель той же деревни.—*Н. П.*) пруготовленную солому и веники лучиною зажег, отчего двор и загорелса. А оне де до болшого пламени молились богу, а как пламень возгорелса, то вси ж поклоняся в землю лежали на полу»¹⁵³. Этот бесхитростный рассказ хорошо передает атмосферу фатализма, отчаяния, мрачных эсхатологических предчувствий и

¹⁵³ ЦГИА, ф. 796, оп. 31, № 257, лл. 43 об.—44 об.; ГАТЮТ, ф. 15,6 оп. 1, 1750 г., № 81, лл. 79—81, 87—92 об.; 1754 г., № 42, л. 1—об.; Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 45—46, 105; Сапожников Д. П. Указ. соч., с. 115.

готовности умереть, но не уступить — атмосферу крестьянских настроений тех трагических дней. Показательна та готовность, с которой пошли на смерть не только жители этой деревни, но и случайно оказавшиеся в ней люди. Столь же показательно отсутствие какой-либо позитивной программы этого трагического протеста, спровоцированного розыском Сильвестра.

Вскоре, ночью 12 апреля 1751 г., на тюменской земле состоялось еще одно самосожжение: в дер. Березовой сгорело 33 чел. Сообщавший об этом митрополиту Сильвестру Рафаиловский духовный заказчик игумен Александр доносил одновременно, что в соседней дер. Дворцовой собралось для самосожжения много старообрядцев и он отправил для увещевания их священника Афанасия Райкова. Из Исетской провинциальной канцелярии с той же целью прибыл титулярный советник Минович. Увенчались ли их уговоры успехом, нам неизвестно, но характерно, что в ближайшие недели и Исетской канцелярии, и игумену Александру, и священнику А. Райкову придется все чаще сталкиваться с твердой решимостью крестьян уйти из-под их опеки хотя бы страшным путем самосожжения. Митрополит Сильвестр был разгневан тем, что игумен Александр переложил неприятную миссию на плечи священника А. Райкова, и наказал Александра штрафом 6 руб. в пользу семинарии и публичной епитимьей в 300 земных поклонов¹⁵⁴.

Апрельско-майская вспышка исетских самосожжений непосредственно связана с возобновлением по приказу митрополита Сильвестра увещательной деятельности челябинского духовного заказчика Петра Флоровского. Исетская провинциальная канцелярия, воспринимавшая эту чреватую опасностями кампанию с растущим раздражением, не решалась на этот раз открыто противодействовать церковным властям и разослала по дистриктам соответствующие приказания. Все записные старообрядцы, включая женщин и детей, опять вызывались в Челябинск для увещеваний. Флоровскому удалось на сей раз многих принудить к обращению, но тотчас же начались самосожжения. И снова в них привяли участие

---

¹⁵⁴ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81, л. 100—об.; Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 42, 61, 105.

как обращенные старообрядцы, так и упорные, вместе с которыми шли на смерть многие православные. Канцелярия Окуневского дистрикта сообщала, что как только старообрядцам объявили об увещеваниях, крестьяне деревни Журавлевой Иван Белых и Варвара Япанчинцева с малолетними детьми скрылись из домов и в ночь на 25 апреля на пашне в избе «неведомо от чего сгорели». Одновременно 29 старообрядцев разбежались из своих домов неизвестно куда ¹⁵⁵.

Где-то в эти же весенние дни (23 мая) произошло большое самосожжение записных старообрядцев, которые по увещеваниям Петра Флоровского были обращены в православие. После выполнения всех формальностей обращения в православие и приведения к присяге их распустили, но в свои дома они не вернулись. Вместо этого 64 новообращенных в православие жителя Окуневского и Шадринского дистриктов, собравшись в старой пашенной избе, сгорели. Таков был недвусмысленный крестьянский ответ на методы насильственного обращения, широко применявшиеся митрополитом и П. Флоровским.

Исетская провинциальная канцелярия справедливо рассудила, что благодаря миссионерскому рвению церковников можно легко лишиться значительной части подвластного канцелярии населения: «ежели не дать раскольникам отваги, то чаятельно, все они сгорят без остатку, а правоверным крестьянам, оставшимся в тех местах, где жили раскольники, будет великая тягость, ибо положенныя на раскольников подушныя деньги и оброчный провиант придется платить им, и они от этого могут придти в крайнюю несостоятельность». Особенно поразило канцелярию происшедшее в том же апреле 1751 г. самоубийство сборщика казенных податей старообрядца Челпанова. Он приехал в Челябинск для сдачи податей как раз в то время, когда там производил свои увещательные операции протоиерей Флоровский. Опасаясь попасть к нему в руки, Челпанов «по своему пагубному суеверию сам себя зарезал до смерти»¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 40—41, 56, 105; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 115—116.

¹⁵⁶ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 54—55; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 116; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81, л. 104—105 об.

Нужны были какие-то успокоительные меры, и Исетская провинциальная канцелярия рискнула, вопреки сенатскому указу, пресечь деятельность митрополита Сильвестра и прекратить дальнейшие расследования и увещевания. Было приказано старообрядцев из их домов для увещеваний не высылать, «и никакого им озлобления и страху не чинить», объяснив им, чтобы они, не опасаясь ничего, жили в своих домах и платили подати¹⁵⁷.

Это смелое решение было принято как раз вовремя: оно помогло предотвратить одно готовившееся в эти дни крупное самосожжение. Мы узнаем о нем из показаний Агафьи Григорьевой дочери, 34-летней крестьянки Ольховской слободы Екатеринбургской провинции, приехавшей накануне II ревизии в дер. Калиновку Буткинской слободы Исетской провинции. Запись в раскол в этой деревне носила массовый характер, и Агафья записалась вместе с остальными. Ее бесхитростные показания хорошо обрисовывают ту обстановку, которая сложилась в этой деревне в результате попыток Петра Флоровского загнать в великий пост 1751 г. как можно больше записных старообрядцев в церковь: «В нынешнем 1751 году в неделе святые Пасхи из записавшихся раскольников имелись в собрании в вышереченной деревни Калиновки и других Буткинской слободы из разных жительств обыватели в то же деревню Калиновку в избу крестьянина Никифора Непеина¹⁵⁸, по его призыву, как мужеска, так и женска полу человек до ста и более, где была и она, Агафья, и между собою учинили совет такой, чтоб им, раскольником, якобы для спасения своего згореть. А начальник к тому согласию более был означенной Никифор Непеин. И сидели в показанной избе с месяц времени и более, и ко оному згорению приготовленна была дрова, и смола, и порох; обкладен как внутрь, так и из внешней стороны соломою, берегами».

Именно в это время в избу обреченных пришли первые известия о том, что Исетская провинциальная кан-

¹⁵⁷ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 55.

¹⁵⁸ В рукописи — Егора Непеина; исправлено по другим листам того же дела; у И. Я. Сырцова — Егора Неприна. Указ. соч., с. 55.

целярия издала какой-то «милостивый» указ, отменяющий распоряжения Флоровского. По объявлению рассыльщика Буткинской слободы «для слушания указа, из...раскольников...из мужиков в тое Буткинскую слободу несколько человек и ходили..., и возвратясь те раскольники объявили им всем, что де получили из Исетской провинциальной канцелярии указ, следующей о неотвращении двоеперстного креста и протчего к их раскольнической пользе, и по тому объявлению из показаннаго зборища из избы раскольника Нелеина они все вон и вышли и так и стали быть по своим домам»¹⁵⁹.

Этот указ Исетской канцелярии «о неотвращении двоеперстного сложения» и прекращении насилий над старообрядцами, естественно, требовал утверждения свыше. Исетская канцелярия обратилась в Оренбургскую губернскую канцелярию с просьбой подтвердить эти распоряжения или отменить их, объяснив, что делать дальше. Но губернская канцелярия не брала на себя смелости воспрепятствовать указам Сената и Синода и предпочла молчать. Исетская канцелярия поэтому не могла придерживаться твердой и последовательной позиции, иногда уступая требованиям церкви. Самосожжения, хотя и пошли на убыль, но все же продолжались.

28 июня 1751 г. в пашенной избушке сожглись крестьянин дер. Обаниной Окуневского дистрикта Аника Журавников (Жерновников) с четырьмя малолетними детьми¹⁶⁰.

Во второй половине 1751 г. Исетская провинциальная канцелярия, выполняя некоторые требования духовных заказчиков о присылке раскольников для увещаний, в то же время запрещает духовенству подолгу держать увещываемых крестьян под караулом и приказывает вскоре отправлять назад по домам как обратившихся, так и упорных. В августе 1751 г. исетские священники Афанасий Райков и Гавриил Лыткин жаловались в этой связи митрополиту Сильвестру, а тот в свою очередь резко протестовал против подобных «послаблений» в Оренбургскую губернскую канцелярию. А. Рай-

¹⁵⁹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1751 г., № 185, л. 4—об.

¹⁶⁰ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 56, 105—106.

ков и Г. Лыткин сообщали, в частности, о том, что из большой партии старообрядцев, жителей Исетского острога, отправленных для увещеваний в Челябинскую крепость, обратилось в православие 29 чел., а 23 чел. категорически отказались поспешить в объятия православной церкви, но тем не менее были отпущены из-под караула в свои дома. Вскоре все увещевавшиеся собрались вновь, уже по своей воле — вместе с 23 упорными в этом «собрании» были 29 обратившихся, а также 9 православных крестьян; все они сгорели.

Митрополит Сильвестр, гневно протестуя против этого факта освобождения из-под караула необратившихся исетских старообрядцев, требовал от Оренбургской губернской канцелярии подчинения указам Сената и Синода и строгого преследования упорных старообрядцев. Но Оренбургская губернская канцелярия, побоявшаяся поддержать решительные меры Исетской канцелярии, не захотела покоряться и опасным требованиям Сильвестра. Недавнее самосожжение увещевавшихся в Челябинске исетских старообрядцев укрепило Оренбургскую губернскую канцелярию в ее осторожной позиции.

Не дав никакого ответа Сильвестру, канцелярия негласно поощряла неподчинение местных светских властей требованиям церкви. «Милостивый» к старообрядцам указ Исетской провинциальной канцелярии стал проводиться в жизнь решительнее. Напуганные невиданной волной самосожжений сибирские местные власти в одном административном центре за другим пресекают церковные преследования старообрядцев. Количество самосожжений сразу уменьшается. Однако время от времени еще происходят значительные вспышки — Сильвестр продолжает упорствовать, а политика светских властей остается непоследовательной.

В 1751 г. в крупном старообрядческом центре — с. Кармацком — сгорело 25 чел., подробности этого самосожжения нам не известны¹⁶¹.

Весной 1752 г. в Тобольскую консисторию поступают многочисленные жалобы от духовных заказчиков и приходских священников на категорический отказ местных

---

¹⁶¹ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 105.

светских властей арестовывать и присылать для следствия и увещеваний старообрядцев. 18 апреля 1752 г. воскресенский духовный заказчик Иоанн Протасов сообщил, что Окуневская канцелярия при этом прямо ссылалась на упомянутый указ Исетской провинциальной канцелярии¹⁶².

Несмотря на решительную позицию окуневских властей, именно здесь произошло одно из двух известных нам самоуничтожений 1752 г. Оно было спровоцировано церковным дьячком с. Петлянского Саввой Ивановым и пономарем Андреем Гавриловым, которые сказали жене недавно обратившегося из раскола крестьянина дер. Короли Окуневского острога Степана Кудрявцева, что ее за раскол заберут в острог. Напуганная женщина выдолбила в озере большую прорубь и потонула в ней вместе с семьей своими детьми¹⁶³.

Второе самоуничтожение 1752 г. произошло в деревнях Краснослободского острога близ Тюмени, где, как мы помним, во время II ревизии развернулась массовая запись в раскол. Летом 1752 г. сторел житель дер. Пуртовой Белоярской сотни Краснослободского острога Иван Остров, обратившийся перед этим от раскола, погибли и его домочадцы (всего 14 чел.)¹⁶⁴.

Подчас невозможно анализировать канцелярские тайны российской бюрократической машины XVIII в., невозможно понять, почему лишь эта гарь вызвала, наконец, реакцию со стороны центральных правительственных сфер. 13 августа 1752 г. Раскольничья контора Сената издала грозный указ в связи с самосожжением И. Острова. В нем не наблюдается даже малейшего понимания причин и следствий. О церковных преследованиях — ни слова. Исетская канцелярия не смогла бы найти в этом указе ни малейшей опоры для своей разумной позиции.

Все сводится к старым требованиям следить, чтобы раскольники не собирались вместе, «и будет где таковыя зборища или приводиться к той душепагубной погибели раскольническия учителя явятся, то чрез посланные команды всякими всевозможными способы

¹⁶² ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1752 г., № 154.

¹⁶³ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 43, 56, 106.

¹⁶⁴ Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 116.

сыскивая и посылку посылать»¹⁶⁵. И если гарь, вызвавшая указ 13 августа, оказалась последней в 1752 г., то отнюдь не благодаря этому указу, а вопреки ему. Только отказ от насильственных мер мог постепенно нормализовать положение. Раскольничья же контора между тем серией других подобных указов 1751 г. в связи с различными самосожжениями 1750—1751 гг. требовала лишь строгих расследований и наказания виновных¹⁶⁶.

22 февраля 1753 г. консистория получила сведения о начавшихся волнениях среди старообрядцев известных алтайских поселений раскольников на р. Чумыш. Сравнительная отдаленность и самостоятельность этих поселений приводила к тому, что информация о них поступала в Тобольск не так уж часто. Барнаульский духовный заказчик протоиерей Василий Иванов во время разъезда по своему заказу выведаль, что на р. Чумыш близ дер. Шипициной «потаенные раскольники собрались в особливо устроенном дворе, по их названию в пустыни, к зажигательству, и совсем к тому изготовились, а некоторые де из того двора вышли, другие же из лжеучителей их, следовательно же предводителей и подговорщиков к тому зажигательству, остались и гореть намерены, а особливо де тому злу зачинщик и поныне тут же в избе находится, и попасть де к ним невозможно, затем что крепко тот двор строением утвержден». Дальнейший ход событий неизвестен, мы не знаем, состоялась ли эта гарь¹⁶⁷.

Продолжающиеся попытки самосожжений вынудили Сибирскую губернскую канцелярию весной 1753 г. четко определить наконец свою позицию. Непосредственным толчком послужили события в дер. Снегирево Суерской конторы Ялуторовского дистрикта. 5 марта 1753 г. более 50 старообрядцев, записавшихся по последней ревизии в раскол, «собрались единогласно во един дом к раскольнику Федору Снегиреву и имеют памерение сгореть от того, что де зазывают их в Суерской острог к протопопу Калиновскому (Ялуторовский духовный заказчик. — Н. П.) и многих увезли для приводу к трое-

¹⁶⁵ ГААК, ф. 1, № 36, св. 18, л. 15 об.

¹⁶⁶ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 59.

¹⁶⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 32, № 169, л. 22; Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 42—43.

перстному сложению». Действия крестьян-старообрядцев этой деревни получили мирское одобрение: в Суерскую контору крестьяне отправили десятника дер. Снегирево «и велели сказать, ежели де их от того троеперстного сложения не освободят, то все конечно хотят згореть». Этот ультиматум побудил светские власти к энергичным действиям. По приказанию Сибирской губернской канцелярии управитель Ялutorовского дистрикта князь Василий Пелымский отправился в дер. Снегирево и беседовал с крестьянами. Проведенное им расследование подтвердило справедливость крестьянских жалоб на протопопа Калиновского. Крестьяне заявили, что «оное намерение они имели от принуждения к троеперстному сложению и от обстрижения у раскольника Елкина бороды протопопом Калиновским». Двух старообрядцев Калиновский арестовал и долго держал под караулом. В 1752 г. он трижды требовал от светских властей присылки к нему ялutorовских старообрядцев для обращения в православие. Светские власти предпочли сами опросить этих старообрядцев, и те заявили, что обращаться не желали и не желают. Старообрядцев не арестовали, а Калиновскому порекомендовали впредь «напрасно не утруждать» светские власти подобными требованиями. Однако протопоп продолжал свои попытки. После приезда Пелымского он принужден был уже оправдываться перед ним, показывая, в частности, что арестовывал старообрядцев не за их принадлежность к расколу, а по церковным судебным делам. В сущности, это было то же самое: он вел розыск о незаконных старообрядческих требах. Но показательно уже то, что весной 1753 г. духовный заказчик сам признает, что арестовывать старообрядцев лишь для увещаний покинуть раскол он не имеет права.

Ялutorовский управитель князь В. Пелымский публично дезавуировал перед снегиревскими крестьянами действия протопопа Калиновского и уговорил крестьян мирно разойтись по домам.

29 апреля 1753 г. Сибирская губернская канцелярия в связи с этим инцидентом направила Сильвестру крайне резкую промеморию. Признавая, правда, необходимость наказания крестьян, зачинщиков снегиревских событий, Сибирская губернская канцелярия весь свой гнев обрушила на протопопа Калиновского. Цитируя

указы о старообрядцах с 1722 г., канцелярия подчеркивала, что ни в одном из них не говорится о применении силы для обращения старообрядцев в православие. Действия митрополита Сильвестра и сибирского духовенства подвергались резкой критике: «И напередь сего в недавнее время знатно от таковых же к раскольником от духовных персон чрезвычайных излишних посягательств в городе Тюмени, да в Краснослободском и Ишимском дистриктах уже тех раскольников немалое число и действительно погорело, почему Сибирская губернская канцелярия имеет немалое опасение, дабы от таковых ими раскольниками почасту производимых себе больше что за двоеперстное крестоображение созжением живущим поблизости... правоверным людям... не воспоследовало внезапно неповинной смерти».

Промемория заканчивалась неприкрытой угрозой возложить всю ответственность на митрополита Сильвестра в случае, «если же консистория его преосвященства против объявленного требования в незабрании записных по нынешней ревизии в срочной термин для одного токмо двоеперстного креста сложения раскольников мужеска и женска пола к тамошним при духовных делах закащиком подтверждения не благоволит, и из того по их раскольническому неразумению будут происходить и время от время размножаться им, раскольником, по зборищам по местам созжения, и затем положенной на них платежем двойной раскольнической оброк, а паче и настоящие подушного збору деньги имеют оставаться из году в год в немалую доимку, от чего в ынтересе ея императорскаго величества может последовать конечной ущерб»¹⁰⁸.

Сибирская губернская канцелярия разослала эту промеморию местным властям, категорически приказав им впредь не арестовывать старообрядцев по делам об их записи в раскол. Исетская канцелярия в это время также твердо проводила подобную политику.

Все растущая уверенность светских властей как местных, так и центральных в том, что приходится платить слишком дорогую цену за победные миссионерские ре-

---

¹⁰⁸ ГААК, ф. 1, № 36, св. 18, лл. 150—161 об.; ЦГАДА, ф. 288, № 424.

лядни митрополита Сильвестра, в конце концов лишила фанатичного тобольского владыку реальной помощи военно-административного аппарата и привела к устранению Сильвестра с его поста. Все это на время снимет остроту ситуации, остроту крестьянского протеста. Но в истории той цепи трагедий, которая была непосредственно вызвана церковными гонениями при митрополите Сильвестре, есть еще одна, самая страшная глава.

Это последнее самосожжение начала 50-х годов оказалось самым крупным. Большинство доношений и документов, описывающих это самосожжение, называет 199 или 200 погибших. В литературе, однако, иногда называются резко преуменьшенные данные — 36 чел.¹⁶⁹ Они взяты из указа Сената об этой гари, где на основании рапорта Ямской канцелярии указано 36 погибших — эта цифра относится к одним лишь ямщикам¹⁷⁰. Гарь состоялась в ночь на 23 июля 1753 г. на тюменской земле, в полуверсте от дер. Лучинкиной Кармацкого стана, на берегу р. Анбы — притока Пышмы. Крестьяне бежали в стоявший там в березняке отдельный двор 22 июля, о чем сообщили в Тюменскую канцелярию десятник соседней дер. Кашкаревой и выборной по ямским делам. Бежали целыми семьями: «з домашним и своими и с пожитками..., з женами, и з детьми и с их экипажем» (скарбом). Тюменская воеводская канцелярия не успела что-либо предпринять и могла заняться лишь расследованием обстоятельств уже состоявшегося самосожжения. Тюменский сын боярский Михаил Колов и тюменский канцелярист Иван Непряхин, посланные для этого расследования, почти ничего выяснить не смогли. Крестьяне не сделали никаких заявлений о причинах самосожжения, считая, видимо, что всем и так ясно, чем вызвано самосожжение.

Было назначено новое следствие, в ходе которого удалось лишь составить более или менее полный список погибших. При этом указывалось, что «за летним сенокосным временем» какое-то число сгоревших могло и не попасть в этот список. В списке содержится 201 имя, и это наиболее достоверное число погибших¹⁷¹.

¹⁶⁹ Пругавин А. С. Указ, соч., с. 89.

¹⁷⁰ ПСЗ, т. XIII, № 10138.

¹⁷¹ ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 441, лл. 6—9 об.

В доношении, к которому прилагался этот список, имена были посчитаны небрежно, и ошибочно указывалось общее число — 199 чел. Лишь 14 чел. из числа сгоревших были записными раскольниками. Вместе со взрослыми сгорело немало детей.

Второе расследование выяснило сословную принадлежность погибших. Из 201 погибшего было (чел.):

ямщиков	37
разночипцев	57
посадских	22
казаков	4
оброчных крестьян	60
пашенных крестьян	13
дворовых екатеринбургского шихмейстера А. Текутьева . .	4
членов солдатских семей	4

Несмотря на свою исключительность и единичность, эти данные ярко характеризуют ту социальную среду, в которой разворачивался протест начала 50-х годов XVIII в. Это прежде всего податные группы сельского населения — крестьяне, близкие к ним разночинцы; из 37 сгоревших ямщиков 18 чел. были приписаны непосредственно к Тюмени, остальные — к соседним деревням. Интересно большое количество тюменских посадских; самосожжения этого времени происходили обычно в деревнях, и посадские сравнительно редко принимали в них участие. Казаков — немного, лишь 4 чел., столько же, сколько и дворовых. В истории старообрядчества уральские и сибирские казаки играли немалую роль, но у них обычно было меньше причин прибегать к таким отчаянным формам протеста.

Это крупное самосожжение не прошло мимо внимания Сената. 4 октября 1753 г. Сенат, а 29 октября того же года его Раскольничья контора направили свои указы в Сибирскую губернскую канцелярию в связи с гарью в дер. Лучинкиной. Эти указы не содержали ничего нового — все те же требования строго следить за раскольниками, ловить зачинщиков; местным властям приказывалось, «шток во всех жилищах такого душепагубного сожигания все прилежно предостерегали и не допускали, а буде от неприлежности или слабого смотре-

ния такие ж противныя поступки чинены будут, то за такое слабое смотрение воеводы и прочие управители судимы будут, яко неисполнители указов». Сибирской губернской канцелярии предписывалось накрепко подтвердить всем «имеющим команду», а также крестьянским общинным властям, чтобы «за жителями того пагубного сожжения смотрели и не допускали, и прелестников и предводителей к тому ловили»¹⁷².

Но местные воеводы некоторое время могли не трепетать от последствий нарушения этого указа: Лучинкинской гарью завершаются самосожжения первой половины 50-х годов XVIII в. Заканчивается и история экстраординарных мер церковных властей по борьбе с урало-сибирским старообрядчеством. Обычные расследования будут продолжаться и впредь, хотя после удаления Сильвестра и некоторое время вслед за прибытием нового владыки Павла Конюсевича тобольскому архиерейскому дому будет не до старообрядчества.

---

¹⁷² ПСЗ, т. XIII, № 10138; ЦГАДА, ф. 288, оп. 1, № 441; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 81, лл. 67—72 об.; Сапожников Д. И. Указ. соч., с. 119—121.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ КОМИССИЯ
ПО БОРЬБЕ С РАСКОЛОМ

События начала 60-х годов XVIII в. явились высшей точкой развития противоречий между светскими и церковными властями в Сибири. Они были частью общего обострения этих отношений в связи с окончательным подчинением церкви бюрократическому государству в ходе подготовки и проведения секуляризации церковных имений. На непосредственную картину событий немалое влияние оказали как традиции относительной независимости церкви в Сибири, так и личные качества тогдашнего главы Тобольской епархии.

Митрополит Павел Конюсевич был одним из самых ярких и стойких представителей украинского церковного направления в Сибири. Немало общих черт роднит его с Антоном Стаховским, Арсением Мацеевичем, Сильвестром Гловацким. Подобно им, он считал себя пастырем строгим, но справедливым, всячески заботился о духовном образовании, ревностно отстаивал независимость и экономические права церкви от наступления государства. Но даже в ряду тобольских митрополитов-украинцев он выделяется яростным фанатизмом и жестокостью. Католический аббат Шапц и страстно полемизировавшая с ним Екатерина II дают митрополиту Павлу прямо противоположные характеристики и сходятся лишь в одном, согласно свидетельству о его фанатизме¹. Екатерина справедливо отмечала его властолюбие, подобное властолюбию Арсения Мацеевича, столь неприятному для нее, когда она сокрушала последние остатки церковной оппозиции абсолютизму. Но вопреки другой ее аттестации Павел был умным и образованным человеком. В отстаива-

¹ Екатерина II. Сочинения, т. 7. СПб., 1907, с. 136.

нии своих ретроградных убеждений он проявил немалую стойкость.

Епархией П. Конюскевич управлял с жестокостью и самостоятельностью, лишь усиливавшимися по мере того, как для подобной политики наступали все более неподходящие времена. Идеал отношения между церковью и государством он видел в седой старине и каноническом праве. Он хорошо понимал, как далека от этого идеала реальность «просвещенного абсолютизма», и глядел в будущее без оптимизма, со скептицизмом, не лишенным своеобразного остроумия. Павел ясно видел многие пороки подчиненного ему духовенства и сурово карал за них. Но, отклоняя очередное прошение о смягчении наказания, он не заблуждался относительно действенности своих воспитательных мер. Его морализирующие резолюции по столь обильным при нем дисциплинарным делам — любопытный социально-психологический источник, еще ждущий исследователя. Став тобольским митрополитом, он не заботился о служебной карьере, о мнении начальства, не раз проявлял вызывающее неуважение к Синоду, не слушал его указов. Впоследствии молва даже приписала ему (без достаточных, однако, оснований) обличения неканоничной рептильности Синода перед лицом наступления государства².

Взаимоотношения митрополита Павла с светскими властями были, конечно, куда более напряженными, чем с Синодом. Павел вступил — не мог не вступить — в острейший конфликт с сибирскими губернаторами Ф. И. Соимоновым и Д. И. Чичериным. Последнего он даже приказал изобразить среди грешников в аду в сцене страшного суда на одной из тобольских фресок, разгневавшись на него за частые концерты военных оркестров перед зданием Тобольской Софии во время богослужений. Екатерина недаром пазывала Конюскевича «гордым», прибавляя к этому другую выразительную характеристику — «мечтатель», то есть оторванный от политической реальности человек. Подобный человек мог зайти далеко в столкновении с светскими властями, защищая то, что он считал

---

² В. С. Иконников справедливо считает рассказ об этом, приправленный сильнодействующими чудесами, продуктом недовольства украинской церкви политикой правительства в 80-х годах XVIII в. — Иконников В. С. Павел Конюскевич, митрополит Тобольский. — В кн.: Русская старина, т. 3. 1892, с. 697—705.

насушными интересами церкви. Миссионерская деятельность Павла (в том числе противораскольническая) позволила Екатерине назвать его «гонителем, изувером, фанатиком» и стала причиной самых острых конфликтов как с населением, так и со светскими властями.

Он был вполне традиционен для того ряда тобольских митрополитов-украинцев, который им замыкается. Он родился в 1705 г. в Галиции, закончил с отличием Киевскую духовную академию и затем преподавал там пиитику. Там же, в Киево-Печерской лавре, он постригся на 28 году жизни в монахи, а позднее получил сан дьякона и священника. Тесная связь Павла с системой украинского духовного образования дала позднее повод как августейшей корреспондентке энциклопедистов, так и урало-сибирским мужикам-старообрядцам с трогательным единомыслием упрекать Павла в приверженности к католицизму. Для «философа на троне» это звучало подтверждением тезиса о властолюбивых замыслах части русских церковных иерархов, для таежных кержаков — еще одним достоверным признаком наступления «последних времен», когда во время страшного суда, наконец, получают по заслугам и окатоличившиеся иерархи, и нечестивые цари.

Павлу Колюшкевичу еще не исполнилось 40 лет, когда он был назначен главой одного из старейших русских монастырей — Новгородского Юрьева. До этого он успел пробыть 3 года проповедником Славяно-греко-латинской духовной Академии в Москве. 5 мая 1758 г. он был хиротонисан в тобольские митрополиты. В Тобольск он прибыл 20 ноября того же года, и вскоре сибирское духовенство почувствовало его тяжелую руку.

Одно из дел Тобольской консистории, опубликованное в выдержках Ф. Титовым, очень ярко характеризует начало правления нового митрополита. Учащийся Тобольской семинарии Максим Кочнев сообщал в письме от 20 мая 1759 г. своему брату екатеринбургскому духовному заказчику Федору Кочневу о первых шагах Павла в Тобольске: «О здешних тоболских обстоятельствах Вам доношу — очень времена стали тверди, прошли златие тия дни, в которых пастыри овец своих питали, согревали и не давали погибати. А ныне наступили наемники, видящии волка грядуща, оставляющии уже овцы и бегающии, или, пространнее скажу, самыя волки, расхищающия

и поражающая. С начала своего прибытия равноангельным человеком себя всем показал, а как всех искренности выприметил, поступки возымел противные прежним и званию пастырскому не согласныя ... Вначале на сырной неделе всем причетникам сошил красныя вокруг всего тела стежныя кафтапы; священников окованных держал в хлебне в сырной педели до пятка первыя недели, а для службы к церквам посланы ключари. Также и архимандритам непорядку в глаза ругался; певчим определил за вечерню или за утреню (за пропуск службы.— Н. П.) по 15 раз сквозь шпидрутен, из которых уже некоторые и претерпели, а иным еще обещается. Кратко: напасть нестерпима, беда велика, озлобление ужасно...»³.

Кочневы жили единым крепким кланом, прочно вросшим в урало-сибирскую землю; многочисленные связи не только с духовными, но и с местными светскими властями делали их весьма устойчивыми при всевозможных бурях и напастях. Удалось им выстоять и во время правления Павла, хотя и не без издержек. Павел сразу же заприметил и не взлюбил Кочневых; дядя Федора Мелелий, приходский священник, уже успел отведать по приказанию Павла плетей, когда митрополиту стало известно вышеприведенное письмо. Его услужливо переслал Павлу люгый недруг Кочневых билимбаевский священник Симеон Алексеев, неведомым путем добывший красноречивое послание тобольского семипариста. Но даже решительный и жестокий Павел Конюсевич не позволил себе сокрушить этот влиятельный род. Автор и адресат письма отделались сравнительно легко, и Федор Кочнев после трехмесячного духовного покаяния в Тобольске был в январе 1760 г. отпущен назад в Екатеринбург управлять духовным заказом. Вскоре позиция Ф. Кочнева и его вражда с С. Алексеевым окажут немалое влияние на деятельность екатеринбургской комиссии по борьбе со старообрядчеством.

Живописный рассказ Максима Кончева о митрополите Павле вполне соответствовал действительности. Еще по дороге из Санкт-Петербурга в Тобольск Павел не скупился на телесные наказания для священников его епар-

---

³ Титов Ф. Святитель Павел, митрополит Тобольский и Сибирский. Киев, 1913, с. 118—119. (Сейчас это дело находится в ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1759 г., № 158; за это указание приносим благодарность Н. Д. Зольниковой).

хии. В Tobольске к этому прибавилось определение в тяжелые работы и многое другое. Приговоры консистории, по его мнению, были слишком мягкими, и он неизменно ужесточает их, обучая консисторских чинов экзекуционной премудрости. Новый митрополит пользуется подобными случаями, чтобы порассуждать о пользе строгости, и едко высмеивает попытки разжалобить его. Хотя быстро дошедшие до Петербурга слухи о его жестокости были справедливы, П. Конюсевич не был самодуром и в своих приговорах по дисциплинарным делам сибирского духовенства строго стоял на почве тогдашней жестокой законности. Он постоянно заботился о семинарии, основал там класс богословия, виновных штрафовал в пользу семинарии, что, однако, не мешало ему наказывать семинаристов тяжелыми работами, а их учителей — плетью.

В ответ на обвинения в чрезмерной строгости он всегда мог привести поражающие воображение примеры самых дерзостных проступков и редкостной испорченности вверенного ему духовенства. Скажем, совершение священником Белоярской слободы Иваном Алексеевым сделки (тут же письменно зафиксированной им) по продаже драгуном А. Первушиным своей жены тобольскому жителю Луке Меньшикову по причине старости продавца⁴. Или рассказать о находчивости попа Дмитрия Земляничина, насильно обвенчавшего дочь дьячка Варвару Щербакову. Она не возражала, когда ее прямо с поля похитил соседний зажиточный крестьянин и затем повез венчать; но уже в церкви оказалось, что выдают ее не за похитителя, а за его батрака крестьянина Семена Истомина; Варвара сопротивлялась настолько решительно, что венчание пришлось прервать. Однако бывший сильно навеселе священник Земляничин сумел все же закончить венчание, зацугав Варвару, что в случае отказа ее немедленно продадут в холоństwo⁵.

Жалобы на нового митрополита одна за другой стали поступать в Петербург. Всего за 9 с лишним лет правления Павла в Синоде их накопилось около 30. Синод сначала ограничивался посылкой к Павлу указов об удовлетворении жалобщиков. Павел хладнокровно оставлял эти указы без ответа и исполнения, лишь изредка

⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 45, № 111.

⁵ Там же, оп. 47, № 315, л. 34—153 об.

равъясняя Синоду, почему жалобы являются на его взгляд бездельными.

Гораздо больше, чем жалобы сибирских священников, взволновали петербургские власти слухи о том, что притеснения «кровожажущего» архиерейского эконома Иакинфа вызвали большое недовольство крестьян. (Позднее в 1792 г. Иакинф был убит крестьянами и монахами.) Это было время волнений крестьян Далматова монастыря; обеспокоенная Екатерина II справлялась о справедливости этих слухов у Ф. И. Соймонова, и он подтвердил их ⁶. Авторитетное для императрицы мнение Ф. И. Соймонова было одной из причин, заставивших ее поторопиться с подготовкой смещения Павла. Другими причинами явились острые столкновения Павла с Д. И. Чичериным из-за насильственных мер по христианизации сибирских аборигенов и двукратное категорическое осуждение Сенатом чрезвычайных мероприятий Павла по борьбе со старообрядчеством.

Павел однако не собирался покидать тобольскую кафедру, он посмел даже не выполнить прямое приказание императрицы и два указа Синода о выезде из Тобольска. С другой стороны, правительство долго действовало осторожно и непоследовательно, опасаясь увеличивать церковную оппозицию во время подготовки и проведения секуляризации. Сложный процесс смещения Павла затянулся на целых 5 лет (1763—1768 гг.) и породил огромное делопроизводство ⁷.

О Павле Конюскевиче, а особенно о его смещении с тобольской митрополии, много писали и много спорили ⁸.

---

⁶ Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1872, т. 10, с. 275—276.

⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 45, № 339; оп. 47, № 315, 373; оп. 48, № 347.

⁸ Абрамов Н. Павел II Конюскевич, митрополит тобольский и сибирский.— «Странник», 1868, т. 4, № 11, с. 59—77; Знаменский П. В. Чтения из истории русской церкви за время царствования Екатерины II.— «Православный собеседник», Казань, 1875, № 4, с. 396—399; Иконников В. С. Арсений Мацеевич.— «Русская старина», 1879, тт. 24—26; Он же. Павел Конюскевич, митрополит тобольский.— «Русская старина», 1892, т. 3, с. 697—705; Львов А. Н. Архивные данные по делу преосвященного Павла Конюскевича.— «Христианское чтение», 1891, № 9—10, с. 251—265; Попов А. С. Арсений Мацеевич, митрополит ростовский и ярославский. СПб., 1905; Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1888, с. 65—91; Тер-

Итог спорам прошлого века подвел изящный анализ В. С. Иконникова. Он доказал, что утвердившееся в литературе мнение, будто Павел Конюскович выступил с резким протестом против секуляризации, не соответствует действительности; легенда об этом была создана на Украине в конце XVIII в., когда там почти с двадцатилетним опозданием началась ликвидация церковного землевладения. Вместе с тем В. С. Иконников показал, что Павел Конюскович являлся единомышленником смело выступившего против секуляризации Арсения Мацевича. Это, конечно, было одной из подспудных причин его удаления, завершеного, однако, почти через 5 лет после выступления Арсения Мацевича и расправы над ним.

Сначала предполагалось лишить Павла сана, но в конце концов его лишь удалили на покой в Киево-Печерскую лавру. Официальной причиной отстранения П. Конюсковича было указано жестокое обращение с сибирским духовенством и неподчинение указам Синода. В докладе тобольского иеромонаха Савватия говорилось о непочтительных словах Павла в адрес Синода. Наконец, Екатерина, торжественно живописуя на всю Европу свою борьбу с церковными ретроgrадами, в качестве главной причины удаления Павла называла его фанатизм.

* * *

Среди прочих тяжелых проблем епархии, доставшихся Павлу в наследство от Сильвестра, была и та, которая послужила главной причиной удаления предшественника Павла, — проблема борьбы со старообрядчеством. Бурная антираскольническая деятельность митрополита Сильвестра Гловацкого не только не решила вопрос, но еще более запутала его. После трагических событий начала 50-х годов время работало отнюдь не на Тоболь-

---

новский С. А. Очерки по истории Киевской епархии в XVIII столетии на основании документов синодального архива. — «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца». Киев, 1879, т. 1, с. 203—210; Титов А. А. Павел Конюскович, митрополит тобольский и сибирский. — «Исторический вестник», 1888, № 1, с. 180—186; Титов Ф. Святитель Павел, митрополит тобольский и сибирский. Киев, 1913; Толстой М. В. Святитель Павел, митрополит тобольский и сибирский. ЧОИДР. М., 1870, № 2., с. 158—168; Шорохов Л. П. Церковь в Сибири в конце XVI—XVIII вв. Автореферат канд. дисс., Новосибирск, 1971.

скую консисторию. С каждым годом грубые насильственные методы, которые лишь и были в арсенале Сильвестра и Павла, становились не только все более бессмысленными, но и все менее соответствовавшими «высшим видам правительства». Немалую роль играла здесь, в частности, внешнеполитическая ситуация. Митрополиту Павлу пришлось почувствовать тенденцию правительства избегать громких скандалов по старообрядческим делам, дабы не препятствовать возвращению в страну старообрядцев, бежавших в Польшу. Все явственнее сказывалось давление на местные и центральные светские власти тех фискальных и хозяйственных соображений, согласно которым разгром старообрядцев считался нецелесообразным.

Быстрый рост в эти годы богатого торгового Шарташа явился также важным фактором, влиявшим не только на внутренние дела урало-сибирского старообрядчества, но и на отношение к нему как местных, так и петербургских властей. Среди крупнейших феодалов Российской империи, кровно заинтересованных в том, чтобы подведомственное им население Урала и Исетской провинции богатели, а не разорялось, были такие влиятельные люди, как Строгановы и особенно Роман Илларионович Воронцов — собственник Верх-Исетского завода. Продолжая политику Демидовых, они покровительствовали старообрядцам, и их заступничество оказалось в решающий момент куда весомее, чем мнение Тобольской консистории. В редкостном согласии с частными заводчиками действовало и екатеринбургское горное начальство. В Сибирской губернской канцелярии воинственные планы митрополита Павла вызывали не больше энтузиазма, чем подобные планы Сильвестра; но эта канцелярия должна была подчас считаться с существующим законодательством об оказании светскими властями помощи церкви в борьбе с ее противниками. В несколько ином положении находилась Оренбургская губернская канцелярия, ведавшая в 60-е годы XVIII в. Исетской провинцией: посылка военных команд в провинцию Сибирской губернской канцелярией по требованию митрополита Павла не без основания рассматривалась в Оренбурге как незаконное вмешательство.

Вступив в управление Тобольской епархией, П. Ковюскович внимательно ознакомился со многими делами консисторского архива времени своего предшественника.

И поэтому, когда в обычной рутине епархиального управления стали традиционно появляться старообрядческие проблемы, митрополит Павел не заблуждался относительно той поддержки, которую можно было ожидать от уральской и исетской администрации. На собственном опыте он скоро убедился, что у этой администрации не прибавилось готовности помогать церкви в искоренении раскола. Так, весной 1759 г. консистория не смогла сломить сопротивление Исетской провинциальной канцелярии, отказавшейся, как уже упоминалось, выполнить требование церкви о сломе построенного в отдаленном месте дома раскольников Борисовых. В конце 1760 г. Тобольская консистория натолкнулась на резкое противодействие Канцелярии главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов в тянувшемся еще с 1748 г. деле о богохульстве екатеринбургского жителя Ивана Резанова⁹.

---

⁹ Дело это возникло по доносу жены Ивана Резанова Ксении, сообщившей, что он, не пуская ее на рождественскую службу 1747 г. в церковь, хулил официальную церковь: «Вера де ваша проклятая, коликко де я веры прошел, а погане де оной не нашел, и хочю де я в ее афедронном накласть». Канцелярия главного заводоуправления стала на сторону Ивана Резанова, объявила донос ложным и 20 декабря 1760 г. приказала пытать одну лишь Ксению. Ивана не пытали, хотя дело принадлежало к числу особо важных, виновному грозило сожжение. А Ксения на пытке отказалась от доноса, заявив, что сделала его «по младости и глупости»; Резанов был освобожден светскими властями. Однако митрополит Павел заявил, что отказ Ксении от доноса вымучен у нее на пытке, и добился при помощи Синода продолжения следствия. Оно обнаружило принадлежность как самого Резанова, так и его жены и тещи к уральскому старообрядчеству, хотя, возможно, к разным его толкам. Собирая обвинительный материал на Резанова, консистория установила, что он жил «у Демидова на заводах между раскольников же, где находятся разные раскольнические многие толки, для суеверий, которые он, Резанов, прошел. К тому же, бивши оную жену свою, приговаривал, чтоб не носила юбок и рубах с манжетами, а носила б сарофаны, ибо они, раскольники, обычне в новом платье новую веру, а в сарофанах старую полагают веру». Резанов, однако, отвечал, что бил жену лишь за то, что она тайно ходит «по непотребным домам». Это показание было подтверждено профессиональной обитательницей таких домов некоей Белоглазкой. Однако его преосвященство смиреннейший Павел, митрополит тобольский и сибирский, спокойно отвел это показание заявлением о том, что «публичной бляде Белогласке верить не надлежит». Исход дела не известен. — ЦГИА, ф. 796, оп. 41, № 329, лл. 1—33 об.

Поскольку Павел ничуть не меньше Сильвестра считал своим высшим предназначением миссионерство, в том числе противораскольническое, и хорошо сознавал, что от местных властей можно ожидать лишь помех, а не столь необходимой этому богоугодному делу вооруженной поддержки, все дальнейшее было предрешено. П. Кюнюскевич не мог не придти к выводу, что для выполнения его высокой миссии распространения среди «невежественных суеверцев» света истинного христианства необходим экстраординарный аппарат насилия, не подчиненный местным властям. Нечто вроде расширенной и упорядоченной команды Хлебникова. И обязательно — с полномочиями хватать, сажать и допрашивать, не докладывая каждый раз местным властям. (Позднее, категорически отказываясь выполнить требования Сената о передаче Оренбургской губернской канцелярии инструкции, полученной одной из подобных консисторских команд, митрополит Павел откровенно аргументировал это тем, что губернская канцелярия известит упоминаемых в инструкции старообрядцев¹⁰.)

Время создания подобного экстраординарного органа тоже определяется достаточно точно: с одной стороны, тем моментом, когда у прибывшего осенью 1758 г. в Тобольск нового митрополита в ходе экзекуционного паведения порядка в епархии дойдут, наконец, руки до старообрядческих проблем, с другой — изданием именного указа Петра III от 29 января 1762 г. и сенатского указа от 1 февраля того же года о веротерпимости по отношению к старообрядцам и прекращении всех следствий о них.

Реально события развернулись во второй половине 1760 г. — первой половине 1761 г. Конец им был положен двукратным категорическим вмешательством Сената (19 июня и 10 августа 1761 г.).

В ходе этих событий ясно различимы три взаимосвязанные линии: действия екатеринбургской комиссии по борьбе с расколом; экспедиция военной команды священника Иосифа Нагибина и поручика Ивана Полтырева в Исетскую провинцию и следствие там же по так называемому делу «квакеров» (хлыстов). Весьма характерно, что в двух первых случаях события начинались обыденно, но логика борьбы быстро приводила Павла

---

¹⁰ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, л. 28.

к необходимости принятия крайних, чрезвычайных мер.

10 июня 1760 г. православный крестьянин дер. Березовой с. Бобылевского Исетской провинции Федор Порошин сообщил в консисторию о непомерном взяточничестве приходского священника Федора Серебрянникова. Согласившись похоронить по православному обряду умершую мать Ф. Порошина, истовую старообрядку, священник потребовал и частично получил за это 8 бревен четырехсаженных, лошадь с жеребенком, амбар, шубу баранью новую и 1 руб. В доносе сообщалось также, что Ф. Серебрянников за взятки укрывает многих тайных старообрядцев, показывая их бывшими у исповеди. Названные Ф. Порошиным старообрядцы были арестованы, и началось большое следствие, в основном подтвердившее справедливость доноса. Одновременно выяснилось, что жители соседних деревень укрывали у себя расколуучителей Савву Михайлова и Пахомия, перекрещивали у них крещенных православными священниками детей и исполняли другие требы. Братья Федор и Яков Порошины приводили Савву Михайлова исповедывать перед смертью их мать (священник Серебрянников знал об этом, и отсюда столь высокая такса взятки). Федор Порошин был прощен и отпущен домой, но митрополиту Павлу удалось внедрить в его голову мысль о необходимости отплатить за прощение верной службой. В конце ноября — начале декабря 1760 г. братья Порошины приехали для покупки обуви в соседнюю дер. Кузину. Здесь в доме притворно обратившегося в 1750 г. из раскола крестьянина С. Кузнецова Ф. Порошин обнаружил какого-то неизвестного расколуучителя в монашеском платье и захватил его. Но тут хозяева, соседи и отставной солдат Мартемьян Кузнецов «наскоре прибежав с пешнёю и со стягом (жердью.—*Н. П.*), того раскольнического лжеучителя от поимки, его, Порошина, отбили ..., а его, Федора, и брата его Егора, бивши насмерть, из деревни выгнали вон». Порошин сделал извет о случившемся, но вскоре по жалобе солдата М. Кузнецова его с братом арестовали и «заломя назад руки веревками» привезли в Челябинск. Здесь подканцелярист Филипп Соболев, временно справлявший должность управителя Исетской канцелярии, «всячески скверною бранью их бранил и угрожал, что он (Ф. Порошин.—*Н. П.*) о раскольниках доносит, а и сама де канцелярия Исетская о том молчит, причем велел... рассыльщикам забирать

со обоих с них платье и рукавицы якобы за ездовое, и сверх того сам взял с них же 4 рубли и отнял данные им от консистории письменные виды, велел заковать в тяжкие цепи и посадить их, Порошиных, в тюрьму, в которой они томимы были чрез 3 недели с превеликим озлоблением и огорчением»¹¹.

Три недели в челябинской тюрьме Ф. Порошин провел не без пользы для себя: он выведал у другого колодника, крестьянина Усть-Суерского острога М. Антипина о том, что в эти дни, в декабре 1760 г., многие старообрядцы стали собираться в дом к крестьянину дер. Крутихи Белозерской слободы Ялуторовского дистрикта Аврааму Григорьеву сыну Белобородову, записному раскольнику. Ф. Порошин еще ранее узнал, что именно в этот дом хотел уехать захваченный было им у Кузнецова расколоучитель.

Сразу после своего освобождения Ф. Порошин отправился в Тобольск сообщить о всем происшедшем с ним и о собрании в доме А. Белобородова. О последнем консистория уже знала и успела принять срочные меры. Пока Ф. Порошин сидел в тюрьме, в Тобольске стало известно, что в доме А. Белобородова собралось около 150 старообрядцев и православных с намерением сгореть в знак протеста против расследований по старообрядческим делам. Среди собравшихся были и люди, недавно вернувшиеся из Тобольска, где они содержались во время одного из таких следствий (очень возможно, что речь идет о следствии в связи с допуском Ф. Порошина от 10 июня 1760 г.).

По требованию митрополита и в соответствии с обычной в таких случаях практикой Сибирская губернская канцелярия отправила туда поручика сибирского гарнизона Ивана Полтырева с военной командой; от Тобольской консистории команду сопровождал священник Иосиф Нагибин. Полтыреву и Нагибину удалось то, что в подобной обстановке удавалось очень редко: они смогли захватить некоторых руководителей, включая А. Белобородова, и разогнать все собрание. Это случилось 14 декабря 1760 г.¹².

¹¹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, л. 26 об.; 1761 г., № 63, лл. 1—92.

¹² Еще несколько человек было арестовано 7 января 1761 г. по доносу Ф. Порошина. Следствие тянулось весь 1761 и половину

И. Я. Сырцов считает этот случай примером удачного предотвращения старообрядческого самосожжения¹³. Однако управитель Окуневского дистрикта Исетской провинции Бошняк в рапорте от 16 января 1761 г. сообщил, что 14 декабря 1760 г. несколько человек все же сгорело: «Забираемые в Тобольскую консисторию... держались долговременно, после, как видно, из одного вымогательства отпущаются, а прочие поныне там, и оттого де из них несколько прошлаго 1760 года декабря 14 числа и сожглись»¹⁴.

Уже посылка из Тобольска весной команды 14 декабря 1760 г. в Исетскую провинцию и произведенные там аресты грубо нарушали права Оренбургской губернской канцелярии. Но митрополит Павел пошел еще дальше. Узнав о тех злоключениях, которые претерпел Ф. Порошин в Исетской провинциальной канцелярии, тобольский владыка решил наказать эту последнюю. Исполнителями были назначены те же И. Нагибин и И. Полтырев с большой военной командой. Данная им инструкция неизвестна, так как митрополит Павел сумел утаить ее от всех позднейших расследований; из соответствующего консисторского дела она также изъята. Но достаточно красноречивы сами действия команды.

В ночь на 30 января вооруженные силы Полтырева и Нагибина в количестве более 20 чел. прибыли в Челябинск и молодецким приступом захватили здание Исетской провинциальной канцелярии. Все еще управлявший ею подканцелярист Ф. Соболев и двое рассыльчиков были найдены в их домах и арестованы. Из колодничьей избы был взят брат Федора Порошина Егор. Команда захватила затем еще 6 рассыльчиков канцелярии, заковала всех арестованных в ручные и ножные кандалы и на 4 кон-

---

1762 г. Некоторые арестованные обратились в православие и были отпущены по домам. А. Белобородов и его сын Федор категорически отказались сделать это, и Павел хотел расправиться с ними. Однако указ от 1 февраля 1762 г. об амнистии по всем старообрядческим делам заставил Павла уступить трехкратному требованию губернатора Ф. И. Соймонова об освобождении Белобородовых. (См. ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1761 г., № 155, м. 54—95).

¹³ Сырцов И. Я. Указ. соч., с. 83. Это же повторяет за ним и Д. П. Сапожников (См. Сапожников Д. П. Самосожжение в русском расколе. М., 1891, с. 132).

¹⁴ ПСЗ, т. XV, № 11 277.

фискованных подводах отправила их в Тобольск¹⁵. Лишь спустя долгое время в ответ на неоднократные запросы Исетской канцелярии Полтырев и Нагибин сообщили ей расписки о приеме в тобольской тюрьме арестованных.

Отправив арестованных в Тобольск, Полтырев и Нагибин с 15 солдатами направились для дальнейших арестов в известные стойкой приверженностью к старобрядчеству деревни по Ирюму. По дороге они конфисковали еще 16 подвод под будущих арестованных. 31 января они прибыли в дер. Ильину, где намеревались арестовать 39 чел. во главе с крестьянином Козьмой Бездележным. Солдатам удалось произвести первые аресты, захвачен был и Козьма.

Но тем временем крестьяне успели организовать отпор. Со всех сторон сбежалось более сотни крестьян; позднее сам митрополит Павел признавал, что в этой толпе были далеко не одни лишь раскольники, вместе с ними действовали и их «сообщники». Доносчик Ф. Порошин был в этой схватке вторично жестоко избит. Павел писал, что крестьяне «осверепевши и обступя их, сыщиков, и команду их, ... с оглоблями, стягами и дубинами, человек со сто, всех их с имевшимися колодниками и обозом атаковав безмилосердно, били и ружья казенные переломали, особливо же священника Иосифа Нагибина смертельно бивши затоптали в снег, а из доносителей Федора Порошина толико ж били, заломя тираньски назад руки и ноги веревкою к шее накрепко привязали. И пойманного ими раскольнического попа и других имевшихся при них в обозе колодников и содержателей раскольнических попов разковав učinили свободными. А к команде и обозу и ко всем им сыщикам приставили свой караул с дубинами ж и со оглоблями». В обозе крестьяне нашли немало награбленного у них сыщиками имущества и вернули его себе. Крестьянский караул сопровождал сыщиков до самого Челябинска¹⁶.

Здесь между тем в бюрократических кругах царила паника. Ходили слухи, что из Тобольска едет новая команда, более сотни человек, для того чтобы доарестовать всех оставшихся на свободе чиновников Челябинска; ждали ареста управляющего Исетской канцелярией. Кан-

¹⁵ ПСЗ, т. XV, № 11 277.

¹⁶ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, л. 27 об.

целярия «на первый случай ... нарядила» для своей защиты сто человек служилых татар «с обыкновенным оружием» и просила военной помощи в Оренбурге. Одновременно разразилась обильная бумажная война.

Эту последнюю митрополит Павел вел умело и наступательно. Он запасся дотошным медицинским реестром всех телесных повреждений, нанесенных сыщикам крестьянами дер. Ильиной. Павел надеялся, что сам факт крестьянского сопротивления военной команде перекроет в глазах высших властей все остальное и реакция будет традиционно-карательной. Митрополит обвинял Исетскую канцелярию в забвении основ петровского законодательства о помощи светских властей духовным розыскам, напоминал, что Исетская провинция входит в его епархию и т. д.¹⁷ Январские сражения не обескуражили его, и он намеревался продолжать свою линию.

Но вскоре крестьяне нанесли по планам руководства сибирской церкви еще один удар, как вскоре оказалось, чрезвычайно весомый. 14 февраля 1761 г. на Ирюме в дер. Кузиной сгорело около 150 чел. (По всей видимости, в это число входят и те 70 сгоревших 14 февраля крестьян ирюмских деревень Ильиной, Саввиной и других, о которых сообщил 18 марта 1761 г. в консисторию тюменский духовный заказчик Софроний¹⁸.) Перед самоожжением крестьяне успели заявить властям, «что предают себя сгорению от присылаемых команд грабительства и разорения, для того, что де многие между раскольниками безвинные взяты в Тобольск, и в заключении претерпевают голод и мучения, и никому де свободы нет» и что если репрессии будут продолжаться, то самоожжения станут повсеместными¹⁹.

Этот решительный голос ирюмских крестьян будет услышан в Петербурге лишь через 5 месяцев и сыграет немаловажную роль в пресечении действий митрополита Павла. Но пока Павел не склонен был придавать большого значения случившемуся. Он прочно стоял на обычной для сибирских владык точке зрения, что самоожжения происходят из-за попустительства светских властей раскольникам, а также из-за исключительного умения их

---

¹⁷ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, лл. 27—28 об.

¹⁸ Там же, 1761 г., № 55.

¹⁹ ПСЗ, т. XV, № 11 277.

руководителей заниматься чародейством и волшебством, как это было отмечено еще самим святым Дмитрием Ростовским²⁰. Поразительным примером формально-бездущного отношения иерархов сибирской церкви к страшным трагедиям, подобным происшедшей 14 февраля 1761 г. на Ирюме, явилась резолюция митрополита Павла на рапорт тюменского духовного заказчика Софрония об этой гари, первой, о которой узнал Павел за время своего управления епархией: «Понеже о деле, да еще и новом, представляете, того ради не репортом, аки бы просто на получение указа без исполнения, но подлежало доношением представлять, а за неисправность взыскать штрафа 5 рублей». Штраф с провинившегося заказчика был взыскан, и это было единственной реакцией Павла на страшное сообщение²¹.

* * *

В те самые мартовские дни 1761 г., когда известие об Ирюмской гари неспешно шло в Тобольск и затем было воспринято митрополитом Павлом как маловажное, сибирское церковное руководство принимает окончательное решение о полномочиях нового экстраординарного органа по борьбе с расколом — екатеринбургской комиссии. Этому решению предшествовали довольно обыденные обстоятельства.

4 августа 1760 г. невьянский дьякон Иван Конюхов сообщил в консисторию о предпринятой им неудачной попытке поимки некой «лжестарицы». Он выследил ее в доме заводского крестьянина, раскольника Антона Сквородникова и сумел было арестовать старуху. Но прибежавший хозяин дома и старообрядцы И. Тараканов и В. Кирьяков отняли его пленницу, а самого дьякона крепко побили. По требованию митрополита Павла Сибирская губернская канцелярия для ареста старухи и трех «убийцов» дьякона направила в Невьянск прапорщика Якова Кокшарова с тремя солдатами.

Представителем консистории при этом розыске был назначен екатеринбургский духовный заказчик протоиерей Федор Кочнев. В конце сентября, когда они прибыли

²⁰ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, лл. 28—65 об.

²¹ Там же, 1761 г., № 55, л. 1 об.

в Невьянск, разыскиваемых ими лиц там и след простыл. Однако усердные сыщики взамен обнаружили несколько человек тайных старообрядцев — «человек с десять приличных по тому делу». Попытка арестовать их была решительно пресечена Невьянской заводской конторой, которая объявила, что без разрешения главного правления заводов не позволит арестовать ни одного человека. Канцелярия главного правления заводов в свою очередь отказалась выполнить требования сыщиков и предложила Тобольской консистории следствие над заводскими жителями производить не в Тобольске, а в Екатеринбурге.

Павел согласился с этим и 16 декабря издал указ, поручающий Ф. Кочневу и Я. Кокшарову произвести следствие о невянских старообрядцах на месте. Назначение для этого следствия Ф. Кочнева логически вытекало из его должности екатеринбургского духовного заказчика. Однако памятуя, видимо, о письме семинариста Максима Кочнева к брату Федору (цитированном выше), Павел вскоре решил иметь в следственной комиссии верного себе человека для контроля над действиями Ф. Кочнева. 20 декабря в комиссию был назначен билимбаевский десятоначальник священник Симеон Алексеев, лютей враг Ф. Кочнева.

С. Алексеев был человеком энергичным, жестоким, неразборчивым в средствах. Донос Павлу о письме Максима Кочнева обеспечил ему расположение митрополита, но одновременно чрезвычайно обострил отношения С. Алексеева не только с екатеринбургским духовным заказчиком, но и с челябинским — П. Флоровским, известным искоренителем раскола и другом Кочневых. Екатеринбургское духовное правление затеяло следствие по доказанному обвинению С. Алексеева в блудном деле. Ему оставался один путь: срочно выслужиться перед Павлом, свалить Ф. Кочнева. Теперь для этого представилась замечательная возможность. Со времени назначения в комиссию С. Алексеева она занимается, пожалуй, не столько своим прямым делом, сколько отчаянной внутренней войной в связи с бесчисленными доносами С. Алексеева и его союзника Я. Кокшарова на остальных членов комиссии. Но и в искоренении старообрядчества С. Алексееву, конечно, необходимо было проявить наибольшее рвение. Он решится при этом на крайние, несовместимые с саном священника меры, которые дадут оружие в руки

противников не только его, но и митрополита Павла. Описание его ратных походов будет повторено во множестве официальных бумаг вплоть до указа Сената, где будет фигурировать в качестве яркого примера крайнего фанатизма сибирских церковников. Конечно, в другое время с рук сходило и не такое. Но времена менялись, жесткий курс митрополита Павла становился анахронизмом. В этих условиях даже склочность и непомерное рвение С. Алексеева порождали серьезные конфликты.

Вскоре после начала своей работы в комиссии 14 января 1761 г. он направил митрополиту Павлу рапорт, послуживший причиной расширения сферы деятельности этого экстраординарного органа. С. Алексеев сообщил, что «через некоторых здешних обывателей» он узнал о 7 незаконных старообрядческих свадьбах в приходе екатеринбургского священника Егора Кочнева, брата Ф. Кочнева. С. Алексеев предложил этих старообрядцев «для пресечения их самовольства» допросить в комиссии, начав следствие о незаконных требах. Несмотря на осторожность выражений, это был несомненный намек на нерадивость Кочневых в борьбе со старообрядчеством. Вскоре Алексеев получил возможность обвинить Кочневых в потворстве раскольникам «из лакомства». Не дожидаясь ответа из Тобольска, С. Алексеев предложил членам комиссии подписать соответствующее решение о начале следствия по поводу старообрядческих браков в Екатеринбурге. Ф. Кочнев отказался подписать это решение, и тут же в Тобольскую консисторию полетел донос С. Алексеева о подозрительном потворстве екатеринбургского заказчика старообрядцам. Напрасно Ф. Кочнев оправдывался потом, доказывая, что следствие по поводу этих браков он начал еще несколько месяцев тому назад. Павел не без основания видел в его медлительности корыстный расчет²².

6 марта 1761 г. после обстоятельного доклада консистории Павел подписал указ, определявший основные задачи и состав екатеринбургской комиссии: «О вышепоказанных екатеринбургских раскольниках потаенно свенчавшихся и о рождающихся у них детях следствие препоручить управляющему в Екатеринбурге заказные духовные дела священнику Афанасию Воинственских

²² ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1761 г., № 155, лл. 125—129, 148—149 об.

и показанному билимбаевскому десятона начальнику священнику Симеону Алексееву и прапорщику Якову Кокшарову». Ф. Кочнев от главного — екатеринбургского следствия устранился, но временно оставался еще участником рассмотрения первого дела о невянских старообрядцах. Второй духовный заказчик Екатеринбурга с такой подходящей для комиссии фамилией Воинственских назначался ее председателем.²³

Как уже говорилось, вопрос о старообрядческих требованиях, особенно браках и крещениях, был из числа таких проблем, следствие о которых могло легко превратиться во всеобщий розыск. Возможности для какого-то сосуществования господствующей церкви и старообрядческих общин крылись лишь в испытанном механизме подкупа коррумпированного духовенства. Любое жесткое расследование могло поставить под удар почти каждую старообрядческую семью. Понятно поэтому, какую огромную опасность таил указ 6 марта 1761 г., какие полномочия (и, следовательно, возможности для новых вымогательств) получали екатеринбургские следователи.

Консistorия снабдила екатеринбургскую комиссию письменной инструкцией, где определялся объем ее задач и образ действий. Эта инструкция, подобно инструкции Полтыреву и Нагибину, не сохранилась в консисторском архиве, вероятно, не случайно. Сама комиссия приводила выдержки из инструкции в своей промемории в Екатеринбургскую контору судебных и земских дел, что позволяет сделать некоторые выводы о характере инструкции. Ею было «велено здесь в Екатеринбурге и ведомства одного в прочих заводах о находящихся раскольниках, неправильно женившихся, венчанных в лесах потаенными лжераскольническими попами, також и после ревизии вновь рожденных детей произвести в той комиссии в неотлагательном времени ... следствие». Однако другие пункты инструкции, по-видимому, расширяли эту без того широкую задачу: надлежало также вести следствие по любому подозрению в «тайном содержании раскола» лицами, не записанными в раскол. Наряду с этим ставилась задача поимки старообрядческих наставников, попов, монахов, «лжеучителей». Перед нами, таким образом, след-

---

²³ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, л. 2 об.; 1761 г., № 155, л. 135 об.—136.

ствие по той же обширной программе, которую тщетно пытался осуществить в начале 50-х годов митрополит Сильвестр²⁴.

В пределах этой многогранной задачи комиссия обладала большими полномочиями: «Буде кто по каким-либо доносам и обличениям окажется в подозрениях раскольников, брать в ту комиссию и допрашивать, ежели же... окажется, что они, раскольники, так учинили в противность ... прав государственных и ея императорского величества высочайших указов, таковых раскольников содержать скованных в ручных и ножных кандалах под особым и неослабным караулом, не отписываясь под чьим оные судом состоят»²⁵. Последние слова являются наиболее важными, ибо они провозглашают независимость действий комиссии от тех местных властей, которым были подведомственны подозреваемые.

Так исподволь и незаметно митрополит Павел пришел к созданию экстерриториального, по сути, органа, отчитывающегося непосредственно ему и снабженного не только полномочиями, но и вооруженной силой, необходимыми для действий, независимых от местных властей. Это противоречило и основам государственного устройства Российской империи и тому самому законодательству 1722 г. о порядке оказания светскими властями помощи духовному расследованию, на которое так любила ссылаться Тобольская консистория. Уже позднее, 5 июля 1761 г., оправдывая перед Синодом создание подобного органа, Павел подчеркивал, что главное здесь — постоянная воинская команда при следственной комиссии, благодаря которой комиссия может «сама собою ... сыскивать в скором времени без упущения и разглашения», неизбежных при сношениях с местными властями²⁶.

Одновременно с определением состава и полномочий комиссии в тот же день 6 марта 1761 г. консистория направила местным светским властям, включая заводские, промемории. В них она призывала местные власти оказывать комиссии всяческое содействие, умалчивая о чрезвычайных полномочиях, предоставленных консисторией екатеринбургским следователям.

---

²⁴ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, л. 86.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, лл. 4 об.—5.

В составе комиссии произошли позднее дальнейшие изменения. Мечтая получить председательское место в комиссии, С. Алексеев стал вскоре писать доносы на нового председателя А. Воинственских. Дело в том, что этот последний не оправдал ни доверия митрополита Павла, ни своей фамилии. Он вскоре отказался участвовать в работе комиссии, заявив, что ее создание и образ действия противоречит государственным законам. За это справедливое замечание его отстранили от высоких должностей в комиссии и в духовном правлении и отдали под суровый суд консистории. Новым председателем комиссии Павел назначил свое доверенное лицо, иеромонаха Тобольского Знаменского монастыря Евфимия. С. Алексеев пытался писать доносы и на него, но на сей раз безуспешно. Неудачей окончились и попытки этого неутомимого доносчика добиться снятия Ф. Кочнева с поста екатеринбургского духовного заказчика.

* * *

Получив широкие полномочия, комиссия развила активную деятельность в Екатеринбурге — в непосредственной близости от крупнейшего Шарташского центра старообрядчества. Благодаря крайней настойчивости С. Алексеева удалось сразу же получить довольно значительную информацию.

На основании первых известий, о которых 14 января 1761 г. С. Алексеев докладывал в Тобольск, было арестовано 10 старообрядцев. Вскоре их перевели из екатеринбургского духовного правления в распоряжение комиссии и подвергли жестоким пыткам. Из их показаний и из других источников комиссия узнала о многочисленных тайных требах, совершаемых в Пышменских лесах старообрядческим попом Петром Ивановым, а в Черноисточенских лесах на Кузиной горе — попами Василием, Яковом, Семеном, Лукою. Комиссия, таким образом, получила точные сведения о 62 жителях Екатеринбурга, соседних заводских поселков и деревень, тайно крещенных, обвенчанных, исповеданных по-старообрядчески. В ответ на еженедельные доношения комиссии о столь быстрых успехах консистория требовала принятия незамедлительных мер по захвату всех оговоренных и подозреваемых, в первую очередь старообрядческих руково-

дителей. Отвечая на запрос С. Алексеева, 5 апреля 1761 г. митрополит Павел приказал тех колодников, которые и после увещаний с пристрастием отказываются обратиться в православие, присылать для дальнейшей обработки к нему в Тобольск.

Еще И. Я. Сырцов, которому принадлежит заслуга первого введения в научный оборот одного из консисторских дел об екатеринбургской комиссии, отмечал те немалые услуги, какие оказали комиссии завербованные ею два доносчика из жителей Шарташа²⁷. Один из них, Федор Свинников, был взят из Шарташа в солдаты и служил в Екатеринбурге. За свои доносы он просил освобождения от военной службы. Несмотря на ходатайство комиссии, единственно, чего ей удалось добиться, был перевод Свинникова под начало Я. Кокшарова, да и то лишь спустя долгое время. Тем не менее Ф. Свинников дал немало ценных сведений. Часто бывая на родине в отпуске, он имел возможность исподволь расспрашивать родственников и соседей. В случае увольнения от службы он обещал найти тайную старообрядческую часовню, дать сведения еще о 30 старообрядческих браках и привести в комиссию пескольких старообрядческих руководителей. Однако не получив желаемого, доносчик не реализовал эти новые обещания.

Немало важного для следствия узнала комиссия из доносов тюменского разночинца Ивана Решетникова, который долго жил в Шарташе в батраках. В марте 1761 г. он добровольно явился в комиссию и предложил свои услуги. В начале мая 1761 г. он предоставил обширный донос о шарташских старообрядцах, указав, в частности, местопребывание давно уже разыскиваемого расколоучителя Петра Иванова. Первый набег комиссии на Шарташ был сделан по этому доносу: В августе 1761 г. он предложил план большой облавы на Невьянском заводе, но из-за вмешательства Сената этот план уже не мог быть осуществлен.

Конечно, пара добровольных доносчиков — слишком единичный материал для характеристики настроений и взглядов всей огромной массы урало-сибирских старообрядцев. Однако нельзя все же не отметить в этой связи одну интересную деталь, свидетельствующую об успехах

---

²⁷ Сырцов И. Я. Указ. соч., с.77—78.

социального расслоения в старообрядческой среде. Батрак, доносящий на своих хозяев-старообрядцев и помогающий уличить их,— фигура, несколько раз встречающаяся в ходе событий пачала 60-х годов. «Строшный работник» Р. И. Черкасов сообщил доносителю Ф. Порошину о старообрядческом старце, который скрывался в доме его хозяина С. Кузнецова в дер. Кузиной Исетской провинции, активно помогал Порошину захватить этого старца. Давали показания против своего хозяина и «строшные работники» богатого крестьянина дер. Крутихи, торговца мелом А. Белобородова, инициатора несостоявшейся гари в декабре 1760 г.

Захваченный по доносу Решетникова близ Шарташа старообрядец Павел Шапошников не выдержал многократных истязаний и в конце концов тоже выдал многих.

Но кроме таких привычных и общепринятых способов получения следственного материала, как донос и пытка, у С. Алексеева были и свои методы. Позднее они вызвали крайнее недоумение у светской власти идилического XVIII в. С. Алексеев любил, переодевшись, часами бродить по рынку, гостинным рядам, прислушиваясь к разговорам и выискивая нужных ему людей. Где-нибудь под рукою ждали его распоряжений солдаты. Именно так был захвачен 1 мая 1761 г. мирской староста Шарташа Иван Грязнов. Он тут же был закован в тяжелые цепи; С. Алексееву так и не удалось выбить из него какие-либо показания, и он был вынужден отпустить его. Верхне-Исетская заводская контора жаловалась, что следователи в Екатеринбургe и приписанных к заводу Шарташской, Сарапульской и Становской деревнях старообрядцев «беспорядочным образом под караул свой к следствию забирают с базару ... без ведома их команд»²⁸.

Комиссия действовала с крайней жестокостью. Крестьянку Анну Комягину, содержащуюся в комиссии в кандалах с апреля по ноябрь 1761 г., пытали 6 раз. Ее, как и сына старообрядца Ивана Кодрова, едва не уморили голодом. Во время арестов старообрядцев и членов их семей, в том числе малолетних, жестоко избивали. Допросы «с пристрастием», то есть с пыткой, велись непрерывно.

²⁸ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1761 г., № 155, л. 196.

Заводские власти, быстро поняв характер действий комиссии, стали засыпать консисторию и Оренбургскую губернскую канцелярию жалобами. Митрополит Павел не оставался к ним равнодушным и по мере сил пространно разъяснял светским властям их заблуждения. Со временем его резолюции становятся короче, суше: «судных и земских дел контора (екатеринбургская.— Н. П.) не в свое дело вступается и о том нечего рассуждать», «убыток души — больше всех убытков» (резолюция на сообщении о больших убытках, причиняемых заводам действиями комиссии).

Не дали результата и запугивания, которым члены заводской администрации часто подвергали «комиссиян». Верхнеисетские заводские приказчики А. Шицунов и Ф. Артоболевский обещали С. Алексееву «руки и ноги переломать» и даже, похитив его, представить на расправу в Петербург к графу Воронцову или сослать в Нерчинск. С. Алексеев лишь тщательно фиксировал угрозы и строил новые доносы, требуя увеличения числа прикомандированных к комиссии солдат.²⁹

Гораздо действеннее оказалось решение заводоуправления довести повсеместно до сведения крестьян и мирских властей, чтобы без разрешения главного заводоуправления требования комиссии об аресте старообрядцев не исполнялись. Однако далеко не всегда крестьяне имели достаточно сил и организованности, чтобы успешно противостоять двум десяткам солдат комиссии.

К этому времени в комиссии все явственнее стала ощущаться нехватка колодников. Арестованные в первые дни и захваченные на екатеринбургском рынке были уже многократно допрошены с пристрастием, кое-кого между пытками удалось даже обратить в православие, а свежих поступлений из-за противодействия заводских властей было все меньше. Это противодействие было тем успешнее, что заводские приказчики пользовались информацией о намерениях комиссии, которую им предоставлял Федор Кочнев (в качестве екатеринбургского духовного заказчика он одно время имел доступ к документам комиссии). Жалобы С. Алексеева в различные инстанции на то, что следовательская машина непроизводительно простаивает, не дали результата. Тогда комиссия

²⁹ ГАТТ, ф. 156, оп. 1, 1761 г., № 155, л. 28—41.

решила перейти к более активным действиям и стала отправлять вооруженные экспедиции для внезапных арестов в соседних деревнях. Наиболее значительными оказались два набега на Шарташ — вечером 3 мая и в ночь на 2 июня 1761 г.

3 мая И. Решетников подал донос, предлагая выдать комиссии в доме шарташского раскольника Павла Шапошникова давно разыскиваемого раскольнического попа Петра Иванова. Ночью туда отправилась команда из 8 чел., включая председателя комиссии иеромонаха Евфимия и С. Алексеева. В рапорте солдат позднее сообщалось, что «священник Симеон Алексеев, взяв сибирского гарнизона у Ивана Иванова казенный кафтан с камзолом и шпагою, надев на себя, и волосы у себя завязал пучком и пукли подвив» отправился в путь; иеромонах Евфимий также скинул священническое платье и одел мирское — епанчу³⁰. Впоследствии, оправдываясь, они заявили, что сделали это затем, чтобы крестьяне, узнав их, не убили.

По дороге экспедиция конфисковала у шарташских крестьян подводы, а изощенный в пытках копиист екатеринбургского духовного правления А. Мехнецкий украл привязанную у крестьянского сеновала лошадь. В доме у П. Шапошникова чужих не нашли, но арестовали, жестоко избив хозяина, его сноху, а также тяжело избили сына хозяина и его малолетнюю дочь. Затем «все, что было в доме незнаемо куда увезли»; в поданом позднее сыном хозяина иске говорится о похищенном комиссией имуществе и скоте на сумму 61 руб³¹. Вторая экспедиция в Шарташ закончилась гораздо менее удачно, хотя 4 членов комиссии сопровождало 2 июня более 20 солдат с примкнутыми штыками.

На сей раз комиссия не застала крестьян врасплох. Еще раньше они снарядили в Петербург к графу Р. И. Воронцову выборного, крестьянина Ивана Косова. Граф обещал свое покровительство и посоветовал изложить екатеринбургские новости в жалобе в Сенат, в Раскольничью контору. Помня о событиях начала 50-х годов, крестьяне предложили свой путь решения конфликта о «неуказных требах»: Раскольничья контора взимает за

³⁰ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, л. 88.

³¹ Там же, л. 94.

эти требы положенные штрафы, и дело на этом прекращается. Граф Воронцов согласился добиться принятия этого плана. Узнав об этом, заводские власти предложили митрополиту Павлу впредь до решения в Петербурге вопроса о требах следствие прекратить.

События в Шарташе развернулись вскоре после возвращения из Петербурга И. Косова. Солдатам удалось силой вломиться в дом шарташского жителя Серафима Лопатина, но как только комиссия занялась обычными избиениями и грабежами, на крик сбежались соседние жители. Тогда комиссия попыталась арестовать другого шарташского старообрядца—Петра Корнилова, но и тут натолкнулась на решительный отпор. О дальнейшем члены следственной комиссии доносили так: «Оной деревни раскольники, собравшись скопом многолюдно более 200 человек, в том числе и те, которые в комиссию для допросов потребны, и, устремясь на нас с великим дубьем, кольем и копьями, ни к кому в те дома, у которых раскольнические лжеучители бывают под укрывательством, не допустили, и с великим криком и ругательством на нас бить нападали, от которого их злодейства и наглого нападения едва с командою обратно уехали»³².

Сопротивления крестьян возглавил только что вырвавшийся из застенков комиссии мирской староста Шарташа Иван Грязнов. Собрав вооруженную толпу, он потребовал от комиссии объявить о цели ее приезда. Председатель комиссии Евфимий ответил, что сам этого не знает, а С. Алексеев крикнул: «Зачем они приехали, о том они знают сами и будут искать во дворах их»³³. Тогда староста заявил, что без предъявления письменного приказа заводских властей он не даст производить арестов. Развернувшееся после этого сражение было, по мнению светских властей, вызвано лишь дальнейшим упрямством комиссии, а требования крестьян являлись законными: заводские власти не были даже официально оповещены об этой экспедиции. И. Грязнов в своем рапорте подчеркивал, что действия крестьян предотвратили возможные насилия со стороны комиссии.

Решительный отпор, оказанный 2 июня 1761 г. шарташскими крестьянами комиссии, явился кульминацион-

³² Там же, 1761 г., № 155, л. 194 об.

³³ Там же, 1760 г., № 279, л. 93 об.

ной точкой событий. Весь июнь проходит в безуспешных попытках комиссии и Тобольской консистории добиться от заводских властей помощи³⁴. В это же время продолжается неуклонный ход по столоначалиям Петербурга крестьянской жалобы, подкрепленной жалобами Р. И. Воронцова в Сенат и Синод. Позиции Воронцова укрепило и то, что он мог сослаться на реальные факты массового бегства крестьян Шарташа, деревень Сарапульской и Становой от екатеринбургских следователей в окрестные леса. А опытный в политических делах граф выдвинул еще один аргумент, имевший чуть ли не решающее значение. Он сообщил, что кроме 600 человек, разбежавшихся по лесам, около 300 старообрядцев убежало в Польшу. Сам этот последний факт не поддается проверке, цифры, во всяком случае, сильно преувеличены. Но в то время, когда правительство стало серьезно изыскивать средства для возвращения польских старообрядцев на родину, подобное известие не могло не встревожить высшую власть.

Тучи над головой сибирских церковных иерархов стали сгущаться, и сам митрополит Павел почувствовал это в конце июня, еще до получения первого указа Сената.

* * *

К этому времени еще один фактор стал влиять на обострение отношений между руководством сибирской церкви и правительством. В самом конце 1760 г. митрополит Павел начал обширное следствие о «квакерах» в тобольской епархии³⁵. Русские источники XVIII в. называют этим именем последователей «христовщины» (хлыстовщины). 12 января Павел сообщил о новом следствии Синоду и быстро, уже 21 февраля, получил его полную поддержку. (В Петербурге «квакеры» рассматривались тогда как весьма опасные противники — в 30-х и 40-х годах XVIII в. искоренением этой ереси занимались две специальные комиссии, накопившие в ходе жесточайшего расследования огромное делопроизводство)³⁶.

³⁴ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, л. 3 об.

³⁵ Там же, л. 18.

³⁶ ЦГАДА, ф. 301, 302; ЦГИА, оп. 14, № 80, 101; оп. 26, № 335, 438; оп. 28, № 213, 42; оп. 30, № 8, 18.

Сибирский митрополит потребовал от Исетской провинциальной канцелярии присылки к нему 39 жителей Окуневского дистрикта, заподозренных в «квакерской ереси».

В ответ на это требование управитель Окуневского дистрикта Бошняк доложил 16 января Исетской провинциальной канцелярии, что все 39 чел. им арестованы и находятся, закованные в цепи, в Окуневской управительской канцелярии; однако Бошняк считал нецелесообразным посылку их в Тобольск, так как, по его мнению, никакие они не «квакеры», а верные сыны церкви, арестованный же крестьянин Иосиф Деньгин является даже церковным старостой³⁷. Исетская провинциальная канцелярия поддержала мнение Бошняка о том, что крестьяне арестованы напрасно, и запросила помощи от Оренбургской губернской канцелярии.

Узнав о возражениях Бошняка, митрополит Павел счел их наивными и тут же потребовал ареста еще 25 крестьян Окуневского и Шадринского дистриктов «яко квакерскую ересь содержащих». Павел направил это требование 22 марта, когда его уже было легче декларировать, чем осуществить. Сибирская губернская канцелярия опасалась осложнений и отказалась дать консистории солдат для этих арестов³⁸. Еще меньше расположена была совершить эти аресты Оренбургская губернская канцелярия: она только что отправила сообщения о сложившейся ситуации в Сенат и Синод и ждала ответа. В этих сообщениях говорилось также о грубых насилиях команды Полтырева и Нагибина, о вызванных этими действиями самосожжениях, передавались слухи о новых воинственных планах тобольского митрополита. Канцелярия подчеркивала, что продолжение подобных действий может вызвать массовые самосожжения, опустошение целой провинции и тяжкие фискальные потери. Канцелярия просила не присылать больше из Тобольска команд без сношения с Исетской провинциальной канцелярией, чтобы такие команды «страхов, обид и разорений, а паче взятков» не чинили.

---

³⁷ ПСЗ, т. XV, № 11277; Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода, кн. 1. СПб., 1860, с. 574—583.

³⁸ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, л. 17.

Опасения Оренбургской канцелярии были достаточно обоснованными. Наряду с активным ведением дела о «кварах» Павел не забывал и тех проблем, которые остались нерешенными после поражения Полтырева и Нагибина на Ирюме. Из Тобольской консистории один за другим выходили документы, требовавшие сурового наказания крестьян, виновных в избиении Полтырева и Нагибина. 13 апреля митрополиту Павлу удалось, наконец, добиться посылки в Тюмень и в Исетскую провинцию новой военной команды во главе с адъютантом Иваном Павлуцким для поимки старообрядческого попа Саввы Михайлова, о котором говорилось еще в первом доносе Порошина. Савву Михайлова и на этот раз не нашли, но зато арестовали несколько его сторонников³⁹. Вскоре удалось захватить Козьму Безденежного, которого 31 января 1761 г. крестьяне дер. Ильиной отбили у Полтырева и Нагибина. Однако через несколько дней Козьма осуществил дерзкий побег из Рафаилова монастыря⁴⁰.

По Челябинску ползли тревожные слухи о новых военных командах из Тобольска, о жестоком обращении в консисторских подвалах с арестованными жителями города⁴¹. Челябинск готовился к отражению нападения из Тобольска и уповал на вмешательство Петербурга.

Написанный 31 мая 1761 г. ответ Синода на представление Оренбургской губернской канцелярии был, однако, разочаровывающим. Синод в своем указе разъяснял губернской канцелярии, что светским властям невозможно узнать всю глубину коварства и притворства еретиков, и поэтому им следует не рассуждать о столь непонятных для них материях, а арестовывать всех, кого им церковь укажет.

³⁹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1761 г., № 63.

⁴⁰ Там же, № 121, лл. 101—113.

⁴¹ В том числе — с захваченным во время штурма Исетской канцелярии временным главой этой канцелярии подканцеляристом Ф. Соболевым. В этом конкретном случае слухи оказались, однако, сильно преувеличенными — Соболеву была отведена в архиерейском доме отдельная колья-камера и ему часто предоставлялась возможность находить утешение в многочисленных кабаках тобольского нижнего посада, куда его сопровождали двое караульных. После одного из таких братских возлияний он даже закричал спьяну ложно «слово и дело» на другого колодника, арестованного по доносу Ф. Порошина; за это он был в строгом соответствии с законом наказан плетьюмп. — ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1761 г., № 64, л. 1—28.

Но вскоре пришел долгожданный указ Сената, круто изменивший ситуацию.

Летом 1761 г. Сенату пришлось дважды заниматься положением, сложившимся в результате опустошительной миссионерской деятельности митрополита Павла среди старообрядцев. Первый указ Сената был принят 19 июня 1761 г. и рассылался в Оренбургскую и Сибирскую губернские канцелярии 21 и 22 июня⁴². Этот указ принят по доношению Оренбургской губернской канцелярии, в котором приведены рапорт Бошняка об арестах по делу «квакеров» и сообщение Исетской провинциальной канцелярии о набеге Полтырева и Нагибина на эту канцелярию, на ирюмские деревни и о самоожжениях в этой связи. Сенат целиком становится в этом указе на точку зрения Окуневской управительской, Исетской провинциальной и Оренбургской губернской канцелярий. Сочувственно цитируются весьма резкие оценки деятельности Тобольской консистории, содержащиеся в документах этих канцелярий. В качестве важного обвинительного материала против консистории приводятся слова ирюмских крестьян о том, что они «предают себя сторению от присылаемых команд грабительства и разорения». Указ резко осуждает «Тобольской духовной консистории весьма неприличные поступки против означенных исетских жителей», вызвавшие великое смятение народа и самоожжения, «чему главной причиной никто иной, как токмо единственно Тобольская консистория». Указ Сената особо отмечал, что Исетская провинция — «отдаленное и пограничное место», где «потребно тамошних жителей во всяком покое и тишине содержать, дабы чрез то наилучший повод подать к выходу из Польши и из других заграничных мест беглым российским людям, кои при вызове их и монаршим ея императорского величества милосердием обнажены». Сенат требовал от Синода строгого наказания виновных. Оренбургской губернской канцелярии предписывалось провести следствие о действиях команды Полтырева и Нагибина. Сибирской канцелярии категорически запрещалось отправлять команды за пределы губернии «для забираяния крестьян

---

⁴² ПСЗ, т. XV, № 11227, с. 733—737; *Собрание постановлений по части раскола...*, кн. 1, с. 574—583; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1760 г., № 279, лл. 18—об., 21—об.

ией». Вместе с тем указ Сената признавал продолжать аресты главных расколоучителей производить их «как наивозможно зом, без всякого в тех местах народного и помешательства».

атегорический характер носит второй указ ый 10 августа 1761 г. по жалобе графа оновича Воронцова (рассылался 13 августа непосредственно касался деятельности ой комиссии и осуждал эту деятельность ьным образом. Сенат так аттестовал дея- сии: «Оная забирает собою чрез послан- манды приписных к Верх-Исетскому же- крестьян, и въезжая в их деревни, грабят ие, и их бьют и мучат немилосердно, их под караул». Сенат самым недвусмыс- т приказывал Главному правлению заво- лей от таких им чинимых разорений при- щать и ни за чем посланных от реченной й комиссии команд в их жительство гускать». Одновременно «о таком же за- : послал указ и в Сибирскую губернскую пат грозно разъяснял этой последней, что ется защита от посягательств тобольских телей вверенной ее попечению губернии, о невмешательстве в дела соседней губер- ной как тех Верх-Исетских крестьян, ренбургской губернии и своего ведомства вышеозначенных чинимых духовными ко- ний прилежнейше защищать, и ни за чем вышенисанной раскольнической комис- ской консистории команд в их жительство ь не допускать, ... для забирания тех жи- ько команд не давать, но и не малейшаго команд спомоществования не чинить, недопустительного штрафа».

еткий и ясный итог одного из наиболее зений между светской и церковной властью темами борьбы со старообрядчеством. Мы

7, № 11 305, с. 765; Собрание постановлений по ш. 1, с. 583—584; ГАТОТ, ф. 156, оп. 1, 1760 г., -об.

видели, сколько разноплановых и разномасштабных событий оказали влияние на это сенатское решение — жесткая, упрямая политика митрополита Павла, не умевшего считаться с политическими реальностями времени, рост торгового Шарташа, увеличение влияния заводских властей, общее возрастание роли практических хозяйственных соображений при определении конкретной политики, решительность крестьянского сопротивления, нежелание правительства сильно обострять внутреннее положение из-за религиозных проблем, влияние внешнеполитической ситуации, приближение времен «просвещенного абсолютизма», уже сказывающееся в конце правления Елизаветы.

Церковная власть вынуждена была уступить перед столь категорически выраженным мнением Сената. Синод в несколько смягченном виде изложил это мнение в указе митрополиту Павлу от 26 июля, присовокупив собственное сдержанное неудовольствие⁴⁴. Митрополит Павел почувствовал неизбежность отступления еще в конце июня, до получения в Тобольске первого сенатского указа. Грань эта лежит где-то между 28 июня, когда консистория сурово требует от Главного заводоуправления новых арестов, и 2 июля, когда Павел направляет екатеринбургской комиссии указ с требованием прекратить самовольные аресты и отныне действовать лишь под контролем заводских властей⁴⁵.

Где-то между 2 и 5 июля митрополит Павел пишет Главному заводоуправлению, что никакой комиссии с экстраординарными правами вообще-то и не было, а Павел лишь пошел навстречу пожеланию Главного заводоуправления о разборе старообрядческих дел на месте⁴⁶. 5 июля Павел делает отчаянную попытку спасти свое любимое детище при помощи Синода. Он впервые сообщает Синоду о существовании комиссии, подчеркивает ее чрезвычайный, экстерриториальный характер, страстно доказывает, что лишь таким путем можно искоренить старообрядчество. Он просит добиться значительного увеличения находящегося в распоряжении комиссии вооруженного от-

⁴⁴ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1761 г., № 155, л. 7.

⁴⁵ Там же, 1760 г., № 279, лл. 3—4; 1761 г., № 155, л. 42, 196—198.

⁴⁶ Там же, 1760 г., № 279, лл. 4—об.

ряда, предлагает поставить во главе него подполковника С. Тихомирова и подчеркивает свое убеждение в том, что прекратить самосожжения может лишь вооруженная сила, изъятая из ведения местных властей и подчиненная непосредственно церкви⁴⁷.

Менее подходящее время для подобной просьбы трудно было придумать. Павлу предстояло вскоре узнать из синодального указа от 26 июля, что Синод нисколько не расположен воевать с Сенатом из-за екатеринбургской комиссии. Павел еще мог в конце августа отдать под строжайший консисторский суд бывшего председателя комиссии А. Воинственских, осмелившегося назвать действия комиссии незаконными. Но он не мог уже оказать комиссии никакой реальной помощи. Напрасно С. Алексеев писал ему отчаянные рапорты о том, что светские власти парализовали всю деятельность комиссии, решительно пресекая любые попытки новых арестов, что вполне подходящие для допросов старообрядцы спокойно гуляют по екатеринбургскому рынку, а он не может их арестовать. Комиссия была вынуждена выпустить всех арестованных, ибо в противном случае заводские власти грозили сделать это силой. 28 августа С. Алексеев был вызван в Канцелярию главного заводууправления, и ему был прочитан указ Сената от 10 августа. Это был конец⁴⁸.

Руководству сибирской церкви приходилось теперь заботиться о том, как свести на нет то расследование их бурной деятельности, которое приказал провести Сенат. Это им более или менее удалось. Расследование «непорядочных поступков» С. Алексеева проводилось Тобольской консисторией, которая спустила это дело на тормозах⁴⁹. С немалым трудом и риском для себя Павел сумел

⁴⁷ Там же, 1760 г., № 279, л. 4 об.— 5.

⁴⁸ Там же, 1761 г., № 155, л. 44 об.

⁴⁹ Там же, 1754 г., № 289. Это обширное дело наполнено удивительными свидетельствами противозаконной активности билимбаевского попа за следующие десять лет. Он при помощи подлога стал духовным заказчиком; украд сьяна чугунную пушку, он приволок ее на гору и обстреливал свой духовный заказ; ночью устраивал стрельбу из ружья у дворов скупых, по его мнению, прихожан; объявил, что имеет право как лицо духовное бесплатно пользоваться кабаками, и пытался подтвердить эту смелую теорию соответствующей практикой; взял в разное время 125 руб. взяток с венчавшихся; держал четырех любовниц, одну из которых умыкнул прямо с девшника. Консистория, памятуя о его заслугах по борьбе с ра-

также сорвать проводившееся Оренбургской губернской канцелярией следствие о действиях Полтырева и Нагибина⁵⁰.

* * *

Итак, схватка начала 60-х годов кончилась полным поражением церкви. Поражение это было более явственным, чем при митрополите Сильвестре, ибо сопровождалось недвусмысленным публичным осуждением руководства сибирской церкви со стороны Сената.

Сравнивая эту ситуацию начала 1760-х годов с подобными событиями десятилетней давности — временем воинственных деяний митрополита Сильвестра, — мы замечаем немало общего. Продолжали действовать прежние причины и закономерности. По-прежнему правительство не в силах реализовать петровское законодательство о расколе во всей его полноте, хотя законодательство это остается в силе. Как и во времена Татищева и затем Сильвестра, те стороны и направления старообрядчества, которые связывают его с крестьянским протестом (с побегом в первую очередь), крайне неприятны и подозрительны для светских властей. Церковь продолжает пользоваться этим, требуя репрессий. Но все больше видна и другая сторона старообрядчества, тесно переплетающаяся с интересами горнозаводской промышленности и крупных торговых династий, целых общин. Павел мог уже безошибочно направить главный удар на торговый Шарташ, как основную силу урало-сибирского старообрядчества. Впрочем, достаточно показателен и выбор другой цели — ирюмских крестьянских общин. Урало-сибирское старообрядчество XVIII в. не настолько объедини-

---

сколом, ухитрилась каждый раз выручать его и отступилась от него, лишь когда он был неопровержимо уличен в обдуманном убийстве своего соперника, невьянского жителя Г. Швецова. Симеон был расстрижен, приговорен к повешению, однако сумел не только избежать петли, но и найти вскоре свое настоящее призвание: дело неожиданно заканчивается прощением «бывшего попа, а ныне находящегося в казацкой службе Семена Алексева, ... тобольской казацкой команды пятидесятника», о возвращении конфискованного у него имущества.

⁵⁰ Там же, 1760 г., № 279, лл. 23—28 об., 29—31 об., 63 об.—67.

лось вокруг Шарташа, или любого другого центра, чтобы был заглушен голос крестьянских общин; их значительная самостоятельность сохраняется и сейчас. И среди разных причин, приведших к краху планов сибирских церковников, ясно различимы как стойкое сопротивление Шарташа и заводских крестьян, включающее удачные ходатайства перед высшей властью, так и крестьянские самосожжения.

История неудачи широких антираскольнических мероприятий начала 50-х и начала 60-х годов показывает две стадии развития одного процесса. Не делая еще принципиальных отступлений от основ петровского законодательства, светская власть, однако, все менее склонна поддерживать опасный экстремизм церкви в этой все усложняющейся проблеме. Завидная четкость определения раскольников в Духовном регламенте («лютые неприятели, непрестанно государству и государю зло мыслящие») все чаще признается светской властью практически неудобной, противоречащей непосредственному государственному интересу. Да и вообще российское самодержавие на пороге екатерининского «просвещенного абсолютизма» предпочло бы менее средневековые, не столь пахнувшие кровью и дымом инквизиционных костров методы религиозной полемики. Не то, чтобы оно вообще было против таких средств. Просто оно считало, что кровавое устрашение следует применять в соответствующих случаях, к числу коих спор о сугубой или трегубой аллилуйе, как теперь все больше выяснялось, не относился. Церкви, по мнению светской власти, следовало бы с большим профессионализмом овладеть методом убеждения, а не выпрашивать все новых пыток для своих противников. Поэтому степень помощи светских властей во время розыска митрополита Павла меньше, чем во время такого же розыска Сильвестра, а осуждение действий церкви в 1761 г. более ясное и категорическое.

Парадокс: те самые церковные деятели украинского направления, которые столь искренне ненавидели петровскую бюрократизацию, огосударствливание церкви по Духовному регламенту, как только дело касается подавления старообрядчества, дружно испускают громкие вопли по поводу того, что ясные указания регламента все больше забываются. Пока дело не дойдет до прямого окрика Сената, рептильный Синод говорит здесь почти

тем же языком, что и стойкий воитель за права церкви митрополит Павел.

Природный ум и наблюдательность Павла, его знакомство с консисторскими делами 1750-х годов позволили ему сделать из ситуации четкий логический вывод о необходимости создания экстраординарного карательного органа, обладающего вооруженной силой и практически подчиненного церкви. А ретроградная смелость и упрямство митрополита способствовали созданию такого органа, исполнительная деятельность которого выходила за рамки законов Российской империи. Яростная склоность и коррумпированность сибирского духовенства, его стойкая традиция отношения к старообрядчеству как к объекту любых вымогательств и издевательств довели жестокие инструкции Павла до крайних пределов беззаконной разнузданности.

Все это дало светским властям удобнейший повод указать зарвавшимся сибирским церковникам их место в бюрократическом государстве и заодно стать в приятную позу защитников интересов подданных. К тому же можно было блеснуть европейской респектабельностью новорожденного религиозного «свободомыслия», чем вскоре успешно будет заниматься Екатерина II. Наконец, ситуация Семилетней войны, стремление склонить к возвращению на родину бежавших за рубеж старообрядцев также были не в пользу митрополита Павла.

В окончательном срыве его планов немалую роль сыграли как яростные протесты наиболее решительных — избивавших солдат тобольских команд или кидавшихся в огонь, так и покорные прошения и жалобы умеренных. Как одни, так и другие активно действовали в эти годы, оба направления старообрядчества могли праздновать победу. Но несомненно, что более терпимая к расколу политика, предписанная из Петербурга, укрепляла позицию умеренных и увеличивала их надежды на какой-то компромисс с властями.

ПОИСКИ КОМПРОМИССА
В 60—70-е ГОДЫ XVIII в.

1. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НАЧАЛА 1760-х ГОДОВ

Несомненное изменение отношения абсолютистской власти к старообрядчеству было определено еще до переворота, приведшего Екатерину к власти. Россия узнала об этом перевороте из манифеста, начинавшегося следующими, насквозь демагогичными фразами: «Всем прямым сынам Отечества Российскаго явно оказалось, какая опасность всему Российскому Государству начиналась самым делом, а именно: закон Наш Православный Греческий перво всего возчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий церковных, так что Церковь Наша Греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древняго в России Православия и принятием иновернаго закона»¹. Но именно в правление Екатерины II наиболее интенсивно шло «потрясение преданий церковных», необходимое для утверждения нового места церкви в абсолютистском государстве. В частности, наметившийся еще раньше поворот в отношении к старообрядчеству получил дальнейшее развитие и законодательное оформление. Правда, первые законы Екатерины не всегда бывали столь же откровенны, как указы Петра III, на которых они основывались.

Уже правительство Петра III поняло необходимость обобщения наметившихся в административной практике новых явлений, не укладывавшихся в законодательство Петра I. Важной побудительной причиной для подобного пересмотра явилась проблема возвращения старообрядцев, бежавших за рубеж, особенно обострившаяся в годы Семилетней войны и последующего внимания к польскому вопросу. Немалую роль сыграли также старообрядческие

¹ ИСЗ, т. XVI, № 11582, с. 3.

самосожжения, прискорбно уменьшавшие податное население империи. Подавить раскол грубой силой не удалось. Было ясно, что насильем не остановить самосожжений, не привлечь старообрядцев из-за границы.

29 января 1762 г. генерал-прокурор А. И. Глебов объявил собранию Правительствующего Сената именной императорский указ: «Его императорского величества высочайшее соизволение есть беглым российским раскольникам, которые живут в Польше и в других заграничных местах, и многие желание имеют возвратиться в Россию с тем, чтобы им в содержании закона по их обыкновению и старопечатным книгам не от кого возбранения не было, о чем в Сенате и по Раскольнической конторе у сочинения по материям пунктов многократно трактовано было, но разрешения на то не учинено, — Всемиловитейше на то им позволить и к поселению их в Сибири Барабинскую степь и другие тому подобныя места отвести и никакого в содержании закона, по их обыкновению, возбранения не чинить, ибо внутри Всероссийской его императорского величества империи и иповерные, яко магометане и идолопоклонники, состоят, а те раскольники христиане, точию в едином застарелом суевении и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которого они, бегая за границу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно, и для того его императорское величество Высочайше указать соизволил, о том сочиня Сенату обстоятельное учреждение, предложить к Высочайшей его императорского величества опробации»². Указ справедливо замечал, что вопросом о возвращении старообрядцев, бежавших в Польшу, и проблемами положения старообрядцев в России немало занимались в конце правления Елизаветы. Но сейчас давалось категорическое приказание пересмотреть все законы и документы, относящиеся к старообрядчеству, и создать новый их кодекс — «обстоятельное учреждение». Решительно указывались не традиционные, но столь необходимые основы этого кодекса: отвращать от раскола «не принуждением и огорчением», снять многочисленнейшие препятствия и ограничения в отправлении старообрядцами своего культа. Безоговорочно выполнить такую широкую программу российское самодержавие рискнет лишь в 1905 г. Но все

² ПСЗ, т. XV, № 11420, с. 984—985.

же, пусть с немалыми противоречиями и отступлениями, законодательство о расколе XVIII в. пойдет по пути, намеченному в указе 29 января 1762 г.

1 февраля 1762 г. был принят первый во всем русском законодательстве разумный указ о мерах по предотвращению самосожжений. Поскольку старообрядцы обычно собираются гореть «от причиняемых им по одному их расколу притеснений и забирания под караул», Сенат приказывал немедленно прекратить все следственные дела о старообрядцах, «и содержащихся под караулом тотчас в дома отпустить и вновь никого не заирать»³. Вскоре, 7 февраля 1762 г., Сенат удовлетворил просьбу жителей нижегородских скитов о защите их от притеснений Владимирской консистории⁴.

Правительство Екатерины II по традиции предпочитало не подчеркивать отмену тех или иных петровских законов. Но на деле законы этого времени развивают новые отношения со старообрядчеством. 22 сентября 1762 г. всемилостивейший манифест императрицы подтвердил фактически законодательство Петра III о прекращении судебных и следственных дел над старообрядцами: «по раскольничьим (кроме прямых богохульников), корчемным и соляным делам содержащихся до сего времени под караулом, всех свободить и по учиненным об них септенциям ничего не делать, а начатые следствия отставить»⁵. Здесь, правда, нет решительного требования указа от 1 февраля 1762 г. впредь не начинать подобных дел, но судебная практика ближайших лет соответствует именно этой решительности.

Намеченного указом Петра III от 29 января 1762 г. систематического пересмотра всего законодательства о расколе не состоялось, но несколько незначительных, на первый взгляд, слов, вставленных в екатерининский указ о возвращении старообрядцев из-за границы, дали законодательную возможность осуществить этот переход прямо в административной практике. Общему указу о выходах из-за рубежа предшествовало частное решение Сената от 16 октября 1762 г. в связи с прошением расколь-

³ Там же, № 11434.

⁴ Там же, № 11435, с. 908.

⁵ Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб., 1860, кн. 1, с. 593.

ников, вышедших из Польши и поселившихся при крепости святой Елизаветы. Уже здесь местным властям предписывается защищать раскольников от всяческих утеснений, не настаивать на ношении специального платья и бритье бород ⁶. 4 декабря 1762 г. был издан широкообещающий манифест о позволении иностранцам и бежавшим из России селиться в стране. Манифест содержал торжественное, но расплывчатое обещание: «Всем, приходящим к поселению в Россию, наша монаршая милость и благоволение оказано будет». Для старообрядцев эта фраза обернулась серьезными льготами, не очень-то созвучными с духом петровского законодательства о расколе. Сделано это было достаточно гибко. Принятый после конференции с Синодом указ Сената от 14 декабря 1762 г., конкретизировавший по отношению к старообрядцам положения манифеста 4 декабря, был до отказа заполнен долгими гладкими фразами о подтверждении мудрого законодательства 1716—1724 гг. В этих пышных словесах почти терялись противоположные узаконения, имевшие наибольшее реальное значение. В духе частного указа от 16 октября 1762 г. повелевалось оказывать старообрядцам покровительство, защищать их от притеснений, не чинить принуждения в ношении указного платья и бритье бороды. Вышедшие из-за рубежа старообрядцы записывались в двойной подушный оклад, но им предоставлялась в уплате всех податей льгота на 6 лет. Для поселения старообрядцев отводились и те районы, которым вскоре суждено будет сыграть роль крупнейших старообрядческих центров: близ Усть-Каменогорской крепости (по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой), в Оренбургской губернии (в том числе — на Иргизе)⁷.

20 января 1763 г. Сенат принял новый указ, повелевающий всем военным и светским властям неукоснительно придерживаться указа от 14 декабря 1762 г., следить, чтобы раскольников не отягощали поборами, и не возвращать обнаружившихся среди переселенцев беглых их прежним хозяевам ⁸. 24 января 1763 г. подобный указ был направлен и от имени Синода ⁹.

⁶ ПСЗ, т. XVI, № 11683, с. 79—80.

⁷ Там же, № 11720, 11725, с. 126—132.

⁸ Там же, № 11738, с. 140—141.

⁹ ПСПыР (1762—1772 гг.). Т. 1. СПб., 1910, № 93, с. 86.

Вскоре в связи с начавшейся III ревизией 3 марта 1764 г., Екатерина II приказала распространить на всех записных раскольников те блага, которые были дарованы вышедшим из-за рубежа старообрядцам 14 декабря 1762 г. (кроме, разумеется, шестилетней льготы). Светские власти получили возможность простой ссылкой на манифест 3 марта 1764 г. пресекать любые попытки церкви возобновить широкие гонения на старообрядцев. Это не значило, конечно, что церковь сразу же уступит и перевоспитается. Так, 22 декабря 1765 г. и 17 января 1767 г. придется принимать специальные указы о незаконности любых следственных комиссий по расколу в связи с попытками создать на Дону орган, подобный екатеринбургской комиссии. В Сибири митрополит Павел до самого своего снятия с Тобольской кафедры будет пытаться продолжать гонения на старообрядцев¹⁰. Официальное провозглашение верности принципам законодательства первой четверти XVIII в. придавало определенную силу таким попыткам.

В условиях стимулирования властями возвращения старообрядцев из-за рубежа вполне понятен интерес императрицы к истории вопроса. Обратившись к ней, Екатерина II с удивлением обнаружила, что ни одно правительственное учреждение не имеет ни малейшего представления о судьбе тех 1050 захваченных когда-то на Ветке старообрядцев, в большинстве своем монахов, которые были в 1735 г. разосланы под арест в различные русские монастыри «до обращения». Частичные сведения, собранные Синодом по настоятельному требованию императрицы, вскрыли во многих епархиях и особенно в Сибири картину ужасающих беззаконий, пожизненного заточения в монастырях упорных старообрядцев¹¹. Синоду пришлось указом 17 декабря 1764 г. потребовать немедленного освобождения из монастырей всех томящихся там старообрядцев с последующей записью их в двойной подушный оклад¹².

Важными мерами по ослаблению административно-юридической обособленности старообрядцев в стране явились упразднение 15 декабря 1763 г. Раскольничьей кон-

¹⁰ *Собрание постановлений по части раскола...*, кн. 1, с. 633—635.

¹¹ ЦГИА, ф. 746, оп. 47, № 315, 373.

¹² ПСПиР, № 214.

торы Сената и отмена 17 февраля 1769 г. законов, запрещавших принимать в судах от старообрядцев свидетельские и исковые заявления¹³.

Особенно важное значение для устранения конфликтных ситуаций сыграло определение Синода от 17 августа 1767 г. Определение было вызвано довольно обычным случаем: в Москве священники, требуя выполнения старообрядцами Тверской и Ямской слобод петровского законодательства о раскольниковских детях, силой пытались проникнуть в дома старообрядцев, ломали ворота, двери, окна. Хотя требования священников внести старообрядческих детей в исповедальные ведомости полностью соответствовали прежнему законодательству, которое официально никто не отменял, Синод резко осудил методы действия священников. Так было принято общее определение, запрещавшее священникам входить в дома раскольников без приглашения. Напомним, что именно подобное распоряжение содержали подложные указы, распространявшиеся крестьянами Сибири еще в середине 30-х годов XVIII в. 19 декабря 1767 г. это распоряжение было повторено в связи с арестом Костромской консисторией раскольника, не представившего детей для крещения. Синод в обоих случаях ссылался на указ от 14 декабря 1762 г. о раскольниках, возвращающихся из-за рубежа, и на манифест от 3 марта 1764 г. о новой переписи. Очень показательное устойчивое толкование обоих законов в синодальных определениях как актов, в которых повелевается обращаться со всеми раскольниками «не чиня им с детьми их никому ни от кого никакого притеснения»¹⁴. Эти положения были еще раз подтверждены постановлением Синода от 16 января 1768 г. в связи с жалобой нижегородского архиепископа Феофана на старообрядцев, которые вопреки всем законам свободно исполняют все требы, отправляют публичную службу. Синод, однако, встал на защиту старообрядцев Балахонского и Юрьевского уездов, жаловавшихся Синоду, что Феофан не соблюдает указа от 3 марта 1764 г. о вольностях старообрядцам¹⁵. Показательно и то, что ходатаями здесь выступали скитские жители, которые ранее преследовались особенно жестоко.

¹³ ПСЗ, т. XVI, № 11989, с. 466; т. XVIII, № 13255, с. 840—842.

¹⁴ ПСПиР, № 365, № 401.

¹⁵ Там же, № 410.

Такой же подход характерен и для некоторых других определений Синода ¹⁶. Несомненно, что сама повторяемость подобных ситуаций, возникавших перед высшей церковной администрацией, показывает, с каким трудом новый подход внедрялся в сознание русского духовенства.

Одно из редких в те годы известий о подготовке старообрядцев к самосожжению (в Новгородской епархии) позволило Екатерине рекомендовать для таких ситуаций очень простой метод. Сенат хотел было идти обычным путем: приказать захватить всех собравшихся силой и сослать их в Нерчинск на каторгу. Резолюция императрицы гласила: «Выбрать из тамо живущих раскольников поумнее которые и поблагонравнее и послать оных уговаривать». Эта мера помогла. Собравшиеся гореть старообрядцы, узнав о всяческих послаблениях, мирно разошлись. Сенат решил популяризировать этот опыт среди светских и духовных властей ¹⁷.

Не следует, конечно, преувеличивать значение этого поворота. Официальная церковь по-прежнему оставалась господствующей, а союз с ней светских властей неизменным звеном идеологической политики абсолютизма. Но методы этого господства постепенно становились иными, государство предписывало большую гибкость, отказ от слишком инквизиционных анахронизмов. Чувствуется стремление правительства пойти в чем-то навстречу интересам торгово-промышленной верхушки старообрядчества. Но предложенная правительством Петра III отмена устаревших законов и принятие системы новых не были осуществлены правительством Екатерины II, и это делало новую политику неустойчивой, затрудняло ее применение. На местах, особенно в Сибири, в конфликтных ситуациях светские и духовные власти зачастую могли ссылаться на различные законы или на разное толкование туманных общих фраз екатерининских манифестов. Центральные власти далеко не всегда с одинаковой настойчивостью стремились внедрить новое отношение к старообрядчеству. Судебные преследования старообрядцев не исчезли совсем, хотя число таких преследований резко сократилось. Предложенная еще в октябре 1767 г. отмена двойного

¹⁶ Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 600—604, 631—632.

¹⁷ ПСЗ, т. XVI, № 12272, с. 945—947; т. XVII, № 12326, с. 23—24.

подушного оклада была отсрочена на целых 15 лет, а пока, 12 декабря 1767 г., было принято решение о значительном увеличении двойного оклада с купцов¹⁸. Крестьянская война привела к явному ужесточению отношения властей к старообрядцам: последнее постановление о «послаблениях» было принято 19 февраля 1773 г. (о неприменении насилий при увещеваниях, пыток в духовных судах)¹⁹. Правительство вернется к этому курсу лишь в 1782 г.

Вся сложность и непоследовательность новой правительственной политики по отношению к расколу выявилась особенно ясно во время той ситуации, которая всегда создавала большие затруднения для светских и духовных властей — при проведении очередной, III ревизии. 3 марта 1764 г. был издан императорский манифест о новой переписи записных раскольников во время ревизии. Манифест подчеркивал, что прежние данные учета записных раскольников абсолютно не отражают действительности, в частности, не учитывают резкого увеличения числа тайных старообрядцев, поэтому «надлежит оных при нынешней ревизии вновь переписать, положа для подачи сказок от публикования в каждом месте четырехмесячной срок». Особенно подчеркивалась необходимость полной переписи населения скитов.

Как и при каждой ревизии, сразу же встали вопросы о допустимости записи в двойной подушный оклад лиц, ранее официально считавшихся православными, в том числе детей старообрядцев. На первый взгляд казалось, что манифест открывал для подобной записи широкую дорогу: он подчеркивал неприемлемость старого учета, требовал полной записи всех тайных старообрядцев, «как мужской, так и женской пол по семейству своему». Вместе с тем оставалось неясным, кого считать тайным старообрядцем, достаточно ли одного заявления желающего для записи в двойной оклад. Возможность для ограничения свободной записи давал параграф 4 манифеста, провозглашавший: «Что же касается до тех, кои православной церкви не чуждаются, и таинства церковныя от православных священников приемлют, а только в застарелых и безрассудных некоторых по суеверию остаются обычаях, не

¹⁸ ПСЗ, т. XVIII, № 12996, с. 371—373; № 13033, с. 405—406.

¹⁹ Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 669—675.

развращающих ни слова божия, пиже догматов и правил церковных, то оные не токмо от входа церковнаго и от таинств ея святым Синодом не отлучаются, но и за раскольников тем же Синодом не признаются». Поэтому в надежде на полное обращение в православие их запрещается писать в двойной оклад. Синод разъяснил, что речь здесь идет о крестящихся двуперстно. Таким образом, спустя 42 года удовлетворялась просьба тобольского митрополита Антония не загонять в двойной оклад за одно лишь двуперстие, весьма распространенное в Сибири. Но сейчас, когда было немало желающих откупиться от православной церкви уплатой двойного оклада, это постановление открывало возможность ограничения записи в двойной оклад лишь теми, которые явно «чуждались» ранее церкви и церковной исповеди. В Сибири широко было распространено своеобразное «двоеверие», границы старообрядчества были нечеткими, многие тайные раскольники являлись одновременно прихожанами двух приходов: официального и тайного старообрядческого²⁰. Положения манифеста 3 марта 1764 г. оставляли поэтому широкую возможность для взаимоисключающих толкований. Практика применения манифеста обещала быть противоречивой, особенно в Сибири²¹.

2. ТРЕТЬЯ РЕВИЗИЯ

В ходе борьбы, развернувшейся в Тобольской епархии вокруг записи в раскол во время III ревизии, не только сказались традиционные черты подобных ситуаций XVIII в., но и явственно выступили специфические явления, характерные для 60-х годов. Главные спорные проблемы были те же, что и во время II ревизии: допустимость записи в раскол лиц, ранее официально считавшихся православными, вопрос о детях записных раскольников. Законодательство 60-х годов, как мы видели, не давало бесспорных указаний для решения этих проблем и различные силы толковали екатерининские законы о записи в раскол

---

²⁰ Покровский Н. П. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в.— В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 381—406.

²¹ ПСЗ, т. XVI, № 12067, с. 596—597. См. также: Собрание постановлений по части раскола..., кн. 1, с. 598—599, 604—605; ПСЗ, т. XVI, № 12215, с. 854, № 12301, с. 1017—1018. Историю появления манифеста и борьбы вокруг его толкования см. ЦГАДА, ф. 248, № 3631, лл. 62—569.

по-разному. К тому же в Сибири широко пользовались возможностью привлечения никем не отмененных законов времени II и даже I ревизий.

События осени 1764—1765 гг. выявили существенные расхождения понимания манифеста 3 марта 1764 г. крестьянами, духовными и светскими властями. Извечная крестьянская вера в милостивые царские указы заставляла жителей урало-сибирских старообрядческих сел искать и находить в противоречивом тексте манифеста подтверждение всевозможных религиозных свобод, в первую очередь свободы отказываться от услуг официальной церковной организации и идеологии. Напротив, сибирское духовенство старательно делало вид, что новые указы базируются на петровском законодательстве и проникнуты его нетерпением к старообрядчеству. Только упрямый митрополит Павел находил иногда смелость, чтобы в своих мрачных донесениях Синоду прозрачно намекать, что новый, более либеральный подход правительства к опасному идеологическому противнику до добра не доведет. Заводские власти Урала и Алтая, лишь недавно выигравшие сражение с Тобольской консисторией из-за Екатеринбургской комиссии, не склонны были принимать церковную трактовку манифеста от 3 марта 1764 г. и поддерживали свободную запись всех желающих в раскол. Сибирская губернская канцелярия, как обычно, заняла уклончивую позицию, на словах признавая многие требования церкви, а на деле все больше склоняясь к линии заводских властей. Несомненно, что изменение обстановки в столицах дало в конце концов себя знать и в Тобольске: иные традиционные методы укрепления церковной ограды становились уже абсолютно неприемлемыми.

Первоначальный четырехмесячный срок для подачи сказок о записи в раскол был, как и во время II ревизии, значительно превышен. В основном события в Тобольской епархии разворачивались осенью 1764 — в первой половине 1765 г., хотя около 2% от общего числа записавшихся в раскол подали свои сказки уже во второй половине 1765 г.

С сентября 1764 г. в Тобольскую консисторию поступают тревожные вести из духовных заказов о том, что в традиционных районах распространения старообрядчества манифест 3 марта 1764 г. был воспринят населением как сигнал к свободному выходу из православных приходов.

В первую очередь это относилось, как и при II ревизии, к поселениям близ уральских заводов и древнейшим районам русской крестьянской колонизации на северо-запад, юго-запад и восток от Тюмени. Краснослободские крестьяне заявили, например, что «по оному де указу (3 марта 1764 г. — Н. П.) всем желающим быть в расколе писаться в двойной оклад из православных дозволено... И якобы только для того одного, что записались по указу, и не для иного чего в православии к церкви святей послушными уже быть не токмо не желают, но еще противниками того имянного указу во время присудствия увещающих их называют»²². Последнее особенно характерно для крестьянского сознания: попытка официальной трактовки указа властями объявляется крестьянами противозаконной. Позднее ситуация IV ревизии очень широко возродит здесь подобные крестьянские настроения²³.

Несколько раз источники констатируют организованность действий крестьян по выходу из православных приходов. В деревнях Буткинской слободы (Далматовского духовного правления), давно уже известных сильной приверженностью к старообрядчеству, запись в двойной оклад якобы «по указу ея императорского величества» проводил в своем доме крестьянин дер. Непеиной (Непеной) Федор Третьяков, записавший более 300, а по другим данным около 500 чел. Оформленные при помощи Ф. Третьякова сказки о записи в раскол были представлены светским властям и признаны ими. Вместе с тем, опасаясь сопротивления церкви, крестьяне до времени успешно скрывали всю эту операцию от духовенства, отказывались назвать имена подавших сказки. Широко была организована запись в раскол и в с. Четкаринском того же духовного правления. Подготовка к массовому выходу из церковных приходов началась здесь вскоре после выхода манифеста 3 марта 1764 г. Грамотные крестьяне Марья и Егор Бунковы составляли реестры желающих записаться в раскол; таковых в с. Четкаринском оказалось 141 чел. Егор Бунков ездил с этими реестрами в Екатеринбург, где в конторе судебных и земских дел добился записи в двойной оклад всех, занесенных в реестры.хлопоты перед властями стоили денег; для возмещения рас-

²² ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1764 г. № 124, л. 107 об.—108.

²³ См. главу VII настоящей работы, с. 382.

ходов Егора Бункова крестьяне собрали путем равномерной раскладки по 83 копейки с каждого, записанного Егором в раскол²⁴.

Церковь тревожило крестьянское стремление записывать в раскол лиц, ранее бывших или считавшихся православными. У самих законодателей, как мы видели, не было единства по этому вопросу. Основная мысль правительства Екатерины II состояла первоначально в том, чтобы ликвидировать во время ревизии громадный разрыв между реальным числом старообрядцев и количеством плательщиков двойного оклада. Но крайняя нечеткость и подвижность реальных границ старообрядчества не давала возможности разработать ясные критерии для различия тайного старообрядца и вчера еще вполне добропорядочного православного, решившего воспользоваться обстановкой, чтобы ускользнуть от пастырских забот церкви. Последнее правительством отнюдь не поощрялось. Поэтому оно не могло официально подтвердить местным властям крестьянскую трактовку указа 5 марта 1764 г. как разрешения записываться в раскол всем желающим. Но и указания отказывать в записи на основании каких-либо признаков дано не было.

В этих условиях крестьянское понимание «милостиво-го указа» распространялось все шире. Донесения местных священников, десятоначальников и духовных заказчиков пестрят паническими сообщениями о массовом выходе крестьян из церковных приходов. В донесениях подчеркивалось, что эти крестьяне по сибирским понятиям были ранее вполне исправными сынами церкви: «У исповеди и причастия часто бывали, да и в церковь божию хоть и не во все воскресныя и праздничныя дни, но нередко приходили, а как желающие сочетаться законным браком венчаны в приходских церквах по церковному чиноположению..., и их де священно и церковнослужителей оные крестьяне в дома к себе со всякими требами принимали, и расколу де за ними они..., кроме у некоторых двуперстного сложения, не видели»²⁵. В Далматовском духовном

²⁴ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1764 г., № 124, лл. 76—об., 112—113, 22—30 об.

²⁵ Там же, л. 2 об.—доношение Далматовского духовного правления от 3 сентября 1764 г.; 16 ноября 1764 г. о том же в панических выражениях сообщает Челябинское духовное правление — л. 82.

правлении в сентябре 1764 г. на основании материалов исповедального учета была составлена ведомость о том, сколь исправно пожелавшие записаться в раскол православные крестьяне 15 деревень ходили к исповеди и причастию²⁶. Напомним, что именно принятие из рук православного священника причастия считалось главным признаком, отделяющим православного от раскольника. При всем несовершенстве исповедального учета эта ведомость очень показательна. Ее данные можно объединить в табл. 4. Таблица ярко демонстрирует нечеткость, крайнюю динамичность границ старообрядчества, благодаря чему перепись всех «тайных старообрядцев» могла подчас обернуться настоящим опустошением церковных приходов. Митрополит Павел, резко протестуя против свободной записи в раскол по манифесту от 3 марта 1764 г., писал в Синод 27 января 1766 г., что если продолжить подобную практику и не воздействовать немедленно на крестьян массовыми арестами, то «могут и все из простаго народа поздешней епархии записаться в раскол»²⁷. Конечно, снова жаждавший широких репрессий тобольский владыка сильно драматизировал положение. Но массовый выход из многих православных приходов во время III ревизии был фактом.

Интересна в этой связи история ликвидации одного алтайского прихода — в с. Кособоковском Барнаульского духовного приказа. В апреле 1765 г. приходский священник А. Старков сообщил в консисторию свои соображения о целесообразности закрытия прихода. Он аргументировал это тем, что церковь плохо обеспечена книгами и иконами, что прихожане всегда были «по заматерелому своему обыкновению» нерадивы к своим обязанностям перед церковью, а в 1764 г. многие из них записались в раскол и поэтому «к препитанию нас с домашними награждения и определенной хлебной руги и других доходов не дают». А. Старков подчеркивал, что в раскол записывались «из лучших и первостатейных прихожан», то есть крестьяне наиболее подходящие для взимания с них средств на содержание церкви и причта. Глядя на них, и другие, жаловался

---

²⁶ Там же, лл. 22—30 об.

²⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 47, № 105, л. 154; Описание документов и дел хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. 46, корр. экз., с. 304.

Сведения исповедального учета о крестьянах Далматовского духовного приказа, пожелавших перейти к сентябрю 1764 г. из православия в раскол по манифесту от 3 марта 1764 г. (чел.) *

Слобода, деревня	Всего перешло в раскол из православия		В том числе не бывших у исповеди в 1762—1764 гг.		В целом по деревне было причислений с 1747 г.		В целом по деревне было пропущено причислений с 1747 г.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
<i>Пышменская слобода</i>								
дер. Тимохина	7	22	—	7	102	230	23	103
дер. Тулицына	14	23	2	3	129	187	61	87
дер. Усть-Дерпинская	1	2	—	1	9	21	9	15
дер. Усть-Янская	—	2	—	2	—	27	—	9
дер. Кочевка	—	2	—	—	—	26	—	8
дер. Совина	9	15	—	3	105	161	39	64
<i>Красноярская слобода</i>								
дер. Менухова	7	4	—	—	74	59	2	6
дер. Лещехина	1	2	—	—	14	30	4	6
<i>Четкаринское село</i>								
дер. Сыскова	11	19	—	—	123	127	31	43
дер. Бункова	19	29	—	—	196	199	68	70
дер. Бункова	12	18	—	—	116	112	47	58
дер. Русакова	7	6	—	—	64	48	6	10
дер. Ричелга	11	9	—	—	71	55	25	21
<i>Камышловская слобода</i>								
с. Скатиинское	1	6	—	—	17	86	1	12
<i>Тамакульская слобода</i>								
дер. Сетяшская	2	2	—	1	30	23	6	13
Всего	102	161	2	17	1050	1391	322	525

* Подсчитано по ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1764 г. № 124, лл. 22—30 об. Таблица, естественно, не включает сведений о лицах, записавшихся впервые в раскол до III ревизии.

А. Старков, отказывали ему в пропитании; употребить же власть затруднительно, так как все старосты, сотские и десятские «и сами состоят в душепагубной раскольнической прелести». Сообщенные А. Старковым и приведенные

консисторией цифровые данные были серьезными, но не катастрофическими. Из всего числа 1180 взрослых прихожан (182 двора) записалось в раскол 111 чел. (49 дворов). Кроме того, оставалось 63 тайных старообрядца (26 дворов).

Митрополит Павел удовлетворил просьбу А. Старкова и перевел его на Урал, закрыв Кособоковский приход. Это дало Павлу весьма эффектный аргумент, которым он пользовался неоднократно, заявляя, что дело дошло уже до запустения целых приходов. При этом он забывал упомянуть о давней популярности здесь старообрядческих пасторей и подчеркивал, что в ходе ревизии добропорядочные прихожане сворачиваются в раскол. Повторяя в который раз историю закрытия Кособоковского прихода в своем доложении в Синод от 4 июня 1765 г., Павел пугал Петербург неизбежностью дальнейших ужасов: «Весьма опасно, что те записывающиеся в раскол, совсем оставя прежнее свое православныя веры содержание, по прелщению лстецов и лъжеучителей, при них находящихся, намерены церкви божия жечь»²⁸.

Это последнее сенсационное заявление Павел сделал на основании слухов, переданных приходскими священниками Исетской провинции—крупнейшего старообрядческого центра. Несмотря на все преувеличения и искажения, нарочитые и невольные, это крайнее беспокойство духовенства Тобольской епархии ярко характеризует волну антицерковных настроений крестьян в связи с проведением III ревизии. И даже если в Кособоковском приходе в раскол записались не все православные крестьяне (как любил представить это дело Павел), а лишь десятая их часть, у сибирского духовенства были основания для серьезного беспокойства. Тем паче, что откупались от церкви ценою двойного оклада в первую очередь более зажиточные крестьяне, в сохранении которых среди своих прихожан церковь была особенно заинтересована²⁹.

Важной частью той же проблемы записи в 1764—1765 гг. православных прихожан в раскол явился, как и во время II ревизии, вопрос о детях записных старообрядцев. Напомним, что обычно малолетних детей запрещалось

²⁸ Там же, с. 302; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1765 г., № 66, лл. 1—23.

²⁹ Подобное же свидетельство о записи в раскол по III ревизии «самых лучших домов» шадринских крестьян см. там же, 1783 г., № 149, III, л. 288.

записывать вместе с их родителями в двойной оклад. Но в законах как о II, так и о III ревизии предусматривалась запись старообрядцев в двойной оклад «вседомовне» и «до самого сущаго младенца», «как мужской так и женский пол по семейству своему»³⁰. Крестьяне-старообрядцы, отстаивая принцип передачи своей веры детям, постоянно используют эти формулировки как основание для записи в раскол всем семейством, включая детей. Это часто отмечается в сообщениях приходских священников 1764—1765 гг.

Вместе с тем скоро было замечено, что организующие массовую запись в раскол крестьяне, такие как вышеупомянутые Бунковы, часто не включают в списки детей «от 10 до 20 и более лет, неженатых»: при оформлении брака в православной церкви им все равно пришлось бы «обратиться» в православие³¹.

27 января 1766 г. митрополит Павел с гневом сообщил в Синод, что среди записанных по III ревизии в раскол — 822 чел. старообрядческих детей, официально считавшихся православными. Но консистория не располагала сколько-нибудь полными сведениями на этот счет. По данным Сибирской губернской канцелярии, в мае 1765 г. лишь по ведомству этой канцелярии было записано в раскол 2182 детей прежних записных раскольников³². Можно считать, таким образом, что запись в двойной подушный оклад детей прежних записных старообрядцев носила массовый характер, несмотря на все старания не допустить передачи по наследству вероучения, противного официальному. Крестьянская интерпретация манифеста 5 марта 1764 г. оказала немалое влияние на ход событий.

* * *

Крестьянскому убеждению о свободе записи в двойной оклад по манифесту 3 марта 1764 г. сибирские духовные власти противопоставили свое понимание этого документа. Оно опиралось на прочную идеологическую и административную традицию, на петровское определение двойного

³⁰ ПСЗ, т. XII, № 9021, т. XVI, № 12067.

³¹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1764 г., № 124, л. 51; Описание документов и дел... Синода, т. 46, с. 296.

³² Описание документов и дел... Синода, т. 46 с. 304—305; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1765 г., № 66, л. 9.

оклада как инструмента искоренения раскола. Недаром почти во всех протестах руководителей сибирской церкви против свободной записи в раскол по III ревизии широко цитируются указы 1720-х годов. Тобольская консистория неоднократно пользовалась также свежей догматико-теоретической разработкой вопроса о губительности любых послаблений столь опасным врагам отечества, престола и веры³³. Ее автор, архиепископ Гавриил, составил сей велеречивый документ еще в январе 1762 г. в связи с первыми планами проведения новой ревизии. Тогда он возглавлял соседнюю с Тобольской Казанскую епархию, также весьма зараженную расколом; к осени 1764 г., когда митрополит Павел стал особенно охотно цитировать его мнение о необходимости крайней осторожности при записи в раскол, Гавриил был уже архиепископом санкт-петербургским и одним из влиятельных членов Синода. Мнение Гавриила и Павла о раскольниках было единым, застывшим на уровне аксиом Духовного регламента: двойной оклад установлен для раскольников «по упрямству их в том расколе ... не для размножения того своего богопротивного суеверия, но наипаче ради того одного, дабы они со временем, познав свое заблуждение, в правоверие обратились»³⁴. Запись в двойной оклад новых лиц, не числящихся в книгах II ревизии, расценивалась казанским и тобольским архиереями как законопротивное и неразумное деяние.

Эта оценка являлась частью более общей оппозиции новому курсу во взаимоотношениях со старообрядчеством. В 1763 г. несколько членов Синода (Афанасий Тверской, Гавриил Санктпетербургский, Амвросий Крутицкий) при обсуждении допустимой меры уступок старообрядцам, выходящим из-за границы, подали императрице свои «мнения», призывая помнить о политической зловредности старообрядцев и популярности их учения среди «простого народа». Архиереи пророчествовали, что тайные старообрядцы, составлявшие, по их словам, от 1/5 до 1/3 населения империи, «возмущение в государстве и бунт начати могут», как уже бывало во времена «стрелецких бунтов». Гавриил и Амвросий давали далее теоретическое обоснование того, что традиционные экзекуции предпоч-

³³ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1764 г., № 124, лл. 4—11, 35—36 об.

³⁴ Там же, л. 4 об.

тительнее новоявленных послаблений: «Синкретисм, или допущение разных вер в самодержавное государство, от всех умных людей за вред оному почитается, потому что ничто так не обвязует подданных к своему государю, как единоверие с ним, вопреки же разность в вере за весьма опасную поставляется, чего избегая, многие государи у себя возникших разноверцов всячески истребляли и истребляют»³⁵.

Уже в ходе первых столкновений по проблемам ревизии записных раскольников руководство сибирской церкви выдвинуло серьезный аргумент. В августе 1764 г. Ялуторовское духовное правление сообщило в Тобольск, что в деревнях Верх-Суерской слободы ведут активную агитацию за запись православных и детей раскольников в двойной оклад крестьяне И. Долгих и Ф. Белобородов. Эти имена были хорошо известны в консистории — оба крестьянина несколько лет содержались в тобольских темницах в качестве видных руководителей массового движения протеста начала 1760-х годов³⁶. Они лишь недавно с огромной неохотой и множеством проволочек были отпущены митрополитом Павлом на свободу в соответствии с указами 1 февраля и 22 сентября 1762 г. об освобождении всех арестованных по старообрядческим делам³⁷. Теперь их активная агитация за выход из православных приходов давала в руки митрополиту Павлу важный козырь. В своих донесениях в Синод он отваживается даже вступать в рассуждения о том, как вот де плохо получается, когда проводят в жизнь законы о неразумных послаблениях «лютым неприятелям». Одновременно этот случай используется сибирскими церковниками, чтобы помочь петербургским властям уяснить связь между массовыми антицерковными движениями сибирских крестьян в недалеком прошлом и ситуацией III ревизии³⁸.

---

³⁵ Новые материалы для истории старообрядчества XVII—XVIII вв. Собр. Е. В. Барсовым. М., 1890, с. 176—183.

³⁶ См. гл. V, с. 263—264.

³⁷ ПСЗ, т. XV, № 11434; Собрание постановлений по части раскола..., кв. 1, с. 593.

³⁸ В том же августовском доношении Ялуторовского духовного правления сообщалось также об активном участии в движении за выход из православных приходов в 1764 г. крестьян Емурглинской слободы Бердюгиных. В начале 1740-х годов в самой Капцелярии тайных розыскных дел велось следствие в связи с обнаружением у этих крестьян-старообрядцев некоего свитка, содержащего, по

Павлу нельзя здесь отказать в наблюдательности. Но, конечно, подобными аргументами было невозможно отменить повеления манифеста 3 марта 1764 г. о записи в двойной оклад всех тайных старообрядцев. Павел в своем доношении в Синод от 23 января 1765 г. пытается доказать, что это предписание может относиться лишь к тем старообрядцам, которые ранее вообще нигде не были записаны по ревизиям даже для уплаты одного подушного оклада ³⁹.

Не дожидаясь одобрения подобной интерпретации манифеста Синодом, митрополит Павел еще осенью 1764 г. довел ее до сведения сибирских светских властей как единственно правильную. Сибирская губернская канцелярия, подчеркнув согласие с мнением владыки, в своих ноябрьских указах вскоре отказалась от главного конкретного тезиса Павла о том, что лишь не положенные ранее вообще в подушный оклад старообрядцы являются тайными и подлежат записи в раскол. Вместо этого Сибирская губернская канцелярия давала местным властям неопределенную рекомендацию: «все те указные повеления (1722 и 1745 гг. — *Н. П.*) о недопуске в раскол правоверных иметь тем воеводам и управителям в твердой памяти», не писать в раскол «находящихся прежде и поныне в православии и раскола не содержащих»; единственное конкретное указание состояло в запрещении (по требованию Павла) записывать в раскол детей прежних записных старообрядцев ⁴⁰. Но и это запрещение осталось, как мы видим, в основном на бумаге. Что же касается принятой было сначала сибирской церковью практики определения лиц, «совсем чуждающихся церкви святыя», путем анализа материалов исповедального учета, то уже 27 ноября 1764 г. консистория отказалась от этой идеи, боясь окон-

---

мнению властей, острые политические высказывания в адрес руководителей церкви и государства. То ли Павел не знал об этом, то ли он не рискнул при новом правлении вспоминать о политических делах времен царствования Елизаветы (Ср. ЦГАДА, ф. 7, № 559, лл. 130—146 об.; Покровский Н. Н. К изучению памятников протеста сибирских крестьян-старообрядцев Западной Сибири середины XVIII в. — В кн.: Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972, с. 57—58).

³⁹ Описание документов и дел ... Синода, т. 46, с. 296; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1764 г., № 124, лл. 35 об.—36.

⁴⁰ Там же, лл. 12—15. Описание документов и дел... Синода, т. 46, с. 297.

чательно потерять нерегулярно причащавшихся прихожан ⁴¹.

Заводские власти и Оренбургская губернская канцелярия отнеслись к церковной интерпретации манифеста 3 марта 1764 г. с нескрываемой враждебностью. В своих ответах консистории Колывано-Воскресенское горное начальство (9 декабря 1764 г.) и Оренбургская губернская канцелярия (31 декабря 1764 г.) категорически отказались санкционировать любые расследования при записи в раскол и провозгласили, что для такой записи в соответствии с тем же манифестом они считают вполне достаточным одного лишь желания записываемых ⁴². Алтайские заводские власти напоминали при этом, что указ 28 февраля 1762 г. требует всячески отвращать старообрядцев от самосожжений, а позиция консистории как раз может спровоцировать такие акты отчаяния.

Об этом же напомнила консистория и Тюменская воеводская канцелярия, которая 15 декабря 1764 г. отказалась препятствовать свободной записи в раскол без прямого и четкого приказания Сибирской губернской канцелярии (упомянутые выше ноябрьские указы губернской канцелярии в Тюмени четким указанием не считались). При этом воеводская канцелярия напомнила о Кулаковской гаре 13 февраля 1763 г., во время которой погибло более 52 тюменских крестьян и ямщиков. Непосредственный повод этого самосожжения выяснен не был, но Тюменская воеводская канцелярия справедливо рассматривала Кулаковскую гарь как одну из важных составных частей ситуации III ревизии в тюменской деревне ⁴³. Призыв

---

⁴¹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1764 г., № 124, лл. 70 об.—71.

⁴² Там же, лл. 91—94.

⁴³ Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII—XVIII столетии. Тобольск, 1888, с. 83—85; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1763 г., № 42. В 60—80-х годах XVIII в. этот острейший способ крестьянского протеста, широко применявшийся в XVII — первой половине XVIII в., встречается все реже и реже. Подобные средневековые формы религиозного фанатизма постепенно уходят из жизни русского общества «просвещенного» XVIII в., хотя и далеко не сразу. Единичные случаи старообрядческих самоуничтожений в Сибири переживут не только XVIII, но и XIX в., приобретя, естественно, совершенно иной характер. Сибирские археографические экспедиции 1966—1967 гг. зафиксируют у саянских старообрядцев живую память о массовых самоуничтожениях 40-х годов XX в.

к осторожности был хорошо понятен урало-сибирской администрации, заводским властям.

Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов, Екатеринбургская контора судебных и земских дел, Исетская провинциальная канцелярия, Краснослободская управительская канцелярия ведут в 1764—1765 гг. широкую запись желающих в двойной оклад, далеко не всегда вступая даже при этом в формальные объяснения с консисторией и практически не обращая внимания на ее угрозы. Краснослободские власти прислали, правда, в январе 1765 г. 25 православных крестьян, пожелавших записаться в раскол, для увещаний в духовное правление. Но вскоре правление в самых скорбных выражениях сообщает Павлу, что светские власти не создали элементарных условий для тонкого дела увещания и перевоспитания старообрядцев: арестованных слишком быстро выпускают, зачинщиков не выявляют и вообще о пользе «строгости» забыли⁴⁴. О подобных же «послаблениях» как одной из причин массовых антицерковных настроений сообщают в это время в консисторию из Далматовского, Ялуторовского, Шадринского, Рафаиловского, Челябинского, Нижнетагильского, Томского, Воскресенского духовных правлений⁴⁵.

В то же время местная администрация начинает получать сведения о том, что сибирское духовенство, стремясь воспрепятствовать увеличению числа записных раскольников, само применяет привычные методы насилия, запугивания, обмана. Но в новой ситуации, в условиях широкого распространения слухов о «милостивых указах» и выхода многих крестьян из церковных приходов подобные методы подчас приводили к обратным результатам. Так, осенью 1764 г. и весной 1765 г. объектом многочисленных вымогательств и угроз со стороны клириков с. Мостовского (Исетская провинция) стала семья Софоновых (впоследствии — активные организаторы массового антицерковного движения 1782—1784 гг.). Дело кончилось, однако, тем, что крестьяне вышли из православного прихода и записались в раскол, «дабы он, священник Кораб-

---

⁴⁴ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1763 г., № 124, лл. 107—108 об.

⁴⁵ Там же, лл. 20—21, 44—об., 74—76 об., 82, 84, 90, 95—97, 112—115.

лев с причетники, не могли... (крестьян.— Н. П.) впрямь чем паки более притеснить»⁴⁶.

Челябинский духовный заказчик протопоп П. Флоровский, чьи жестокие преследования старообрядцев явились причиной нескольких массовых самосожжений после II ревизии, сейчас вновь опозорил себя беззакониями. В 1765 г. группа челябинских казаков, служащих и отставных, подала на имя Екатерины II жалобу в связи с безобразными действиями П. Флоровского, старавшегося не допустить записи в раскол 150 челябинских казаков («а в том числе — несколько, жительствующих в скитах раскольнических потаенно, а в силу ... имянного ея императорского величества повеления во отечество вышедших»). Протопоп, как и в 1740-х годах, желавших записаться в раскол «бил не милостивно плетью и поленами из своих рук, и сажал скованных в скотские хлевы и прочие неподобные места, и через то держание и побои, он, Флоровский, брал немалые взятки и собою чинил сильное обобрание деньгами и взятками». На дом к желавшим записаться в раскол П. Флоровский присылал из духовного правления караул, иных забирал под арест к себе домой месяца на три. Однако большого размаха вся эта религиозно-эзекуционная деятельность на сей раз не приняла из-за сопротивления местных властей. Но и жалобе крестьян не дали хода — ее переслали на рассмотрение самому митрополиту, который, конечно, объявил все клеветой. Казаки отказались от судебного преследования обидчика, сказав, что не имеют на это средств, так как начисто обобраны П. Флоровским⁴⁷.

Более громкой и чреватой неприятными для сибирской церкви последствиями оказалась история одного подлога, содеянного в 1765 г. П. Флоровским, чтобы пресечь массовую запись в раскол. Протопоп уверил только что записавшихся в раскол крестьян Буткинской слободы, что отныне они должны будут платить не двойной, а тройной подушный оклад. Староста и крестьяне попросили протопопа составить от их имени прошение, чтобы власти ограничились обычным двойным окладом. Тогда протопоп под видом этого документа составил и отправил в Петербург жалобу крестьян на то, что их незаконно, вопреки их

⁴⁶ Там же, 1765 г., № 140, л. 58.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 796, оп. 46, №. 220, лл. 1—3 об., 17 об.—20 об.

желанию записали в раскол по внушению прокурора В. П. Гуляева. Протопоп, однако, сильно хватил через край: делом занимался Сенат, подлог обнаружился. П. Флоровскому, правда, удалось вывернуться и на этот раз, но позиция светских властей в отношении попыток сибирского духовенства помешать записи в раскол стала более нетерпимой. 21 мая 1765 г. Сибирская губернская канцелярия официально сообщила консистории, что изменила свое ноябрьское мнение по вопросу о записи в двойной оклад и дала разрешение записаться всем желающим, так как «они объявляют себя неотменно погашенными раскольниками и в том состоят упорственными»⁴⁸.

Хотя консистория неоднократно (но безуспешно!) жаловалась на это решение в Синод, уже в конце 1765 г. сибирскому церковному руководству пришлось смириться и приказать духовным правлениям вычеркнуть из списков прихожан и материалов исповедальной отчетности всех, перешедших по III ревизии из православия в раскол⁴⁹.

* * *

В итоге сложной борьбы, развернувшейся вокруг проблемы записи в двойной подушный оклад в 1764—1765 гг., сибирской церкви не удалось во многих «зараженных расколом» деревнях предотвратить массовый выход крестьян из православных приходов. Это массовое движение как и во время II и III ревизии приобретало порою черты элементарной мирской организованности: наиболее активные и грамотные крестьяне брали на себя составление сказок и реестров, переговоры с начальством, а расходы оплачивались привычным путем подушной раскладки.

В отличие от ситуации II ревизии запись в раскол ни во время, ни после III ревизии не привела к резкому обострению крестьянского сопротивления, к новой волне массовых самоуничтожений. Старообрядческие гари отходили постепенно в прошлое, по мере того, как все более менялось правительственное отношение к старообрядчеству и все дальше отодвигались в глубину веков времена средневекового религиозного фанатизма. Ревизия записных старообрядцев 1764—1765 гг. была первой, прошед-

⁴⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 45, № 105.

⁴⁹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1765 г., № 135, лл. 1—3.

шей в обстановке нового законодательства о старообрядчестве. И хотя руководство сибирской церкви менее всего было расположено воспринимать эти новшества, возродить старые времена оно уже не смогло. Светские власти в конце концов предпочли пресечь все традиционные маневры церкви, направленные на перетолкование нового законодательства в выгодном для консистории направлении. В решающие месяцы 1764—1765 гг. руководство сибирской церкви не смогло даже получить достоверную информацию о масштабах выхода крестьян из православных приходов — сами крестьяне утаивали ее, а местная администрация сообщила эти сведения консистории лишь в середине 1765 г., когда запись в двойной оклад была практически завершена.

Сопоставив неполные сведения духовных заказчиков с данными промемории Сибирской губернской канцелярии от 24 мая 1765 г., митрополит Павел подвел следующий итог.

В ведомствах Сибирской губернии — заводских контор Невьянской, Нижне-Тагильской, Ревдинской, Шайтанской, ратуши Екатеринбургской, воеводских канцелярий Тюменской, Тарской, Томской, управительских канцелярий Краснослободской, Ялуторовской, Ямышевской и Томского магистрата записалось в двойной подушный оклад (чел.):

«написанных по прежней ревизии»	3022
«от них рожденных детей» (считавшихся официально православными)	2182
Прочих перешедших по III ревизии из православия в раскол	4367
Перешедших из православия без обозначения времени перехода в раскол (Тюмень)	84
В Барнаульском заводском ведомстве:	
Записавшихся по I и II ревизии	181
Перешедших по III ревизии из православных в раскол.	1211
В Исетской провинции Оренбургской губернии, по трем духовным заказам Тобольской епархии (Далматовскому, Челябинскому, Рафаиловскому)	1429

Всего 12476

Во второй половине 1765 г. получили последние сведения о записи в раскол в Рафаиловском и Воскресенском заказах еще 243 чел.⁵⁰

---

⁵⁰ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1765 г., № 66, лл. 10—20; 1764 г., № 124, лл. 63—65 об., 79—80, 98—106, 109—111, 119—125. Описание документов и дел... Синода, т. 46, с. 301, 304, 305.

Одним из наиболее ярких показателей итогов ситуации 1764—1765 гг. для характеристики урало-сибирского старообрядчества является тот важный факт, что *три четверти записанных в двойной подушный оклад по III ревизии до этого записными раскольниками не были*. Материалы исповедального учета подтверждают, что откупились двойным окладом от официальной церкви многие крестьяне, раньше более или менее прилежно выполнявшие свои обязанности по отношению к ней. Это свидетельствует об известной популярности старообрядческих идей далеко за пределами того бескомпромиссного в делах веры, фанатичного ядра, для которого подобное «двоеверие» было немислимо⁵¹.

Возможностью откупиться от церкви в первую очередь могли воспользоваться более зажиточные слои урало-сибирского крестьянства. Они выходили из приходов господствующей церкви, но в той мере, в которой администрация проявляла достаточную гибкость, чтобы не препятствовать этому, одновременно они укрепляли более умеренные течения старообрядчества, желающие компромисса с государством и спокойной жизни в рамках абсолютистской империи.

В этом смысле урало-сибирские события, связанные с записью в двойной оклад по III ревизии, явились определенным успехом нового правительственного курса во взаимоотношениях с расколом.

3. «ПОЛЯКИ» И «КАМЕНЩИКИ» АЛТАЯ

60-е и 70-е годы XVIII в. знаменательны для урало-сибирского старообрядчества двумя процессами, которые при всем своем разительном несходстве, привели к единому результату — созданию новых влиятельных центров рас-

---

⁵¹ Говорить о том, что тайные старообрядцы прибегали к принятию православной исповеди и причастия ради маскировки, недостаточно для объяснения ситуации: догматика основных направлений старообрядчества (в отличие, например, от «квакеров» — хлыстов) считала подобную маскировку абсолютно надежным и необратимым способом обеспечить вечные муки в аду. Все подведомственное митрополиту Павлу духовенство было в этой оценке полностью согласно со скитскими старцами и наставниками. И тем не менее отмеченное «двоеверие» — неоспоримый факт, содержащий важную характеристику крестьянского сознания. — Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в., с. 402—406

кола. Настойчивое стремление правительства вернуть бежавших за рубеж старообрядцев дало в конце концов свои плоды: на Алтае и в Забайкалье возникли деревни, населенные «поляками» — прибывшими из Польши старообрядцами различных согласий Ветки. Вольная крестьянская колонизация бассейна р. Бухтармы создала интереснейший мир «каменщиков» — беглых крестьян, солдат, бергалов, искавших в горах, в «камне», убежища от налогов, заводской барщины, военной службы, церковных притеснений.

Законодательство начала 1760-х годов о возвращении в Россию старообрядцев, живущих за ее пределами, имело вполне реальные для Сибири последствия. Правда, добровольное переселение в Сибирь, на которое был рассчитан манифест 14 декабря 1762 г.⁵², не состоялось. Польские старообрядцы были переселены на Алтай насильно, после захвата Ветки русскими войсками. Но их положение на новом месте определялось манифестом 14 декабря 1762 г., с той лишь разницей, что шестилетняя льгота «от всяких податей и работ» была заменена четырехлетней.

Переселенцы прибыли на Алтай в июле 1766 г.⁵³ Часть из них поселилась в ранее существовавших деревнях (Шемонаихе, Екатерининской), сразу увеличив во много раз население этих деревень. Большинство переселенцев образовало новые деревни — Секпсовскую, Бобровскую, Верх-Убинскую. Крупнейшим центром «поляков» стала дер. Староалейская. Вскоре из этих первых поселений выделились новые — Большая Речка, Быструха, Малая Убинка⁵⁴. Началось постепенное расселение «поляков» вверх по Убе и Ульбе, Глубокой, все дальше в горы. Интересно, что эта миграция на довольно обширной территории отнюдь не привела к растворению «поляков» в среде сибирских раскольников-старожилов. «Поляки» веками стойко сохраняли обособленность, специфические черты быта.

В последние десятилетия XVIII в. и в XIX в. поселения «поляков» распространялись на территории алтай-

⁵² ПСЗ, т. XVI, № 11725, с. 128—132.

⁵³ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1776 г., № 49, л. 26 об.

⁵⁴ Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905, с. 23; Он же. Первые русские крестьяне — насельники Томского края. Томск, 1898, с. 39.

ских волостей: Владимирской, Убинской, Риддеровской, Чарышской, Ануйской, Алтайской, Алейской⁵⁵. Ярким показателем стойкой обособленности поселений «поляков» явилось то, что даже с весьма близким к «полякам» бухтарминским старообрядчеством смешения не произошло. Археографические экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР в 1968—1969 гг., как и более ранние диалектологические экспедиции В. Н. Богданова (Горноалтайский педагогический институт), четко наблюдали два не смешивающихся между собой старообрядческих слоя в том интересном районе, где в начале XIX в. пересеклись обе линии старообрядческой колонизации — на западе нынешнего Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области. Каждая из местных старообрядческих семей знает, от кого она происходит — от «поляков» или от «ясашных» (бухтарминско-уймонских старообрядцев), и это различие до сих пор является существенным⁵⁶.

Представление, хотя и не абсолютно точное, о числе переселившихся на Алтай «поляков», дают именные реестры 1769—1776 гг. жителей первых «польских» деревень, не пожелавших перейти в официальное православие и предпочитавших записаться в двойной подушный оклад. Рапорты местного духовенства свидетельствуют, что в этих деревнях все прибывшее из Польши население было старообрядческим, а согласившиеся обратиться в православие составляли редкое исключение. Однако следует помнить, что мы не можем учесть демографических изменений за период с приезда «поляков» на Алтай до составления

---

⁵⁵ Михайлович А. Русская колонизация горного округа Алтая. Тобольск, 1896, с. 18. Алексеенко Н. В. Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX вв.— Автореф. канд. дисс. Л., 1961. Он же. Русская крестьянская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX вв.— В кн.: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. (Сибирь периода феодализма, вып. 2.). Новосибирск, 1965, с. 141—153.

⁵⁶ К сожалению, эти уникальные для этнографов поселения, несмотря на все старания новосибирских археографов, не привлекли внимания специалистов-этнографов. Отдельные наблюдения, зафиксированные в дневниках наших археографических групп, никоим образом не могут заменить всестороннего этнографического исследования, подобного проведенному в 1927 г. на Бухтарме Е. А. Бломквист и Н. Г. Гриньковой (обобщено в их книге «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930).

реестров; известно лишь, что численность населения в «польских» деревнях неуклонно увеличивалась.

Численность населения в «польских» деревнях составляла (чел., муж. и женщ.)

в августе 1769 г. ⁵⁷:

Староалейская	448
Екатерининская	58

в ноябре 1776 г. ⁵⁸:

Бобровская	318
Секисовская	422
Верх-Убинская	136

Кроме того, в трех последних деревнях поселились также выведенные из Польши семьи русских отставных солдат, исповедывавшие старообрядчество и быстро объединившиеся в Сибири с бывшими ветковцами. В 1776 г. просили о записи в двойной оклад в Бобровской 79 чел., в Секисовской — 69 и Верх-Убинской — 7 чел.

В списки записывающихся в раскол жителей этих трех деревень были включены 22 ребенка, родившихся в Сибири.

Полторы тысячи переселенцев составили яркое и заметное пятно на этнографической карте Алтая. Они выделялись не только сплоченностью пионеров, осваивающих необжитый край, богатый, но суровый. «Полякам» удалось быстро освоиться на новом месте, завести прочные хозяйства, умело заимствовать земледельческий опыт коренного русского населения края. Наблюдатели, которые в XVIII в. побывали в поселениях «поляков», единодушно отмечали их зажиточность.

Это подчеркивал, в частности, П. С. Паллас, посетивший в 1771 г. поселения «поляков» на Убе. Паллас говорит при этом о больших перспективах той отрасли хозяйства, которая впоследствии будет весьма существенной в «польских» деревнях и прославит алтайский мед далеко за пределами Сибири: «Они желают и здесь завести прекрасные огороды и пчеловодство, каковые они прежде имели у себя в своих прежних теплых жилищах, да я и не сомневаюсь, чтобы им в последнем не удалось, если бы для опыта

⁵⁷ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1769 г., № 70, лл. 15—24.

⁵⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 58, № 277, лл. 13—24 об.; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1776 г., № 49, лл. 30—44 об.

сюда несколько ульев принесено и по «полям», знающим за ними хорошо ходить, разделено было»⁵⁹.

Переселенцы сравнительно быстро встали на ноги на новом месте не только благодаря своему трудолюбию, богатой алтайской природе, но еще и потому, что они счастливым образом несколько лет прожили вне заботливой опеки сибирской администрации, светской и духовной. Первоначальная четырехлетняя льгота задержала включение их в систему фискального учета. Возможность бегства «в камень» была вполне реальной, и это заставляло власти поступать осторожно. В «польских» поселениях, как и везде, появились мирские выборные власти, а в остальном их пока оставили в покое. С 1 июля 1770 г. стали взимать подушный оклад, который с самого начала поступал с этих деревень бездоимочно⁶⁰. Решение проблемы взаимоотношения переселенцев с системой русской православной церкви светские власти намеренно откладывали, чтобы не вызвать лишних осложнений. А руководство сибирской церкви в условиях трудной смены епархиального начальства временно забыло об этом деле.

Согласно законодательству, если переселенцы «по достаточном увещании» отказывались обратиться в православие, их следовало без всяких притеснений и насилий записывать в двойной подушный оклад. Оставался неясным вопрос о мере и методике определения достаточности увещания. Для клириков увещания без насилия были нелепым и бесплодным времяпрепровождением, а светские власти справедливо опасались в новых условиях применять проверенные традиционные методы заплочной помощи церковной риторике.

Не разобравшись в сложности ситуации и не получив сверху никаких указаний, как быть с исповедальным учетом в новых деревнях, приходской священник Иосиф Шубин вышел из положения обычным путем подлога. Поданные им в Омское духовное правление духовные росписи за 1768—1769 гг. официально свидетельствуют, что в эти годы все без исключения «поляки» деревень Бобровской, Секисовской и Верх-Убинской исправно были у причастия в православной церкви. Переселенцы об этом, однако,

⁵⁹ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства, т. II, ч. 2. СПб., 1786, с. 217, 271—278.

⁶⁰ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1776 г., № 49, л. 26 об.

и не подозревали! ⁶¹ Лишь с 1770 г. усть-каменогорские священники А. Седачев и И. Пушкарев стали показывать всех «поляков» не бывшими у исповеди.

В мае 1769 г. священник Шульбинской церкви И. Удипцов сообщил в Омское духовное правление, что «поляки» деревень Староалейской и Екатерининской не записаны в двойной оклад, однако категорически отказываются признавать православную церковь и ее священников. Консистория приказала было считать их всех православными прихожанами, а за неявку на исповедь взимать обычные штрафы. Однако иначе подошли к этому делу военные власти — командующий Колывано-Воскресенской линией генерал-поручик Шпрингер и командующий Усть-Каменогорской крепостью генерал-майор Станиславский. Они подчеркнули, что «дело это по своему существу весьма деликатное и требующее великой осторожности..., чтобы по случаю усиленного принуждения их («поляков». — *Н. П.*) к православной вере ...не предприняли они совершенного намерения по мнимому их притеснению уклоняться и (для сохранения своей веры) подданства российского, по их известной в таких случаях колеблемости» ⁶².

В конце концов победила точка зрения Шпрингера и Станиславского о свободной записи всех желающих «поляков» из этих двух деревень в двойной подушный оклад. В августе 1769 г. казачий пятидесятник Кудрявцев переписал здесь 506 чел.

22 августа 1771 г. Сибирская губернская канцелярия, которой принадлежало окончательное решение этого дела, сообщила в консисторию, что 458 жителей этих двух деревень записаны в раскол. Остальные изъявили желание обратиться в православие; к 1773 г. было обращено 53 чел. из менее зажиточных семей, однако вскоре в консисторию стали приходить рапорты, что в Староалейской и Екатерининской нет ни одного православного; впоследствии они считались целиком старообрядческими.

Подобное же решение вопроса о трех других деревнях алтайских «поляков» затянулось еще на несколько лет.

Первый рапорт приходских священников о «поляках» деревень Бобровской, Секисовской и Верх-Убинской,

⁶¹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1776 г., № 49, лл. 1—9, 26.

⁶² Там же, 1769 г., № 70, л. 10.

незаконно пренебрегающих заботами церкви о спасении их душ, относится к 9 июня 1771 г. Почти через год, 11 мая 1772 г., они дополнительно сообщили, что переселенцы предполагают записаться в двойной подушный оклад⁶³.

Однако затем все это дело, несмотря на напоминания духовных властей, было отложено на целых 4 года, в течение которых переселенцы по-прежнему не признавали церкви и не платили двойного подушного оклада. На наш взгляд, это явилось следствием Крестьянской войны, когда не только было не до того, но и стали весьма неопределенными общие перспективы в отношении абсолютистского государства и старообрядчества. Место и роль старообрядчества в движении Пугачева и в современной научной литературе получило диаметрально противоположные оценки; сибирским властям в 1772—1775 гг. нелегко было сориентироваться, а из Петербурга поступали противоречивые указания.

Лишь весной 1776 г. вопрос о «поляках» трех алтайских деревень поднимается вновь. На жалобы консистории командующий Колывано-Воскресенской линией генерал-поручик И. А. Деколонг 2 февраля 1776 г. сообщил, что российское воинство всегда было готово оказывать церкви «посредством команды вспомоществования» в обращении «поляков» в православие, однако устойчивых результатов это не дает. 9 февраля, 20 февраля и 14 марта 1776 г. были разосланы ордера в военные команды с приказом обеспечить исповедальную великопостную операцию, но «поляки» опять не пошли в православные церкви на исповедь и причастие. Деколонг, шумно изображая помощь православной церкви, от острых конфликтов с населением воздерживался.

В ноябре 1776 г. по приказам И. Деколонга, Омской и Усть-Каменогорской комендантских канцелярий священник А. Седачев в присутствии представителей светских властей увещевал «поляков» обратиться в православие. Согласились лишь единицы, а остальные были немедленно переписаны для зачисления в двойной подушный оклад. Вместе с ними были записаны и 26 старожилов дер. Большерецкой, пожелавших заодно с «поляками» откупиться двойным окладом от православной церкви.

⁶³ Там же, 1776 г., № 49, лл. 10—11.

Усть-Каменогорская комендантская канцелярия 12 апреля 1777 г. благоразумно предложила не взыскивать с «поляков» трех деревень той допмки по платежам за раскол, которая следует с них по закону за 1771—1776 гг., дабы они «не предприняли бы какой-либо колеблемости и уклонения куда-либо к заграничным соседним народам». Синод предпочел решение всех вопросов о записи «поляков» в двойной оклад «оставить на рассмотренье свецкой команды», и предложение Усть-Каменогорской канцелярии было принято ⁶⁴.

Возникшая в ходе этих дел обильная документация позволяет заключить, что в догматическом отношении алтайские поселения «поляков» были близки к той картине, которая хорошо известна для Ветки: сочетание поповщины и беспоповщины с преобладанием первой. Еще сохранялись какие-то связи со стародубскими раскольническими слободами, обнаруженные консисторией лишь в начале 1780-х годов ⁶⁵. Но все более в поповских общинах Алтая сказывается то влияние, которое уже в 1770-х годах станет преобладающим. Это влияние Иргиза — нового центра, возникшего в Поволжье в результате переселения, после той же «второй выгонки» Ветки 1765—1766 гг. Иргиз будет иметь свою поповскую церковь, представители которой станут уже в 1770-х годах частыми гостями на Алтае. Вместе с тем алтайские «поляки» отнюдь не стали просто прихожанами иргизской церкви. Принимая с честью иргизских посланцев, они сохраняли свою религиозную самостоятельность. В частности, это сказывается в довольно широком пользовании (на определенных условиях) тайными услугами православных священников и появлением «дьяков» из собственной среды, независимых от Иргиза.

Как известно, старообрядцы, особенно поповцы, зачастую считали допустимым заключение браков православными священниками в «никоннских» храмах, особенно, если служители господствующей церкви за мзду соглашались венчать по старому обряду ⁶⁶. Официальное

⁶⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 58, № 277; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1776 г., № 49.

⁶⁵ Там же, 1783 г., № 149, I, л. 204 об.

⁶⁶ Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909, с. 240—261; Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе, вып. 1—2, СПб., 1868—1869,

законодательство разрешало венчать старообрядцев лишь по новому обряду и лишь после полного их обращения в православие, зафиксированного документально. Тем не менее случаи нелегального венчания православными священниками старообрядческих свадеб не так уж редки. Алтайские «поляки» в 70-х годах XVIII в. считали подобные венчания вполне допустимым решением труднейшей для всего старообрядчества проблемы брака.

По данным консистории в деревнях Секисовской, Бобровской и Верх-Убинской было заключено приходскими священниками таких незаконных браков: в 1770 г. — 4, в 1771 г. — 6, в 1772 г. — 13, в 1773 г. — 7, в 1774 г. — 11, в 1775 г. — 12⁶⁷.

Однако корыстолюбие приходских священников больше ограничивало возможность применения такого маневра, чем все законодательные запреты. В 1776 г. светские власти констатировали, что «священники сугубой от раскольников платеж за свадьбы вымогают», «а кои не так зажиточны (раскольники. — *Н. П.*) и достатку к платежу за венчание не имеют, остаются многие в совершенных летах неженатые, за тем, что им столько, сколько священники за венчание просят, заплатить не можно». Усть-Каменогорская комендантская канцелярия предлагала поэтому консистории, чтобы алтайские «поляки» «не были вынуждены в разстройстве холостую жизнь препровождать», венчать у них свадьбы без обращения в православие, с уплатой одного лишь небольшого штрафа⁶⁸. Тобольская консистория была пока бессильна принять столь смелое предложение, да и не хотела. Алтайским «полякам» приходилось искать другой путь.

Он заключался в обычной беглопоповской практике — браки в деревнях «поляков» все больше венчают перебежавшие из господствующей церкви священники, приезжающие время от времени на Алтай с Иргиза, Урала, даже из Стародубья⁶⁹. В повседневной жизни общин «поляков» все большую роль начинают играть «дьяки» — пастырьники, выдвинувшиеся из числа крестьян тех же деревень. «Поляки»-поповцы все больше сливаются

⁶⁷ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1776 г., № 49, лл. 2 об.—4.

⁶⁸ Там же, л. 29 об.

⁶⁹ Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края, с. 31.

с обычной урало-сибирской софронтиевщиной. Она в свою очередь в поселениях «поляков» начинает быстро приобретать хорошо известные уже в XIX в. черты «стариковщины» — часовенных: беглые поны играют все меньшую роль, преимущественно к ним обращались для заключения браков, все остальные обряды, как и реальное руководство жизнью общин, попадают в руки наставников — «дьяков». Ими были: в дер. Бобровской крестьяне С. Харилесков, Т. Макаров, С. Нечаев, в дер. Секисовской И. Худяков, в дер. Верх-Убинской Д. Екимов⁷⁰. Резиденции наставников — «часовни» славилась на Алтае богатством убранства, хорошо поставленной службой, и лишь отсутствие алтаря (и, следовательно, обедни) отличало такие «часовни» от богатых церквей.

Усть-Каменогорский священник Ф. Арефьев в 1783 г. доносил о «поляках»: «Оные жители называются староверами. Духовных, церковных никаких треб не приемлют и под благословение священническое не входят... Они имеют в тех деревнях — Бобровской, Секисовской и Верх-Убинской нарочно устроенные в потаенных местах, то есть во дворах назаде, чтобы народу было не видно, особенныя большия с колодными окошками пзбы и называют их часовнями... Внутри оных видел сделанные небольшие иконостасы и в оных поставленные медные образа и оловянные с подвешанными пеленами и налойные образа. По обе стороны клиросы, яко же и в церкви. Чтение и пение производят поклиросно и на сход выходят на середину, как и у нас в церквах бывает. И выход на литийныя стихиры делают же и всю службу отправляют по старопечатным книгам. Вместо колоколов бьют в железныя и деревянныя доски молотками, прообразуя благовест и звон. Дерзают раскольники называть свои часовни, яко лучше нашей церкви сняют. И в тех часовнях и мертвых сами собою отпевают, и служат по тем мертвым панихиды, и молебны поют, и для пения молебнов ходят в дома с образами, младенцев крестят и больных исповедуют сами собою, почему, все христианския должности оставя, церковь святую и догматы во всем осуждают... Они гнушаются нами и с нами из одной посуды не пьют, не едят и вместе богу не поклоняются..., и сие все зависит от их наставников — дьяков, которые простой народ научают и утверж-

⁷⁰ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, I, л. 208 об.

дают. А единственно те учителя только для одного своего обогащения и почтения стараются утверждать свои плевелы и пустые выдумки, чем простой народ обманывают»⁷¹.

Конкурирующая организация отца Феодора Арефьева считала тот вариант православия, который заменяет троеперстие двуперстием, а трегубую аллилуйю сугубой, возмутительным обманом простого народа. Обманом с корыстными целями — как же иначе? Корыстолюбие алтайских «дьяков» не имело, однако, тогда объективной возможности сравниться с поборами, как законными, так и не очень, официальных консисторских пастырей. Созданная алтайскими поселянами часовенная организация во главе с «дьяками»-наставниками являлась в то время по возможности близким воплощением крестьянского идеала «дешевой церкви». Но не следует забывать, что поповские общины на Ветке знали уже нескольких авантюристов, соблазненных легкостью достижения высших постов в этой почти не формализованной иерархии. Но в Сибири еще действовали постановления софонтневского поповского собора 1723 г., согласно которым любая треба, за исполнение которой взималась плата, теряла свою силу⁷².

Ф. Арефьев, стремясь скорее снабдить консисторию понятными властям аргументами против «поляков», затронул острую политическую проблему о форме старообрядческого моления за главу государства. Интересно отметить, что алтайские поповцы в 1783 г. заняли здесь наиболее бескомпромиссную позицию, вообще выбросив любое упоминание о носителях верховной власти из соответствующих тропарей⁷³. Это — существенный корректив

⁷¹ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, I, л. 148—201. Беликов Д. Н. Старообрядческий раскол в пределах Томского края, с. 62—64.

⁷² ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1768 г., № 85, л. 4.

⁷³ О том, насколько важен был этот вопрос для старообрядческого крестьянского сознания, свидетельствует обнаруженный нашей экспедицией в 1972 г. в Зауралье большой обзор истории проблемы. В нем приводится 16 вариантов тропаря кресту, употребляемых сейчас в старообрядческих общинах и скитах Сибири. Обзор составил несколько лет назад томенским крестьянином-софонтневцем (часовенным). Автор осуждает включение некоторыми соглашениями императорского титула в тропарь кресту и предлагает вернуться к дониконовской форме с царским титулом, хотя, признает он, сейчас царей нет и на всей земле, включая даже Африку, «правление демократическое».

к традиционному представлению о том, что беспоповщина являлась более оппозиционной по сравнению с поповщиной.

Ф. Арефьев сделал свои наблюдения в то самое время, когда руководители иргизских и московских поповских общин вступили в переговоры с правительством Екатерины II о далеко идущем компромиссе с властями. Итогом этих переговоров явится указ 11 марта 1784 г. о создании в России единоверия, сохраняющего дониконовские обряды, но полностью подчиненного Синоду⁷⁴. Активной ролью во время подготовки этого указа играл популярный на Алтае иргизский старец Сергей. Сопоставление этого факта со свидетельством Ф. Арефьева доказывает, что и в это время в сибирском старообрядчестве (в частности, среди алтайских «поляков») существовали как умеренные, так и радикальные политические настроения в оценке высших властей империи.

* * *

Возникновение и развитие поселений алтайских «поляков» происходило в те самые годы, когда в глубине наиболее неприступных горных долин Алтая создавались тайные убежища беглецов-«каменщиков». Сначала в верховьях Убы и Ульбы, затем почти по всему течению Бухтармы, по Белой и в соседних долинах, наконец, на средней Катунь, по Уймону и Коксе временные, часто меняемые тайники беглецов закладывали основу для будущей прочной колонизации края русскими крестьянами.

Эта крестьянская колонизация дает поразительный по яркости и самобытности материал для характеристики многих важных проблем истории классовой борьбы и общественного сознания крестьянства. История бухтарминских «каменщиков», как и история поисков сказочной страны крестьянской утопии Беловодья, давно привлекала внимание исследователей. Их усилия не остались тщетными⁷⁵, что позволяет нам сейчас остановиться лишь вкратце на этих интересных проблемах.

⁷⁴ Собрание постановлений по части раскола... М., 1858, с. 4.

⁷⁵ Принцц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в бухтарминский край в 1863 г.—«Записки Русского геогр. общества по отд. общей географии». СПб., 1867, т. 1, с. 543—582; Шмурло Е. Русские

Стихийная колонизация указанных районов связана прежде всего с крестьянским побегом (причем далеко не в одних лишь близлежащих сел), с побегом заводских мастеровых, приписных, с побегом с воинской службы. Немалую роль играло здесь всегда (хоть и в разной степени) религиозное оправдание всех этих социальных мотиваций. Слово «каменщик» для властей обозначало и «старообрядец», даже если конкретные следственные дела не всегда подтверждали такую связь. Считалось поэтому само собою разумеющимся, что в поселениях «каменщиков» всегда, и даже многие годы спустя после их легализации, не было места для православных храмов. Старообрядческие же молельни возникали там довольно быстро. Подчас с самого начала было невозможно определить, становится ли тайное убежище «каменщика» новой крестьянской заимкой, или же — старообрядческой «пустыньей». Идеология пустынножительства, освящавшая в XIV—XVI вв. создание крупного монастырского землевладения, была трансформирована здесь для нужд крестьянского побега ⁷⁶.

Одной из важнейших черт этой идеологии в ее сибирском варианте XVIII в. был призыв к бегству от «мирских плещей», от зла и несправедливости «царства антихриста», полностью подвластного военным, административным, церковным и прочим слугам сатаны, в безмолвный храм природы. Общение с суровой девственной природой вдали от пагубных страстей и ревизских сказок возводилось в ранг религиозного долга.

Природа горного Алтая и в наш век интенсивного движения за сохранение окружающей среды все так же поражает своей величественной первозданностью, буйной растительностью. Последняя снабжает ныне чудодейственными травами фармакологические предприятия Бий-

---

поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе.— «Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества», 1898, кн. XXV, с. 1—64. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 239—290. Он же. Легенда о «Беловодье». — «Труды Карельского филиала АН СССР», т. 35, Петрозаводск, 1962, с. 116—181.

⁷⁶ См. об этом: Покровский Н. И. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в.— В кн.: Классовая борьба, общественное сознание и культура крестьянства Сибири XVIII—начала XX в. Новосибирск (в печати).

ска с той же добросовестностью, с которой она десятилетиями снабжала и снабжает ими горные скиты.

«Не видав такой растительности, невозможно себе ничего подобного представить. Ветви разнообразных кустов и деревьев во многих местах совершенно заграждали путь и надо было с силою через них пробираться и разводить их рукой, дабы они не попали в лицо. Трава так высока, что выше роста лошади и составляет ей немалое затруднение для прохода. Дудлы и пучки, в особенности первые, случалось видеть в полтора раза выше человека, сидящего на лошади. Вообще, южный скат Холзуна поражает изобильною растительностью. Местность, защищенная этим хребтом с севера, представляет как бы совсем другую природу. Из кустарников калина и бузина растет на этой стороне..., также во множестве смородина и малина; из цветов — гвоздика и шток-роза... Мотыльков разных множество, они так и пестрели роями в воздухе... Из цветов характеристику бухтарминского ландшафта составляют следующие: кипрей, полынь, царския кудри, сарана, жаркия цветы и пучки»⁷⁷.

Эта картина принадлежит перу А. Принтца, посетившему деревни бухтарминских «каменщиков» в 1863 г. Археографическая экспедиция 1969 г. вряд ли смогла бы что-либо изменить в ней. Как справедливо было отмечено А. Принтцем, земли по склонам Холзуна, Листвяжьего хребта, по берегам Бухтармы и Белой отличаются поразительным плодородием. Это не раз соблазняло переселенцев-каменщиков заводить пашню независимо от того, сколь близким считали они второе пришествие и сколь грозным — соседство Усть-Каменной крепости с ее военными командами. Но понятно, что до урегулирования отношений этих вольных общин беглецов с Российской империей сколько-нибудь регулярное земледельческое хозяйство было здесь невозможно. Охота, а при случае и грабеж составляли повседневную реальность бухтарминской экономики.

П. С. Паллас, старательно собиравший сведения о бухтарминских «каменщиках» во время своего путешествия по Алтаю в 1771 г., особенно подчеркивает как их принадлежность к расколу, так и происхождение в основном из беглых заводских рабочих: «Иногда случается,

---

⁷⁷ Принтц А. Указ. соч., с. 565—566, 573.

что рудокопы убегают с рудников или ради учиненных ими шалостей, или из охоты к воле и долгое время в лесистых горах шатаются, кормясь охотою, и весьма от того обогащаются. Да и таковых беглецов уже нашли, кои за границами в самых диких горах лачужки построили и там совсем поселились. Для сыскания таковых ложных поселян посылаемы были иногда команды, в горы до Бухтармы, кои от суеверной ревности в горы из деревень своих ушли и здесь в неприступных местах поселились»⁷⁸.

В литературе высказывались предположения, что старообрядческие беглецы появились в этом районе еще в 20-х годах XVIII в.⁷⁹, однако первые подобные известия источников относятся к гораздо более позднему времени.

Нам приходилось уже приводить документы, рассказывающие о бегстве «в камень», в верховья Ульбы и Убы в 40-х годах XVIII в.⁸⁰, о тайных поселениях на Убе, объединяющихся вокруг кельи некоего старообрядческого чернеца Кузьмы, из беглых крестьян, о первых опытах заведения пашни близ этих тайников.

В 1748 г. бежали с заводов «в камень», на Убу шмельцеры Битков и Плотников. Они были пойманы прежде, чем успели достаточно далеко уйти «вглубь камня». Колывано-Воскресенскому горному начальству удалось выяснить от них, что шли они путем, уже достаточно проторенным беглецами. Причину побега они назвали точно — желание «жить в легкости». На допросах под кнутом они признали, что с ними на Убе жили другие «каменщики», успевшие уйти дальше в горы⁸¹.

Постройку первых тайных убежищ непосредственно в долине Бухтармы приписывают обычно знаменитому, легендарному разбойнику Афанасию Селезневу, выходцу из крестьян Малышевской слободы. В 1748 и 1756 гг. в Колывано-Воскресенском горном начальстве состоялись большие судебные разбирательства о действиях нескольких разбойничьих шаек братьев Селезневых — Афанасия, Фе-

---

⁷⁸ Паллас П. С. Указ. соч., с. 218.

⁷⁹ Приятц А. Указ. соч., с. 547.

⁸⁰ Покровский Н. Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в.; Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867, с. 226—230.

⁸¹ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне — насельники Томского края, с. 41.

дора и Терентия ⁸². Уже давно в исследованиях о начале бухтарминских поселений пересказываются с разными добавлениями показания Селезневых (подлинник которых находится сейчас в Государственном архиве Омской области). Селезевы рассказывали о том, как после очередного побега из кузнецкой тюрьмы они ушли на Бухтарму вместе с бежавшим из той же тюрьмы К. Сизиковым и родственниками, «всего вдесятером». Дорогу на Бухтарму хорошо знал А. Селезнев, «который прежде того на той реке бывал на охоте». В дорогу собирались тщательно, захватив 17 своих и украденных лошадей, несколько телег с поклажей, необходимой для создания хозяйства на новом месте. Почти всю поклажу пришлось, однако, бросить, спасаясь от военной команды, а лошади уже на Бухтарме были уведены проходившей партией урянхайцев. Прибыв на Бухтарму, беглецы «построили... избушку и обвалили кругом толстыми деревьями и в те толстые деревья врубили столбики и обнесли заплотом», близ избы поставили общую клеть, да в полуверсте укрепленную «клетушку». Позднее у урянхайцев удалось угнать 10 лошадей, а у киргизов выменять на пушнину 4 коровы и 2 быка. Попытка угнать лошадей из-под Усть-Каменогорска окончилась арестом А. и Ф. Селезневых и К. Сизикова. Убежище на Бухтарме было разгромлено. Интересно отметить, что при этом были захвачены два часослова А. Селезнева, по одному из которых он обучал грамоте своего сына Максима ⁸³.

Слава А. Селезнева, ставшего вскоре одним из героев сибирского фольклора ⁸⁴, привлекла к нему немало беглых крестьян. В бухтарминские тайники к Селезневым пришли беглые крестьяне Т. Гусев и П. Лиханов. В 1749 г. к А. Селезеву примкнули для грабежа «зюнгарских караванов» двое ссыльных малороссийских крестьян Солотчищев и Береут ⁸⁵.

---

⁸² Там же, с. 80.

⁸³ Шмурло Е. Указ. соч., с. 9—13 (исправлено нами по подлиннику); ЧОИДР, 1867 г., № 1, с. 219. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1900 с. 239.

⁸⁴ Громыко М. М. Человек и Сибирь (документальные очерки о русских людях в Сибири XVIII в.) (в печати).

⁸⁵ ГАОО, ф. 1, оп. 1, № 77, св. 52, л. 9 об. Великов Д. Н. Первые русские крестьяне — насельники Томского края, с. 80—81.

Разгром селезневских избушек на Бухтарме отнюдь не остановил бегства в «камень». В 1761 г. прапорщик Зеленый, посланный с командой солдат в верховья Бухтармы для исследования мест, удобных для поселения, обнаружил на р. Тургун-Усу избушку, двум обитателям которой удалось скрыться. Приблизительно в то же время, в 60-х годах XVIII в. четверо беглецов были обнаружены в верховьях Ульбы; одного из них захватили, остальные благополучно перебрались на Бухтарму. В 1764 г. в бухтарминские долины бежало сразу 25 бергалов Змеевского рудника⁸⁶. В 1773 г. в Красноярской земской избе допрашивался беглый Гордей Еремеев, происходивший из числа переселенных на Алтай «поляков»; он бежал на Бухтарму, «в камень», жил там «с прочими беглецы, питаюсь рыбою и зверьем». Но этот пример единичен; как мы уже говорили, алтайские «поляки» обычно не смешивались с «каменщиками» и их потомками. Шангин, путешествовавший в 1786 г. в долине р. Коргона, где впоследствии возникнут значительные деревни «поляков», встретил там беглых «каменщиков», но не нашел ни одного поселения: там «бродили только медведи, да несчастные беглые с заводов, промышлявшие охотой и грабежом». Весьма ценным является свидетельство Шангина о том, что в 1786 г. он встретил беглых и в верховьях р. Коксы — близ знаменитых в будущем уймонских поселений «каменщиков». Это опровергает утвердившееся мнение о том, что плодородные земли по Коксе и Уймону были открыты «каменщиками» лишь после присоединения Бухтармы к Российской империи.

Постепенно число «каменщиков» увеличивалось; несмотря на реальную опасность обнаружения военными командами, возникали поселения на р. Бухтарме, Бслой. В 1788 г. Усть-Каменогорская комендантская канцелярия получила от ссыльного колодника И. Лущникова сведения, что «в камне... за речкой Белой... беглецов человек со сто и больше»; они живут в следующих поселениях: «1-е — Шумихина, не доезжая Белой речки верстах в восьми, у собки Лисьяги при ключе, из собки текущем,

---

⁸⁶ Ядрищев Н. М. Раскольнические общины на границе Китая. — В кн.: Сибирский сборник, кн. 1. СПб., 1886, с. 38—45. Белков Д. Н. Первые русские крестьяне — насельники Томского края, с. 41—42; Михайлович А. Указ. соч., с. 10.

впадающем в Белую с правой стороны; 2-е — четыре избышки, где Кротов живет при впадающей с той же стороны в Белую речке Поскаче, от Шумихина в 15-ти верстах; 3-е — пять избышек на левом берегу Белой, от Кротовых четырех в 15-ти верстах; 4-е — на левом же берегу одна избышка Колмакова на ключе, впадающем в Белую, от пяти избышек в 7 верстах; 5-е — одна изба Загуменникова, от Калмакова верстах в семи; 6-е — одна изба Зайцова, от Загуменникова в десятине; 7-е — деревня Большая в 7 избах, от Калмакова верстах в 15-ти, от Загуменникова в восьми, а все в окружности ... не более как верстах в 15-ти»⁸⁷. Это лишь часть мозаики бухтарминских поселений, в 1792 г. их окажется около 30; весьма неполный список «каменщиков», пожелавших в этом году вернуться в русское подданство, насчитывает 318 имен.

Своеобразная жизнь бухтарминских «каменщиков», живших без властей, податей, рекрутчины и православных попов, являлась заманчивым примером для русских крестьян, немало способствуя распространению в их среде социально-утопических легенд о «далеких землях» справедливости и свободы⁸⁸.

Память об этих временах с поразительной яркостью и конкретностью сохранялась потомками «каменщиков» в XIX в., что позволило историкам этого столетия, сопоставив крестьянские рассказы XIX в. со свидетельствами современников, воссоздать достаточно убедительную картину жизни вольных бухтарминских поселений XVIII в.

Наиболее ранние и подробные описания жизни «каменщиков» принадлежат Г. Спасскому и А. Принтцу. Несмотря на налет идеализации и некоторые неточности, эти описания позволяют хорошо понять, почему по глубокому убеждению многих русских крестьян именно на Бухтарме помещалась легендарная страна крестьянской утопии Беловодье. А. Принтц подчеркивает, что религиозные и социальные мотивы тесно переплетались в сознании беглецов, что при всей уединенности «каменщики» поддерживали тайные контакты с алтайскими

---

⁸⁷ ГАОО, ф. 1, № 248, св. 169, лл. 210—211.

⁸⁸ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды..., с. 273—275.

крестьянами и бергалами, побуждая многих из них к бегству⁸⁹.

«Каменщики, желая укрыться от всякого преследования, избирали места неприступные, в непроходимых ущельях Листвяжьего хребта, Холзула и Катунских белков, по рекам Белой, Тургун-Усу, Бобровке, Середчихе, Поскочихе, Околенке, Берелу и прочим, текущим с правой стороны в реку Бухтарму, также близ вершин Катуня, Коксы и др. Жилища, ими построенные среди дикой природы, соединявшей некоторые удобства для домашнего скота и земледелия, были со всех сторон окружены высочайшими горами и быстрыми многоводными реками. Они жили мирно, соблюдая строго старообрядческие правила веры; земля, никогда не возделанная, щедро вознаграждала труды земледельцев, звероловство давало несметные богатства промышленникам, — одним словом, они могли пользоваться полною независимою привольною жизнью. Отправляясь в Камень преимущественно весной, беглецы, если могли успеть, срубали в избранном месте в ущелье при какой-нибудь речке избу, помещаясь по несколько человек вместе или останавливаясь у других, прежде там поселившихся. Вступая с ними в товарищества, они помогали в хозяйстве, засеивали хлеб, косили сено, занимались рыболовным промыслом... Промышленники составляли небольшие артели — человека по 3—4 и, пришедши на промысел, обзаводились полным хозяйством». «Вначале, когда число каменщиков было невелико, состояло из людей, удалившихся по своим религиозным убеждениям, они жили между собою мирно и не входили ни в какие враждебные столкновения, образ их жизни был самый патриархальный. Отчужденные от общества и связанные одной участью, они жили между собою согласно и составляли род братства или товарищества; в случаях возникших недоразумений, ссор, обид и т. п. дела решались по приговору *лучших* людей, удостоенных доверием общества и заслуживавших его по своим нравственным качествам. Приговор их уважался как бы законное определение и всегда происходил словесно». С увеличением числа беглых беспорядки возрастали. Самой суровой мерой наказания было изгнание из общины: виновных

---

⁸⁹ Приптц А. Указ. соч., с. 548—552.

привязывали к плоту, который спускали в Бухтарму; иные выживали⁹⁰. Еще в 1809 г. подобные же рассказы о вольной жизни старообрядцев-«каменщиков» слышал на Бухтарме Г. Спасский⁹¹.

Еще задолго до того, как с присоединением Бухтармы поиски крестьянами легендарного Беловодья стали отодвигаться в XIX в. все дальше на юго-восток, Беловодьем называли вольную бухтармишскую землю⁹². Мы считаем вполне справедливым тщательный анализ К. В. Чистова, показавшего, как слухи о свободной жизни на Алтае, соединившись с традиционной крестьянской утопией о «далеких землях» и с целенаправленной агитацией согласия бегунов, вызвали серию массовых побегов «в Беловодье», продолжавшихся почти весь XIX век. Следует лишь добавить, что действия бегунов и поиски Беловодья в конце XVIII—XIX вв. имели свою предысторию в крестьянских побегах XVIII в. В двух делах 30—60-х годов XVIII в. упоминаются конфискованные у крестьян-беглецов описания маршрутов побега с перечислением лиц, у которых можно найти убежище; они представляют близкую аналогию к известным бегунским «путникам», «путешественникам», указывающим путь в Беловодье через долины Бухтармы и Уймоны⁹³.

Давно уже подробно описана история возвращения «каменщиков» в русское подданство. Продвижение вглубь Алтая заводов и рудников, частые посылки в горы военных команд и рудознатцев делали все более доступными тайные убежища «каменщиков». Три неурожайных года

---

⁹⁰ Принц А. Указ. соч. с. 552.

⁹¹ Спасский Г. Путешествие по южным Алтайским горам.— «Сибирский вестник», 1818, ч. 4, с. 75—96.

⁹² Принц А. Указ. соч., с. 546.

⁹³ Покровский Н. Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в.— Одно из этих двух дел относится к Михаилу Васильевичу Девяшину, томенскому крестьянину, другу крестьянского писателя Мирона Галанина, одному из основателей наиболее радикального направления в софонтисвщине — «девятинского». Сам он не раз проделывал путь от Урала до Алтая. Во время одного из арестов у него были взяты печатные книги и рукописи, в том числе — «росписание тракта, куда идти», с именами крестьян, укрывающих беглых. М. Девяшину удалось запутать возникшее в этой связи следствие. (ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1781, № 120, лл. 3 об.—4); Другие сведения о М. В. Девяшине, хотя и крайне неточные, см. Максимов С. В. Указ. соч., с. 312.

подряд создали экономические затруднения. Осенью 1790 г. к лагерю экспедиции штейгера Приезжаева вышли 41 «каменщик». Они заявили штейгеру, что «каменщики», в числе около 300 чел., желают «сделаться гласными правительству» и готовы платить подати, помогать в развитии горного дела и обороне края. Горное начальство сочло эти предложения весьма выгодными и сделало соответствующие представления в Петербург.

15 сентября 1791 г. последовал указ Екатерины II Пилю — сибирскому генерал-губернатору, в котором приказывалось принять «каменщиков» назад в русское подданство, простив им их «вины» и «отвести им пристойные места для поселения» по их желанию⁹⁴. Указ был объявлен на Алтае четырем поверенным «каменщиков» 25 июля 1792 г. правителем Кольванского наместничества генерал-поручиком Меллером, линейным командиром генерал-майором Страндеманом и начальником Кольвано-Воскресенских заводов Качкой. Поверенные представили предварительный (и весьма неполный) список «каменщиков», желавших воспользоваться «милостью» императрицы. В этом списке было 318 имен: 250 мужских и 68 женских. В 1815 г., по данным VII ревизии, число бухтарминских «ясапных» выросло до 313 мужчин и 314 женщин.

Существенным дополнением к этой картине являются документы, связанные с делом ялуторовского крестьянина, участника Крестьянской войны П. Хрипунова, который в 1783—1786 гг. объявлял себя то пугачевским атаманом, то самим Петром III. П. Хрипунов заявлял, в частности, что в Алтайских горах у него имеется огромное войско из беглых. Эти его показания обеспокоили саму императрицу, которая запросила сибирские власти о русских беглецах за Усть-Каменогорской крепостью. В ответе кольванского генерал-губернатора И. Ф. Якоби от 3 января 1788 г. сообщалось о тайных поселениях на Бухтарме, где беглые приписные, солдаты «и раскольники суемыслящие находят... спасение, убегая от жизни общественной», рассказывалось, что беглецы сеют рожь, но вести хозяйство в тайных убежищах очень трудно. И. Ф. Якоби предлагал

---

⁹⁴ Принтц А. Указ. соч., 556—557.

отнестись к беглецам милостиво, чтобы использовать их в видах правительства ⁹⁵.

Таким образом, при выработке правительством условий принятия бухтарминских «каменщиков» назад в русское подданство учитывались не только интересы алтайской горнозаводской промышленности и внешнеполитическая обстановка. Желание «каменщиков» легализовать свои поселения совпало с повышением интереса правительства к алтайским беглецам. Это было вызвано, в частности, и последними отголосками Крестьянской войны. Екатерина II хотела устойчивости и определенности в этом районе. Совокупность понятных внутри- и внешнеполитических соображений диктовала, казалось, целесообразность значительных уступок и льгот «каменщикам». Тем более, что речь шла лишь о трех сотнях душ. «Каменщики» вместе с прощением получали свободу от рекрутчины, свободу старообрядческого вероисповедания и, главное, свободу от подушной подати, замененной легким, подчас номинальным ясаком пушпиной. (Отсюда донныне сохранившееся в этих краях наименование потомков «каменщиков» — «ясашные».)

Впоследствии правительству придется убедиться, что, несмотря на малочисленность «ясашных», сделанная им уступка сыграла определенную роль в общерусской истории крестьянства, подтолкнув массовые поиски «вольных земель» ⁹⁶.

---

⁹⁵ ЦГАДА, Госархив, ф. 7, № 2714, лл. 1—6. П. Хрипунов ходил «в Каменные горы к живущим в лесах беглым людям» для «разглашения..., что государь Петр Федорович жив». — ГАИО, ф. Д—13, № 2, лл. 154—156 об.; Сорокин. М. Е. Пугачевцы и Сибирь. — «Причудлымская правда», 1965, 17 апреля.

Ранее 1782 г. в Екатеринбургской судных и земских дел конторе рассматривалось дело о приписном крестьянине Березовского завода Хабарове, участнике восстания Пугачева, бежавшем «в камень»: «Оной крестьянин во время бывшего замешательства, пристав ко злодейской толпе, после ушел в Барнаульское ведомство, и жил несколько времени за каменными горами верстах в двухстах от Змеевского рудника, еще с тремя такими же беглыми в построенной им самим келли. И посланною для сыску таковых беглых командою взят и приведен в Усть-Каменогорскую крепость» и после наказания плетью возвращен на завод. — ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, № 1649, лл. 170 об.—171; Спасский Г. Указ. соч., с. 84.

⁹⁶ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды..., с. 276.

После указа от 15 сентября 1791 г. «каменщики» переехали несколько своих поселений, запрятанных в бесплодных теснинах, на удобные для хлебопашества земли соседних бухтарминских долин; другие деревни остались на своих местах. Всего было объявлено властям около 30 поселений; в том числе более крупные, с богатыми молотными домами: Осачиха, Быково, Сенная, Корабищеская, Верх-Бухтарминская, Мало-Нарымская (позднее Огневая), Язовая, Белая, Фыкалка⁹⁷. Тобольской консистории в дореформенное время так и не удалось внедрить здесь ни одной православной церкви; все требы и обряды исполняли наставники из числа «ясашных»; хотя большинство жителей этих деревень принадлежало к поповщине, старообрядческих попов здесь также не было. Лишь для заключения браков иногда сзидили в православные церкви заводов и рудников. В остальном же «ясашным» удалось и в составе Российской империи сохранить немалую религиозную независимость. Крестьянское религиозное сознание создало на Бухтарме церковь, предельно приближенную к мужицкому идеалу в этой сфере — церковь без иерархии⁹⁸.

Десятилетия вольного существования, льготы, полученные в 1791 г. (и просуществовавшие до 1878 г.), наложили яркий отпечаток на крестьянские поселения Бухтармы и Уймона. Фискальную независимость, свободу от подушной подати и рекрутчины «ясашные» пытались рассматривать (подчас успешно) как независимость общинного управления от местной сибирской администрации, право общинного суда. «Из дальнейшей истории их известно, — писал Н. М. Ядринцев, — что они долго держались на стороне и не ладили с местным начальством, так что земская полиция боялась заезжать к ним. Они считались отчаянными и отстаивали свободу. Действительно, по рассказам путешественников, каменщики до

---

⁹⁷ Спасский Г. Указ. соч., с. 96—97.

⁹⁸ Насколько сильны были здесь подобные настроения, видно из того острого раскола, который возник на Бухтарме в результате попытки влиятельного крестьянина-наставника Ассона Зырянова ввести уже в начале XX в. в обрядность общины с. Белого некоторые священнические элементы. Резкое осуждение его действий мы слышали на Бухтарме и Уймоне в 1968—1969 гг.

последнего времени сохраняли независимый и отважный характер»⁹⁹.

Потомки «каменщиков» с удивительной яркостью хранят память о делах XVIII в. Это в равной мере относится к обследованным нашими экспедициями поселениям старообрядцев на Бухтарме и Уймоне, к деревням и заимкам на Верхнем Енисее, заселенным выходцами с Уймоны. Столетиями передается рассказ о вольной жизни и о возвращении в русское подданство; реальные события фольклоризируются при этом: например, повествуется, что императорские льготы были объявлены представителям «каменщиков» не на Алтае, а в столице, в царском дворце. На Уймоне потомки старожильческих семей и сейчас с гордостью вспоминают имена первых насельников края, основателей деревень, называют пути, по которым они добирались до верхней Катуня, Коксы. Кстати говоря, традиционно называемый ими маршрут первых поселенцев: Бухтарма — Аргут — Уймонская долина является, на наш взгляд, самым правдоподобным. Значительно более короткий путь с верхней Бухтармы на Коксу — Катунь, путь, описанный в 1912 г. Белослюдовым, был открыт сравнительно поздно. Предположение Н. М. Ядринцева о заселении долины Уймоны с Верхнего Енисея кажется маловероятным. Генетические связи засаянских и уймонских поселений старообрядцев, действительно, существуют, но они возникли лишь во второй половине XIX в. и в обратном направлении: с Катуня на Енисей; в обоих районах есть старики, еще помнящие об этой миграции.

Верхнеенисейские переселенцы с Уймоны полнее всего сохранили в памяти легенду о Беловодье, хотя эта легенда в связи с рассказами о самих поисках Беловодья в XIX и XX вв. встречалась нам также в старообрядческих поселениях Усть-Коксинского района Горно-Алтайской автономной области, Большенарымского и Маркакольского районов Восточно-Казахстанской области. Речь шла всюду о более поздних из числа описанных К. В. Чистовым вариантах легенды¹⁰⁰. На Верхнем Ени-

⁹⁹ Ядринцев Н. М. Указ. соч., с. 41.

¹⁰⁰ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды..., с. 267—269.

сее в 1967 г. Ф. В. Долгих рассказ о поисках Беловодья в Опоньском царстве вел даже от первого лица, хотя перед нами был один из традиционных поздних вариантов легенды, сходный с зафиксированным на Алтае в начале 20-х годов XX в. художником Н. К. Рерихом. По словам Ф. В. Долгих, он с несколькими односельчанами достиг границ Беловодья в Опоньском царстве (а не в Гималаях, как рассказывали Н. К. Рериху); Ф. В. Долгих знал, что это царство воевало с Россией, но затруднялся сказать — до или после их путешествия. Однако «опоньские» власти пропускали в Беловодье лишь после трехлетнего испытательного срока, и рассказчик предпочел вернуться на родину, тогда как его спутники остались, и позднее прислали письменную весть, что им удалось проникнуть в Беловодье. Реальная биография Ф. В. Долгих, известная его многочисленной родне, не содержит факта путешествия в Японию. Подобный же рассказ был нами зафиксирован в этих краях еще раз. Здесь старообрядцы поддерживают контакты со старообрядческими общинами Канады, хвалят известное им по фотографиям строгое соблюдение старины в одежде канадских старообрядцев, но наши собеседники подчеркивали, что эти общины ни малейшего отношения к Беловодью не имеют.

В с. Бобровка Маркакольского района в 1971 г. знали имя инициатора поисков Беловодья в 40—60-х годах XIX в. Хрисанфа Боброва. Среди стариков-часовенных на Алтае преобладало уже проницательное отношение к истории поисков Беловодья. Однако здесь же несколько раз нам рассказывали тот вариант легенды, согласно которому при достаточно сильном желании Беловодье может открыться внезапно в любом месте, прямо посреди тайги. Но обязательно — на другом берегу озера, преодолеть которое возможно лишь при безоглядной вере в Беловодье. Рассказчику это, естественно, не удавалось, озеро оказывалось для него слишком глубоким на том самом месте, где его более ревностному спутнику, достигавшему Беловодья, было едва по колено воды. На Алтае нами зафиксировано интересное наложение легенды о Беловодье на реальную миграцию начала 30-х годов XX в.: фантастический рассказ о зажиточном поселении алтайских старообрядцев, покинувших родные места и нашедших Беловодье на севере томской тайги.

Несколько десятилетий вольной жизни «каменщиков» в горных долинах Алтая — яркий эпизод в истории сибирского крестьянства. Несмотря на свои небольшие масштабы, это явление оставило заметный след в сознании алтайских крестьян. Сам факт существования крестьянских общин вне контроля администрации феодальной империи, без налогов, рекрутчины, без попов и консисторских увещаний («улещаний», как их звали крестьяне) — сам этот факт казался невероятным и будоражил сознание. И пусть на деле страна крестьянской утопии оказалась не столь идиллической и не столь долговечной, пусть неизбежное социальное расслоение и здесь начинало разлагать традиционное общинное равенство, а суд стариков в конце концов не смог справиться с нарастающими внутренними раздорами. Для многих и многих беглецов, для неутомимых искателей земли справедливости — Беловодья куда существеннее было, что самым тяжким наказанием в общинах «каменщиков» было изгнание за пределы вольной Бухтармы, назад в феодальную Русскую империю.

Бухтарма дает логическое завершение всей разветвленной сети старообрядческих тайников XVIII в., обеспечивающих крестьянский побег, тысячеверстные крестьянские одиссеи. В то же время Бухтарма — исходный пункт поисков «вольных земель» крестьянами XIX в.

4. ПОСЛЕ ПУГАЧЕВА

Законодательство о старообрядцах, как и иные либеральные начинания 60-х годов XVIII в., испытало отрезвляющее воздействие Крестьянской войны. Непосредственные социальные интересы феодальной империи снова вышли на первый план, потеснив меры, которыми абсолютизм добивался весьма важных для него, но более отдаленных целей, и выявив истинное значение просветительских речей. Укрепление государственного аппарата стало первоочередной задачей. Вскоре оказалось однако, что именно эту задачу удобнее и рациональнее всего решать на известных уже просвещенному абсолютизму

60-х годов путях — на путях умеренного расширения социальной базы режима.

С расколом дело обстояло здесь достаточно непросто. Это объяснялось в первую очередь крайней, все увеличивающейся неоднородностью старообрядчества — социальной, политической, догматической, все усложняющимся соотношением этих факторов внутри каждого из старообрядческих согласий.

Старообрядчество стремительно распространялось среди торгово-промышленной верхушки империи. И наоборот, капиталистские крестьяне, купцы, заводчики играют все большую роль в обоих главных течениях раскола. Если бы дело ограничивалось лишь этими фактами, проблема старообрядчества была бы для правительства более простой, была бы лишь проблемой разумной гибкости и законодательной смелости. Социальная буря 1773—1775 гг. с грозной несомненностью напомнила, что старообрядчество гораздо шире купеческого раскола, не говоря уже о том, что и этот последний проявлял временами свой антифеодальный характер.

Вопрос о роли старообрядчества в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева вызвал в советской исторической литературе последних лет оживленную полемику. И. З. Кадсон считает, что эта роль была резко преувеличена историками, а на деле была минимальнейшей. Эта точка зрения нашла обоснованные опровержения у В. Г. Карцова, хотя последний допустил, на наш взгляд, несомненные преувеличения, рассматривая Е. И. Пугачева как ставленника тайных, но мощных старообрядческих организаций¹⁰¹.

Старообрядческая идеология в ее более радикальных разновидностях сыграла определенную роль в развитии оппозиционных политических настроений XVIII в.¹⁰²

---

¹⁰¹ Кадсон И. З. Восстание Пугачева и раскол. — «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», вып. IV. М. — Л., 1960, с. 222—226. Он же. Восстание Пугачева и раскол. — В кн.: Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. 3. Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1970, с. 348—363; Карцов В. Г. Религиозный раскол, как форма антифеодального протеста в истории России, ч. II. Калинин, 1971, с. 23—76.

¹⁰² Покровский Н. Н. Представления крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в XVIII в. о светских властях (20-е—80-е годы). — В кн.: Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликан-

Старообрядческая организация помогала наряду с казачьим войсковым кругом внести на первых порах хоть какой-то небольшой элемент организованности в традиционную разобщенность стихийного крестьянского протеста. Но цели и характер как старообрядческого соглашения, так и казачьего круга лишь в очень небольшой части совпадали с целями и характером крестьянского антифеодального восстания. Поэтому возможности их использования в Крестьянской войне были ограничены, к тому же в первом случае неизмеримо больше, чем во втором. Хорошо известно, сколь значительную роль играли в антифеодальных выступлениях средневековья еретические течения. Мы можем говорить, что старообрядчество в определенной мере являлось религиозной идеологией антифеодального протеста. Но конкретная мера эта определялась многими важными факторами. Здесь сыграли свою роль и особенности данного, заключительного этапа развития феодального общества, и специфика русских крестьянских войн, не имевших яркой религиозной окраски, и различия районов крепостного права и государственного феодализма, и характерные черты разных старообрядческих согласий. Время правления «философа на троне» уже существенно отличалось от классического средневековья. В частности, и местом, которое религиозные воззрения занимали во всей идеологической системе. А сравнение старообрядчества с протестантизмом, например, богатое поле не только для сопоставлений, но и для противопоставлений¹⁰³. К тому же наиболее острый в старообрядческой идеологии социально-политический протест в традиционной форме эсхатологического учения об антихристовом царском роде трудно было сочетать с манифестами «самодержавного императора нашего великаго государя Петра Федаровича всероссийского»¹⁰⁴, сумевшего использовать крестьянский наивный монархизм в интересах народного восстания. Старообрядческая эсхатология стимулировала недовольство «антихристовыми властями», но религиозная догма староверов учила бо-

---

ского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., с. 77—80.

¹⁰³ Crummeу R. O. The Old Believers and the World of Antichrist (The Vug Community and the Russian State, 1694—1855). Mahison, Milwaukee and London, 1970.

¹⁰⁴ Пугачевщина. т. I. Подг. к печати С. А. Голубцовым. М.-Л 1926, с. 25.

роться с этими властями бегством и «страданием», а не силой. Мы видели, что крестьянский протест даже в традиционных старообрядческих формах подчас выводил крестьянское сопротивление за эти ненасильственные рамки. Открытые социальные бои Крестьянской войны имели совершенно иной характер, чем обычный пассивный протест староверов. Десятилетиями накапливавшееся в старообрядческих районах востока страны недовольство феодальным государством и церковью проявилось в годы Крестьянской войны в активных формах, далеких от старообрядческих побегов и гарей. Эти обстоятельства играли, вероятно, не меньшую роль в ходе Крестьянской войны 1773—1775 гг., чем подчеркиваемое И. З. Кадсоном отсутствие единства между разными старообрядческими согласиями.

Хорошо известен тот бесспорный факт, что старообрядческие организации помогли выдвижению Е. И. Пугачева и провозглашению его (как и нескольких его предшественников) Петром III; столь же известно, что требования свободы старой веры были популярны во многих районах, охваченных восстанием, и учитывались в ряде программных документов Пугачева; первыми знаменами Крестьянской войны были знамена с восьмиконечными старообрядческими крестами, а наиболее правдивый из всех прижизненных портретов Пугачева, проникнутый несомненной симпатией к нему, написан илетским старовером¹⁰⁶. Но не менее бесспорно, что не старообрядческий религиозный фанатизм, а широкая веротерпимость характерна для идеологии Крестьянской войны. Религиозные лозунги, несомненно важные на первых порах, очень быстро отходят на задний план по мере выдвижения социальных мотивов и требований. Этим, в частности, и объясняется, на наш взгляд, что Крестьянская война к тому времени, когда она достигла заводского Урала и Западной Сибири, не вызвала здесь специфически-старообрядческого движения. Крестьяне-старообрядцы этих известных раскольнических районов активно поддерживали Пугачева, прежде всего, как крестьяне, а не как старообрядцы (мы понимаем крайнюю условность подоб-

---

¹⁰⁶ Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. I. Л., 1961, с. 18, 230.

ного деления, речь идет о социально-идеологической окраске движения). Среди названий уральских, западно-сибирских сел и деревень, население которых активно включалось в восстание Пугачева, вступало в его отряды, мы постоянно встречаем такие, которые хорошо известны нам как центры массовых старообрядческих движений 20—60-х и 80-х годов XVIII в. (поселения ялutorовских и исетских слобод: Утяцкой, Курганской, Иковской, Каминской, Куртамышской, Белозерской, Тебеньцкой, Окуневской, Усть-Суерской, Емуртлинской, Пещанской; села Шадринского уезда: Талицкое, Крутихинское, Кабанское, Иванищевское, Буткинское; села Краснослободского дистрикта, Зайковская слобода Туринского уезда, деревни по р. Пышме, далматовские села, уральские заводские поселки и др.)¹⁰⁶. Но в нашем распоряжении нет указаний источников на старообрядческую религиозную войну в эти годы в поселениях заводского Урала и Западной Сибири. Факт немаловажный для общих оценок характера старообрядческого протеста и подтверждающий известное мнение Г. В. Плеханова о том, что этот протест сказывается сильнее в периоды спада острых схваток, идущих под непосредственно социальными лозунгами¹⁰⁷.

Правительство, однако, было крайне обеспокоено и напугано обнаружившейся связью учения «невежественных суеверцев» и «бунта злодея Емельки». Еще совсем недавно, после окончания III ревизии, один из екатерининских вельмож представил проект искоренения раскола, где вполне в духе времени предлагалось сделать это посредством обучения старообрядческих детей грамматике и катехизису, «ибо известно, что раскольнических многих заблуждений причиною есть незнание одной только грамматики»¹⁰⁸. Но уже через несколько лет пришлось срочно вспоминать заплеченную практику прошлых, менее просвещенных времен. В силу полученных свыше инструк-

---

¹⁰⁶ Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева, т. II. Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1966, с. 236—319, 355—378. См. также Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907; Пугачевщина, т. 1—3. Подг. к печати С. А. Голубцовым. М.—Л., 1925—1931.

¹⁰⁷ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли, т. I. М.—Л., 1925, с. 362—363.

¹⁰⁸ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 401, л. 356.

ций экстраординарные следственные комиссии, созданные по случаю Крестьянской войны, как и палаческий штат мирного времени, самым пристальным и кровавым образом заинтересовались многими руководителями старообрядческих центров Иргиза и Урала. Известного сторонника Пугачева старца Филарета разыскивали долго и настойчиво. Хотя законы 1760-х годов о старообрядчестве по традиции не отменялись, общее антираскольническое направление законодательной и административной деятельности этого времени несомненно.

Но прошло еще несколько лет, и упрочившаяся самодержавная власть сочла испуг чрезмерным. Этому немало способствовала выжидательная позиция московских центров купеческого раскола в Крестьянской войне. Вновь возродились надежды дальновидной гибкой политикой способствовать углублению раскола в расколе, привлечению на сторону абсолютизма зажиточных, умеренных старообрядческих слоев торгово-промышленной верхушки. Правда, екатерининских законодателей ждало здесь немало разочарований. Но ведь проблема выработки «строго научных» методов политической дифференциации старообрядчества оказалась непосильной и для таких различных общественных деятелей рационалистического XIX в., как Липранди и Герцен.

В 80-х годах XVIII в. будет завершён отход от суровых норм петровских законов о расколе; рухнет вся система, основанная на двойном подушном окладе и неусыпном паблюдении церкви за ее противниками. Второму царствующему внуку Екатерины впоследствии покажется, что в 1780-е годы рухнуло уж слишком многое. Но это особая тема.

* * *

Изданные в ходе Крестьянской войны указы Синода и Сената по отдельным частным проблемам, связанным со старообрядчеством, свидетельствуют об ином к нему отношении, чем в 1760-е годы. По ведению Сената от 27 марта 1774 г. Синод принял 11 апреля того же года указ о возвращающихся из-за границы в империю беглецах — старообрядческих монахах. Сенат выразил опасение, что «под сим видом и многие, пожелая отбывать от своих владельцев, станут бегать для пострижения за

границу, и после выходить сюда без всякой пользы для государства, а только во вред своим владельцам и в тягость общественную тунеядцами делаться». Учитывая эту четкую социальную мотивировку, Синод и Сенат согласно решили вернуться к старой практике категорического непризнания старообрядческого монашества и борьбы с ним¹⁰⁹. Вопрос о беглых расколуучителях, выходцах из-за рубежа, продолжал беспокоить власти; история страстий Пугачева привлекла внимание к беглецам, скрывавшимся в старообрядческих тайниках. 29 сентября 1775 г. Сенат принял по ведению Синода указ, обязавший Главную полицмейстерскую контору усилить борьбу с бродячими расколуучителями, «чтоб от таковых ханжей развращения простому народу не происходило», устанавливался надзор над московскими старообрядческими центрами — Преображенским кладбищем, Покровской и Рогожской слободами, где были замечены беглые с Ветки¹¹⁰.

Ситуация позволила Синоду сочетать несомненную выгоду подрыва идеологических позиций двух мощных старообрядческих центров на севере и на западе страны с редким удовольствием угождения официозным просветительским вкусам двора. Осенью 1774 г. по инициативе Синода был начат поход против культа Елифания и Киприана (на Столпозере близ Выга) и Викентия (близ Злынки). На Столпозере существовала часовня, где стояли «гробницы, в которых, по мнению (Синода. — Н. П.), ничего, кроме одного обмана, не имеется». Между тем непросвещенные, суеверные российские подданные стекались к мощам из самых отдаленных мест, так что часовня «никогда, по вхождению в нее на всякий день множества народа от всех тамошних мест и сибиряков, не запирается». В целях борьбы с суевериями Синод предлагал Елифания и Киприана посмертно «через светскую команду заарестовать..., часовню разорить, с разгласителями ж ложных чудес, взяв их в светскую команду, поступить по закону». Для выполнения этого плана и проведения сурового следствия об обстоятельствах посмертной активности Елифания и Киприана Сенат и Синод создали смешанную по-

¹⁰⁹ Собрание постановлений по части раскола..., кн. I, с. 675—676.

¹¹⁰ Там же, с. 683—689.

лицейско-церковную комиссию на паритетных началах. Осенью 1775 г. подобным же образом ревизовали богатую купеческую Злынку¹¹¹.

В Полном Собрании Законов Российской империи вслед за манифестом об аресте Пугачева помещена «Инструкция сотскому с товарищи» (19 декабря 1774 г.). Крестьянская война побудила спешно укреплять весь аппарат власти и, в частности, накрепко подтвердить, что самые низшие его звенья, широко использующие традиции общинного самоуправления, обязаны верно служить престолу. Обязанности эти детализировались и классифицировались. Характерно для того времени, что на одном из первых мест перечислены меры по борьбе с расколом: «Тебе, сотскому с товарищи, наблюдать, и в сотне своей в селениях управителем, старостам и выборным накрепчайше подтверждать, дабы раскольнических ересей и развратников от благочестивых Православных греческого исповедания веры и превращающихся в богопротивную и раскольническую ересь... отнюдь бы, кроме от них записных, не было». Местной власти вменялось в обязанность немедленно арестовывать всех тайных, незаписных раскольников, особенно беглых, всех тех, кто «совращает» других в раскол, а также «лжеучителей» и обитателей старообрядческих тайников «в лесах и сокровенных местах»¹¹². И терминология, и сам дух этого документа, такие знакомые и привычные, вселяли радость и успокоение в души синодальных и консисторских членов, всех тех, кому дороги были традиции Феофана Прокоповича и Сильвестра Гловацкого.

Еще торжественнее нерушимость основ союза государства и церкви была провозглашена хорошим синодальным слогом (с повторением формул Соборного уложения 1649 г.) в на редкость подходящем для этой цели документе, озаглавленном «Устав благочиния или полицейский»:

«Подтверждается и возобновляется запрещение всем и каждому возложить хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или на рождшую его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный

---

¹¹¹ Там же, с. 676—679, 681—682.

¹¹² ПСЗ, т. XIX, № 14231, с. 1068.

Крест, или на Святых его угодников». Если же кто-нибудь все же дерзнет, «того да отослать в суд и да накажется, как и законом предписано».

Вопреки всем просвещенным мнениям о познании истины в споре, печальный опыт синодальных диспутов XVIII в. о вере был обобщен в чеканной полицейской формуле: «Буде кто учнет или возобновит споры, противные православию: на того без суда паложить молчание»¹¹³.

Полицейский устав четко фиксировал предписываемый образ религиозного мышления подданных. Урожденная София Ангальт-Цербтская, поклонница Вольтера, вполне квалифицированно справилась с задачей полицейской защиты господствующего вероучения. Но если говорить о проблеме старообрядчества, была в Полицейском уставе одна небольшая, но существенная деталь. Надзор за оппонентами официального православия и борьба с ними все более переходили из церковного в полицейское ведомство, а между тем старообрядческие противники церкви не были конкретно указаны в уставе в качестве подлежащих искоренению врагов Синода. Их легко можно было подвести под действие вышеприведенных общих положений устава о противниках православия, хотя бы как хулителей четвероконечного креста. Но можно было и не делать этого. Решение принадлежало самодержавной власти. А она именно в это время предпринимает новую попытку примирения старообрядчества с Синодом, с абсолютистским государством.

Полицейский устав был принят через 7 с лишним лет после «Инструкции сотскому», 8 апреля 1782 г., когда связанный с пугачевщиной испуг перед старообрядчеством был уже давно преодолен. 20 июля 1782 г. был подписан именной высочайший указ московскому главнокомандующему графу Чернышову: «Всемилоостивейше повелеваем от сего времени с состоящих в двойном окладе, как городских, так и сельских жителей того двойного оклада в казну нашу не собирать и им не платить». Это распоряжение об отмене двойного подушного оклада со старообрядцев могло выглядеть как частная мера, по в ответ на недоумешные вопросы с мест Сенат разъяснил

---

¹¹³ ПСЗ, т. XXI, № 15379, с. 478, 481.

указом 8 ноября 1782 г., что двойной оклад отменяется по всей империи¹¹⁴.

Таков итог политики, начатой уже в 60-х годах XVIII в. Постепенно были отменены еще некоторые дискриминационные меры прежнего законодательства по отношению к старообрядчеству. Провозглашалась отмена самого термина «раскольник», столь ненавистного старообрядцам, запрещалось упоминание в официальных документах о старообрядческом вероисповедании лиц, вступающих в те или иные отношения с государственными органами, разрешалось выбирать старообрядцев в городские службы на основе Городового положения¹¹⁵. Но это разрушение принципов законодательства первой половины XVIII в. о расколе не было проведено последовательно, огромное большинство прежних законодательных норм формально не отменялось и продолжало реально действовать или могло быть введено в действие в любой момент, судя по обстановке. Вместе с тем была разрушена главная основа прежнего законодательства о расколе — двойной оклад в качестве выкупа за право исповедовать старую веру и одновременно удобного формального отличия законопослушного старообрядца от вредоносного. Создать новую стройную систему законодательных норм и административных мер взамен старой не удалось, хаос и волюнтаризм в этой сфере в 80-е годы XVIII в. были необычайные. Однако желание правительства дать определенное позитивное решение проблемы несомненно. Решение в духе легализации старообрядчества и включения его на правах относительной автономии в систему православного церковного управления. Решение, известное под названием «единоверия».

В нашу задачу не входит освещение чрезвычайно интересной истории этого довольно смелого и в общем малоуспешного эксперимента¹¹⁶, лежащего в основном за пределами хронологических и территориальных рамок данной работы. Переговоры о введении единоверия давно

¹¹⁴ ПСЗ, т. XXI, № 15473, с. 634—635; № 15581, с. 745.

¹¹⁵ Собрание постановлений по части раскола..., кн. I, с. 710—723, 729—732.

¹¹⁶ С.—в. Исторический очерк единоверия. СПб., 1867; Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. Рязань, 1893, с. 207—217; Шлеев С. Единоверие и его столетнее организационное существование в русской церкви. СПб., 1901.

уже велись с несколькими видными руководителями поповщины, особенно интенсивно через Потемкина и Румянцева ¹¹⁷, однако в окончательном варианте уступки старообрядчеству были изрядно сокращены, а плата за них повышена. Старообрядцам было отказано в особом старообрядческом архиерее, подчиненном непосредственно Синоду. Между тем в свете многолетних упорных поисков старообрядцами «истинного архиерейства» именно этот пункт готовившейся сделки являлся для умеренного крыла староверов одним из самых заманчивых ¹¹⁸.

В конце концов единоверческие приходы были подчинены в каждой епархии обычному епархиальному начальству и, таким образом, включены в систему господствующей церкви уже на низших ступенях церковной бюрократической машины. Зато единоверческие священники вели всю службу, исполняли все требы по дониконовским, принятым у старообрядцев книгам. По тем самым книгам, одно хранение которых считалось еще недавно тяжким преступлением.

Старообрядцам предлагалось, вступив в единоверческие приходы, признать таким образом свою лояльность по отношению к господствующей церкви и самодержавному государству. Эти последние в награду согласны были допустить в системе официального вероучения все те считавшиеся в расколе не только обрядовыми, но и догматическими отличия, за приверженность к которым старообрядцев со времен собора 1666 г. предавали анафеме и сжигали. Если бы реальное значение старообрядчества 80-х годов XVIII в. исчерпывалось верностью дониконовской старине, старообрядцы должны бы были, торжествуя победу, принять единоверие. Если бы все дело было в сугубой аллилуйе или форме креста, подобная старообрядческая победа не имела бы ровно никакого значения для «философа на троне».

---

¹¹⁷ Подобные проекты еще 1763—1764 гг., выдвинутые обер-прокурором Синода И. Меллиссино, новгородским митрополитом Дмитрием и псковским епископом Гедеоном, см. Новые материалы для истории старообрядчества, с. 183—189.

¹¹⁸ Как ни далеко было синодальное архиерейство от «истинной хиротонии», не оскверненной «никонианством», отсутствие особого архиерея было одной из причин непопулярности единоверия, что облегчило впоследствии распространение «белокриницкой иерархии», успешно борющейся с единоверием.

Но многие старообрядцы XVIII в. ценили в своей вере не только сохранение дониконовского обряда, но и твердую уверенность в том, что настали последние времена, когда все власти, церковные и светские — слуги антихриста, любой союз с которыми душепагубен. И эта уверенность, столь явственно направленная против государственной и церковной системы феодальной империи, в конце концов сорвала хитроумную сделку, торжественно провозглашенную указом 11 марта 1784 г.¹¹⁹ Старообрядцы в основной своей массе не пошли в единоверческие приходы. Несмотря на все методы полицейского красноречия и насильственного убеждения, широко применявшиеся, особенно при Николае I, Синодом и Министерством Внутренних Дел, единоверческая церковь не сумела победить старообрядчество или хотя бы предотвратить его рост.

Во время сибирских археографических экспедиций в 1965—1972 гг. нам не раз приходилось слышать от старых крестьян рассказ о том, как сатана при помощи попов пытался заманить побольше душ в ловушку, называемую едиповерием. Сатана, как ему и полагалось, предлагал при этом любые конкретные блага и уступки в обмен на главное — принципиальное признание его власти: «Хочешь служить по дониконовским книгам — служи, поклонись только слуге моему, синодальному архиерею». Наши собеседники не без гордости говорили о пронизательности своих предков, разгадавших коварный план князя тьмы.

Готовность части старообрядческой верхушки принять компромисс с властями в форме единоверия свидетельствовала о далеко зашедшем процессе политической дифференциации в старообрядческой среде.

Готовность правительства пойти на этот компромисс свидетельствовала, что оно с пониманием относится к такому процессу и склонно проявить определенную гибкость, отойти от непримиримой ортодоксальности XVII в. в обмен на лояльность умеренного старообрядчества.

Осторожность и недоверие, которыми встретили единоверие большинство старообрядцев, свидетельствовали,

---

¹¹⁹ Собрание постановлений по части раскола, М., 1858 г., с. 4 (для Белорусского, Малороссийского и Екатеринославского наместничеств); ЦГИА, ф. 796, оп. 205, № 122 (рескрипт 1796 г. для Казанской епархии); ПСЗ, т. XXVI, № 19621.

что в крестьянских старообрядческих общинах далеко не выветрился еще дух оппозиционности, а многие деятели купеческого раскола считают сделку на предложенных условиях невыгодной.

Осторожность и недоверие, которыми правительство встретило планы более широких уступок староверам в рамках единоверия, свидетельствуют, что Крестьянская война отучила екатерининских вельмож искать причины популярности старообрядчества лишь в плохом знании пейзажами правил грамматики.

* * *

В отдаленной Тобольской епархии все эти крутые повороты замедлялись и амортизировались местной традицией. До замены митрополита Павла раболепным епископом Варлаамом более гибкое отношение к расколу наталкивалось на открытое сопротивление архиерея и консистории. Но и Варлаам, менее всего помышлявший о собственном мнении по этому, как и по любому, впрочем, вопросу, не в состоянии был ни понять запутанного нового курса, ни активно содействовать его реализации. Местное сибирское духовенство, освободившись от тяжелой деницы Павла, меньше прежнего считалось с указами Тобольской консистории; грубые традиции старого, привычного подхода к старообрядческой проблеме отчетливо сказывались в Тобольской епархии. На этом фоне особенно показателен рост влияния старообрядчества в течение всего периода от III ревизии до отмены двойного подушного оклада.

Одним из удивительных следствий этого было значительное увеличение числа записных раскольников уже после III ревизии, когда по действовавшему законодательству запись новых лиц в раскол была категорически запрещена. И тем не менее тысячи уральцев и сибиряков находили пути для обхода законов, считая выгодным для себя откупиться от церкви двойным подушным окладом. Если по III ревизии в епархии записалось в раскол 12 476 чел., то по консисторским данным за 1770 г. записных раскольников, не считая алтайских «поляков», было уже 17 713 чел. По духовным приказам они распределялись следующим образом (табл. 5).

Распределение записных старообрядцев Тобольской епархии по
духовным заказам в 1770 г.*

Духовный заказ	Мужчины	Женщины	Всего
<i>Тобольская губерния</i>			
Краснослободской	145	290	435
Ялutorовский	166	227	393
Ишимский	3	4	7
г. Тюмень	21	45	66
Тюменский уезд	22	33	55
г. Екатеринбург	575	617	1192
Екатеринбургский уезд	897	935	1832
Нижне-Тагильский	3878	4184	8062
Далматовский	183	277	460
г. Тара	10	21	31
Тарский уезд	13	15	28
Омский уезд	339	333	672
Барнаульский завод	16	21	37
Уезд Барнаульского завода	634	786	1420
г. Томск	74	127	201
Томский уезд	97	110	207
Итого по Тобольской губернии	7073	8025	15098
<i>Исетская пров. Оренбургской губ.</i>			
г. Челябинска	35	32	67
Челябинский уезд (включая части Далматовского, Воскресенского, Рафаилов- ского заказов)	1091	1457	2548
Итого по Тобольской епархии	8199	9514	17713

* ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1772 г., № 98, л. 11.

По сведениям, представленным в 1772 г. Тобольской консисторией академику Фальку, в 1771 г. в епархии было 17 719 записных раскольников¹²⁰.

¹²⁰ Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорскою Академиею Наук, т. VI. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824, с. 415.

Данные эти не вполне точны, страдают традиционными недостатками статистики исповедального учета ¹²¹. Например, приходские священники сообщали, что в Тобольске вообще нет записных раскольников, между тем после III ревизии в Тобольске было около десятка записанных в раскол ¹²². Тем не менее эти сведения говорят о сохранении и упрочении влияния традиционных старообрядческих центров — Нижнетагильского, Шарташского, Исетского, Алтайского. Правда, подобного типа источник не в состоянии отразить ведущее положение Шарташа во всем уральском заводском районе. Но сравнительно немногочисленные за эти годы старообрядческие дела Тобольской консистории все чаще сообщают о растущем авторитете богатого торгового Шарташа и тесно связанных с ним старых скитских центров во главе со скитом Дионисия — Максима. Консистории и светским властям еще предстоит почувствовать всю силу этого авторитета во время кризисной ситуации 1782—1784 гг. Но вместе с тем влияние уральских скитов и Шарташа не в состоянии связать в единое, стройно организованное целое разрозненный мир старообрядческих общин Сибири ¹²³.

Немногие источники, созданные в эти годы самими урало-сибирскими старообрядцами и введенные недавно в научный оборот археографическими экспедициями СО АН СССР, свидетельствуют об одном интересном внутреннем процессе в недрах софонтневского (часовенного) согласия.

Эта разновидность поповщины постепенно становится главным течением урало-сибирского старообрядчества.

---

¹²¹ Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в., с. 381—406.

¹²² ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1771, № 143, л. 9.

¹²³ Лишь постепенно и непоследовательно это положение будет меняться в XIX в., особенно после возникновения белокриницкой иерархии. Но и тогда постоянное выделение новых согласий и продолжающийся колониальный процесс будут поддерживать в Сибири традиции самостоятельности крестьянских старообрядческих общин. О силе этих традиций свидетельствует и история сибирского старообрядчества XX в. На Алтае нам рассказывали, что и поповские, и беспоповские крестьянские общины явно ценили ту независимость от общерусских старообрядческих центров, которая была приобретена ими в последние десятилетия, когда социальные бури нашего века освободили их от опеки богатой старообрядческой верхушки.

Одновременно ее догматическая система все более радикализировалась, все более отступала от основ, неизменных в православной церкви и в основных направлениях беглопоповщины. Распространяясь в условиях Сибири с ее тысячеверстными расстояниями и деятельным независимым крестьянством, софонтиевщина фактически эволюционирует в направлении беспоповщины. Вопреки традиционному учению церкви сфера деятельности священников в жизни софонтиевских общин сокращалась. Это сокращение на практике стимулировалось в Сибири крайней малочисленностью беглых попов, перешедших в старообрядчество. Влиятельные заводские старообрядцы, руководители Нижнетагильской, Невьянской общин и близлежащих скитов, приложили немало усилий, чтобы найти какой-то выход на традиционных путях, расширить возможности для приема в софонтиевщину беглых попов господствующей церкви.

В 1776 г. после нескольких специальных поездок уральских софонтиевцев в столицы, сопровождавшихся тайным знакомством в Петербурге с неким синодальным летописцем и контактами с представителями грузинской церкви в Москве, скитские центры санкционировали решение о приеме в софонтиевщину беглых священников, поставленных рязанским и грузинскими архиереями. Но эта мера лишь несколько затормозила быстро идущий процесс введения беспоповской практики в софонтиевских общинах. Само решение 1776 г. было реакцией менее радикальной части согласия на растущие в софонтиевщине настроения враждебности по отношению к священникам официальной церкви, даже если они перешли в раскол. В софонтиевских сочинениях все чаще выражается мысль, что господствующая церковь из-за распространения обливательного крещения не может более снабжать старообрядчество беглыми попами. Руководители массовых антицерковных движений, не связанные со скитами, такие как Мирон Галанин и Михаил Девяшин, прямо осуждали решения 1776 г. Весьма противоречивой оказалась позиция главы одного из наиболее авторитетных уральских скитов Максима, в прошлом — беглого холопа. В своей практической деятельности он поддерживал принятие беглых попов из Рязани и Грузии¹²⁴. В то же

¹²⁴ ЦГИА, ф. 796, оп. 63, № 295, лл. 3— об.

время Максим является автором большого сочинения, подробно доказывающего, что с догматической точки зрения лучше вообще отказаться от священства, чем пользоваться услугами священников, поставленных еретиками. Его позиция чрезвычайно близка к известному беспоповскому тезису о том, что «священство улетело на небо». Недаром сочинение Максима станет главной теоретической опорой окончательного отказа софонтиевцев от священства в 20-х годах XIX в.¹²⁵

Хотя после известных указов о прекращении следствий по старообрядческим делам общее число консисторских документов о старообрядцах резко сократилось, все же сохранилось немало упоминаний о записных и тайных раскольниках из сибирских купцов.

В 60-е и 70-е годы XVIII в. проникновение старообрядчества в купеческую среду Сибири усилилось. Во время III ревизии в раскол записались богатые тобольские купцы Иван и Прокопий Дмитриевичи Володимеровы

---

¹²⁵ Собрание ИИФиФ АН СССР, № 9/71 -г, лл. 109—140. Только что сибирские археографы обнаружили два новых ценных источника по этому вопросу. Один из них —не имеющие заглавия исторические заметки, составленные в конце XIX в. по источникам XVIII в. Они включены в сборник, переписанный в 1928 г. в енисейских скитах матушкой Измарагдой, которая еще в 1966—1967 гг. сообщила нам некоторые сведения по истории софонтиевцев, а позднее уступила Сибирскому отделению АН СССР рукописные и старопечатные книги XVI в. Сборник был прислан нам из Горной Шории для снятия ксерокопии. Он содержит доказательство того, что решительный поворот софонтиевцев XVIII в. к беспоповской практике был смело санкционирован самим Мироном Галаниным. См. Собрание ИИФиФ СО АН СССР, № 1/73—г, л. 55 об.

Экспедиция Л. С. Соболевой привезла с Алтая небольшой сборник исторических сочинений софонтиевцев, написанный полуставом XX в. В него включен рассказ о Нижнетагильском соборе 28 мая 1777 г. На соборе присутствовали более 50 представителей влиятельных уральских скитов, крестьянских общин Зауралья (во главе с М. И. Галаниным и его друзьями), главный нижнетагильский приказчик Ф. И. Махотин, известный нам по событиям 1750 г. Собор был посвящен проблеме допустимости приема беглых «никоновских» священников на условиях, определенных Максимом в 1776 г. Компромиссная линия Максима вызвала недовольство противников беглых попов и в крестьянских общинах, и в скитах. Председательствовавший на соборе Максим пошел на новые уступки радикальным антипоповским настроениям, фактически признал за каждым софонтиевцем право свободного выбора — принимать услуги беглых попов или отказываться от них. См. Собрание ИИФиФ, № 9/73, лл. 23—32.

со своими семьями. Еще раньше в тайном расколе подозревались тобольские купцы Зубаревы. Старообрядческим было все влиятельное купечество Шартапа. При всей своей осторожности как записные, так и тайные старообрядцы из купцов неизбежно сталкивались с церковными властями, особенно в связи со сложным полулегальным положением старообрядческой семьи. В сохранившихся источниках 1760-х — 1770-х годов о подобных конфликтных ситуациях встречаются: тобольские купцы, записные раскольники П. Д. и П. П. Володимеровы, тобольские купцы С. Зимицкий, В. Назинцев, Л. Аврамов, П. Пятков, томский купец третьей гильдии, записной раскольник А. А. Шумилов, томский купец, записной раскольник П. А. Протасов, барнаульский купец, записной раскольник И. Харлов, тарский купец И. В. Седельников. В начале 1780-х годов упоминаются: томский купец, записной раскольник В. Старков, екатеринбургский купец, записной раскольник А. Красохин, тюменские записные раскольники Прасоловы и Володимеровы¹²⁶.

Запись в раскол была связана для купечества со многими неудобствами. На первом месте среди них стояла, пожалуй, проблема оформления браков и рождений, тесно связанная с вопросом о передаче купеческих капиталов по наследству и вообще с функционированием купеческой семьи — торгового дома. Совершенные старообрядческими священниками или наставниками браки, крещения считались незаконными, а все дееспособные участники этих обрядов подлежали наказанию. Хотя реальная практика далеко не всегда совпадала с этими законами, консистория постоянно настаивала на строгом их исполнении. С другой стороны, во многих старообрядческих соглашениях более или менее терпимо относились к старообрядцам, заключавшим браки в православной церкви, особенно, если удавалось уговорить священника венчать по дониконовскому обряду. Однако по каноническому праву венчать старообрядцев можно лишь после полного их обращения в православие, должным образом зафиксированного. Церковь, в которой венчался необращенный ста-

¹²⁶ ЦГИА, ф. 796, оп. 47, № 95, лл. 162—166; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1763 г., № 103; 1770 г., № 92; 1771 г., № 54, 143; 1772 г., № 152, 171; 1777 г., № 92; 1783 г., № 149, I, л. 239, 149, II, л. 1, № 149, IV, л. 4.

рообрядец, считалась оскверненной, и службу в ней следовало немедленно прекратить.

Старообрядцы выходили из этой ситуации различными путями. Диапазон очень широк: от провозглашения безбрачия краугольным камнем всей догматики до произнесения перед венцом формулы проклинания старообрядческих ересей¹²⁷. Зачастую выход из самого безнадежного положения давала универсальная отмычка — взятка. Сибирское купечество особенно охотно прибегало к ней. Но острая конкуренция, соперничество семей как в торговой, так и в церковной сфере не раз выводили подобные проделки на чистую воду.

Одно из самых громких дел такого рода связано с тобольскими купцами Володимеровыми. Записавшись в раскол, Прокопий Володимеров категорически отказался представлять приходскому священнику для крещения и православного воспитания двух дочерей, родившихся у него в 1770 и 1772 гг. Доносивший об этом протопоп Ф. Алексеев сообщил, что П. Володимеров резко заявил ему: «„Што вам до того нужды, у нас де свои отцы духовны будут“, чем и кончился наш о том разговор». Но когда встал вопрос о венчании восемнадцатилетнего сына Прокопия Петра, также записного раскольника, пришлось подумать о законном церковном браке. Возможно, что скрывавшиеся иногда в доме Прокопия Володимерова старообрядческие «отцы духовны» согласились бы на трафаретный компромисс: формальный отказ брачующихся от старообрядчества с последующим тайным возвращением в раскол. Но то ли полагающаяся в таких случаях епитимья показалась Володимеровым слишком суровой, то ли не хотелось терять звание записного старообрядца, то ли понадеялись на дружбу со светскими властями.

Невеста была из рода тарских купцов, записных раскольников Кузнецовых. Венчаться репили в Таре: тарский воевода титулярный советник Т. Кривоногов был дальним родственником и другом Володимеровых. В Таре тогда был под следствием за контрабандный провоз соли

---

¹²⁷ Нильский И. Ф. Указ. соч.; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в., с. 240—261.; Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма. — «Вопросы истории религии и атеизма», 1950, т. 1, с. 188—248.

священник Абацкой слободы Л. Труфанов. Однажды вечером он был приведен сержантом к воеводе, который предложил ему обвенчать Петра Володимерова. Воевода заявил, что сам будет тысяцким на свадьбе, и тут же составил и подписал «обыск» об отсутствии препятствий к венчанию, пропустив при этом обязательную формулу о том, что венчающиеся не являются раскольниками. Венчание происходило в Никольской церкви г. Тары; постоянный священник церкви и духовный заказчик Тары согласились на это время покинуть город «для поставки сена», а затем Л. Труфанов поделился с ними доходом. Однако митрополит Павел узнал о всей этой истории и реагировал круто: воеводе был запрещен вход в церковь, а все три священника были лишены права вести церковную службу до тех пор, пока они, вместе с воеводой, не уговорят новобрачных перейти в православие. Дело это, осложненное острым конфликтом между Павлом и Д. И. Чичериным, кончилось уже при Варлааме компромиссом: Володимеровы остались в старообрядчестве, пообещав лишь крестить своих детей православно; брак их признали законным, воеводе через год разрешили входить в церковь. Никольский храм г. Тары пришлось освящать заново ¹²⁸.

Неслучайно, конечно, что благополучный исход подобных историй в купеческой среде наблюдается чаще, чем в крестьянской. Крестьяне предпочитают венчаться у старообрядческих попов и наставников — иргизских, шарташских, нижнетагильских ¹²⁹.

В конце 1760-х — 1770-х годов Тобольская консистория неоднократно доводит до сведения Синода, что несмотря на все меры, старообрядцы продолжают венчаться и крестить своих детей тайно от приходских священников. Так, в 1770 г. консистория сообщала, что в Омском, Далматовском и Рафаиловском духовном правлениях все без исключения старообрядцы зовут для крещений и венчаний старообрядцев же, а не приходских священников. Казак Петропавловской крепости Савва Михайлов на вопрос священника, кто у них крестит детей, отвечал: «Что де тебе нужды до того, мы де у вас не спрашиваемся

¹²⁸ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1770 г., № 92; 1771 г., № 143; о благополучном исходе подобных незаконных венчаний купцов-старообрядцев см. там же, 1772 г., № 152; 1777 г., № 92.

¹²⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 47, № 95, лл. 30—38 об., 76—79

и к вам, ни к какому вашему властителю для исправления треб не пойдем, а справляемся сами собой»¹³⁰. Особенно много тайных треб исправлялось в софонтиевских часовнях на Кузиной горе близ Шарташа. Нижнетагильское духовное правление сообщало о 187 старообрядческих крещениях и 164 браках за 1767 г., 139 крещениях и 39 браках за 1768 г., 264 крещениях и 110 браках за 1772 г. Екатеринбургское и Воскресенское духовное правление доносили, что заводскими крестьянами Исетской провинции было совершено в 1772 г. 144 тайных крещения и 31 брак¹³¹.

Духовные власти настойчиво, но чаще всего безуспешно пытаются во всех этих случаях добиться ареста венчавшихся и начала следствия по духовному делу о незаконных требованиях. Администрация заводов, управительские канцелярии и Сибирская губернская канцелярия предпочитали прежний, проверенный в 50-х — начале 60-х годов метод решения подобных конфликтов: ограничиваться взиманием шестирублевого штрафа с каждой тайной старообрядческой свадьбы¹³². Да и эти штрафы взимались далеко не всегда.

Браки старообрядцев у православных священников стоили куда дороже: обычная такса взятки, которую приходилось платить крестьянам, колебалась в пределах 12—50 руб. С купцов брали больше. Но зато, если все проходило гладко, такие браки ценились выше, так как оформлялись законным, общепринятым в империи образом.

Подобная ситуация давала неистощимые возможности для взяточничества. Приведем еще один пример. В 1779 и 1780 гг. клир Ирменского прихода пожаловался в консисторию на священника соседнего Нижне-Сузунского завода, В. Хавова, который венчает без обращения раскольников их прихода, взимая с них за это от 12 до 20 руб. Ирменское духовенство жаловалось, что В. Хавов лишает их таким образом доходов, и требовало немедленно отдать все эти взятки «им в удовольствие»; они подчеркивали, что В. Хавов широко рекламировал через обвенчанных им старообрядцев свою таксу: заказывал привозить за всякую

¹³⁰ Там же, л. 76 об.

¹³¹ Там же, лл. 31—38 об., 64—66 об., 114—121 об., 129—135 об.

¹³² Там же, лл. 63, 76 об., 124; ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1776 г.,

раскольническую свадьбу по 20 руб., «то он де таковые браки с охотою венчать будет». Нижнесуздунские раскольники приводили В. Хавова в пример своим священникам. Эти последние известили консисторию, что если деятельность В. Хавова в чужом приходе не будет прекращена, они, чтобы выдержать конкуренцию и «не лишиться своего дохода», вынуждены будут сами венчать раскольников по сниженной цене. Вызванный в духовное правление В. Хавов вел себя дерзко, «в грудь своею рукою поколачивая», фактов отнюдь не отрицал, но заявил, что все так делают, и сразу привел пять примеров. Для смирения его посадили на 3 дня на цепь, а затем перевели в другой приход. Взятки он так и не отдал. Осквернения храмов «не заметили»¹³³.

Понятна готовность записных раскольников уплатить приходскому священнику значительные деньги, чтобы получить официальное фиксирование брака без обращения в православие. Столь же понятно и противоположное стремление: решить эту сложную проблему тайным венчанием у старообрядческого беглого попа или наставника, чтобы затем при помощи светских властей как-то легализовать этот брак. Но консисторские и синодальные материалы 60—80-х годов XVIII в. свидетельствуют, что к тайному старообрядческому венчанию нередко прибегают не только записные раскольники, но и крестьяне, исправно посещающие церковь, принимающие причастие и официально считающиеся православными. Они имели полное право на торжественное и законное венчание в приходском храме, но предпочитали ему тайный обряд в далеком лесном убежище, хозяин которого преследовался церковью и государством. Это свидетельствует, конечно, о популярности старообрядческих настроений в крестьянской среде. Но это говорит и о расплывчатости, нечеткости границ крестьянского старообрядчества, о том реальном «двоеверии», которое нам уже приходилось констатировать. Среди таких брачующихся по-старообрядчески, несомненно, были люди, не являвшиеся ранее тайными старообрядцами и отказавшиеся от православного брака под давлением внешних обстоятельств.

Об одном из таких обстоятельств сообщало в 1767 г. Кольвано-Воскресенское горное начальство. Говоря о при-

¹³³ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1777 г., № 92, 1781 г., № 23.

чинах распространения старообрядчества среди крестьян, оно утверждало, что «большая часть от того и в раскол записывается, чтоб миновать священнических приметок»: изобретательность священников в придумывании все новых поводов для взяток обходится крестьянам недешево. Многие алтайские священники «только для одного неумеренного лакомства» ввели своеобразный образовательный ценз для брачующихся, избавление от которого стоило от 5 до 20 руб.: «Оные священники под претекстом законных причин убеждают, что бракосочетающиеся определенных молитв не знают, и до натверждения оных молитв отказывают, ис чего явно оказываются их, священников, приметки и домогательства к неумеренным взяткам, ибо крестьяне как мужики простыя и безграмотные, а иные уже и заматерелые, и тех молитв наизусть выучить вскоре не могут.... И от такого препятствия как известно, многие ис простова народу, а особливо неимущие, не токмо браку лишаются, но и чуждаются, и впадают в ужасныя беззакония», иные же записываются в раскол¹³⁴.

Отсутствие непреодолимых границ между раскольниками и православными сказалось во время трагических событий в дер. Мочаловой Воскресенского заказа Исетской провинции. Здесь 18 февраля 1770 г. состоялось единственное за все двадцатилетие 1763—1782 гг. самосожжение, во время которого погибло 10 крестьян, 12 чел. удалось вытащить из огня живыми. Ни один из этих 22 чел. не был записан в раскол, хотя последние три года они не исповедывались в православной церкви.

Причина самосожжения — чисто социальная, религиозная мотивация в материалах следствия отсутствует совершенно. Оставшиеся в живых крестьяне заявили на допросах, что самосожжение это явилось протестом против тяжести податей. Протест этот возглавил крестьянин Степан Самохвалов. За ним неоднократно присылали из судной конторы, требуя уплаты податей, но он «явился в том ослушным и с ругательством посланных от себя отсылал, и при том выговаривал, что де мы в руки живы не дадимся: а как ево, Самохвалова, стали уговаривать той деревни десятник Тимофей Килунов, и между разговорами разобрались, а Самохвалов, ухватя

---

¹³⁴ ГААК, ф. 26, оп. 1, № 861, св. 127, л. 27—27 об.

косу, ударил Килунова востреем по шее, и разсек у его шею, кой де ныне находится в живых и выздоровел». Затем Самохвалов собрал в своей избе семьи крестьян Казакова, Курейна, Лютикова, свою семью, и крестьяне тут же подожгли избу. Никаких предварительных приготовлений к самосожжению не было.

Синоду нелегко было решить, относится ли это самосожжение к разряду традиционных старообрядческих гарей. В конце концов Синод все же склонился к подобной характеристике, принимая во внимание обычную для старообрядцев форму этого протеста и то, что крестьяне последние три года избегали исповеди. Еще один подобный аргумент остался неизвестен Синоду: трое вытщенных из огня мальчиков 6, 9 и 11 лет были детьми влиятельнейшего крестьянина-старообрядца Елизара Печерского, скрывавшегося в то время; через 12 лет он вместе с Мирном Галаниным возглавит одно из антицерковных движений урало-сибирских крестьян-старообрядцев¹³⁵.

Если такая форма пассивного протеста старообрядцев, как самосожжения, все больше отходит в прошлое, то отнюдь не прекращаются побегии крестьян, окрашенные в той или иной мере старообрядческой идеологией пустынножительства. Духовные власти с прежним рвением ищут тайные избушки беглецов, ловят их обитателей, привлекают к ответственности крестьян — укрывателей беглых; особенно усердно пытаются при этом выловить своих опасных конкурентов — «расколоучителей». Поскольку эта деятельность церкви вполне совпадает с важной функцией местной администрации по борьбе с побегами, консистория и духовные заказы действуют тут в редкостном единстве с органами Сибирской губернской канцелярии и военным начальством. Многие из подобных дел начинаются по инициативе светских властей.

Так, в 1777 г. Ишимская управительская канцелярия обнаружила и сожгла группу лесных скитов, в которых скрывалось 20 ишимских крестьян, ушедших в побег после III ревизии. Караульная служба в скитах была поставлена хорошо, так что всем обитателям их удалось уйти от погони. Сообщая об этом, управительская канцелярия меланхолически рапортовала в Тобольск, что беглецы эти

¹³⁵ ЦГИА, ф. 796, оп. 52, № 449, лл. 1—7 об. В литературе это самосожжение не описано.

опять где-то в лесах «упражняются в заведении себе жилища». Дальнейшее следствие энергично велось Сибирской губернской канцелярией и Тобольской консисторией, но результата не дало ¹³⁶.

В конце 1776 г. по просьбе духовных властей Д. И. Чичерин предпринял активные меры для поимки в дер. Галгарской (Ишим) одного из наиболее крупных руководителей сибирских беспоповцев-поморян, Дия Егорова сына Казанцева, ялуторовского государственного крестьянина; он более десяти лет находился в бегах, переезжая из села в село «для портнова шитья». Беглец был схвачен, но сумел скрыть на следствии свою настоящую роль среди беспоповцев и отделался одним обращением в православие ¹³⁷.

В 1756, 1767 и 1773 гг. Колывано-Воскресенское горное начальство, Бердская земская изба и Нижнесузунская заводская контора с немалым трудом захватывали одного из самых неутомимых сибирских беглецов иеромонаха Спиридона (Воронко). Вспыльчивый и кляузный характер поссорил сорокалетнего иеромонаха с влиятельными в духовной среде иерархами, после чего следующие 20 лет своей жизни Спиридон проводит в побеге или в подготовке к оным. Он скрывается в лесах под Бердском, в болотах по Ине, в «Тавалганской черне», иногда отваживаясь заходить в деревни и заводские поселки. Укрывали иеромонаха многие люди весьма широкого социального диапазона: от нескольких десятков крестьян до томского сына боярского В. Падучева и ставшей преданной подружкой Спиридона Аграфены Дюковой, вдовы бердского пономаря, известного гонителя раскола. Весьма характерно, что Спиридон выдавал себя за пострадавшего в защиту Петра III: в 1755 г. он показал «слово и дело» на енисейского игумена Иону за неисправное произношение титула наследника Петра Федоровича; донос был признан бездельным и Спиридон был публично наказан шелепами. Легенда о Петре III как о крестьянском «царе-избавителе» оказалась весьма полезной для Спиридона. Во время двадцатилетних странствий по лесным убежищам Спиридон постепенно превратился в бродячего «расколоучителя». Хотя он не был признан влиятельными софонтиев-

¹³⁶ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1779 г., № 57, лл. 1—5.

¹³⁷ Там же, 1776 г., № 144.

скими старцами, это не мешало бердским и сузунским крестьянам приглашать его для требоисправлений. Во время последнего ареста в 1773 г. у него нашли 10 книг и рукописей, где наряду со служебными старообрядческими книгами были Чины крещения и исповеди, а также «поносительные слова святейшему патриарху Никону». Опись имущества Спиридона свидетельствует о его бедности¹³⁸.

Популярность бродячих «расколоучителей», наполненные беглецами скиты по-прежнему волновали консисторию. Светские власти, не одобрявшие массовых мер против старообрядцев, с пониманием относились к постоянным требованиям церкви изымать от соприкосновения с народом наиболее влиятельных «расколоучителей» — если это можно было сделать без шума и волнений. Крестьянская война усилила это взаимопонимание. Недаром епископ Варлаам, требуя летом 1773 г. более сурового наказания Спиридона, подчеркивал, что «по нынешним беспокойным обстоятельствам» особенно важно не допустить контактов Спиридона с барнаульскими заводскими старообрядцами. Светские власти согласились с этим.

Летом 1782 г. в обстановке пачавшегося уже массового антицерковного движения Тобольская губернская канцелярия весьма интенсивно использует для дискредитации старообрядческих руководителей редкий для тогдашней Сибири случай. В руки властям попался беглый каторжник Е. Рукавишников, который после побега успешно играл роль старообрядческого пустынножителя и наставника и успел собрать богатую милостыню. Тюменской канцелярии предписывалось всячески популяризировать в старообрядческих селах пеструю биографию Е. Рукавишникова, убеждая крестьян, «шток всех таковых бродяг ловить», которые «ездят по разным селениям, рассевают разные к расколу склонныя лжеучении». Ближайшие месяцы показали, однако, что призыв не достиг цели¹³⁹.

С тем же усердием, как и старообрядческих агитаторов, разыскивают и изымают в эти годы старообрядче-

¹³⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 55, № 241, л. 1—11; ГААК, ф. 1, св. 356, № 681. Упомянем также о поимке в 1774 г. по приказу Д. И. Чичерина беглого демидовского крепостного И. Морозова, ставшего в беггах старообрядческим чернецом (ЦГИА, ф. 796, оп. 60, № 170, л. 1—12).

¹³⁹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1782 г. № 48, лл. 1—6.

скую литературу; в качестве старообрядческой расценивается духовными властями также древнерусская апокрифическая и эсхатологическая литература. Клир Тобольского Софийского собора конфисковывал эту литературу в лавках на тобольском рынке, книги захватывали в скитах, у арестованных расколоучителей, в крестьянских домах. Среди книг, отобранных у крестьянина Белоярской слободы Мирона Казанцева, были «неведомо ис каких книг о разных поучениях тетрадки..., несходные и противные» учению церкви. В доме у отставного солдата далматовской деревни Полозовой Ф. Бояркина были изъяты купленные им на Ирбитской ярмарке книги, признанные противными вере: «Цветник», «Сон богородицы» и «Святцы». На тобольском рынке было обнаружено несколько служебных старообрядческих книг и рукопись, списанная «из разных книг»; в консистории в ней обнаружили «ругательства и хулы на церковь святую». В 1783 г. ялуторовские и курганские полицейские власти конфисковали у крестьян А. Малышева и Г. Попова 32 книги и несколько записей на отдельных листках; среди рукописей — стихи о Никоне, «Стих Адама и Евы» (2 экземпляра), «Стихи нищенские», «Жития старинные», «Книжка письменная Антония Римлянина», «Сон Богородицы», «Азбуковник» (2 экземпляра)¹⁴⁰.

Ни одно из следственных дел 1760—1770-х годов не содержит и намек на то, что сибирское духовенство как-то восприняло новый курс по отношению к расколу. В силу обстоятельств, от церкви не зависящих, изменялись возможности для применения церковью старых методов подавления противника — после 1762 г. они несколько сократились, после 1773 г. — несколько увеличились. Но за пределами умиротворяющего влияния взятки подход сибирских церковников к проблеме старообрядче-

---

¹⁴⁰ ГАТОТ, ф. 156, оп. 1, 1768 г., № 76; 1769 г., № 114; 1783 г., № 3, 74. Е. К. Ромодановская, сообщая о конфискации книг М. Казанцева, о широком распространении грамотности и рукописной книги у сибирских старообрядцев, рассказывает о строгом исполнении в 60-е годы XVIII в. особого указа митрополита Павла от 30 мая 1760 г., запрещавшего хранить и читать любые рукописные книги. — Ромодановская Е. К. О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур. — «Исследования по языку и фольклору», вып. I. Новосибирск, 1965, с. 245—248.

ства был все тем же — воинственно-беспощадным. Известны прошения приходских священников о выселении записных раскольников за одну лишь приверженность к старой вере¹⁴¹.

Однажды нескольких ишимских крестьян-старообрядцев пытались заставить принять церковное причастие посредством длительного содержания в тюрьме на хлебе и воде «с употреблением в церковную каменную работу»; когда же двое престарелых крестьян отказались принимать причастие, ссылаясь на болезнь, по требованию консистории была проведена медицинская экспертиза: старикам дали по стакану вина, и когда они его приняли благополучно, батальонные лекари известили консисторию, что причащать крестьян можно¹⁴². Митрополит Варлаам вновь и безуспешно поднимает вопрос о понуждении светскими начальниками к исповеди подведомственного населения. Правда, повые просвещенные времена сказываются в том, что на сей раз спяты церковные рекомендации в буквальном смысле слова палкой загонять «невежественных суеверцев» на церковную исповедь¹⁴³.

Таким образом, существенные сдвиги во взаимоотношениях «просвещенного абсолютизма» и старообрядчества, связанные с далеко идущими расчетами и перспективами, были малопонятны сибирскому духовенству. Епископ Варлаам, не способный даже на проблеск оппозиционности по отношению к самодержавной власти, был столь же не пригоден для активного внедрения в умы вверенного ему сибирского духовенства основ новой, гибкой политики по отношению к расколу.

С другой стороны, в среде сибирского старообрядчества явные успехи купеческого раскола и рост влияния Шарташа отнюдь не привели к подчинению крестьянских настроений умеренному руководству, склонному к компромиссу. Появление алтайских «поляков» и «каменщиков», наоборот, усиливало крестьянские антицерковные и антифеодальные настроения. Увеличение же удельного веса поповских направлений старообрядчества сопровождалось радикализацией их догматики и церковной (точнее бесцерковной) практики. Эта ситуация готовила конфликт 1782—1784 гг.

¹⁴¹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1768 г., № 46.

¹⁴² Там же, 1775 г., № 117.

¹⁴³ Там же, 1782 г., № 182, лл. 1—2.

МАССОВОЕ АНТИЦЕРКОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ
1782—1784 ГГ. И СЕКРЕТНЫЙ УКАЗ
9 МАРТА 1783 Г.

Появление на свет синодального указа от 9 марта 1783 г. и история его применения в Сибири определялись сложным взаимодействием трех обстоятельств: массового движения протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири против вмешательства господствующей церкви в их религиозную жизнь, неумения православного духовенства Tobольской епархии приспособиться к более гибкой политике Екатерины в церковном вопросе (то есть нежелания духовенства поступиться ни одной из традиционных форм союза церкви и полицейской власти) и, наконец, просветительских штампов нового главы урало-сибирской администрации — генерал-губернатора Пермского и Сибирского наместничеств Е. П. Кашкина.

Массовое движение старообрядцев выливается в это время в форму, обычную при проведении каждой ревизии: это в первую очередь движение за широкую запись в двойной оклад. Однако в тех условиях, в которых проходит IV ревизия, эта традиционная форма приобретает некоторые новые оттенки.

Отмена двойного подушного оклада в 1782 г., казалось бы, полностью ликвидировала возможность массовых выступлений с требованием записи в двойной оклад при проведении в Сибири и на Урале IV ревизии. Однако этого не произошло, мало того, движение во многих местах было значительно более массовым, чем раньше. Оживление крестьянского движения в отсталой религиозной форме после поражения крестьян в открытых массовых боях Крестьянской войны понятно и закономерно. Более удивительно то, что движение это и в 1782—1783 гг. идет под лозунгом записи в двойной оклад, когда самого этого оклада уже не существовало.

Здесь нужно учитывать, что запись в двойной оклад означала немедленный выход из православного прихода; крестьянин видел в этом хотя и дорогой, но верный способ избавления от опеки и поборов господствующей феодальной церкви. И он с упорством продолжал держаться за этот способ, даже тогда, когда двойной оклад был отменен.

К тому же сразу после отмены двойного оклада широко стали распространяться слухи (и под ними, как мы увидим, была некоторая реальная основа) о том, что это мероприятие означает насильственное обращение в православие всех старообрядцев вообще¹.

Требования продолжить запись в двойной оклад были для крестьян борьбой с «притеснениями начальства», духовного и светского, отнимающего у них завоеванные в тяжелой борьбе мизерные религиозные свободы. Сильные еще в крестьянстве монархические иллюзии заставляли их считать, что Синод и местные гражданские и церковные власти действуют здесь вопреки воле государыни. Императорский указ о IV ревизии воспринимался как «государыни нашей указ..., записываться (в двойной оклад.— Н. П.) изволяющий»²; в последующее законодательство о двойном окладе урало-сибирские крестьяне долго не верили.

Поэтому в 1782—1783 гг. в некоторых приходах Тобольской епархии развернулось массовое и более организованное, чем раньше, движение за запись в двойной оклад, за немедленный выход из-под власти официальной церкви. Сенат и Синод весной 1783 г. констатировали (на основании донесений Е. П. Капкина) существование в бывшей Исетской провинции и в Шадринской округе «весьма великого числа крестьян, которые по заблуждению своему неотступно просят о записке в раскол, некоторые из них прежде записных в таковое звание, ездя по селениям, разведают лжеучение и развращают, якобы состоялся указ, которым дозволено из православных записывать вновь в раскол»³.

¹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1783 г. № 149, I, л. 157—об; ПСПиР, т. II (1773—1784). Пг., 1915, с. 406, № 1096.

² ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, II, л. 14 об.

³ ГААК, ф. 26, св. 8, № 431, л. 2; ПСПиР, т. II (1773—1784), с. 405, № 1096.

Движение это сопровождалось демонстрацией резкой враждебности крестьян к православным церковнослужителям, отказом подчиняться церковным властям, а подчас и острыми столкновениями крестьян с клириками, пытавшимися вернуть утраченные позиции.

Очень характерная и показательная картина подобной ситуации нарисована, например, в рапорте игумена Рафаиловского монастыря Маргарита, где рассказывается о многолюдных и шумных собраниях крестьян в давних центрах тайного раскола — исетских деревнях Саламатовой, Решетниковой, Курсановой, в с. Мостовском. Собрания состоялись в марте и октябре 1782 г., на них выступили многие крестьяне, пользовавшиеся авторитетом у окрестных старообрядцев. Не записанные еще в раскол крестьяне этих деревень почти поголовно решали записываться в раскол, отряжая для этой цели ходоков и т. д. Игумен Маргарит, глава Ялуторовского духовного правления, подчеркивал, что все эти крестьяне сразу «перестали уже и в церковь Божию ходить».

Напуганное духовенство умоляет светские власти принять полицейские меры против зачинщиков, старается изобразить действие крестьян как неповиновение государыне и даже оскорбление ее. Причту приходится срочно применять методы идеологического воздействия на крестьян, дабы не остаться без прихожан. Без обычной полицейской поддержки духовенство чувствовало себя не очень-то уверенно во время этих «увещаний», тем более что достаточно грамотные и сведущие в догматических вопросах крестьяне-старообрядцы часто оставались победителями в спорах с невежественным низшим духовенством. К тому же крестьяне были подчас настроены настолько решительно и наступательно, что предельно скорая ретирада клириков являлась неизменным итогом.

Согласно тому же рапорту игумена Маргарита клир с. Мостовского попытался в ноябре 1782 г. как-то повлиять на ход событий путем «увещевания» и спора о вере с главными организаторами этого массового движения исетских крестьян — крестьянином дер. Курсановой Сергеем Софоновым и его товарищами. Софонов уже в начале разговора заявил: «Какие де вы учителя, и что де вы знаете, а я более вас сам знаю». Когда духовенство перешло к более острым вопросам об организации Софоновым массовой записи окрестных крестьян в раскол, спор

потерял интерес для крестьян, и они достаточно решительно прервали его: «Он, Софонов, начал злобиться и поносить весь духовный чин, а дьякона Андреева матерною скверною бранью ругал и называл кобылою и повесою, и брал ево, дьякона, за ворот и тряс и говоря дьякону, что я де тебе засвечю — то есть ударю — от которого ты растаешь». Итогом этой беседы явилось весьма поспешное бегство духовенства⁴. Другие священники и причетники позднее несколько раз повторяли с этими же самыми крестьянами «увещательные беседы», но каждый раз вынуждены были спастись бегством. Однажды крестьяне пригрозили даже применить огнестрельное оружие, причем Софонов для вящей убедительности «вынес три пистолета, в кои насыпал пороху, и, прибив пыжем, в окно стрелял раза три»⁵.

Духовенству не удалось таким путем помешать дальнейшей деятельности Софонова и его друзей по организации массового открытого отхода крестьян от православной церкви.

Вместе с Софоновым действовал видный старообрядческий писатель — крестьянин Мирон Галанин, поиски и поимка которого доставили консистории немало хлопот еще в 40—50-х годах XVIII в.⁶. Этот старик имел за плечами тяжкую школу жизни, часть которой прошла в скитаниях между заброшенными лесными тайниками, а другая — в консисторских застенках. Он резко отверг в 1783 г. попытки духовенства вернуть его в лоно господствующей церкви, не без гордости подчеркнув стойкость своих убеждений: «И голова де уже моя на плахе была, и кнутом бит неоднократно, и руки в хомуте были, и рога на шее носил, и в книги ваши росписи духовныя (церковного прихода. — *Н. П.*) меня не пишите, и писать де вам государыня отказала»⁷.

Сергей Софонов, Мирон Галанин и крестьянин той же дер. Кусановой Елизар Печерский развернули активную и успешную деятельность в ишимских деревнях, где и раньше было много явных и тайных старообрядцев.

⁴ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, IV, л. 147 об.

⁵ Там же, лл. 145 об. — 146 об.

⁶ Там же, 1753 г., № 193, XV, лл. 1—8; 1755 г., № 245, лл. 1—11; 1761 г., № 63, л. 24 об.

⁷ Там же, оп. 1, 1783 г., № 149, IV, л. 145.

Теперь крестьяне здесь массами выходили из приходов официальной церкви, на сходах выбирали ходоков, снабжали их деньгами, составляли списки лиц, записывающихся в двойной оклад, писали прошения, в которых жаловались на поборы и притеснения православного духовенства и просили записать их в старообрядцы. Под двумя такими челобитными⁸, привезенными С. Софоновым и Е. Печерским, стояло 1893 подписи ишимских крестьян, переходящих из православия в старообрядчество. Сенат признал справедливыми жалобы крестьян на православное духовенство, содержащиеся в этих двух челобитных⁹.

Ходокам выплачивались проездные и суточные, которые собирались посредством мирской подушной раскладки (обычно с души приходилось около полтины)¹⁰.

Подобные же сведения поступали в 1782—1783 гг. из разных приходов Курганского духовного правления — из Мехонского острога и нескольких сел. Арест в 1783 г. наиболее активных крестьян не остановил этого движения¹¹. То же самое происходит в Далматовском и Омском духовных правлениях¹²; несколько позднее движение это распространяется на новые деревни Ишимского, Челябинского, Ялуторовского, Шадринского духовных правлений и продолжает расширяться.

Быстрому развитию его немало способствует жесткая, традиционная линия поведения урало-сибирского духовенства, которое не сумело приспособиться к новой ситуации, созданной законодательством 1782—1784 гг. о расколе. Если крестьяне-старообрядцы поняли указы этих лет как милостивое монаршее разрешение свободно записываться в раскол, то приходское духовенство, наоборот, очень часто стремилось толковать отмену двойного оклада как ликвидацию единственного законного основания для существования раскольников (т. е. как указ о превращении всех вообще раскольников в прихожан господствующей церкви). Тенденция духовенства Тобольской

⁸ Там же, № 149, III, лл. 44—47.

⁹ ГААК, ф. 26, св. 8, № 43, л. 3; ПСПиР, т. II (1773—1784), с. 405—409, № 1096.

¹⁰ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, IV, лл. 148—об., 226.

¹¹ Там же, I, лл. 235—236.

¹² Там же, II, л. 378; ЦГИА, ф. 796, оп. 63, № 295, л. 2 об.

епархии на основании указа 1782 г. об отмене двойного оклада добиваться немедленной записи всех раскольников в православие была настолько явной, что потребовались специальные и неоднократные разъяснения Сената и Синода. В них растолковывалось, что речь идет отнюдь не о возвращении к ужасам допетровского законодательства, а прямо противоположных законодательных тенденциях; осуждалась как «непристойное предразсуждение» точка зрения «многих священников», «что якобы по снятии двойных податей обязан каждой раскольник тотчас приступить к исполнению правил святыя церкви»¹³.

* * *

На дальнейшее развитие этой сложной ситуации определенное влияние оказала законодательная и административная деятельность, связанная с именем генерал-губернатора Е. П. Кашкина.

Это был видный екатерининский вельможа из старинного дворянского рода, отец его был генерал-адмиралом, старший брат генерал-майором, управителем Царского Села. Сам он отличился в Семилетней и Первой Турецкой войнах, получил тяжелое ранение под Хотиним. Столь разные люди, как Екатерина II и А. Т. Болотов, единодушно свидетельствовали о его честности, скромности и в то же время административной энергичности¹⁴. Е. П. Кашкин, подобно многим другим екатерининским вельможам, был убежденным сторонником российского аристократического варианта французского просветительства. Вынужденная войти в частичный конфликт с церковью из-за проблем секуляризации церковных владений и в связи с крайней консервативной негибкостью ряда церковных иерархов, Екатерина II поспешила широко разрекламировать в Европе этот конфликт, подавая его как борьбу «просвещенного монарха» с темным невежеством церковников¹⁵. Однако основы союза церкви и го-

¹³ ГААК, ф. 26, св. 8, д. 43, л. 3—3 об.

¹⁴ Петров П. Н. Е. П. Кашкин.—«Русская старина», 1882, т. 35, с. 1—40; Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1875, т. IV, с. 1124, 1127, 1198; Кашкин Н. Н. Родословные разведки, т. II. СПб., 1913, с. 303—476.

¹⁵ Екатерина II. Сочинения, т. VII. СПб., 1907, с. 36.

сударства оставались неприкосновенными, Екатерина II на деле требовала лишь более полного подчинения церкви светской власти в рамках этого союза и лучшего выполнения церковью своей основной задачи — идеологического воздействия на массы в интересах дворянской империи. Церковь продолжала быть «высшим обобщением и санкцией» феодального строя.

В мировоззрении Е. П. Кашкина уживалось традиционное просветительское обличение религиозного фанатизма в любой его форме, невежества и своекорыстия духовенства с практической административной деятельностью в поддержку сибирской церкви. Он видел свое призвание, в частности, в мудром просвещенном наставлении сибирского духовенства, дабы оно успешнее выполняло свои основные идеологические функции в абсолютистском государстве, «не наказуя и не истязуя», без поборов и насилий, не требуя каждый раз позорящего церковь прямого содействия полицейских властей. Церковь должна была, по его мнению, помогать государству, не добиваясь от последнего посылки воинских команд каждый раз, когда ей приходилось сталкиваться с падением своего влияния на массы, действовать убеждением, вносить свет евангельских истин в темный, невежественный народ. В настоятельной необходимости одного света для русского народа этот просветитель был глубоко убежден, как и в том, что российское духовенство слишком мало подходит для выполнения своей светлой миссии. Поэтому он иногда отечески наставлял тобольского епископа Варлаама не только в вопросах управления епархией, но и в методике наилучшего преподавания народу основ веры, выражая подчас свои суждения относительно богословских вопросов трактовки этих основ. Герою Хотина не всегда хватало теологической эрудиции, и хотя он считал свои религиозные взгляды вполне ортодоксальными, его рассуждения, например, о таинстве причащения, противоречат догмам православия¹⁶.

Сервиллизм епископа Варлаама перед светской властью простирался, однако, так далеко, что даже эти путаные с точки зрения церкви рассуждения он разослал по епар-

---

¹⁶ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1782 г., № 80, лл. 1—2; см. также № 182; Кашкин Н. П. Указ. соч., с. 404—412.

хши в качестве указа консистории! Сибирское духовенство в целом однако довольно скептически относилось к взглядам и методам нового генерал-губернатора, продолжая по старинке считать, что любые увещания сибирских крестьян духовенством, не подкрепленные посылкой воинских команд или хотя бы арестами упорных, не дадут никакого результата.

Вступив 7 мая 1780 г. в должность пермского и тобольского генерал-губернатора и открыв 30 августа 1782 г. Тобольское наместничество, Е. П. Кашкин вошел в непосредственное административное соприкосновение со сложной проблемой урало-сибирского раскола. У него был свой четкий взгляд на причины распространения раскола в вверенном ему генерал-губернаторстве. В соответствии со своими просветительскими воззрениями Е. П. Кашкин считал таковыми причинами, во-первых, темноту и непросвещенность народных масс и, во-вторых, корыстность и невежество православного духовенства, не способного доказать сибирским крестьянам истинность учения господствующей церкви. Раскольники-«суеверцы» упорствовали в своих взглядах по причине «нерастолкования и сущей глупости». При всей поверхностности такой оценки ее оказалось достаточно, чтобы сделать важный вывод о неприемлемости насильственных мер для искоренения этого зла, «ибо болезнь ума человеческого требует совсем других правил ко врачеванию, нежели припадки тленного тела»¹⁷. Поэтому, узнав о разворачивании массового движения урало-сибирских крестьян за выход из православных приходов, Е. П. Кашкин счел недостаточными одни лишь меры по поимке наиболее фанатичных «лжеучителей». Он ознакомился с упоминавшимися выше крестьянскими челобитными, в том числе и с привезенными Сергеем Софоновым и Елизаром Печерским. И хотя сами С. Софонов и Е. Печерский были тогда уже временно взяты под стражу, новый генерал-губернатор признал вполне справедливыми их жалобы на притеснения и вымогательства православного духовенства. Обобщая свои первые наблюдения, Е. П. Кашкин направил осенью 1782 г. подробный рапорт в Сенат о всех общих пробле-

---

¹⁷ ГААК, ф. 26, св. 8, № 43; ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, III, лл. 41—65 об.

мах, связанных с урало-сибирским старообрядчеством. Сенат, рассмотрев рапорт, согласился с основными мыслями и выводами генерал-губернатора, подчеркнув, что «приемлет с особым удовольствием» деятельность Е. П. Кашкина в этой сфере. Сенат обратился с просьбой в Синод сделать соответствующие наставления тобольскому епископу и всему духовенству¹⁸.

В результате этой просьбы и был издан Синодом секретный указ епископу Варлааму от 9 марта 1783 г. Хотя этот указ и стремился несколько смягчить или поставить под сомнение содержащуюся в рапорте Е. П. Кашкина очень резкую оценку коррумпированности сибирского духовенства, в целом синодальный указ послушно повторял (уже от имени Синода) выводы и предложения нового генерал-губернатора, одобренные Сенатом. Кое-что из этих предложений было конкретизировано в обычном бюрократическом духе.

Правда, указ от 9 марта 1783 г. осуждал попытки массовой записи урало-сибирских крестьян в раскол и требовал активнее вылавливать раскольнических «лжеучителей»—«коварных и корыстолюбивых жителей, которые, обольщая простых людей, представляют себя защитниками истинной веры и ходатаями за все общество». Но основное содержание указа было направлено против насилий духовенства и его профессиональной непригодности. Указ в решительных выражениях предписывал священникам с жителями, колеблющимися в православии или отставшими от него, «поступать со всевозможною кротостию, без наималейшего огорчения», так как в противном случае дается повод «мятущимся вящше в заблуждении своем утверждаться, а тем самым причинится смятение и колеблемость в общежитии, отводящая ее императорского величества подданных от исполнения возложенных должностей и от повиновения к узаконенному порядку».

Хотя и с оговорками, Синод вынужден был в этом указе повторить мнение Сената (ссылавшегося здесь на показания С. Софонова и Е. Печерского) о том, что поборы и притеснения со стороны священников явились

¹⁸ ГААК, ф. 26, св. 8, № 43, л. 7 об.; ЦГИА, ф. 796, оп. 64, № 87, лл. 1—8 об., 17—24 об.; ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, № 1649, лл. 70—94 об.

одной из главных причин перехода крестьян в открытый раскол.

Указ одновременно извещал сибирское духовенство о новом взгляде законодательства 1782 г. о расколе на отношение светской власти к различию вероисповеданий: «Светская власть да не долженствует вмешиваться в различение, кого из жителей в число правоверных, или кого в число заблуждающихся почитать, но обязана над всеми вообще наблюдать, дабы каждый поступал по предписанным государственным узаконениям». Сибирскому духовенству предлагалось поэтому не надеяться на полицейские мероприятия светских властей с целью ограничения распространения старообрядчества, а шире и активнее вести борьбу «духовным оружием», более умело и систематически заниматься увещаниями колеблющихся прихожан и открытых старообрядцев, считая главным постоянные индивидуальные беседы, «долговременное врачевание терпением и кротостью»¹⁹.

Конкретизируя эти общие благие пожелания Е. П. Кашкина и Сената, Синод сделал в указе от 9 марта 1783 г. некоторые распоряжения. Они далеко увлекли все это увещательное мероприятие от первоначальных просветительских рубежей и в конце концов привели к трагическим результатам.

Конкретизация, была, в сущности, достаточна естественной и логичной: Синод предписывал консистории и духовным правлениям регулярно и в довольно короткие сроки (через каждые две недели, как вскоре было определено) собирать от церковных десятоначальников подробные сведения о всех явных и тайных раскольниках каждого прихода и, главное, отчеты о всех индивидуальных увещательных беседах с ними и о прочей миссионерской и проповеднической деятельности в старообрядческой среде.

Это уточнение Синода сразу превращало указ от 9 марта 1783 г. из прекраснородушных пожеланий о совершенствовании нравственности и профессиональной пригодности сибирского духовенства в конкретную служебную директиву, о ходе выполнения которой следовало

---

¹⁹ ПСПиР, т. II (1773—1784), Пг., 1915, № 1096, с. 405—409; ЦГИА, ф. 796, оп. 64, № 87, лл. 17—24 об.

рапортовать через короткие сроки и по установленной форме. Конечно, ни этической чистоты, ни проповеднического красноречия сибирским клирикам этот указ прибавить не мог, но перед всей сибирской духовной иерархией от сельского дьячка до самого владыки он поставил сложную проблему: как приспособить всю эту просветительскую мудрость генерал-губернатора Евгения Петровича к традиционным формам воздействия сибирской церкви на раскол или, если это не удастся, как превратить в пустой формализм эту сложную систему двухнедельных отчетов об «увещеваниях» старообрядцев.

Тобольская консистория должна была довести указ Синода (вместе с включенными в него рапортом Е. П. Кашкина и ведением Сената Синоду об этом рапорте) до сведения всех духовных правлений. Это и было сделано указом консистории от 12 мая 1783 г.; через несколько дней, 20 мая повым указом консистория сделала дополнительные разъяснения, подчеркнув ненасильственный и «кроткий» характер всех этих увещеваний²⁰.

Так вступила в действие громоздкая многоступенчатая машина управления Тобольской епархией, оповещающая все епархиальное духовенство о новых указах. Однако уже на этой стадии начались первые трудности. Томское духовное правление сообщило, что разослать указ по 34 подчиненным этому правлению церквям долгое время было невозможно из-за отсутствия писцов для копирования указа; указ консистории от 12 мая 1783 г. был разослан здесь лишь 16 ноября²¹. Во многих других духовных правлениях дело обстояло еще хуже. Тысячеверстные сибирские расстояния подчас делали невозможной регулярную информацию о ходе выполнения указа²², а в отдельных сибирских приходах духовенство не знало о существовании этого указа даже в начале 1784 г. Кое-где духовенство сразу же попыталось отделаться от новых обременительных обязанностей. Так, например, Барнаульское духовное правление, возглавляемое протоиереем Д. Комаровым, вступило в переписку с консисторией, приводя всяческие резоны, в силу которых правление не сможет выполнить указ; в наиболее важные районы рас-

²⁰ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, II, лл. 326—337.

²¹ Там же, л. 236 об.

²² Там же, № 149, I, лл. 328—329.

пространения старообрядчества (близ крепостей Усть-Каменогорской, Семипалатинской, Ямышевской и Убинского форпоста) Д. Комаров вообще отказался сообщать об указе от 9 марта 1783 г., так что консистория должна была наложить на протоиерея десятирублевый штраф за ослушание ²³.

В конце концов, после всех проволочек, пришлось признать реальность указа. Вынужденное подчиниться распоряжению Синода и начать увещевания, приходское духовенство относилось ко всей этой затее Е. П. Кашкина с внутренним неприятием и насмешкой, ибо великолепно осознавало всю беспочвенность надежд на возвращение старообрядцев в лоно господствующей церкви подобными методами. «А что же де им, священникам с причетники, увещевать в кротости духа, без всякого огорчения, пристойным образом, как надлежит духовному пастырю врачевать своих словестных овец стадо, то де им без свицкой власти никак за их (старообрядцев.— Н. П.) упорством приступить не можно». «И как с ними пособляться, в том ума не достает, разве могут лишь уняться... светскими командами»²⁴.

Отношение приходского духовенства к старообрядчеству было двойственным. С одной стороны, старообрядческие наставники являлись опасными конкурентами священников официальной православной церкви и конкуренты эти, дай им волю, того и гляди оставили бы клир без прихожан. Поэтому сибирское приходское духовенство, как правило, одобряло и весьма активно поддерживало любые мероприятия по сыску старообрядческих «лжеучителей», охотно участвовало во всевозможных раскольнических «розысках» и насильственных обращениях в православие. В то же время приходские священники не были заинтересованы в действительном обращении в православие всех тех тайных раскольников, которые являлись для них объектом всевозможных вымогательств ²⁵. Обе эти линии не противоречили друг другу, ибо именно в обстановке «розыска», гонений появлялись наиболее благоприятные условия для вымогательств, поражавших

²³ Там же, лл. 365—370.

²⁴ Там же, лл. 106, 236.

²⁵ См. Покровский Н. Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в.— В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М., 1973, с. 386—389.

консисторию своим размахом в тех редких случаях, когда они выходили наружу.

Поэтому естественным и привычным являлось стремление духовных заказчиков, десятоначальников, священников и всего клира уральских и сибирских церквей превратить всю свою деятельность в новую кампанию преследования старообрядцев. В действительность иных методов борьбы с расколом они справедливо не верили и единственную возможность реального осуществления указа от 9 марта видели в традиционных полицейско-следственных методах. Они искренне изумлялись, как, вопреки всему богатому опыту XVIII в., нашелся наивный человек, задумавший проводить очередное «увещательное» мероприятие без вооруженного содействия «свицких команд», «одною лишь тихостью и кротостью». Тем более в тревожной обстановке массового антицерковного движения 1782—1783 гг.

* * *

Это движение могло лишь усилиться и обостриться благодаря указу от 9 марта и его практической интерпретации сибирским духовенством. Сама организация систематических «увещаний» с целью возвращения в церковную ограду отшатнувшихся от церкви (даже без применения силы) вызвала отрицательную реакцию среди крестьян. Законодательство 1782—1783 гг., отменявшее двойной оклад и облегчавшее положение старообрядцев, подогревало монархические иллюзии крестьян и порождало лавину слухов о том, что «увещевания» делаются по инициативе местных властей и противоречат воле императрицы. Не удивительно, что в подавляющем большинстве случаев уральские и сибирские крестьяне не только не следовали призывам увещателей, но и не желали слушать их. Это создало немало острых ситуаций.

Священник Полуденной крепости Ишимского духовного правления Петр Насонов при попытке увещевания старообрядцев — беспоповцев казака Потапа Борисова, малолета²⁶ Ивана Меркушина и его матери Татьяны

---

²⁶ Об этой категории податного населения см. Савельев Н. А. «Малолетки» — особая категория хлебопашцев (XVIII — первая половина XIX вв.) — В кн.: Сибирь периода феодализма. Вып. 3. Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968, с. 224—246.

столкнулся с их категорическим отказом. Священнику было заявлено при большом стечении народа: «Естьли станете нас к церкви принуждать ходить, то до того дойдет, что жетца, где и простосердечные души могут с нами в селению изгнать, да и вольно де генералам сей указ самим составить, чтобы нас утеснять», «да и предадутся к созжению и з домами своими, а в покорении против того указа не пойдут». Произносивший эти слова Меркушин был немедленно арестован, после чего дальнейшие увещания пришлось прекратить²⁷.

Крестьянин дер. Пешневой, с. Казанцева (Ишим) Ферапонт Ситников с гордостью ответил увещателям, что он остался тверд и при более внушительных «увещеваниях» — в Преображенском приказе «и ныне в церковь никак не пойду». В его ответе прозвучали и показательные для крестьян Урала и Сибири нотки резкой враждебности к священникам, традиционное для многих средневековых ересей стремление создать веру без духовенства, без церковной организации: «Нас де исповедует на всякой час Исус Христос и иного нам священника не надо»²⁸. Крестьянин дер. Малые Ярки того же села Антон Зенков пошел еще дальше и, выгоняя увещателей из своего дома, горячо изложил православным клирикам известную старообрядческую оценку православного духовенства: «Вы што меня прельщаете, ходите к нам, как прелестники, вот вы предтечи антихристовы»²⁹. Огромнейшее делопроизводство Тобольской консистории, связанное с выполнением указа от 9 марта 1783 г., почти на каждом шагу отмечает подобные антицерковные и антиклерикальные настроения крестьян³⁰. Как бы иллюстрируя мысль Е. П. Кашкина о том, что массовая запись в раскол связана в первую очередь с желанием отделаться от православных священников, крестьянин Иван Сивков дер. Малая Мостовка Ялуторовского духовного правления, отказываясь впредь приглашать священников для исправле-

---

²⁷ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, I, лл. 157—об.; № 149, III, лл. 140—145.

²⁸ Там же, № 149, I, лл. 224—об.

²⁹ Там же, л. 217.

³⁰ См. там же, № 149, I, лл. 215 об., 219, 227, 279; № 149, II, лл. 14, 31—32, 38, 50, 66, 73, 75 и др.

ния треб, заявил, что он и его соседи «писались в двойной оброк и от священников отперлись»³¹.

Очень часто крестьяне свое неприязненное отношение к православному духовенству проявляли настолько открыто, что не было возможности даже приступить к увещаниям. В той же дер. Малые Ярки крестьянка Ефимья Полуяйцова встретила священника Иоанна Петухова словами: «Какая де вам нужда меня увещать»,— и, взяв в руки полено, сказала: «Я обращаться к вам не хочу, хотя топере мою голову отрубите, да и впредь ко мне не ходите»³². Крестьянин Зверинголовской крепости И. Баранов, отказываясь от увещаний, заявил священнику: «Хотя де зубы и губы мои скуй, но не отстану от прежнего, в чем состоим»³³.

Все чаще и чаще в рапортах приходского духовенства звучат жалобы на то, что крестьяне даже не пускают их в дом или спешно убегают из дому при появлении рядом священника—«в дома свои не приемлют», «прячутся, в дома свои не пускают и запираются». Отставной солдат Филипп Заборский (Ишим) «от увещаний каждый раз убегает неизвестно куда». Крестьянин Аптон Головырин (дер. Королева Абацкой слободы) на предложение священника Ивана Труфанова посетить его ответил: «В доме нашем нечего вам делать, и я де з домашними поучения вашего не слушаю, да и вам де никакого до нас дела нет, и о том нам впредь не говорите». Крестьянин Кыштымского завода Иван Сырейщиков, хотя и впустил священника в дом, но тут же заявил ему: «Что де вы часто ходите увещать нас, пора де и вам и перестать, а мы де вас и пущать не станем. Выговоря, и увещание слушать не стал, ушел из дому своего»³⁴.

Особенно трудное для «увещателей» положение сложилось в двух крупных центрах старообрядчества—на Шарташе и в деревнях «поляков» близ Усть-Каменогорской крепости и Убинского форпоста. Епископ Варлаам в ответ на очередное письмо Е. П. Кашкина о неприменении насилия при увещаниях сообщал 21 октября

---

³¹ Там же, № 149, II, л. 104.

³² Там же, л. 49.

³³ Там же, I, л. 174 об.

³⁴ Там же, I, л. 106; II, лл. 66, 222—об., 181 об. См. также № 149, I, лл. 108, 115; № 149, II, лл. 298—299.

1783 г. генерал-губернатору о совершенно безнадежной для мирных увещаний ситуации в этих двух районах и просил применения силы против «лжеучителей»³⁵. Рапорты духовенства вскоре подтвердили скептицизм Варлаама. Призыв Варлаама подкрепить увещания насилем не был услышан, и увещатели быстро убедились в полной невозможности вести хоть какую-то деятельность в соответствии с указом от 9 марта.

Когда в декабре 1783 г. для увещаний в Шарташ был отправлен клир соборной церкви Екатеринбургга, он не смог даже приступить к увещаниям, найдя всюду запертые двери. Волостной староста Ермил Антонов, «как их увидя ходящих с животворящим крестом, выговаривал им такие речи: кто де вас послал, прежде де у них священники никогда не бывали, то де и вам дела до нас нет»³⁶. В дальнейшем екатеринбургское духовенство вынуждено было стереотипно доносить в консисторию, что жители шарташских деревень «разными домогательствами и всевозможно происками стараются зайти из домов своих запертые. А потому и никаким образом указанные предписания с какими весьма ужесточившимися исполнить им, священно- и церковнослужителям неможно и неудобно»³⁷. Екатеринбургский протоиерей М. Кочнев в одном из своих рапортов даже осмелился напомнить в качестве положительного примера об «увещаниях» старообрядцев во время деятельности печально знаменитой екатеринбургской комиссии в 1761 г.³⁸

Напрасными были и попытки увещания алтайских «поляков». Они твердо держались за свои права, вырванные в борьбе 70-х годов XVIII в., и священники Арефьев и Комаров не смогли поколебать упорство крестьян. Духовенству оставалось лишь начать длительный, но безуспешный розыск наставников и «лжеучителей» алтайских «поляков» — имена они узнали довольно быстро, но ни одного из названных схватить не удалось³⁹.

---

³⁵ Там же, № 149, III, лл. 34—об.

³⁶ Там же, № 149, II, л. 66.

³⁷ Там же, № 149, IV, л. 4.

³⁸ Там же, 1783 г., № 149, I, л. 107; 1760 г., № 279; 1761 г., № 55, 155.

³⁹ Там же, 1783 г., № 149, I, лл. 189—208 об.

На протяжении XVIII в. среди крестьян Урала и Сибири не раз распространялись слухи о милостивых императорских указах, разрешающих свободное исповедание старообрядчества или даже приказывающих всем записываться в раскол. Консистория занималась исследованием источников подобных слухов, разыскивала и конфисковывала подложные указы. В обстановке 1782—1783 гг. подобные слухи, свидетельствовавшие о наивном монархизме крестьян, широкой волной покатались по Уралу и Сибири. Значительное смягчение в эти годы законодательства о расколе дало обильную пищу для таких слухов. Рапорты приходского духовенства в 1783—1784 гг. постоянно сообщали о том, что отказывающиеся переходить в православие крестьяне все чаще ссылались на какой-то указ императрицы, разрешавший всем свободно переходить в старообрядчество и запрещающий православному духовенству препятствовать этому. Иногда в обоснование подобных заявлений крестьяне даже приводили сведения о публичном чтении светскими властями указа об отмене двойного оклада⁴⁰. Чаще всего порожденные этим реальным указом легенды трактовали его не как отмену двойного оклада, а, наоборот, как свободу откупаться двойным окладом от любых притязаний церкви, как свободную запись в двойной раскольнический оклад.

Широкая кампания увещаний в связи с секретным указом Синода от 9 марта 1783 г., связанная с регулярными донесениями о настроениях всех, заподозренных в расколе, с большой волной исследований, поисков наставников, чрезвычайно контрастировала со всеми этими крестьянскими настроениями о милостивом указе государыни. Несмотря на секретность указа от 9 марта, крестьяне довольно быстро узнали о его существовании и о том, что согласно этому указу о всех ответах крестьян на увещания священники должны сообщать своему начальству.

Так, например, уже в декабре 1783 г. крестьянин Абадской слободы (Омского духовного правления) Петр Осинцев заявил священнику: «И какое де вам дело до души нашей, что зделали, то и будем, все нам, а не вам,

⁴⁰ Там же, № 149, IV, л. 153.

да и куда де разве вы репортуете?». В ответ на этот вопрос священник с примечательным пренебрежением к девятой заповеди стал уверять крестьян, «что нам репортовать некуда, да и не об чем». Об этом разговоре священник сразу сообщил в очередном своем рапорте в консисторию ⁴¹.

Сама регулярность и однотипность «увещеваний» показывала крестьянам, что они вызваны каким-то единым распоряжением. Элементарный подкуп нижних чинов духовного правления позволял иногда познакомиться с текстами секретных указов по рапорту Е. П. Кашкина в Сенат ⁴². Но слухи о милостивом указе императрицы приводили к тому, что уральские и сибирские крестьяне повсеместно стали считать реальный указ от 9 марта подложным, составленным «генералами» и духовенством в собственных интересах, а не исходящим от государыни. Поэтому довольно быстро выработалась трафаретная форма отказа от увещеваний, смысл которой сводился к тому, что крестьяне соглашались внимать духовенству в том случае, если им будет зачитан «подлинный указ» государыни об этом.

Крестьянка Параскева Бутакова (Ишим) увещевания «слушала холодным духом, причем и говорила, что я де не одна, а есть нашей дружины во всех странах многое множество — в заводах, в Москве и в самом Сенате, почему и указ состоялся, чтоб записываться православным (в раскол. — *Н. П.*)» ⁴³.

Крестьяне с. Покровское (Шадринское духовное правление) потребовали: «Покажите нам указ, по какому вы увещеваете, дайте нам указ печатной, а этот указ давно мы знаем, что он не из главного места»; в случае повторения увещеваний без предъявления подлинного печатного указа они угрожали самосожжением. Крестьяне с. Канашевского того же правления заявили: «Чинен де о них печатной указ, чтоб им в церковь святую не ходить и в двойном окладе состоять» ⁴⁴.

Староста Таватуйской деревни Билимбасовского завода Демьян Федоров в ответ на требование священника собрать

⁴¹ Там же, № 149, II, л. 19 об.

⁴² Там же, IV, л. 280.

⁴³ Там же, II, л. 13 об.

⁴⁴ Там же, II, л. 145; IV, л. 42 а.

людей для увещевания заявил: «Нам де нет от ея величества указа, чтоб вас слушать и ваше увещание, у нас старая вера, и старые книги..... и ты, поп, к нам хотя и век не езди» ⁴⁵. Крестьяне Каминского острога, недавно пожелавшие записаться в раскол, заявили не менее решительно: «Как от государыни указа не видят, слов и пеня священнического слушать не в состоянии» ⁴⁶. Старообрядцы Каслинского завода: «По нынешним указам никто из нас не обратится, разве воспоследует для нас стража» ⁴⁷.

Крестьяне разных деревень Абацкой слободы (Омское духовное правление) также в ответ на увещевания требовали подлинный указ императрицы ⁴⁸. О подобных же ответах крестьян Тамакульской слободы сообщает Далматовское духовное правление ⁴⁹.

Материалы «увещеваний» наглядно показывают связь всех этих крестьянских высказываний с монархическими иллюзиями урало-сибирского крестьянства. Обосновывая свой отказ от увещеваний милостивым указом государыни ⁵⁰, крестьяне весьма отчетливо проявляли эти иллюзии, противопоставляя исходящие от государыни облегчения притеснениям духовенства и «генералов». Семеро тюменских крестьян заявили, например, священнику Успенской церкви: «Мы до сего еще записались в двойной оклад, а хотя де ныне с нас и снят оной, то должны мы за милостивую государыню бога молить, и нас в церковь сильно не погонят, на увещевание ваше не глядим» ⁵¹. Старообрядцы Каслинского завода говорили духовенству в мае 1784 г. в ответ на увещевания: «Вам де что домогаться чрезвычайно, когда де нас милосердная царица жалует и притеснений чинить не велит» ⁵².

Вместе со слухами о милостивых императорских указах распространялись и слухи о крестьянских челобитчиках, успешно посещавших императрицу. Крестьянин

---

⁴⁵ Там же, № 149, I, л. 109.

⁴⁶ Там же, II, л. 294 об.

⁴⁷ Там же, I, л. 362.

⁴⁸ Там же, I, лл. 183 об., 185 об.

⁴⁹ Там же, I, л. 289 об.

⁵⁰ См. так же: ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, I, л. 241; № 149, II, лл. 150—152, 154, 181 об., 233 об., 374, 14; № 149, IV, лл. 111—112.

⁵¹ Там же, III, л. 95 об.

⁵² Там же, IV, л. 8.

Степан Саблев (с. Казанцево, Ишим) сказал священнику: «Что вы так часто ко мне ходите, от нас и так челобитчик отправлен к государыне и слышно, что указ получил, чтоб быть в двойном оброке, и теперь живет у государыни»⁵³.

Дважды источники зафиксировали для 1783 г. интересный вариант этой легенды о челобитчиках. Он связан с именем великого князя Павла Петровича. Легенда о Павле Петровиче как об «избавителе» тесно связана с подобной же легендой о его отце Петре III, которая сыграла такую роль в движении Пугачева. Как известно, Пугачев распространял слухи о своих тайных сношениях с Павлом и даже признал ржевского купца Долгополова посланцем, прибывшим к нему от Павла. Позднее имя Павла было использовано несколькими самозванцами, в том числе и в том же 1783 г. Легенда о Павле — «избавителе» имела широкое распространение на Урале и в Сибири⁵⁴.

Крестьянин дер. Осинцевой Абацкой слободы Петр Осинцев, записавшийся в раскол по IV ревизии, сказал священнику, что отказывается обращаться в православие и прибавил: «Есть де у нас челобитчик в Москве, который и благоверному государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу ведом, просит об нас, и шапкою подарен от него»⁵⁵.

Крестьяне с. Захаровского Камышловского округа, связывали легенду о Павле с именем Панина (как это делал и сам Пугачев); рассказывалось при этом, что «господни генерал Петр Панин его величеству Павлу Петровичу отец крестной» и из-за своей близости к Павлу всячески покровительствует старообрядцам⁵⁶.

* * *

Таким образом и сибирское духовенство, и крестьяне не приняли просветительскую затею генерал-губернатора Евгения Петровича. Духовенство было твердо убеждено, что «тихость и кротость» увещаний может дать реальный

⁵³ Там же, № 149, I, л. 217.

⁵⁴ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 169—171, 183—185.

⁵⁵ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, II, л. 194.

⁵⁶ Там же, № 149, III, л. 36.

результат лишь в сочетании с привычными методами воздействия «свицкими командами». Поэтому, несмотря на повторные резкие возражения Е. П. Кашкина⁵⁷, они постарались превратить указ от 9 марта в основание для грандиозного сыска и ловли тайных старообрядцев и их учителей, вымогания обращений в православие. Там, где это не удавалось, рапорты об увещеваниях были превращены в стандартные отписки, дословно повторяющие из месяца в месяц те же формулы.

Крестьяне единодушно отказывались от всех этих бесед, независимо от степени «кротости» увещавателей. По мере развертывания сыскного варианта «увещеваний» обстановка все более накалялась, пока, наконец, дело не дошло до традиционных старообрядческих форм протеста — самосожжений, последних старообрядческих гарей XVIII в.⁵⁸ Связь их с грубыми «увещеваниями» была столь очевидна, что епископ Варлаам получил резкий нагоняй от Сената и Синода. Продолжение «прицепок» духовенства к старообрядцам вынудило Е. П. Кашкина принять в июле — августе 1784 г. беспрецедентное решение о передаче в нижние земские суды всех дел по жалобам старообрядцев на насилия духовенства⁵⁹. Но и это не сняло напряжения; ситуация явно выходила из-под контроля Е. П. Кашкина, его меры по разрядке обстановки подчас лишь обостряли ее. Генерал-губернатор все больше колеблется между «увещеваниями» и применением силы. Его согласие на последнее было ускорено отталкивающими фактами, вскрытыми на следствии об изуверских самоуничтожениях 1782 г. под влиянием проповеди фанатика Мензелина.

Эти самоуничтожения, происшедшие в сравнительно спокойный период, когда еще не было массовых гонений, увещеваний и «розысков», наглядно показывают, что по мере изживания этой формы старообрядческого протеста, степень фанатичной религиозной экзальтации, изуверства во время подобных событий значительно

⁵⁷ Там же, № 149, III, л. 164.

⁵⁸ 24 июня 1783 г.— Там же, № 149, II, л. 20; № 149, III, л. 1; 3 марта 1784 г.— Там же, № 149, II, л. 141—об.; ЦГАДА, ф. 248, оп. 13, № 340, лл. 1—17.

⁵⁹ ГАТЮТ, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, III, лл. 239 — 244; Кашкин Н. Н. Указ. соч., с. 410—411.

возрастала. В мае 1782 г. в оз. Сазыкуль утопились 53 чел. из числа последователей старообрядца Мензелина. Сам он помогал шестом топить малолетних детей, включая собственную дочь. Похоронив всех погибших, Мензелин не думал ни о своей смерти, ни о побеге и спокойно дал арестовать себя. В сазыкульской трагедии — немало отвратительной психопатологии и почти не прослеживаются элементы протеста. Это — практически единственный пример самоуничтожения, не спровоцированного преследованиями и притеснениями властей ⁶⁰.

Обширный район близ Суерского острога, где ранее развертывалась деятельность Мензелина, стал осенью 1784 г. ареной экзекуций военной команды: 43 старообрядца были «наказаны плетьюми и остались на своих жилищах со обязанием земским судом подписки, чтоб впредь не колебались от святой церкви», некоторые были сосланы. Находившийся в составе военной команды священник Григорий Попов оформлял после экзекуции принятие старообрядцев в лоно православной церкви. В Синод была отправлена победная реляция ⁶¹.

Таков был итог длинной цепи событий, связанных с указом от 9 марта 1783 г.

---

⁶⁰ Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе. М., 1891, с. 137—141; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1782 г., № 77; ЦГИА, ф. 796, оп. 63, № 295.

⁶¹ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, III, лл. 220—225.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вряд ли будет преувеличением утверждать, что наиболее важным и волнующим итогом приведенных нами показаний источников XVIII в. является вывод о необычайной интенсивности идеологической борьбы крестьян с феодальной церковью и государством. Крестьянская гибкость, практицизм отнюдь не мешали проявлениям бескомпромиссной готовности идти на любые жертвы в острых кризисных ситуациях. Такое сочетание гибкости и мужества приводило к постыдному краху самые хитроумные инквизиционные планы как церковных поклонников дыбы, так и вольтерьянствующих сановных экзекуторов.

Интенсивность этого идеологического протеста крестьян не следует путать с уровнем осознанности ими своих социально-политических интересов, целей. Мы согласны с раздающимися в нашей науке последних лет призывами не завышать этого уровня. Несомненно, что к религиозной форме движения протеста это относится в первую очередь. Лишь в некоторых урало-сибирских горях крестьяне подчеркивают свои социальные требования, как правило, самые непосредственные. Даже острейший политический протест Тарского бунта 1722 г. не свидетельствует о принципиальном неприятии монархии, но только об окрашенном в мрачные эсхатологические тона сопротивлении царю-антихристу. И все-таки полезно вспомнить огромную тяжесть вековых монархических традиций, чтобы правильно оценить важность этого протеста, вся ненаучность которого так хорошо видна теперь из XX в.

Во время многих схваток с церковью и государством (в том числе наиболее острых конца 40-х — начала 50-х годов XVIII в.) в известных нам крестьянских выска-

званиях вообще не содержится социально-политических моментов, а одни религиозные требования. Но именно ситуация борьбы в годы правления Сильвестра дает на редкость ясные и недвусмысленные доказательства объективного подспудного действия этих причин. Только так можно объяснить весьма странный для всех архиереев и капитан-исправников факт широкого участия в старообрядческих протестах (включая самосожжения) нестарообрядцев. Отсюда и нечеткость, подвижность границ урало-сибирского крестьянского старообрядчества. Далеко за пределами убежденного ядра строгих ревнителей старой веры находилось немало их приверженцев, для которых стихийный дух антифеодального протеста был подсознательно куда притягательнее споров о сугубой аллилуйе, а практические выводы о бегстве от антихристовых властей и ревизских сказок важнее проблемы изменений в восьмом члене Символа веры. Характерно, что на Урале и в Сибири в XVIII в. этот протест был общекрестьянским, в нем участвовали самые различные социальные слои крестьянства. Но и в чисто религиозной сфере неформализованная иерархия «скитских старцев» (сплошь из беглых крестьян), полностью зависящая каждодневно в самой жизни и свободе своей от расположения к ним соседних крестьянских миров, ближе всего подходит к традиционному крестьянскому идеалу «дешевой церкви».

Немаловажным обстоятельством является также интересный процесс приспособления крестьянами идеологии христианского пустынножителства к нуждам крестьянского побега, стихийной крестьянской колонизации восточных окраин.

Сибирская специфика сказывалась в том, что мир разрозненных крестьянских общин менее поддавался как руководству верхушки согласий, так и консисторским выкорчевываниям. Голос свободного от крепостной зависимости сибирского крестьянина был здесь слышнее, чем в знаменитых центрах раскола Европейской России. Постепенная радикализация самого массового (и самого гетерогенного) из сибирских согласий — софонтиевского — яркое тому доказательство. Даже, казалось бы, авторитетные постановления софонтиевского собора не могли заставить Семена Ключарева и Гаврилу Мороку принять моление за императоров. И это в годы капитуляции Выга!

А позднее единоверие потерпит здесь решительное поражение.

Отсюда ясна и крайняя схематичность, упрощенность синодально-полицейской концепции, согласно которой беспоповщина в принципе является наиболее злым врагом церкви и самодержавия. К сожалению, эта упрощающая концепция оказалась живучей господства Синода и полиции. Целесообразнее, видимо, рассматривая вопрос об отношении сложного мира раскола к феодальной церкви и абсолютизму, принимать во внимание не столько наличие или отсутствие пятого церковного таинства, сколько реальные политические взгляды и действия. И тогда как в поповщине, так и в беспоповщине обнаружатся крайние полюсы — и связанные с интересами торгово-промышленного раскола соглашатели, и крестьяне-бунтари. Яркий пример Родиона Набатова и Ивана Осенева свидетельствует, что примитивно-карательная позиция властей подчас самых влиятельных соглашателей превращала в яростных сторонников нелегальных форм борьбы, возбуждавших пристальный профессиональный интерес высших чинов политического сыска империи.

Конечно, нельзя забывать, что крестьянский старообрядческий протест XVIII в. — явление крайне противоречивое. В частности, в нем легко различима консервативная реакция крестьянства на принципиальные перемены, открывавшие перед страной жизненные перспективы в «новом периоде» ее истории. Этот традиционный консерватизм находил решающую поддержку в том хрестоматийном факте, что петровские новшества, включая самые прогрессивные, оплачивались ценою крайнего усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Религиозные и социальные причины старообрядческого протеста переплетались весьма причудливо как в объективных мотивировках, так и в крестьянском сознании. В допросах старообрядцев, бежавших на далекие окраины, в показаниях искателей сказочных земель крестьянской утопии, в документах некоторых самосожжений крестьяне наряду с требованиями свободы «приношения молений господу богу» выступают против ревизских сказок, рекрутчины, тяжести заводских работ, насилий администрации. Наиболее обобщенная форма политического протеста старообрядцев первой половины XVIII в. — отказ от присяги «антихристовой» императорской власти.

Религиозная форма и мотивация придавали старообрядческому протесту фанатичную стойкость, некоторые элементы организованности, сочетающиеся подчас с мирскими традициями. Но наши источники отчетливо показывают и многочисленные слабые и отрицательные стороны старообрядческого протеста. Подобно любому протесту в религиозной форме, идеология старообрядческого движения заменяла реальные цели и лозунги борьбы иллюзорными. Социально-экономическая и политическая реальность неизбежно трансформировала и раскольническую эсхатологию, и христианские идеи пустынножительства, приспособляя их для целей антифеодального протеста, в первую очередь — пассивного. Но как только недовольство крестьян проявлялось в форме открытых активных выступлений, старообрядческий протест неизбежно отодвигался на задний план. В этом отношении весьма показательно, что в районах массового распространения старообрядчества на Урале и в Западной Сибири во время восстания Пугачева не возникло широкого религиозного движения, хотя крестьяне-старообрядцы этих мест участвовали в открытых социальных боях Крестьянской войны.

Идеология старообрядчества призывала к неприятию «антихристовых властей» и всего несправедливого внешнего мира, мира абсолютистской империи, призывала к борьбе с ним, но к борьбе «страданием», а не оружием. Даже когда крестьянский протест не выходил за эти рамки, ограничивался самосожжением и бегством, он вызывал крайнее беспокойство властей и со второй половины XVIII в. несколько сдерживал репрессивные меры против старообрядчества. Но, пробуждая ненависть к институтам и порядкам феодальной империи, к царю-«антихристу», старообрядчество не указывало реальных путей успешной борьбы. К тому же в XVIII в. все более сказывается социальное расслоение старообрядческих согласий, появление влиятельных групп, склонных к компромиссу с властями. Мы старались выявить их деятельность в различных острых ситуациях, возникавших, как правило, в результате преследований властей.

Каждая из таких ситуаций развертывалась в сложном противоборстве и взаимодействии различных сил — массового антицерковного и антифеодального движения, радикальных и умеренных «расколоучителей», местной администрации с ее непосредственными фискальными и

экономическими интересами, высших властей абсолютистской империи, церкви.

В движении 20-х годов XVIII в. на первый план выйдет острый политический протест против присяги «антихристу» — безымянному наследнику и борьба с попыткой введения двойного подушного оклада. Жестокая карательная позиция властей не позволит умеренному направлению сибирского старообрядчества оказать заметное влияние на ход событий, а сам руководитель умеренных, Сергей, станет в конце концов во главе Тарского бунта. Подобным образом в середине 30-х годов будет отвергнут план компромисса, выработанного умеренными из числа заводских приказчиков, и правительство попытается силой положить в двойной подушный оклад беглых, скрывающихся на Урале. Рост влияния заводских приказчиков и богатого торгового Шарташа, распространение раскола среди сибирского купечества, зажиточных крестьян будет укреплять позиции умеренных. Но и в начале 40-х годов и особенно, в начале 50-х годов традиционно карательная политика властей вызовет новые волны крестьянского протеста под старообрядческими лозунгами, острые вспышки борьбы с церковью и государством. Лишь наметившееся уже в начале 1760-х годов изменение отношения светской власти к старообрядчеству укрепит позиции умеренных: в показательной истории пресечения деятельности екатеринбургской комиссии по борьбе с расколом имели значение как акты массового вооруженного отпора крестьян-старообрядцев, так и успешные ходатайства умеренных перед центральной властью.

Но и властям нелегко было определить свой курс в этой запутанной сфере. Даже кристальная четкость исполнительных формул Духовного регламента являла уже неизбежное противоречие — раскол все-таки допускался, хоть и под условием уплаты двойного оклада. Период действия системы, основанной на этом окладе, — период непрерывной борьбы крестьян-старообрядцев против всех стеснительных пут. Одновременно это период нарастающих противоречий внутри механизма абсолютистского государства и церкви о способах применения противораскольнической законодательной системы. На Урале в 1751 г. дошло даже до вооруженных схваток между военными командами различных ведомств, представляющих разные концепции толкования законодательства о расколе. Малая

эффективность и явная убыточность широкого применения грубой силы, вызывавшей всегда острый крестьянский протест, заставляют абсолютизм искать более гибкого решения проблемы, искать компромисса с умеренным старообрядчеством. Этому же все больше требовало и общее направление социальной политики абсолютизма, стремящегося получить поддержку верхушки третьего сословия.

Однако выветрить из восточного раскола дух крестьянского протеста не удалось ни массовыми розысками, ни уступками. Тем более, что в сибирской действительности XVIII в. уступки легко оборачивались розысками, как показала судьба прекраснородных начинаний Евгения Петровича Кашкина. Массовое антицерковное движение 1782—1784 гг. подводит на востоке страны определенный итог двадцатилетию «нового курса» абсолютизма по отношению к расколу.

В конце XVIII в. старообрядчество находилось на пороге нового периода своего бурного роста. Он связан прежде всего с буржуазными процессами в социально-экономической жизни страны. Но дух демократического антифеодального протеста в какой-то мере сохранился в крестьянском старообрядчестве и сектанстве даже в начале XX в., что особо подчеркивается в решениях II съезда РСДРП и многих работах В. И. Ленина. Самодержавие, используя в XVIII—XIX вв. немало мер воздействия от карательных до отечески-увещательных, так и не найдет решения проблемы.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архив АН	— Архив Академии наук СССР (Ленинград).
Архив ЛОИИ	— Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.
ГААК	— Государственный архив Алтайского края.
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области.
ГАОО	— Государственный архив Омской области.
ГАТОТ	— Государственный архив Тюменской области, Тобольский филиал.
ОРБАН	— Отдел рукописей Библиотеки Академии наук.
ОРГИМ	— Отдел рукописей Государственного исторического музея.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е), т. IV—XXIV, СПб., 1830.
ПСПр	— Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания, серии: 1721 г., 1727—1730 гг., 1753—1762 гг., 1762—1772 гг., 1773—1784 гг. СПб., — Пг., 1889—1915.
Собрание ИИФнФ	— Собрание рукописей Института истории, филологии и философии СО АН СССР.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив.
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава I. Тарский протест 1722 г.</i>	34
<i>Глава II. Урало-сибирские старообрядцы, В. Н. Татищев и Демидовы в 1735—1737 гг.</i>	67
<i>Глава III. Вокруг второй ревизии</i>	109
<i>Глава IV. Критическая ситуация конца 1740-х — начала 1750-х годов</i>	164
<i>Глава V. Екатеринбургская комиссия по борьбе с расколом</i>	252
<i>Глава VI. Поиски компромисса в 60—70-е годы XVIII в.</i>	288
1. Законодательство начала 1760-х годов	288
2. Третья ревизия	296
3. «Поляки» и «каменщики» Алтая	312
4. После Пугачева	337
<i>Глава VII. Массовое антицерковное движение 1782—1784 гг. и секретный указ 9 марта 1783 г.</i>	365
<i>Заключение</i>	387
<i>Список принятых сокращений</i>	393

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
28	7 сверху	XX в.,	XX в. ⁴³ ,
44	8 снизу	непритеснительная	непритеснительная
48	6 сверху	включая	включающая
57	5 снизу	создание	сознание
104	21 снизу	замерзелью	замерзелью
110	9 снизу	расколу же	раскол же
111	6 снизу	мужчины	мужчин
122	17 сверху	Яде	Я де
134	20 снизу	окрепу, отламывать	окрепу отламывать,
137	5 снизу	меры по, идее,	меры, по идее,
142	14 снизу	ревизии 59,97% (36603 чел.),	ревизии, 59,97% (36603 чел.)
165	8 снизу	распоряжениями-ре- прессиями	распоряжениями — репрессиями
241	10 сверху	(23 мая)	(23 мая?)
250	2 снизу	все прилежно	всеприлежно
289	7 снизу	не традиционные	нетрадиционные
297	7 сверху	милостивые	«милостивые»
309	15 сверху	не милостивно	немилостивно
311	8 снизу	Рафаиловскому	Рафаиловскому
319	13 снизу	и появлением	и в появлении
336	5 сверху	20-х годах	20-х годов
339	4 снизу	Vug	Vug
»	»	Mahison	Madison

Н. Н. Покровский. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.

Николай Николаевич Покровский
Антифеодальный протест урало-сибирских
крестьян-старообрядцев
в XVIII в.

Ответственный редактор *Сигурд Оттович Шмидт*

Редактор *В. И. Смирнова*
Художественный редактор *В. И. Шумаков*
Художник *Н. А. Савельева*
Технический редактор *Н. М. Бурлаченко*
Корректоры *Г. И. Крацова, К. И. Сергеева*

Сдано в набор 7 мая 1974 г. Подписано в печать 2 декабря 1974 г.
МН 05785. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. 12,375 печ. л.,
20,8 усл. печ. л., 21,5 уч.-изд. л. Тираж 2200 экз. Заказ 95. Цена 1 р. 49 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099,
Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77,
Станиславского, 25.